

Таис Сотер

The cover features a central illustration of a young man with dark, wavy hair, wearing a dark, long-sleeved coat over a patterned vest and dark trousers. He stands in a grand, arched stone doorway, looking off to the side. To his left, a long, dark, flowing cape or cloak is draped across the ground. The background shows a cityscape with a prominent domed building under a hazy, golden sky. Below the man, the scene transitions into a dark, cavernous space with a large, glowing, golden, crystalline structure that resembles a beehive or a complex architectural element, illuminated from within. The overall color palette is dark with golden highlights.

Госелецкий  
Жёсткий"

Не слишком тёмный маг пытается спастись от не слишком святой инквизиции, попутно отмахиваясь от заботы любящих родственников.

Лукрецию Горгенштейну не повезло родиться с даром к тёмной магии, и это могло стать для него приговором. Ведь Тёмных магов веками изничтожали, опасаясь их странной и опасной силы. И вот он — последний в мире Тёмный маг. Враг, добыча. И очень ценный союзник. Его будут пытаться убить или переманить на свою сторону — но никогда не оставят в покое.

---

---

# Таис Сотер

## Последний Тёмный

*Мир состоит из Света и Тьмы, из Добра и Зла.*

*Тот, кто придерживается одного Добра, несвободен, похож на путника, осмеливающегося путешествовать только среди бела дня, или на корабль, умеющий плыть лишь при попутном ветре.*

*Истинно силен и свободен тот, кто не боится бродить по тёмной чаще ночью.*

*Тёмная чаща — это мир во всей его полноте, это человеческая душа во всей её противоречивости.*

*Б. Акунин.*

# Вместо пролога

## Мальчик и мёртвый

В старой части города, где кончалась довольно уважаемая улица Перчаточников и начинались тесниться ветхие дома Горчичной, отданные под снос, располагалось кладбище. На нём уже давно никого не хоронили, поэтому оно пришло в запустение и стало постепенно разрушаться. Чиновники давно бы снесли кладбище, но так и не получили на это разрешение Церкви. Греховно это, мёртвых тревожить...

Почти никто не помнил, кого здесь хоронили в старину, да и могильные камни сохранились отнюдь не везде. Но одна из могил находилась почти в идеальном состоянии, разве что каменное надгробие чуть покосилось. К нему, прислонившись, дремал темноволосый мальчик с открытой на коленях тяжёлой книгой. Лицо его было таким бледным и неподвижным, что казалось, что он сам спит смертным сном.

Но вот дыхание мальчика стало тяжелее, а лицо исказилось. Не просыпаясь, он сжал в руках книгу.

— Тьма. Тьма просыпается, — забормотал он себе под нос глухим, неожиданно старческим голосом. — Тьма...

Мальчик вздрогнул и распахнул глаза, оказавшиеся ярко-синими, слепо уставившись в тусклое серое небо.

— Кто вы? — требовательно спросил он. Затем нахмурился: — Слишком тихо. Я не могу ничего разобрать!

Потерев глаза, он опустил взгляд на страницы книги. Затем резко развернулся, вновь вчитываясь в полустёршиеся буквы на надгробии.

— Ну надо же, значит, это правда! — воскликнул мальчик, и мрачное худое лицо осветила радостная улыбка. — Вы должны рассказать мне всё, магистр! И для начала, как вы это делаете!

*«Всему своё время, Лукреций, — прошелестел голос в его голове. — Раз твой дар уже проснулся, то он уже не исчезнет. А значит, нам не нужно торопиться. Тот, кто ищет тайное знание, должен быть терпелив и осторожен».*

# Глава 1

## Младший и его причуды

Лукрецию Горгенштейну было пятнадцать, уже не ребёнок, но ещё и не взрослый, когда он окончательно понял, что всё, что происходит в его жизни, его совершенно не устраивает. Жизнь была полна разочарований, он знал это ещё с ранних лет, вот только надеялся, что когда вырастет и станет более самостоятельным, ситуация исправится. Но стало ещё хуже.

Начало было положено ещё в детстве. Ему достались совершенно не те родители, которых бы он хотел. Они были скучными, занудными обывателями: отец торговцем, мать происходила из семьи ремесленников средней руки. Зажиточные, почтенные горожане, знающие, как добыть себе хлеб и обеспечить своё многочисленное потомство так, чтобы никто ни в чём не нуждался. Отец семейства, постоянно занятый своими делами, и его жена, рожающая по ребёнку в год, и от того сильно поправившаяся — к рождению своего последнего, тринадцатого ребёнка она действительно весила немало, и нежно любящий муж уже давно не пытался поднять свою дражайшую супругу на руки.

Излишней фантазией оба родители не страдали, называя своих детей первыми попавшимися именами, которые они считали достаточно благозвучными. Шесть девочек: Анна, София, Тати, умершая ещё в младенчестве, Августина, Миранда и Кристабель. Семь мальчиков: Томас, Равель, Лавель, Августин (совершенно никакого воображения!), близнецы Марк и Карл и он сам, несчастный младший ребёнок по имени Лукреций. Тут, конечно, родители сильно просчитались. Им, видимо, представлялось, что их младшенький сын будет под стать святому Лукрецию из Прангора, известному своей скромностью и благочестием, а также тем, что разговаривал с козами и овцами (как будто это было признаком святости, а не безумия!), вот только их ожиданиям не было суждено сбыться. Лукреций рос ребёнком замкнутым и угрюмым, и, даже по мнению нежно любящей своего младшенького матушки, не слишком добрым. Нет, Лукреций не был склонен к жестокости — он не мучил кошек, не отрывал бабочкам крылья, и не обижал соседских детей. Зато мог спокойно пройти мимо, когда этим занимались другие, и даже понаблюдать — из чистого любопытства. Понятия сострадания, справедливости, милосердия ему, казалось, были абсолютно чужды. Лукреция интересовали куда более высокие материи. Таинственные, загадочные знаки, иногда просачивающиеся сквозь тонкую границу небытия в наш мир.

Он мог часами глядеть в ночное небо. И ладно бы его интересовали сияющие звёзды или романтично полная луна, под которую так хорошо мечтается. Нет, он как будто нарочно выбирал самые пасмурные, самые тёмные ночи, и часами пялился в беспросветную мглу небесной тверди, выбираясь на крышу дома.

В отличие от других детей, он не боялся остаться одному в тёмной, закрытой комнате. Наоборот, как только у него появлялась такая возможность, он тушил все свечи и лампы, плотно закрывал оконные ставни, и, забравшись с ногами на кровать, слушал тишину.

Лукреций был влюблён в Тьму, и она, кажется, отвечала ему взаимностью.

Самого младшего в семье Горгенштейнов избегали братья и сёстры, находя его странным, а соседские ребята дразнили его за спиной, впрочем, боясь сказать тоже самое ему в лицо. Родители уже начали беспокоиться, что Лукреций никогда не найдёт себе приятеля по играм, не говоря уж о друге.

— Знаешь, с кем он играл, когда ему было три года? Думаешь, с Кристабель, Марком

или Карлом? Нет! Когда они пытались к нему подойти, он их просто щипал! — жаловалась почтенная мать семейства своей подружке. — Мы завели ему щенка — ты же знаешь, как детишки любят животных, но он даже на него не посмотрел!

— Что, неужели он привязался к кукле? Или у него был невидимый друг? — хмыкая, спросила подружка. У неё был всего лишь один ребёнок, совершенно беспроблемный, и на многочисленное семейство Горгенштейнов она смотрела с некоторой долей снисходительности.

— Нет. Лука играл с собственной тенью! В догонялки, салки, мячик, и даже разговаривал с нею, как будто она живая!

— Что, до сих пор разговаривает? — поинтересовалась соседка с поддельной участливостью. — Большенький он уже у вас. Сколько ему? Четырнадцать?

— Двенадцать, — вздыхает госпожа Горгенштейн. — Нет, он сейчас даже с тенью не дружит.

— А куда ходит постоянно? Может, у него друзья появились в другой части города?

А ведь действительно, домашний, абсолютно тихий мальчик в последнее время стал постоянно куда-то пропадать. Допытаться, куда он ходит, было абсолютно невозможно. Наконец, мать семейства, изведясь от беспокойства за своего младшенького, решила заручиться поддержкой других своих сыновей. Гораздо более нормальных, чем Лукреций, и в то же время отчаянно любопытных и непоседливых.

— А-а-а, — потянул Марк, вытирая сопливый нос рукавом рубашки, которая ещё утром была совсем чистой. — Лука нужен? Лука ушёл. С обеда его не видели.

— Не видели, — подтвердил близнец Марка, Карл. — Как пообедали, так и не видели. Ушёл, значица.

— Это я поняла. А куда ушёл? — терпеливо спросила госпожа Горгенштейн.

Близнецы хитро переглянулись, и синхронно пожалы плечами.

Матушка хмуро на них посмотрела, и сердито топнула ногой:

— Чтобы вы, и не знали? Вы всех мышей из кладовки поимённо знаете, что соседка на ужин ест, знаете, а куда Лука ходите, нет? Что вы от меня добиваетесь, паразиты?

— Материальной поддержки, — спрятавшись за спину более высокого и крепкого Карла, сказал Марк.

— Пару медяшек, — поддержал его брат.

Карл ткнул того костяшками пальцев:

— Серебряник лучше. Нам это... для важного дела.

— А важное дело у нас это что? — с подозрением спросила матушка. — Не ярмарка случайно? Ладно, будет вам серебряник, если про Луку узнаете.

— А чего тут узнавать? — пожал плечами Марк. — На кладбище он ходит заброшенное, к западу отсюда.

— И что он там делает? — ужаснулась госпожа Горгенштейн, представив как её хилый, слабый сыночек бродит среди старых, прогнивших могил.

— Болтает с трупаками, — хихикнул Карл. — Каждый божий день, и будь я проклят, если они ему не отвечают!

— Карл, не богохульствуй! — приструнила его мать, с ужасом представляя, что скажут соседи, если узнают о том, что её сын каждый день шатается на кладбище. А что будет, если узнают в Церкви! — Нам нужно это прекратить!

— Побить его?

— Запереть в чулане? — подхватил Марк.

— Не, там темно. Лучше заставить его на солнышке жариться. Он же как упырь, света солнечного не любит.

— А он не рассыплется прахом? Он хоть и упырь, но всё-таки родственник...

— Не говорите так о младшем брате! — возмутилась матушка. — Не надо его бить. Я поговорю с Лавелем. Может, он его урезонит.

Если старший сын Горгенштейнов, Томас, выбрал, как и отец, стезю торговли, то третий сын, Лавель, будучи с самого детства благочестивым и набожным, решил посвятить свою жизнь Богу. Сейчас он учился на предпоследнем курсе духовной семинарии, и, сам Епископ Бромель покровительствовал талантливому студенту.

Лавель, вернувшийся домой на выходные (такая награда ему была дана за его примерное поведение и не свойственную юношам рассудительность), с удивлением слушал взволнованный рассказ матери.

— С могилами, значит, разговаривает? — переспросил он. — Может, Марк и Карл просто выдумывают? Вы же их знаете, матушка.

— Если бы, — вздохнула госпожа Горгенштейн. — Я тут проверяла карманы его штанов, и знаешь, что я обнаружила? Знаешь?!

— Не имею ни малейшего представления, — обречённо вздохнул Лавель, ожидая услышать «ужасающую» историю о дохлой мыши.

— Кость! Человеческую кость! Эту... с пальца.

— Вы уверены?

Матушка обиженно надулась, и Лавелю пришлось долго убеждать её, что он ей верит, просто сам поражён и шокирован поведением своего младшего брата.

— Я с ним поговорю. Сейчас же поговорю! Немедленно! — поднялся поспешно Лавель, будучи неуверенным, что может выдержать ещё одну истерику матери. — Где он сейчас? На кладбище? Иду туда. Нет, меня не надо сопровождать. Нет, пусть Томас сидит за своими бумагами. И отцу не надо ничего говорить... Матушка, неужто вы думаете, что Лука мне что-то сделает?

— Иногда я думаю, что родила дьявола! — зарыдала госпожа Горгенштейн.

Лавель поморщился:

— Да бросьте. С чего бы ему быть дьяволом? Батюшка же не шакал, да и вы не блудница...

Поймав разъярённый взгляд матери, уязвлённой до самой глубины души, Лавель предпочёл ретироваться.

До заброшенного кладбища, расположенного в старой части города, было идти около получаса. Так что Лавелю вполне хватило времени подумать, что же делать с младшим братом. Нет, конечно же, дьяволом Лука не был, да и вселение демона маловероятно. Лавель бы заметил — одержимых ему уже приходилось видеть. Обычный мальчишка со своими причудами. Нужно только объяснить братишке, что его поведение бросает тень на семью, и указать на то, сколь опасна и скользка его дорога, далёкая от душеспасительного пути. Может быть, показать врачу. Вдруг у Лукреция это просто нервическое, и прописанные успокоительные капли ему помогут.

Ворота кладбища, как и ожидалось, были закрыты, но ведь должен же Лука как-то попасть внутрь? Спустя недолгие поиски Лавель нашёл кусок разломанной стены, сквозь которую мог пролезть не только тощий мальчишка, но и даже упитанный юноша, каким он,

Лавель, к несчастью являлся. Внутри кладбища, было ожидаемо мрачно и грязно. Потемневшие от времени и покосившиеся символы Иеронима, полуразрушенные могильные плиты и обломки статуй. Сухие ветки трещали под ногами, и этот звук казался удивительно громким в кладбищенской тиши.

Можно было попробовать позвать негодного мальчишку, вместо того, чтобы искать его по всему кладбищу, но атмосфера кладбища настолько сильно давила, что Лавелю даже говорить не хотелось, не то, что кричать. Будь его воля, он бы и вовсе отсюда ушёл, слишком уж тревожно было среди старых могил и корявых, причудливо изогнутых стволов деревьев. Сжав в руках чётки, Лавель стиснул зубы и упрямо зашагал вперёд по тропинке, казавшейся наиболее чистой.

Чутьё не подвело молодого семинариста. Где-то минут через пять он нашёл Луку, почти полностью скрытого высоким надгробием. Лукреций над чем-то склонился и увлечённо изучал, бубня себе что-то под нос. Лавель, хоть и был настроен скептически, всё же насторожился: — уж не проклятие ли какое затеял его младший братец? Среди народа было много еретических суеверий, и большинство из них были не опасны и просто не действовали. Но некоторые... некоторые из них действительно могли сотворить зло.

Подкравшись сзади, Лавель цепко схватил мальчишку за ухо, поднимая его вверх.

— Что это ты тут делаешь, Лукреций?

Лука дёрнулся, и пискнул от боли. Лавель тут же ослабил хватку, но держать мальчишку не перестал. Мрачно оглянув место действия, он тут же подметил, что та могилка, над которой разместился малец, сильно отличалась от других: она была чисто подметена, железная ограда свежеекрашена, а сорная трава прополота.

— Ну? — потрянул он его ещё раз. — Что это за культ почитания умерших устроил?

Мальчишка тяжело вздохнул, и всё же признался. И чем дальше он говорил, тем задумчивее становился вид его брата. Картина вырисовывалась на редкость странная.

Лукрецию, который очень любил читать, как-то попалась книга по истории города. И в ней было несколько глав посвящено нынче заброшенному западному кладбищу, на котором, в старину хоронили не бродяжек каких-то, а самых что ни на есть почтенных горожан и местных знаменитостей. Аристократов, меценатов, известных музыкантов, писателей и магов. Один из последних как раз и заинтересовал Лукреция.

Тобиас Гохр, колдун давно ушедшей эпохи великих магистров. Говорят, что человеком он был странным, замкнутым и вздорным. Более того, говорили, что Гохр занимался тёмными искусствами: некромантией, вызовом душ умерших, кровными проклятиями. Но за руку почтенного магистра никто поймать не мог. Да и не боялись тогда чернокнижников так, как сейчас, закрывая глаза на их прегрешения против небес. Что уж говорить, если даже сильные мира сего прибегали к тёмным искусствам, а Церковь не сразу смогла определиться с тем, являются ли тёмные искусства святотатством. Лишь на Соборе в Орхиссе, спустя несколько лет после смерти Тобиаса Гохра, вынесено было решение, что подобная магия не совместима с основами веры, и постепенно тёмное искусство сошло на нет, и позабылось.

Лукреция, любящего мрачные тайны и секреты, не могла не заинтересовать загадочная фигура Тобиаса Гохра и легенды, связанные с его жизнью и, что было особенно загадочным, его посмертием. В книге писалось, что на месте, где был похоронен Тобиас Гохр, то и дело происходили странные вещи, а особо чувствительные почитатели старины, решившие лично полюбоваться на старое погребение, даже падали в обморок от страха, который возникал у них помимо их воли.



Лавель тоже слышал упоминание о могиле магистра Гохра. Один из монахов пытался добиться, чтобы давно умершего еретика и чернокнижника перезахоронили за чертой кладбища, а ещё лучше, сожгли бы его кости, но к нему особо никто не прислушивался. Какое всем было дело до позабытого всеми мага, жившего более двух сотен лет назад? А вот, оказалось, было. Лавель сейчас жалел, что поднимал на смех спятившего монаха. Сейчас бы не пришлось ловить брата у могилы Гохра.

— Хорошо, — мрачно сказал Лавель, пригладив тёмные вьющиеся волосы рукой, и утомлённо прикрыл глаза: — ну нашёл ты могилу мага. Дальше что? Зачем тебе все эти... ритуалы?

— Не было никаких ритуалов, я просто пытался с ним поговорить.

— **Что** пытался сделать? — переспросил Лавель, надеясь, что он ослышался.

— Поговорить, — спокойно повторил Лука. — Магистр Гохр всё время что-то шепчет, но слишком тихо, чтобы я мог его понять. И слова не все знакомые.

— Тобиас Гохр мёртв, Лукреций, — пытаюсь скрыть нарастающий ужас, сказал молодой семинарист, и невзначай провёл ладонью по лбу младшего брата, проверяя, нет ли у того жара. Но лоб был прохладным, а глаза Луки ясными и спокойными.

— Я знаю. Он сам мне об этом сказал, когда ещё я мог его слышать. Магистр вообще очень обрадовался, когда я сюда пришёл в первый раз. Сказал, что у меня есть особый дар, и я могу его развить. Только в последнее время ему всё сложнее говорить. Я взял часть его костей, как он мне сказал, чтобы сделать нашу связь сильнее, но они пропали из моего кармана, и теперь стало ещё хуже.

— Прекрати! Прекрати говорить об этом! — не выдержал Лавель. — Мне надо подумать. Пойдём домой. И не думай кому-нибудь рассказывать, что ты здесь делал, если не хочешь, чтобы тебя признали сумасшедшим, или, не дай бог...

Он запнулся, но Лука спокойно договорил за него.

— ... чернокнижником? К этому плохо отнесутся?

— Ты даже не представляешь, насколько, — заверил его старший брат. — Особенно если узнают маги и клирики.

— Но ты ведь им не скажешь? — наконец-то хотя бы немного растревожился брат, но совсем не по той причине, по которой думал Лавель: — меня же заставят после этого стоять на всех службах в храме, а у меня после ваших песнопений голова болит и глаза слезятся. Не люблю ходить в церковь.

«Чернокнижник», — обречённо подумал семинарист. Его младший брат был одним из тех, кого так яростно, наравне с язычниками и еретиками, клеймила святая Церковь Иеронима. И едва ли Лука, если о нём узнает священноначалие, отделается лишь епитимьей. Скорее всего, его запрячут до конца жизни в казематы одного из монастырей и сделают всё, чтобы юный чародей как можно быстрее окинул этот мир, не успев привнести в него грех тёмной магии. И даже Коллегия магов не посмеет вмешаться.

Лучше всего было бы выпороть мальчишку, и приказать ему навсегда забыть о случившемся, но Лавель был одним из лучших учеников семинарии, и немного разбирался в теории магии, чтобы понимать: магический дар, один раз проявившись, уже нельзя затушить. И что Лука, если его не учить владеть своей магией, скоро станет опасен для себя и других. Однажды Лавелю приходилось быть свидетелем того, как успокаивали юного мага, почти подростка, не справившегося со своей силой и сошедшего с ума. И ведь дар то у него был обычный, даже средненький. А что будет, если проблемы с силой начнутся у юного

чернокнижника, уже в двенадцать лет общающегося с духом умершего магистра?

Спасать нужно было не только брата, но и всю семью от него. Но разве мог он сдать родного брата церковным властям, зная, что они с ним сделают?

Решение пришло к Лавелю уже дома. Он сам будет обучать брата магической науке, стараясь держать его подальше от тёмного колдовства. Конечно, сам он совсем не маг, но зато мог бы достать в семинарии несколько книг по магии, и тот занимался бы по ним под его, Лавеля, контролем.

Лук отнёсся к этому скептически, но Лавель был настойчив.

— У нас нет выбора, — твёрдо сказал он. — Твой дар нужно контролировать. В следующую неделю, когда я вернусь из семинарии, я принесу с собой нужные книги, и мы начнём заниматься.

— А тебе их дадут? — практично спросил Лука, и Лавель, почесав в затылке, признался, что объяснить свой внезапный интерес к учебникам по магии будет непросто, так что, возможно, действовать придётся тайно.

Так и появилась у Лавеля и самого младшего сыновей семейства Горгенштейн общая тайна. Матушка просто нарадоваться не могла: наконец её младшенький под приглядом, и не в компании сорванцов Марка и Карла, а рядом с надёжным и правильным Лавелем.

А Лавель, скрывая от своих учителей правду о том, что происходит у него дома, и незаконно таская Лукрецию книги, с трудом выносил необходимую в этом случае ложь, что отрицательно складывалось на его успехах в семинарии. А ещё этот Лука! Учить контролировать его, не владея самому и крупицей магии, было и так тяжело, так и ещё брат оказался не из лёгких учеников.

— Я же говорил тебе, — шипел юноша на Лукреция, — я же тебе ясно сказал — ты должен был прорастить это зерно, а не превращать его в прах. Неужели это так сложно?

Они спрятались в тени старого дерева, в саду, располагавшемся на заднем дворе дома. Перед Лавелем была раскрыт на одной из первых страниц потрёпанный учебник по природной магии. За последние два часа они так и не достигли успеха, и это выводило обычно спокойного студента из себя.

Лукреций равнодушно поднял на него немного раскосые, в мать, синие глаза, и стряхнул с руки то, что осталось от семечка.

— Я не особо понимаю эту магию природы. Не люблю всякие растения. Зачем я должен это учить?

— А ты что, хочешь демонов призывать, бесовское ты отродье?!

Лавель всё таки не выдержал, и отвесил младшенькому подзатыльник. Тот сердито засопел, но смолчал.

— Давай ещё, — приказал ему Лавель.

Видимо, Лавель был не так уж и осторожен, потому что через месяц после бесплодных попыток научить чему-то брата, ценой собственных нервов и спокойных ночей, его вызвал к себе его покровитель и исповедник, епископ Бромель.

— Я слышал, Лавель, что прилежание и интерес к учёбе у тебя пропал. Ты всё ещё собираешься принимать духовный сан, или сейчас иные страсти владеют твоим сердцем? — сразу перешёл к делу епископ, худой, бесцветный мужчина лет шестидесяти.

Лавель покраснел, поняв, к чему тот клонит. Подумал, наверное, что у него появилась девушка, и он тайком к ней бегаёт.

— Я полностью предан матери Церкви, отец Доминик, и уверен в своём пути. Вы знаете, я равнодушен к мирским радостям.

Бромель благодушно усмехнулся:

— Никто не может быть равнодушен к искушениям сего мира, даже самые праведные из нас, хотя мы и пытаемся преодолеть свою падшую природу. Но сейчас я говорю не о плотских искушениях, а о более страшных, духовных. Мне бы хотелось, чтобы ты объяснил мне это.

На дубовую столешницу упала потрёпанный толстый томик, в котором Лавель с ужасом узнал один из учебников магии, который он спрятал для брата. Он взирал на доказательство своей вины и не мог вымолвить ни слова. Наконец Доминик Бромель прервал тишину.

— Это наши у тебя в комнате. У тебя обнаружился магический дар, сын мой?

Церковники, хотя и мирились с необходимостью существования магов, но недолюбливали их. До такой степени, что не брали в свои ряды людей, обладавших даже зачатками колдовского дара. Будь их воля, клирики, вслед за тёмными искусствами, запретили бы и остальную волшеббу, но на данном этапе это неизбежно привело бы лишь к расколу внутри общества и обострило бы и так непростые отношения с Коллегией магов.

Лавель облизал пересохшие губы и отвёл взгляд, рассматривая картину на стене. На картине Иероним величественным движением руки отправлял грешников в ад, и молодой Горгенштейн практически видел себя на месте одного из несчастных.

— Нет, я не владею магией, Ваше Святейшество, — наконец сказал он. Врать епископу было не только сложно, но и опасно — тот был достаточно щепетилен, чтоб проверить слова своего ученика, и в случае обмана, применить к нему самые жесточайшие кары. Бромель, хотя и славился своими достаточно широкими взглядами и милосердием, к тем, кто его подводил, был суров и непреклонен.

— Так для чего вам эта мерзость, которую мы храним у себя лишь для ознакомления со степенью падения магикусов, возомнивших, что они властны над законами этого мира?

— Мой... у моего младшего брата обнаружился магический дар, — выпалил Лавель, надеясь, что отец Доминик не пойдёт дальше. Но тот, как гончая, уже взял след.

— Насколько я помню, в таких случаях ребёнка необходимо показать одному из представителей Коллегии магов, чтобы тот определил степень его дара, и принял решение о необходимости дальнейшего обучения магии. Вы это сделали?

— Нет. Я учу его сам. По большей части контролировать свой дар, если честно, — бледно улыбнулся Лавель, понимая, как нелепо это звучало.

Магии может научить только маг, это знал любой обыватель, и он, наверное, со стороны выглядел глупым, или, что ещё хуже, жестоким, калеча родного брата своими попытками его учить.

— Мне кажется, мой мальчик, ты что-то скрываешь от меня. И что же мне с этим делать? По-хорошему, надо бы отчислить тебя за величайшую глупость из семинарии, и сообщить о твоём брате в Коллегию. Но я хочу дать тебе ещё один шанс. Ты говоришь мне всю правду сейчас, или я официально завожу дело о проверке твоей благонадёжности, и твоя тайна всё равно будет раскрыта. Будет очень обидно, если такой великолепный студент, как ты, вылетит из семинарии перед последним курсом.

И Лавель сломался, путанно, перемежая свою речь с самооправданиями и мольбами о прощении Лукреция, исповедуясь о страшном даре своего брата. Дослушав Горгенштейна до конца, Бромель задумчиво потёр переносицу сухими тонкими пальцами.

— Да, наворотили вы дел. Хорошо хоть, беды никакой не произошло.

— Что теперь будет с Лукрецием? — тревожно спросил Лавель.

Отец Доминик кинул на студента внимательный взгляд.

— Ты волнуешься о судьбе своего брата, а не о своей. Это хорошо, значит, помыслы твои чисты и бескорыстны. Приведи его завтра на мессу, хочу на него взглянуть.

Лавель сник. Вот и всё, сгниёт его непутёвый братец в казематах. Но Бромель в очередной раз удивил его.

— Неофициально, конечно же. В таком деле не стоит выносить поспешных суждений. Может быть, и не грозит твоему брату ничего. Он ещё очень юн. И скверна не должна глубоко поселиться в его душе.

— Благодарю, Ваше Святейшество.

Тот махнул рукой:

— Иди уже, и не вздумай прятать своего брата или способствовать его побегу.

— Нет, что вы... я ни за что... — залепетал Лавель, но тот уже не обращал на него внимания, целиком уйдя в свои бумаги.

Семинарист вышел за дверь, и облегчённо вздохнул. В конце концов Бромель был не так уж и плох, и можно было надеяться, что раз уж он так спокойно отнесся к тому, что Лавель скрывал юного мага от Коллегии и матери-Церкви, то и к Лукрецию он будет снисходителен. Может быть, Лука действительно отделается епитимьёй, а его тёмный дар можно будет как-то уничтожить?

Объяснив матушке, что он хочет для пользы Луки взять его с собой на службу в семинарию, Лавель самостоятельно проследил, чтобы его брат следующим утром выглядел подобающе: уши вымыты, непослушная копна волос аккуратно уложена, ботинки начищены до блеска.

— Маленький ангелочек, — растроганно всхлипнула госпожа Горгенштейн, поправляя воротник мрачного, явно невыспавшегося Лукреция.

Тут она, конечно, сильно преувеличила. Мальчик, конечно, не был лишён некоторого очарования, со своими задумчивыми синими глазами, тёмными кудрями и тонкими, изящными чертами лица, доставшимися ему от матери. Даже немного крючковатый, как у всех Горгенштейнов, нос, не портил его внешность, а придавал ему особую изюминку. Но мальчик казался милым лишь только до того мгновения, пока он не открывал рот, выдавая очередную гадость. Хорошо хоть, что делал он это, то есть высказывал своё мнение, не так уж часто.

Лавель тащил Лукреция за руку по улице, не обращая внимание на то, что тот едва за ним поспекает.

— Куда мы всё-таки идём?

— На утреннюю мессу, я же сказал, — раздражённо произнёс Лавель.

— А затем? — проницательно спросил Лука.

— А затем, — Лавель вздохнул, и чуть замедлил свой шаг, — затем я познакомлю тебя с епископом Бромелем. Он всё узнал, и теперь хочет тебя видеть.

Лукреций резко остановился, и Лавель, подавив ещё один тяжёлый вздох, повернулся к нему. И удивился, впервые за несколько лет увидев в глазах брата какое-то подобие страха.

— Всё будет в порядке. Я не дам тебя в обиду, Лука, — сказал семинарист наконец, стараясь не показывать, как боится он сам.

Сейчас они, столь разные во всём, набожный, чувствительный Лавель и тихий, сам себе

на уме, Лукреций, пожалуй, впервые в жизни почувствовали своё сродство.

Наконец мальчик кивнул, придя к какому-то для себя решению.

— Хорошо, идём.

Лавель перевёл дыхание. Тащить упрямого и упирающегося мальчишку на себе ему не хотелось.

На мессу они всё-таки опоздали, так как Лука плёлся как на казнь, но может быть, это и к лучшему, так как стоило только ему войти под своды храма, как лицо его перекосила болезненная гримаса. Епископ, ведущий службу, заметил Лавеля и благожелательно ему кивнул, мальчик же, особенно его состояние, удостоились более пристального внимания.

— Потерпи, меньше часа осталось, — шепнул Лавель ожесточённо трущему виски брату, стараясь не обращать на любопытные взгляды монахов, семинаристов и прихожан. Уж не чувствуют ли они в Луке тёмный дар? Ещё не хватало, чтобы Луку при всех обозвали бесовским отродьем.

Как будто чувствуя беспокойство Лавеля, отец Доминик значительно сократил службу, чем вызвал удивлённый ропот прихожан. Бромель был известен тщательным следованием правилам.

Проведя двух растерянных Горгенштейнов в свои личные покои, Бромель закрыл на замок дверь в свой кабинет.

— Ну-ка, молодые люди, посмотрим, что тут можно сделать.

Из железного сейфа у окна была извлечена металлическая шкатулка, из которой со всей предосторожностью был вытащен камень, размером с крупную гальку. Камешек на вид был гладким и полупрозрачным. Внутри него, казалось, клубилась сама тьма, хотя края всё ещё сохраняли молочно-голубоватый цвет. Лука зачарованно склонился над магическим камнем и протянул к нему руку, стремясь схватить, за что тут же был бит по пальцам старшим братом.

— Не трогай, — прошипел Лавель.

— Ну что ты, — с обманчивым благодушием цепко наблюдая за Лукой, промолвил епископ. — Пусть берёт, не стесняется. Ничего плохого не произойдёт.

Лука, почувствовав фальшь в голосе отца Доминика, сделал шаг назад и убрал руки за спину.

— Что это? — с недоверием спросил он.

— В народе эту полудрагоценную поделку называют лунным камнем за его цвет. Но сейчас, как ты видишь, он несколько изменился. Это от того, что он впитал в себя кусочек тёмной силы, магии, которой на сегодняшний день в нашем мире почти не осталось. И которой, как считает твой брат, владеешь ты. Возьми его в руки, не бойся. Если ты не обладаешь способностью к тёмным искусствам, ничего не произойдёт.

— А если обладаю?

— То тогда ты сможешь высвободить её наружу. Но не бойся. Тьмы в камне совсем мало, она не сможет никому причинить вред.

Лука осторожно коснулся камня кончиками пальцев.

— Тёплый, — удивлённо сказал он. — Это даже приятно.

Бромель поощрительно кивнул, и лунный камень оказался на ладони мальчика.

И ничего не произошло. Лавель уже успел пережить облегчение от того, что он ошибался в своих выводах, приняв фантазии ребёнка за реальность, и смущение, что отвлёк своими глупостями отца Доминика. Но тут тьма в камне зашевелилась, разрастаясь.

— Как её вытащить наружу, эту тьму? — катая камешек в пальцах, спросил Лука отца Доминика.

— Я думал, это произойдёт само собой — немного растерянно сказал тот, не отрывая горящего взгляда от лунного камня в руках мальчика.

— Попробуй, как я тебя учил с зерном. Представь, как оно прорастает на поверхность, освобождаясь от оболочки, — подсказал Луке брат, хотя он уже сомневался, что ему стоило слушать епископа Бромеля. Зачем выпускать даже кусочек, осколок тьмы, в мир? Разве это правильно?

Но и Бромелю, и Лукрецию, было наплевать на его сомнения. Потому что на руке мальчика распускался цветок с черными лепестками, растущий из ставшего вновь голубым камня. Но это продолжалось лишь миг — а затем он медленно развеялся в воздухе, оставив после себя лишь лёгкую тёмную дымку, которая расплзлась клочками тумана и затем исчезла.

Наконец епископ прокашлялся, и подойдя к секретеру, разлил дрожащими руками вино по двум бокалам, не забыв о своём ученике, глотавшего воздух открытым ртом.

— Что же, — сказал он, — Склонность этого юноши к тёмным искусствам несомненна. Весьма опасный, и редкий дар. Жалко, если он окончательно пропадёт из-за чрезмерно осторожных и пугливых братьев по вере. Вы, юноша, достойны большего. Вы не хотели бы более серьёзно изучать магическое искусство, Лукреций?

Такого предложения ни Лавель, ни Лука не ожидали. Они растерянно переглянулись.

— Но ведь тёмные искусства запрещены, — прямо сказал Лука то, о чём подумал Лавель.

— Я думаю, мы сможем обойти этот запрет, — по губам Его Преосвященства скользнула змеиная улыбка. — Церкви об особенностях дара Лукреция знать совсем не обязательно, а с магической Коллегией я как-нибудь разберусь. У меня есть там знакомый, который мне многим обязан...

Ждать обещанной встречи с магом из Коллегии пришлось ровно неделю, хотя, по словам Бромеля, нахождение необученного тёмного мага в миру было похоже на подожжённую пороховую бочку, готовую взорваться в любой момент. Но обстоятельства отношений между Церковью и Коллегией не позволило назначить встречу раньше — слишком уж подозрительно бы выглядел маг, по-дружески заглядывающий к епископу. А тут это совпало с праздником святой Вефелии.

Вефелия Добрая была не только известной ревнительницей за веру, но и первой, кто признал в магах не исчадий ада, не имеющих души, а таких же, пусть и заблудших, но всё же чад Церкви, которых лишь стоило направить на истинный путь. То есть если до её миссионерской деятельности религиозные фанатики просто топили и сжигали проклятых колдунов, то после просветительной деятельности Вефелии они ещё их и пытали, чтобы очистить их душу и помочь попасть в рай. Понятное дело, что к Вефелии Доброй маги после этого не испытывали особо тёплых чувств, давая ей достаточно обидные прозвища. Но века шли, и отношения между Церковью и магами постепенно улучшались, а после истребления чернокнижников и вовсе стали мирными. Церкви нужен был символ добрососедских отношений, и они недолго думая, вспомнили о Вефелии. И маги, скрипя зубами и не имея иной альтернативы, согласились. И теперь, в праздник святой Вефелии, высшие церковные чины молились за благоденствие магов, а маги неохотно посещали праздничную службу. А

затем, вечером, устраивали для горожан магические представления о жизни тех или иных святых. Хотя истории о святой Вefелии они всё же упрямо игнорировали.

В выходной день Лукреций и Лавель вновь посетили службу. И, к большому неудовольствию Луки, отстояли её полностью, отслушав не только обычные псалмы, но и праздничные песнопения и вдохновляющую проповедь Бромеля о магах, которые храбро сражаясь с искусом всевластия волшбы, стремились к свету и боролись с тьмой внутри себя. Слова о свете, после того, что Лука видел в кабинете отца Доминика, показались ему несколько двуличными, но когда он заикнулся об этом Лавелю, тот обиженно надулся, и сказал, что тот не способен понять всю тонкость и изящество мыслей Его Святейшества.

Маг, которому должны были представить Луку, тоже был здесь. Лавель узнал его сразу по типичной для колдуна небрежной и нелепой манере одеваться. Хотя почтенный седобородый член Коллегии и старался выглядеть представительно, одев на службу самые свои дорогие одежды, выглядел он аляповато и смешно. Зелёный сюртук, на котором красовалось застарелое жирное пятно и красная шёлковая рубашка плохо сочетались с другим, а бархатные чёрные штаны, в которых магу явно было жарко и берет с петушином пером, вместо привычного колпака или шапочки, делали его похожим на молодящегося франта. Сам маг как будто не замечал смешки за своей спиной, а косые взгляды молодых барышень явно принимал за комплимент, горделиво поглядывая по сторонам.

— Он точно маг? — недоверчиво прошептал Лука, во все глаза глядя на странного человека. — Он что, слеп или безумен?

— Многие сомневаются в здравом уме магов, — согласился семинарист. — Но можешь не беспокоиться. Тебя так никто одеваться заставлять не будет. Это видимо его праздничная одежда, обычно колдуны одеваются гораздо, э-э-э, практичнее и скромнее.

Когда Лука уже думал, что проповедь Бромеля будет длиться бесконечно, он наконец замолчал. Маг, до этого смиренно сидевший на скамейке и клюющий носом, вскочил, и начал хлопать ему, но поняв, что все остальные не спешили к нему присоединиться, смутился и сел. Отец Доминик послал ему разъярённый взгляд, и пробормотав напутственное благословение, закончил службу.

Юноши, дождавшись, пока в храме опустеет (маг, видимо забывшись, тоже порывался уйти, но был вовремя остановлен епископом), направились вслед за Бромелем в его кабинет и уже там познакомились с представителем Коллегии. Ортега Литран, магистр и профессор алхимии оказался, ни много ни мало, секретарём Коллегии, отвечающим за всю документацию внутри Коллегии. И что бы не имел Бромель на столь важного человека, этого оказалось достаточно, чтобы почтенный маг держался с епископом любезно и чуть ли подобострастно, хотя обычно маги были теми ещё гордцами.

— Ну и кто из вас тот самый магический уникам? — бодро сказал Литран, с любопытством глядя на Лукреция и Лавеля.

Те переглянулись — очевидно, епископ не сообщил магу, в чём состоит «уникальность» Луки.

— Наверное, ты, — сказал маг, указав пухлым пальцем на семинариста. — Узнаю, узнаю это возвышенный и вдохновенный взгляд, свойственное тем, кто умеет в своём уме и чувствах выходить за пределы этого бренного мира, чтобы созерцать все тайны Вселенной. Истинный маг, говорю я вам, даже без всяких испытаний!

— Нет, — возразил Лукреций, — это мой брат, он станет священником. Вам наверное нужен я, магистр Литран.

Ортега Литран взглянул на темноволосого мальчишку, и улыбка его увяла.

— А, ну да, по возрасту ты больше подходишь. Обычно дар прощупывается как раз лет в отрочестве.

Про «возвышенный и вдохновенный взгляд» маг ничего не сказал, видимо, за его отсутствием. На мир Лука смотрел явно с недоверием и скепсисом, столь несвойственным столь юным особам.

— Ну давай, посмотрим, что там с тобой, раз уж мой дорогой друг, отец Доминик, просит.

Процедура была проста и немного неприятна. Магистр подошёл к Луке и попросив его сесть, возложил свои ладони на его макушку и шепча странные, царапающие слух слова заклинания, от которых у Луки щекотало в носу, а в голове становилось пусто и звонко.

А затем, совершенно неожиданно, Литран отскочил от мальчишки и, издав краткий возглас, упал без чувств.

— Наверное, его стоило его всё-таки предупредить, — раздосадовано покачал головой епископ. — Но кто же знал, что он окажется столь чувствителен?

Когда маг пришёл в себя, он взглянул на Луку уже совсем другими взглядом — восхищённым, и в тоже время немного опасливым, как будто увидел перед собой красивую, но всё же ядовитую змею.

— Вы знаете, отец Доминик, — сказал он, — я лишь однажды, будучи совсем молодым, имел возможность соприкоснуться с тёмным колдовством, но это ощущение я никогда не забуду. Мальчик же обладает тёмным даром?

Бромель подтвердил, и маг, почесав в затылке и походив вокруг да около, наконец задал волнующий его вопрос.

— Если вы уже знали о том, кто он есть, то зачем тогда пригласили меня, тем более, хм, неофициально? Согласно папскому указу от 1485 года все маги, обладающие тёмным даром или практикующие чернокнижие, подпадают под церковную юрисдикцию и выходят из-под власти Коллегии. Хотя, на мой взгляд, это несправедливое и нерациональное отношение к почти вымершему магическому искусству, уж простите меня за мои слова, отец Доминик. Дар этого мальчика нужно исследовать и сохранить хотя бы для науки, а вместо этого он сгинет вместе с мальчиком в каменных казематах.

Заметив пристальный взгляд обсуждаемого им «чернокнижника», Литран расстроено развёл руками:

— Извините, юноша, но ничем вам помочь не могу. Не в моих силах.

Бромель успокаивающе положил руку на плечо дёрнувшегося Лавеля, и сказал:

— Вы не поняли меня, магистр. Я не хочу выдавать этого, безусловно, талантливого юношу. Я тоже как и вы, хотел бы ему самого лучшего, — несколько искажил он слова мага, радеющего только о пропадающей возможности изучить носителя тёмной магии. — Потому я считаю, что нет необходимости выдавать его церковному суду. Мне бы хотелось, чтобы мальчик получил возможность учиться в школе Орхана.

— Но... с его даром... неужели папа Норгий издал новый указ, и тёмные искусства больше не под запретом? Если нет, то Коллегия не может рисковать испортить отношения с Церковью, взяв на обучение в Орхан тёмного мага. И я не могу понять, почему вы об этом меня просите, отец Доминик.

— О реакции святой матери Церкви можете не волноваться, этот вопрос я улажу *своими путями*, меня больше интересует, можно ли скрыть склонность к тёмному дару от Коллегии.



Я читал в древних трактатах, что тёмного мага можно *очистить*, сделав нейтральным, изъев тьму из его тела, и поместив его в иной сосуд.

Литран задумался, а затем кивнул.

— Есть такой способ, хотя он помогает лишь на время, и ритуал нужно будет проводить регулярно. При этом, что удивительно, способность колдовать не исчезает, и сам маг остаётся в добром здравии. Правда, чернокнижники древности неохотно шли на эту процедуру, а без их согласия ритуал не работал, да и дорого он обходился. Нужно было найти подходящие сосуды для изъятой тьмы — лунные камни, да и не те, которым на рынке грош цена, а специальные, которые сейчас, наверное, и достать нельзя.

— Но ведь... — воскликнул Лавель, но взглянув на своего наставника, захлопнул рот.

А тот в это время уже доставал ту самую железную шкатулку с заветными камнями, среди которых попадались не только чёрные, уже заполненные, но и молочно-голубые, пока ещё пустые.

Уговорить Ортегу Литрана провести пробный ритуал было несложно, а вот Лукреций неожиданно заартачился.

— Чего это маги древности отказывались, а я соглашусь? — исподлобья глядя на нависших над взрослыми, сказал он. — Не хотели, значит, была причина.

— Но я же сказал, что с ними всё было хорошо, — уговаривал его маг.

— И ты сможешь нормально колдовать, — убеждал его брат.

Но аргумент епископа оказался наиболее... убедительным.

— Тебя не сожгут на костре как чернокнижника и тёмного мага.

Мальчик презрительно фыркнул, хотя зрачки его чуть расширились, выдавая страх.

— Вы не выдадите меня. Иначе я скажу, что вы хотели всё скрыть от церковного суда, и покрывали преступного мага. Я совсем не уверен, что священнику положено держать в сейфе такие магические шутки, как у вас.

— И кому думаешь, поверят? — Слова Луки не разозлили Бромеля, а кажется, рассмешили. — Неизвестному мальчишке, или уважаемому священнику? Мой мальчик, прежде чем пробовать кого-то шантажировать, убедись, что у тебя хватит на это знаний и авторитета.

И Лукреций Горгенштейн сдался, решив, что вполне можно жить обычным магом, зато на свободе, чем быть мёртвым чернокнижником.

Ритуал был неприятным, но вполне терпимым. Также, как он вытягивал совсем недавно из камня тьму, теперь он возвращал её обратно. Потребовалось целых три камня, прежде чем Лука почувствовал себя совершенно пустым, а Литран подтвердил, что в мальчике теперь не осталось больше тьмы, и он чувствовался самым что ни на есть обычным магом без ярко выраженного направления.

— А теперь попробуй какое-нибудь просто заклинание, — приказал он, — тебя же вроде немного учили?

Лука покопался в кармане и вытащил злополучное зёрнышко. Сконцентрировавшись на нём, он прошептал слова заклинания. Но ничего не произошло.

— Не так же! — воскликнул магистр, всплеснув руками. — И кто тебя только учил!

Лавель покраснел, но не стал говорить, что результат в прошлый раз был, хотя и не таков, какой ожидался.

— Давай ещё раз, только произноси не «торИ корини» а «тОри корини». Ударение в другом месте, понял?

Мальчик кивнул, и повторил, на этот раз правильно. Из зёрнышка сначала робко, а затем более уверенно, проклюнулся чахлый росток.

— Вот и хорошо, — довольно потёр руками епископ. — Значит, твоей учёбе в дальнейшем ничего не помешает. Нужно будет только вовремя очищать тебя от опасной тьмы, но с этим мы тебе поможем.

И ловко спрятал лунные камни, среди которых были уже и заполненные Лукой, обратно в сейф.

И на минутку Лавель подумал, что епископ, хранящий у себя постоянно пополняющийся запас тёмной энергии, это не очень хорошо. И тут же отринул эту мысль. Ведь Доминик Бромель один из лучших людей, которых он знает. Что такого плохого он может сделать?

Хотя и Лука не был склонен к построению иллюзий, школа Орхан, через которую проходили все маги Гортензы, оказалась всё же большим разочарованием. Нет, возможность научиться магии здесь давали, бесспорно. Но, собственно, на этом все её плюсы и заканчивались. А вот минусы были просто огромными, и самым значительным, перевешивающим все остальные, был тот факт, что его окружали совершенно ограниченные люди — сокурсники и преподаватели. Нет, Лука конечно знал, что в мире много недалёких и глупых людей, но то, что маги окажутся в точности такими же, как и простые обыватели, его невероятно огорчало.

Всего первогодок, тех, у кого только недавно обнаружили способности к магии, было человек десять, семь юношей и три девушки. Все они были разного сословия, от сына портного до дочери барона, и разных возрастов. Это обуславливалось тем, насколько рано появился дар. Обычно это происходило лет в одиннадцать-двенадцать, но были в группе Луки и школяры, которым уже исполнилось и все пятнадцать.

Такое сильное отличие в возрасте и происхождении порождало сильное расслоение среди первокурсников. Дети аристократов и богатых торговцев держались отдельно, а простой люд — отдельно. Старшие помыкали младшими, но та же дочь барона, двенадцатилетняя белобрысая пискля, третировала полуграмотного крестьянского сына, выше её на две головы, и тот безмолвно это терпел.

Лука изначально плохо вливался в любые компании, и школьный класс не стал исключением. Возможно, если бы он примкнул к одной из групп, занял бы своё место в школьной иерархии, ему было бы гораздо легче найти друзей, вот только он не спешил принимать чью-то сторону. Иерархические игры казались ему примитивными и глупыми. На вершине пищевой цепочки оказывались не самые умные, и даже не самые умелые и старательные, как, по-мнению Луки, и должно быть, а те, кто был сильнее остальных или чьи родители были влиятельные. Сам Лука физической силой либо покровителями похвастаться не мог. Ортега Литран, устроив его в школу, сразу предупредил, что помогать мальчику он не будет, и вообще, не хочет, чтобы его доброе имя связывали с именем Лукреция Горгенштейна. Но Луке не нужна была ничья защита, он всегда предпочитал быть сам по себе. И чтобы он, Лукреций, склонился перед тупой физической силой или наглецами, ощущавшими собственную безнаказанность? Да ни за что.

Заносчивый юнец, державшийся обособленно, не нравился многим. Да и казался он, тощий глазастый парнишка, отличной мишенью для издёвок. Его спокойствие и отстранённость они принимали за робость и трусливость, считая его слабым и неспособным

себя защитить.

Но Лукреций Горгенштейн не был слабым. Будучи самым младшим ребёнком в семье, где помимо него было шестеро сыновей и шесть дочерей, он быстро научился защищать себя от их нападков и вторжения в свою жизнь, независимо от того, насколько большие преимущества были у другой стороны. Его больше не задевали гнусные подколки — он либо игнорировал их, либо, если у него было особо хорошее настроение, отвечал тем же. И так как его фантазия была получше, чем у многих других, а запас ругательств, благодаря Марку и Карлу, любивших изощрённые словечки, весьма широк, из словесных баталий он почти всегда выходил победителем.

Предпринимались и попытки воздействовать на него силой, но всё заканчивалось одним и тем же — обидчик решал, что связываться с этим психом себе дороже, и оставлял его в покое. Обычно спокойный мальчик дрался как бешеный мангуст, не жалея ни себя, не противника, при этом не чурался использовать самые грязные методы и действовал с неизменным хладнокровием. Его было проще убить, чем сломить.

Став старше, уже на втором и третьем году обучения, между школьниками, несмотря на строгий запрет, стали происходить магические стычки, но если, несмотря на все его старания, оплеуху он иногда и мог отхватить, застать врасплох в магии его было просто невозможно. «Оса» — прозвали его за точные и болезненные укусы, которых почти нельзя было избежать даже тем, кто воображал себя медведем.

Но своим сверстникам Лука снисходительно прощал их тупость и звериную жестокость, а вот смириться с причудами и дурью преподавателей было гораздо сложнее.

Взять хотя бы учителя по Магтеории, где они изучали конструкции готовых заклинаний, и учились создавать свои. Вот уж где, казалось, сложно нести отсебятину. Разучивай формулы, учи порядок слов в заклинаниях и правила их произношения, и всё. Но магистр Эльденгард, благообразный и представительный старик, перемежал вполне себе осмысленные и полезные знания с собственными досужими домыслами и фантазиями, к Магтеории не имеющими никакого отношения. Можно было бы подумать, что восьмидесятилетний маг просто впал в маразм, но слухи ходили, что он был таким и двадцать, и тридцать лет назад. К сожалению, этот курс предполагался на весь срок обучения, так что Луке оставалось только надеяться, что хотя бы к третьему курсу профессора удастся отправить на заслуженную пенсию или он «погибнет от тупости нынешних схоляров», как он уже давно обещал. Иначе так и придётся Луке вплоть до выпускного экзамена готовиться самостоятельно по книгам, погибая от скуки на Магтеории.

Преподаватель по древним языкам картавил, а маг погоды регулярно впадал в депрессию. На Землеописании, который вёл молодой, только что выучившийся маг, всё больше обсуждали придворные сплетни, до которых этот маг был охоч, а не опасности, подстерегавшие школяров на неизведанных землях. Учитель Риторики, преподающий у студентов также музыку и этику, любил переходить с драматического шёпота на истеричные крики, и явно сожалел о своей загубленной театральной карьере. Историк мог назвать любую дату, но постоянно забывал имена великих королей и магов, что веселило лишь до первого экзамена, где он уже спрашивал по всей строгости. Учитель Рунологии плохо видел, и регулярно выписывал корявый текст не на доске, а на стене. Магесса, преподающая Целительство, была влюблена в мастера-оружейника, и то и дело пускалась в лирические рассуждения, не выпуская скальпель из рук. Оружейник, к слову, был повернут на «военно-полевых играх», как он называл тот вид издевательства, где тебе нужно было животом

ползти по мокрой земле, в то время как он изображал нападение нескольких противников. Разными и голосами и звуками.

Нет, были более-менее нормальные учителя. К примеру, Неллида Сим, которая вела Природную магию. Проблема в том, что Лукреций в ней, этой самой природе, ничего не понимал. Тот успех с пророщенным зерном, как показала практика, был скорее исключением, чем нормой. Даже на зачёте в конце первого года всё, что смог вырастить Лука это чахлый кустик непонятно чего, завядший в течение получаса, тогда как у даже самых тупых его однокурсников росли нормальные розы, которые по требованию магистра Сим и должны были вырастить ученики.

С Зоологией у Луки было тоже не очень. То есть пока они теоретически изучали существ, вполне возможно уже вымерших, или, по-мнению Луки, никогда не существовавших, всё было в порядке. Уж запомнить и выучить поведенческие особенности виверн или характерные признаки заражения марами он бы мог. Но когда дело дошло до живых, вполне себе обычных зверей — лошадей, крыс, кошек и прочих вполне себе безобидных зверей, которыми Лука должен был научиться управлять с помощью твёрдой руки, стальной воли и верной магии, у него начались проблемы. Крысы кусались, кошки шипели и царапались, и даже самые спокойные лошади то и дело норовили выкинуть его из седла. Как будто чувствовали его истинную природу.

Отдыхал сердцем и умом Лукреций лишь на двух предметах. Алхимии и, как это ни парадоксально, Богословии, предмете, обязательном для всех учебных заведений Гортензы.

Первым преподавателем, который смог по-настоящему вызвать у Луки интерес, стал магистр Гидеон, средних лет жизнерадостный мужчина, выделяющегося лишь своей любовью к грубому юмору и громким хохотом. Его манеры сначала несколько оттолкнули мальчика, но услышав и поняв, о чём же рассказывает Гидеон на своих уроках, Лука просто стал игнорировать его привычку смеяться над всем и всеми, и начал впитывать всё, чему тот их учил. А учил он их многому: различать яды и составлять противоядия к ним, делать из разных камней амулеты и редкие зелья, видеть суть металлов и стихий, и уметь вычлнять из них отдельные элементы. А ещё Лукрецию нравился сам процесс алхимии: стоять среди всех этих колб, реторт и котлов, отмерять крупинки драгоценных, иногда настолько редких, что от этого захватывало дух, веществ, и смешивая и выплавляя их, создавать нечто новое, чувствуя себя творцом.

Если магистр Гидеон первоначально своим характером отвратил Горгенштейна, и понадобилось время, чтобы к нему привыкнуть, то священник, введший у юных магов Богословие, покорила Луку с первого урока. Отец Йохан Шварц был высоким широкоплечим мужчиной с грубыми чертами лица, густой рыжей шевелюрой и резкими, дергаными движениями. Говорил он, когда его о чём-то спрашивали школяры или другие преподаватели, тоже резко и обрывисто, но стоило ему заговорить об одном из его интересов, как голос священника менялся. Становился глубже, мягче, певучее, и хотелось слушать бесконечно всё, что он говорит, пересказывал ли он очередную притчу из священных книг, или рассказывал об устройстве мира, и том, какое маленькое, но замечательное место занимает человек в этом мире, придуманном Богом. В его историях место находилось всему: ангелам, демонам, героям и святым, человеческим порокам и прегрешениям, священному и профанному. Говорил он и о магии, хотя сам магом и не был, и глубина его понимания просто поражала Луку. Он так ясно и глубоко видел все грани магической силы, её суть, не плохую, и не хорошую, что иногда Луку просто тянуло

признаться отцу Йохану о своей маленькой тайне и посмотреть, как тот отреагирует.

А ещё Шварц никогда не врал и ничего не скрывал. Те вещи, о которых другие преподаватели молчали или просто предпочитали не замечать, он свободно обсуждал с учениками. Именно на его уроках Лукреций впервые услышал, как говорят о тёмных искусствах не как о чём-то омерзительном, и богопротивном по своей сути, а лишь как об одной, пусть опасной и обманчиво-соблазнительной, ошибочной, но всё же не злой стороне магии.

Ко всем своим ученикам Йохан относился одинаково, никого не выделяя, и немножко подсмеиваясь над теми, кто пытался так или иначе завоевать его внимание и одобрение.

Лука, впрочем, не набивался к нему в любимчики, но то, что отца Йохана, кажется, нисколько не восхищает его острый ум и способности к обучению, его задевало. Каждый раз он пытался обратить на себя внимание рыжеволосого священника каверзными, острыми, порой совершенно богохульными вопросами, и всякий раз священник, снисходительно улыбаясь, спокойно объяснял ему суть той или иной поднятой темы. И с каждым разом Лука, теряя осторожность, заходил всё дальше и дальше, пока однажды не осмелился заговорить о наиболее волновавшем его. О тьме, и том, почему люди, умевшие ею обладать, были гонимы Церковью.

Шварц, вместо того, чтобы подобно другим учителям, механически повторять о том, что чернокнижие — противно богу, вместо этого задумался, и впервые с искренним интересом посмотрел на ученика.

— И где вы, юноша, слышали о том, что существует такая особая энергия, как тьма? Ведь вы говорите о ней не как об абстракции или богословской категории, а как о реально существующей материи. А такого в Орхане, насколько я знаю, не должны рассказывать.

— Читал в деяниях святого Михаэля, — совершенно честно ответил Лука. — Он был большим знатоком магической теории для...

Мальчик замялся.

— Для того, кто называл магов исчадием ада? — хмыкнул Шварц. — Святой Михаэлю был достаточно суров к несчастным магикусам древности, и считал, что врага нужно знать в лицо. Но стоит понимать, что и ваш собрат тогда не был столь лоялен к Церкви, как сейчас. А откуда у вас, Лукреций, такое стремление к душеспасительному чтению?

— Мой старший брат тоже священник, как и вы, — потупив глаза, сказал Лука, — и я стараюсь соответствовать ему во всём и брать пример, хотя мой магический дар и не даёт мне возможности служить Церкви.

На самом деле молодой Горгенштейн, также, как и приснопамятный святой Михаэль считал, что потенциального противника лучше изучить как можно лучше. Ну и, в чём он не хотел признаваться даже самому себе, ему сильно хотелось впечатлить Отца Йоханна, относящегося к нему также, как к другим заурядностям.

— Так всё же, — упрямо спросил Лука, — почему иеронимцы так ненавидят тьму? Ведь в Священном Писании о ней ничего не сказано, и было бы неправильно связывать её с происками дьявола.

— А вы умеете думать, — одобрительно кивнул Шварц, — Действительно, ни в Деяниях апостолов Иеронима, ни в ранних священных текстах тьму не клеймят как дьявольское творение, эту параллель провели гораздо позже. Причина в том, что тёмные искусства покушаются на священную прерогативу Церкви: знание о потустороннем и власть над ним. Я достаточно понятно объясняю, Лукреций? — с лёгким нажимом в голосе

спросил Шварц, не заставляя мальчика промолчать, но предостерегая от излишне опасных вопросов.

Но Луке не надо было ничего больше объяснять, он и так понял, о чём так красноречиво умолчал священник, давая ему шанс самому всё додумать.

Иероним Защитник дал людям шанс на вечную жизнь и сумел доказать им, что смерть не властна над людьми. Но тем, кто познал тёмные искусства, не нужно было ничего доказывать. Они и так знали, что смерть — это только переход в иную реальность, и эта реальность вполне себе доступна для познания, и даже более того, влияния. А значит, совсем не нужно было быть святым, чтобы, к примеру, возвращать мёртвых людей с того света или обеспечить себе достойное посмертие. Проще говоря, святые были одного поля ягоды с чернокнижниками, вот только сумели создать о себе гораздо лучшее впечатление.

Чем больше овладевал Лукреций магической наукой, тем больше он понимал суть тьмы внутри себя. Каждые несколько месяцев, а то и чаще, он тайком приходил к Бромелю, чтобы провести ритуал очищения, но раз за разом ритуал давался всё сложнее и приносил меньше результатов. Тьма не хотела отделяться от его души, находила любые лазейки, чтобы не сменять живой человеческий сосуд на каменную узницу. И наконец, настал тот день, через два года после того, как он впервые пришёл к епископу, когда даже после изнурительного ритуала он всё ещё не был пуст. Тьмы оказалось слишком много, чтобы её можно было полностью поглотить.

Епископ не смог ничего заметить, а Лука не стал ничего ему говорить. Теперь, когда он мог немного, но всё же колдовать, таить тьму от чужих глаз стало легче. Он уже научился пользоваться заклинаниями без тьмы, и сейчас ему просто нужно было лишь прикладывать чуть большие усилия, чтобы творить заклинания, не вкладывая в них эту часть своей силы.

О, как он многое, оказывается, теряет, отказавшись от тьмы. Юноша как будто жил с завязанными глазами, а теперь повязку сняли. Ночь для Луки перестала быть пуста и безмолвна, а темнота вновь стала ласкова и дружелюбна. И мир, мир вокруг для него стал живым и заговорил, зашептал на разные голоса. Возможно, этот шёпот, шёпот мёртвых, голос потустороннего и чуждого человеку, показался бы кому-нибудь жутким и пугающим, но не Луке.

И это напомнило ему о том, кого он старался не вспоминать последние два года. Тобиас Гохр, давно почивший магистр тёмных искусств, которого он разбудил. К несчастью, он так и не смог убедить мать вернуть ему кость несчастного мёртвого мага, которую она взяла из его кармана. То ли выкинула, то ли спрятала так глубоко, что даже тщательный обыск всего дома не дал никаких результатов. Да и время прошло много — едва ли она сама знала, где эта кость. А ведь без этой части скелета Лука не мог полноценно связаться с Гохром — всё, что он получил, вернувшись на могилу магистра, это невнятный шёпот и явное ощущение недовольства того. Видимо, что-то было важное в мизинце левой руки, которую Лука когда-то оторыл по просьбе чернокнижника.

Подсказка пришла, когда он лениво листал одну из книг в библиотеке Орхана — не для учёбы, просто из любопытства. И нашёл поисковое заклинание, ищущее нужный предмет по его подобию или другой части. То, что нужно. Проблема была в том, что заклинание состояло из частей, которые изучали лишь на четвёртом курсе, а Лука только недавно перешёл на третий. И как бы не был молодой Горгенштейн прилежен и умён, самостоятельно справиться со сложными формулами заклинания он не мог.

Взгляд его бессмысленно скользил по библиотеке. Даже если он прочтёт все эти книги,

едва ли это поможет самостоятельно сложить заклинание. Для этого нужно знание не только теории, но и практика, которой пока у Луки не было. Неужели придётся ждать ещё год? Нет, Гохран конечно подождёт, он и так ждал несколько сотен лет, вот только Лука не был так терпелив.

Взгляд его наткнулся на сгорбленную фигуру старшекурсника, ищущего что-то среди полок, и Лука торжественно улыбнулся. О, Жерар Лекой! Именно тот, кто был ему нужен.

Лекой учился на четвёртом, последнем курсе начальной ступени обучения. Дальше большинство учеников заканчивали свою учёбу, и лишь немногие, только юноши, и только имеющие значительные успехи в магическом искусстве, продолжали постигать тайные знания. И Жерар, безусловно, это право получил.

Ему было шестнадцать, и он был сыном мельника. Притом всего лишь третьим, которому явно не светило получить ни мельницу, ни хоть какое-то наследство. А как горько шутил сам Жерар, говорящих котом и доверчивых людоедов встретить не так уж и легко. Поэтому он зарабатывал как мог, в том числе и делая за младшекурсников сложные задания. Правда, и брал он немало, из-за риска попасться, но зато работу свою делал на совесть.

У самого Луки было не так уж много денег — пусть его отец был гораздо богаче отца Жерара, но тратить деньги на младшего сына, которым он отчаянно гордился, он не спешил. Марк и Карл недавно поступили в Военную Академию, а сёстры София и Миранда решили буквально друг за дружкой выскочить замуж, и свободных денег в семье не было. «Тебя там всё равно кормят и одевают — ответил ему отец, когда Лука заикнулся, что неплохо бы ему получать на содержание хотя бы один золотой в месяц, — а вот твои сёстры в обносках идти под венец не могут». Так и обходился Лука несколькими грошами в кармане, которые ему тайком подсовывал Лавель из своего и так небольшого жалования священнослужителя.

Но когда Луку что-то останавливало? Поднявшись, он аккуратно подсел к Жерару и с любопытством заглянул в его книгу. За обложкой по травологии скрывалась небольшая брошюра с картинками весьма неприличного содержания. Хм, а что, люди и от этого получают удовольствие? А спина после такого не болит?

Жерар наконец заметил непрошенного гостя и отложив книгу, начал внимательно рассматривать гостя. Наконец придя к какому-то своему выводу, хмыкнул.

— Первокурсник? — Лука скорее не обиделся, благо что некоторые первокурсники были старше него, а удивился. Школа была не такая уж большая, менее сотни учеников, и то, что Жерар его не знал, было странно.

— Третий курс. Лукреций Горгенштейн.

— А-а-а, слышал, — тут же поскущел Жерар, поняв, что с этого парня нечего ловить. Такие, как он, не обращаются за помощью, и не платят за выполнение вместо них заданий, а всё делают сами. Но мальчишка его удивил.

— Мне нужно, чтобы ты составил для меня заклинание. Не учебное, действующее.

— Какое?

Вместо того чтобы ответить, Лук сунул ему в руки книгу с обведённой формулой и списком требуемых для чар ингредиентов. Жерар задумчиво почесал нос, а затем сказал:

— Мы его не проходили. Его изучают только на второй ступени Орхана.

— Значит, не сможешь? — разочарованно спросил Лука.

— Я разве это сказал? — усмехнулся Лекой. — Формула то понятна, хотя с символьным рядом придётся попотеть. Я представления не имею, что означают некоторые из этих закорючек.

— Это руны Вальдо, — пояснил Лукреций.

— Без тебя знаю, — отмахнулся Жерар, — как и то, что их значение утеряно, а транскрипция весьма сомнительна, так что придётся, возможно, истратить много энергии, прежде чем заклинание подействует. Легче обратиться к магистру рунологии — уж он-то знает, как прочесть эти чёртовы руны.

— Мне неудобно обращаться к почтенному магистру Токо, — вежливо ответил Лука, скрывая своё недовольство.

— Тогда используй заклятие попроще. Или можно сделать ещё лучше. За два серебряника могу найти тебе любую вещь.

— С помощью заклятья Истара? — поморщился Лука. — Оно не подходит. Я пробовал.

Заклятие Истара было наиболее распространённой поисковой формулой, и самой простой и надёжной. Вот только у него были свои ограничения: оно не могло найти живых существ и не могло найти магические, или те, которые соприкасались с магией, предметы. И хотя едва ли кость от пальца Гохра можно было бы считать живой, но к магии она имела явное отношение, и поэтому Истаром не находилось. У формулы, что нашёл Лука, таких ограничений не было.

— Понравившуюся девушку хочешь найти? — понимающе улыбнулся Жерар. — А у тебя есть что-то принадлежавшее ей? Часть одежды, или может быть, локон?

Лука уже думал об этом.

— Есть кость, — сказал он, и улыбка Лекоя увяла.

— А ищешь что? Надеюсь, всё-таки не девушку?

— Другую кость, — решил ответить откровенно Лука. Всё-таки помощь Жерара ему нужна была.

Тот вздохнул.

— Тяжело с тобой. Ладно, не буду больше спрашивать. За расшифровку формулы и помощь я возьму с тебя пять золотых. Три сейчас, два по факту работы.

Пять золотых? Это были большие деньги, больше, чем когда-либо держал Лука в руках. И Лавель ему явно с такой суммой не поможет — он в месяц всего получал три золотых. Спросить у Томаса? Томас взял на себя часть отцовских дел, и имел неплохой доход, но так как Луку он не особо любил, с такой суммой он точно не расстанется ради него. Попросить у епископа Бромеля? Тот не раз намекал ему, что будет рад помочь Луке, если у того возникнут затруднения. Вот только попросит он с него потом гораздо больше — в отличие от Лавеля, Горгенштейн не обольщался насчёт натуры отца Доминика. Да и не даст он деньги, не узнав перед этим, для чего они понадобились школьнику. А посвящать в свои тайны епископа Лука не хотел.

— Нужно время, чтобы достать эту сумму.

— Ну вот как появится, так и приходи, — ехидно посоветовал Лекой, тут же утратив к третьекурснику интерес.

Лука с досадой встал. Можно, конечно, обратиться к Элису Горичу, он берёт меньше, но у того язык как помело, а Лука бы не хотел, чтобы о его делах болтали.

Горгенштейн немного помялся и сел, задумчиво разглядывая Жерара Лекоя. Жерар был коренастым светловолосым юношей, в отличии от Лавеля, уже нуждавшемся в бритве, но ещё не умеющим ей пользоваться, отчего кожу украшали многочисленные порезы. Глаза у него были круглые, совиные, и по-птичьи цепкие, но смотрел он прямо и открыто, отчего вызывал симпатию у Луки, не терпящим в других людях лицемерия.



— Ну чего ещё? — добродушно спросил Жерар, заметив на себе взгляд Луки.

— Если ты поможешь мне, то сможешь получить гораздо больше, чем пять золотых. Я отдам тебе треть того, что найду в сокровищнице.

— В сокро-о-овищнице? — недоверчиво протянул Лекой, но глаза его заинтересованно блеснули.

— Мне нужна эта кость для того, чтобы найти тайник одного мага. Полагаю, в ней должно быть много интересных, и весьма дорогих вещей.

— И что это за маг?

— Не могу сказать.

— А он не будет против, если мы его ограбим?

Лука позволил себе лёгкую улыбку.

— Он уже мёртв, так что, полагаю, ему всё равно.

Лукреций не совсем соврал Жерару. Ещё в самом начале их «общения» с магистром Гохром, тот упоминал, что перед смертью он успел спрятать значительную часть своего имущества в укромном месте. Пытался «купить» Луку, чтобы завоевать его доверие, но достаточно быстро понял, что странного мальчишку больше интересуют знания, чем золото. Впрочем, можно было надеяться, что про тайник чернокнижник всё же не соврал.

— И я должен тебе верить, что эти сокровища существуют на самом деле? — нахмурился Лекой.

— Клянусь именем своего рода, что говорю лишь то, что знаю, — торжественно сказал Лукреций.

— Рода кого, торговцев? На аристократа ты не похож, уж извини.

— У торговцев тоже есть своя честь, — не обиделся Лука. — Давай так — если мы не сможем выйти на тайник, то я отдам тебе десять золотых, то есть в два раза больше, чем сейчас, в течении года. Я готов написать расписку, которую любой суд сочтёт её действительной.

— Десять золотых это много, — облизал губы Жерар. Вот только ему не слишком хотелось привлекать внимание официальных властей к своей не совсем законной деятельности. Но ведь в суд идти и не обязательно. Если парнишка не сможет расплатиться, он просто придёт с распиской к его отцу, и тому, если он не захочет огласки, придётся потрясти кошельком.

— Тогда я подготовлю текст договора, — довольно кивнул Лука, поняв, что жадность в Жераре победила его осторожность.

В следующий субботний день, после того, как занятия закончились, Лука, вместо того, чтобы идти домой (а он, как и все школяры, что были родом из Улькире, на выходные покидал школу Орхана), остался дожидаться Жерара, у которого занятия заканчивались позднее. Присев на траву рядом с входом учебного корпуса, он через какое-то время почувствовал на себе чей-то взгляд. Оглядевшись, он заметил, что неподалёку от него, за старым дубом, стояла его однокурсница, Клара Вогард, пухленькая светловолосая девушка на год старше Луки, и пыталась незаметно за ним наблюдать. Заметив, что её раскусили, девушка покраснела, и замявшись, подошла к Луке.

Помимо пышных форм Клара была обладательницей милой улыбки и карих оленьих глаз в обрамлении густых ресниц, что вкупе с кротким нравом и восторженной наивностью, с которой она смотрела на мир, делало её одной из самых популярных девушек Орхана. Лука к своим почти пятнадцати годам уже начал посматривать на девушек, но дальше «просто

посмотреть» у него пока не заходило. Все эти ритуальные игры вокруг особей, не отличающихся ни особым умом, ни хотя бы здравомыслием казались Луке совершенно утомительными. Тем более, что благодаря своим старшим сёстрам он не имел никаких иллюзий по поводу так называемого слабого пола. Но в привлекательности Кларе Вогард нельзя было отказать, тем более что в ней была некоторая сдержанность характера, порождаемая стеснительностью, которая выгодно отличала её от шумных и визгливых сверстниц.

— Добрый день, Лука. Ты разве не едешь домой? — тихим робким голосом спросила Клара, встав неподалёку, и неуклюже комкая в ладонях юбку.

— Позже, — коротко ответил юноша, и ради приличия спросил: — а ты?

— За мной должен приехать батюшка через пару часов, — застенчиво улыбнулась Клара.

Лука кивнул и отвернулся. На его взгляд, беседа состоялась. Но Клара всё продолжала стоять, изредка тяжело вздыхая. Горгенштейн начал испытывать раздражение. Он поднялся и стряхнул с брюк сухую осеннюю траву.

— Ты хотела что-то сказать, Клара?

— Мне просто стало тоскливо, я увидела тебя, подумала, что может, ты тоже скучаешь в одиночестве.

«Нет, спасибо, мне просто замечательно» — хотел ляпнуть Лука, но что-то в просительном взгляде Клары заставило его смолчать. Он снял с себя школьный сюртук и аккуратно постелил его на траву, взглядом предлагая юной даме сесть. Клара засияла, и постаралась как можно более элегантно сесть, не помяв при этом накрахмаленные юбки.

— Спасибо, Лука, — опустив пушистые ресницы, сказала она. — Это так неожиданно.

— Неожиданно что? — рассеянно переспросил Лука.

— Что ты заботишься обо мне. Ты всегда так отстранён и задумчив. Иногда я смотрю на тебя и гадаю, что происходит в твоей голове?

Слова Клары несколько озадачили Луку. Какая ей, в сущности, разница, что происходит у него в голове?

— Ты, наверное, очень умный, — ещё раз поставила его в тупик девушка.

Нет, он конечно, достаточно умён, тем более на фоне своих однокурсников, но что заставило Клару сказать это именно сейчас? Он понимал, что Клара от него что-то хочет, но не мог понять что именно.

— Тебе списать, что ли, нужно? — прямо спросил он.

Клара тут же приняла обиженно-детский вид, но ответить не успела.

— Лукреций, пошли, дело не ждёт, — раздался над ними насмешливый голос.

Лука и не заметил, как к нему подошёл Жерар, и теперь нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— О, Клара! — развязно подмигнул юноша мигом заалевшей девушке. — Ты чего к нашему хмурику клинья подбиваешь? Не видишь, он предназначен для более великих дел, и женское внимание лишь будет сбивать его с толку. Приголубь лучше меня — уж я-то, в отличие от этого вечного уныния, смогу тебя развлечь.

— Дурак, — фыркнула девушка, и стараясь не глядеть на Луку, поспешила прочь.

— Смотри-ка, — присвистнул Лекой, глядя на то, как девушка уходит, плавно покачивая бёдрами, — а ты ей понравился! Пользуйся и цени, хмурик. Клара девка капризная, подступиться ней не могут даже лучшие из лучших в нашей школе, а она к тебе

сама в руки плывёт.

— Захлопни пасть, сын мельника, — неожиданно холодно ответил Лука. — Девок на сеновале будешь щупать, а Клара тебе не девка.

Сказал, и тут же пожалел об этом. И не только потому, что грубить тому, чьей помощи добиваешь, было не очень предусмотрительно. Лука всегда считал себя выше сословных предрассудков, а сейчас он, получается, почём зря оскорбил человека из-за сомнительной чести какой-то девицы.

На секунду Луке показалось, что Жерар его ударит, такой огонь загорелся в его взгляде. Но тут же потух, а по губам скользнула ленивая улыбочка.

— Ну-ну, малыш. Я не собираюсь отбивать у тебя Клару. Да и куда мне, деревенщине, супротив богатенького городского мальчика. Ты ей ровня, не я. Только учти — с такими не развлекаются, на таких женятся. Если ты, конечно, не сын барона или герцога. Так что будь осторожнее, если не хочешь жениться раньше, чем у тебя начнут расти усы.

— Мне нет до неё дела, Жерар, — Лука не мог заставить себя извиниться, даже зная, что он виноват, поэтому он постарался говорить с Леком как можно более дружелюбно, показывая своё расположение. — Меня больше интересует ритуал поиска. Где мы будем его проводить?

— Я договорился со сторожем, и он случайно обронил рядом со мной ключ от подвала, — подмигнул ему Жерар, позвеневав ключами в кармане. — Ты смог достать женьшеневый корень и вытяжку из тамирского лотоса?

— Принёс, — похлопал по сумке Лука.

В огромном количестве родственников был свой плюс. Томас, самый старший из братьев Горгенштейн, пошёл по пути своего отца и стал торговцем. Будучи представителем своего отца, он объездил многие земли, и нередко, помимо тканей привозил из далёких стран и другие редкие товары: специи, украшения, а в последнее время также травы и лекарства. Томас выяснил, что в столице Гортензы эта ниша почти не была занята, а спрос был очень неплох. И теперь он весьма активно наваривался, кажется, собираясь стать в разы успешнее своего отца. Уж что-то, а деловое чутьё у него было.

Луку не слишком интересовали дела Томаса, но сейчас оценил возможность иметь доступ к его ресурсам, так как в городе необходимые ингредиенты пришлось бы покупать за серебро, а тут он обошёлся лишь несколькими часами нытья под ухом занятого братца. И всё, заветные травы он получил совершенно бесплатно, лишь за обещание оставить Томаса в покое.

— Отлично, а свечи из воска горных пчёл?

Лука поскущел. Свечами Томас не торговал.

— Есть церковные. Освящённые.

— Для магического ритуала? — недовольно скривил лицо Жерар. — Если на меня падёт гнев Иеронима, то учти, я утащу тебя за собой в ад.

— Считай, что мы занимаемся богоугодным делом, — не повёл бровью Горгенштейн.

Зайдя с запасного входа этого же учебного здания, они спускались по покатым каменным ступеням, ведущим в подвал. На ладони Луки горел магический огонёк, освещающий путь, и лицо его, подсвеченное голубоватым светом, казалось каким-то мрачным и зловещим. Жерару на мгновение стало не по себе, хотя он понимал, что этот тихий мальчишка пока ему не соперник по силе и умению, как он бы талантлив он не был. Но было в нём что-то... заставляющее держаться настороже обычно легкомысленного Лекоя.

— Ты хоть примерно представляешь, где может быть эта кость? — запоздало спросил он Луку.

— В самых плохих вариантах на речном дне или на дне выгребной ямы. У матушки вполне хватило бы ума избавиться от моей собственности таким образом.

— Так что заставляет тебя думать, что может быть как-то иначе? — нахмурил Жерар светлые брови.

— Лишь глупая надежда и безысходность, — криво улыбнулся Лука.

— О, отличные основания на успех, — насмешливо протянул Жерар. — Но мне, впрочем, всё равно. Уж свои десять золотых я с тебя стрясу.

Лука занялся приготовлениями, а Жерар, удобно усевшись на мешок со старым тряпьем, давал ему рекомендации.

— Линию на десять градусов левее черти... и чётче, чётче, что ты как барышня акварельки малюешь! Ага, а этот знак вообще не так пишется. Нет, не руна урза, а руна орза. Не видишь разницы? Двоечник же, а говорил, разбираешься в Вальдо... Так, ладно, сойдёт. Теперь установи курильницу... ну куда ты шалфей кладёшь! Сначала вытяжка лотоса, а затем только порошок шалфея. Хмурик, а действительно в своём классе самый умный? Хотел бы я взглянуть на остальных идиотиков.

Лука мрачно пыхтел, но послушно следовал указаниям. Наконец, Жерар довольно кивнул, и отстранив Горгенштейна, осмотрел место для ритуала поиска.

— Ну сойдёт. Зажигай свечи, и начали. Слова-то выучил?

Лука сосредоточенно кивнул, настраиваясь на процесс. Внезапно Жерар хлопнул себя по лбу.

— А про объект для сличения мы забыли. Где твоя костяшка?

— Все мои кости во мне. А нужная — вот она.

Лука аккуратно положил белую косточку в самую середину пентаграммы. Пришлось сходить на кладбище посредине ночи и ещё раз потревожить останки магистра Гохра, взяв на это раз часть его правого мизинца. Но Тобиас Гохр, кажется, не был так уж против расстаться с ещё одной частью тела.

У Жерара и Лукреция, как ни странно, всё получилось. Они ни разу не запнулись и не перепутали слова. Чуть хриловатый, ломающийся голос Луки и низкий уверенный голос Жерара отлично дополняли друг друга, отражаясь от сырых стен и мрачным эхом возвращаясь обратно.

Наконец последнее предложение было закончено, и линии пентаграммы засветились, напитавшись магической силой Лекоя и Горгенштейна. Косточка Гохра чуть сдвинулась, а затем несколько раз подпрыгнула вверх. Жерар поймал её в воздухе, успех опередить дёрнувшегося Луку.

— Эй, мы же договаривались, что вести буду я! — возмутился Лука, который был не очень доволен, что к останкам уважаемого им тёмного магистра прикасается кто-то ещё.

— Уж извини, Лукреций, но что-то я тебе не слишком доверяю. — Жерар сжал в ладони кость, и покрутился вокруг своей оси, прислушиваясь к своим ощущениям, которые должны были подсказать, в какую сторону идти. — Ого! Судя по тому, что меня тянет к городу, то можно надеяться, что мы найдём всё-таки искомый предмет не на речном дне.

— Почему? Река протекает и через город.

— Потому что водные потоки ослабили бы, или вовсе уничтожили симпатическую связь между искомыми предметами.

Тщательно убрав за собой следы колдовства, ученики покинули школу и направились по магическим следам. Школа находилась в часе ходьбы от столицы, но так как Жерар практически не шёл, а бежал, влекомый невидимой связью, то они достигли города гораздо раньше. Блуждали по улицам они совсем недолго. Остановившись рядом с районом, где жила семья Лукреция, Жерар остановился, нетерпеливо переминаясь на одном месте.

— Что не так? — чуть запыхавшись, спросил Лука старшекурсника.

— Тут след расходится. Один, более сильный уходит туда, — Лекой махнул рукой в сторону старого кладбища, — а другой, слабее, ведёт совсем в другую сторону. В центр города, если я не ошибаюсь. Куда пойдём?

— По второму.

— А первый след куда ведёт?

— К другим останкам. Нам они не нужны. Нужна именно утерянная кость.

У Луки не было намерения открывать тайну магистра Гохра. Кладбище было последним местом, куда он повёл бы Жерара. Даже то, что он уже признался Лекою в том, что именно они ищут, был большой риск.

— Это хорошо, что ты меня ведёшь не к скелету. А я-то уж подумал, что ты собираешься заняться тёмными искусствами, — искоса взглянул Жерар на Луку.

Лукреций несколько искусственно улыбнулся.

— Нет, никаких мертвецов мы поднимать не будем.

«По крайней мере, не сейчас, и не с тобой».

— Тогда зачем кость?

— Тот маг, чью сокровищницу мы ищем, зачаровал вход в неё на самого себя. Точнее, на конкретную часть своего тела.

— Хорошо хоть, он зачаровал палец, а не на более неприличную часть тела, — рассмеялся Жерар над своей же пошлой шуткой, но Лука не поддержал шутку.

Сейчас он думал о том, что же делать, когда они наконец найдут то, что нужно. Жерара ни в коем случае нельзя подпускать к дальнейшим манипуляциям с находкой. Потому что едва ли даже ради сокровищ Лекой согласится пробудить сознание мёртвого чернокнижника, а значит, эта часть поисков Луки должна остаться для Жерара тайной. Но обмануть ушедшего старшекурсника будет явно не так уж просто.

— Кажется, пришли, — наконец то сказал Жерар после часа рыскания по городским улицам. Уже стемнело, и двое подростков, без цели бродившие по городу, привлекали внимание. Тем более что они оказались в старом, богатом районе города, где жила знать, а значит, вполне могли привлечь внимание патруля, обходившего район с регулярной частотой. — Похоже, мы шли по ложному следу. Говорил же, что не стоит использовать церковные свечи. Вот и оказались под воротами храма. Эй, хмурик, ты чего молчишь?

Лука закусив губу, мрачно рассматривал храм, видневшийся за оградой.

— Да нет, дело не в свечах.

— А в чём же тогда?

— Это храм, в котором служит мой брат Лавель. И живёт он при нём. Значит, ещё тогда он забрал ту кость у матушки, не сказав мне.

— Так это же хорошо. Не выкинул, сохранил, — прагматично пожал плечами Жерар. — Правда, я не подписывался обворовывать храм.

— Не трогал бы кость, не пришлось бы идти, — огрызнулся Лука. — Я бы сам спокойно зашёл и забрал.

— Ну, теперь уже поздно. Будем надеяться, что если нас поймают, твой братец сможет нас отмазать. В крайнем случае, скажем, что нас припёрло помолиться.

Засунув кость за щеку (отчего Луку сильно перекосило, не от брезгливости, а от беспокойства за драгоценную часть скелета магистра), и закатав рукава рубашки, Жерар ловко, как будто всю жизнь этим занимался, полез вверх по изгороди. И Лука, чуть помедлив, полез за ним, гораздо более неуклюже.

Перебежками они пересекли прихрамовый садик и оказались около одноэтажного домика за храмом, где жил священнослужитель. Свет в окнах не горел, а это значит, что Лавель, по натуре жаворонок, ложившийся очень рано, уже спал.

— Внутри, — выплюнув кость обратно в ладонь, прошептал Жерар. — Будешь стучаться?

— Лучше чтобы Лавель ничего знал, — покачал головой Лука.

— Если мы начнём ломать дверь, он нас явно услышит, — хмыкнул Жерар.

— Я тоже кое-что умею, — высокомерно произнёс Горгенштейн, и присев на уровне замка, зашептал заклинание. Затем легонько дунул, и Жерар услышал, как щёлкнул замок, неохотно открываясь. Но...

— Что, третьекурсников этому сейчас учат? — даже в темноте Лука слышал, что удивление в голосе Жерара мешается с завистью. Тот такое заклинание не знал.

— Я много читаю.

— Я тоже.

— И знаю, в каких книгах искать.

Жерар недоверчиво засопел, но ничего не сказал.

— Я покажу тебе, где лежит книга с этим заклинанием, — пообещал Лукреций, и сопении стало чуть более доброжелательным.

Стараясь не скрипеть ненадёжными половицами, они зашли внутрь, и застыли посреди небольшой гостиной. Жестом Жерар указал, что нужно идти в сторону спальни, но когда Лука уже коснулся дверной ручки, Жерар вцепился ему в плечо, останавливая.

— Что будем делать, если он проснётся? — зашептал юноша.

— Усыпим, — пожал плечами Лука. — Я взял с собой сонный порошок. Мы его делали на уроке алхимии на той неделе, и я позаимствовал часть.

— А он точно сработает?

— Мне поставили за него высшую оценку.

— Не сильно успокаивает, — пробормотал Жерар.

Происходящее сильно не нравилось. Одно дело использовать старый ритуал, а другое дело — врваться в дом священника и усыплять его, чтобы забрать кость давно умершего мага. Лекой был не слишком законопослушен и религиозен, но он не привык совершать столько грехов одновременно.

Лавель спал, трогательно свернувшись клубочком. Когда две тени скользнули в его комнату, и склонились над ним, он тревожно заворочался во сне. Лука быстро откупорил склянку с сонным порошком, и не отмеряя, сыпанул сверху, стараясь попасть на лицо брата. Тот вздохнул, перевернулся и сладко засопел.

— Что ты сделал! — почти взвыл Жерар, отшатываясь и зажимая нос пальцами. — Ты что, не узнал, как им пользоваться и в какой пропорции?

— Можно добавить порошок в еду или напиток, или же дать пациенту его вздохнуть, — процитировал учителя Лука, и... сладко зевнул, потирая глаза.

— Ну вот, надышался, — обречённо сказал Жерар, глядя, как Лука борется со сном. — Противоядие ты взял?

— А что, есть противоядие? Я и не зна-а-а...

Голова его упал на грудь, и он, как и был, стоя, заснул. Жерар аккуратно вытащил всё ещё открытую скляночку с порошком из руки Луки и стараясь не дышать, аккуратно закупорил её. Затем пару раз ударил по щекам самонадеянного мальчишку, впрочем, ни на что особо не надеясь, а затем, выругавшись, усадил его на стул. Оглянувшись, он уверенно подошёл к скромному комоду, притулившемуся у зарешеченного окошка. На одной из нижних полок, среди носков и нижнего белья, он нашёл завернутый платок, и развернув его, убедился, что в нём то, что он искал. Заклинание завибрировало и умолкло, отпустив наконец Жерара, уже уставшего от внутреннего зуда, не оставляющего его в течение всех поисков.

Хмуρο взглянув на спящего Луку, Жерар ещё раз выругался, размышляя, не стоит ли оставить глупого школяра объясняться с братом. А затем тяжело вздохнул, и закинул мальчишку, к счастью, достаточно тощего и лёгкого, на плечи, и понёс его к выходу. Стоило ещё понять, как преодолеть изгородь с лишним грузом на плечах.

Проснулся Лука от достаточно лёгкого, но всё же не слишком ласкового пинка в бок.

— Вставай, вставай. Уже час дня, а ты всё ещё в кроватке!

Никогда ещё чей-то голос не казался Горгенштейну настолько отвратительным. Если бы он мог сделать это безнаказанно, он бы убил Жерара не задумываясь. А так только пришлось открыть глаза, а затем и сесть. Что ж, стало понятно, почему ему всю ночь снилось, как он проводит время в деревне — он спал на тонком соломенном матрасе, с вплетёнными туда сухими травами.

— Где это мы?

— В гостях у моей тётки. Она сейчас на работе.

Лука брезгливо огляделся. Небольшая каморка, стол у окна, здесь же и очаг, на котором, видимо, готовится пища. Вместо кроватей — лавки у стен, а его и вовсе положили на полу. Хорошо хоть, относительно чисто, и пахнет приятно — свежеструганным деревом, сухими цветами и едой.

— Ты здесь живёшь?

— Иногда выбираюсь сюда в выходные, когда в Орхане совсем невоготу оставаться, но тут не слишком просторно, и не хочу теснить тётку. Слушай, а твои родители не будут волноваться, что ты не пришёл к ним ночевать?

— Я сказал им, что переночую в школе из-за сложного проекта.

Отец, услышав, что в эти выходные Лука не вернётся домой, лишь кивнул, не слишком желая разбираться в проблемах одного из сыновей (благо что понимал, что всё равно ничего не поймёт в делах младшего отпрыска). А вот матушка долго не могла успокоиться, то грозясь пойти разбираться с директором Орхана за то, что её кровиночку совсем замучили, то порываясь принести ему в школу снеди, так как «что-то ты совсем худенький и бледный». Госпожу Горгенштейн смог уговорить только Лавель, присутствующий при беседе.

— Его же засмеют, матушка, — укоризненно сказал он, — если вы будете его опекать даже в школе. Лукреций вполне себе самостоятельный и ответственный юноша, он вполне может о себе позаботиться и не наделать глупостей.

Насчёт последнего он, впрочем, немного ошибался.

Лука встал, потянулся и тут же охнул. Приподняв рубаху, он мрачно оглядел многочисленные синяки.

— Это что? — спросил он Жерара.

— Это я несколько раз тебя уронил. Вот это, — он указал на ссадину на предплечье, — когда я перетаскивал тебя через изгородь. А вот эти, на рёбрах, когда мимо нас проходил патруль, и мне пришлось скинуть тебя в... ну тебе лучше не знать.

Лука понюхал рубашку и сморщился.

— Я, кажется, догадываюсь. Где кость?

Жерар похлопал по мешочку, висевшему у него на шее.

— У меня. Но я отдам его лишь взамен на деньги, или на обещание, что я буду участвовать в поисках сокровищницы наравне с тобой.

Лука скривился. Смышлёный маг достаточно быстро поймёт, что ритуал, который собирался провести Лука, тёмномагический. И было бы глупо ожидать, что он скроет это от Коллегии. Но выбора особо не было. Ситуацию, очевидно, придётся решать на месте.

— Хорошо, но в этот раз я буду делать всё сам. Ты должен только наблюдать.

— Ты будешь использовать то же поисковое, или всё-таки заклятие Истара?

— Ни то и не другое. Проблема не в том, как найти тайник, а в том, как его вскрыть.

Для этого то нам и нужна частичка хозяина сокровищницы.

— Когда пойдём? — деловито поинтересовался Жерар.

— Как стемнеет.

Потому что ритуалы, связанные с призывом душ умерших, работают лучше всего ночью. Видимо, Жерар это тоже знал, потому что взглянул на Луку с нескрываемым подозрением.

— Это ведь не тот вид колдовства, за который церковники поджаривают пятки?

— Нет нет, — уверил Лекоя будущий некромант. — Я не связываюсь с подобной магией, у меня же брат священник.

— Ага, которого мы ночью ограбили. Это, конечно, характеризует тебя с самой лучшей стороны. У тебя случайно среди братьев воров нет?

— Пока никого страшнее такого колдуна, как я, в роду Горгенштейнов не было, — насмешливо сверкнул глазами Лука, и Жерар расхохотался, хлопнув его по плечу.

— В том, чтобы быть белой вороной, есть свои преимущества. Вот взять хотя бы мою тётку. Если бы не её способности, быть бы ей сейчас крестьянской женой с оравой детишек, а не самостоятельной горожанкой с вполне себе респектабельной профессией.

На взгляд Луки, респектабельность мало соответствовало той нищете, что он видел, но он решил проявить вежливость, и нейтрально спросил:

— А кто она у тебя?

В двери как раз заскрежетал ключ.

— А вот сам у неё и спросишь. Дели, что-то ты сегодня рано?

Вошедшая в дом женщина привлекала внимание. Она была достаточно молода, не старше двадцати пяти и обладала резкой, даже грубоватой внешностью. Но было что-то чертовски привлекательное в Дели. У женщины были такие же, как у племянника, зелёные и широко поставленные глаза и светлая кожа, но брови, ресницы и волосы были темнее ночи, что рождало поразительный контраст. Она была высокой, на голову выше Жерара, и судя по всему, стройной, хотя широкая юбка и незаправленная рубаха хорошо скрывала фигуру. Но запястья, выглядывающие из широких рукавов, были изящны, а шея тонка.

— Решила уйти пораньше, в лавке всё равно пока Нира сидит, — голос её был также



хорош, как и она сама — глубокий и волнующий. — А, твой приятель, наконец, проснулся! Ну и крепко же вы напились прошлой ночью. Но ладно ты. Жерар! Но зачем было спаивать такого приличного мальчика? Хотя...

Она подошла совсем близко к Луке, заставив его покраснеть, и принялась:

— Пивом совсем не пахнешь, хотя бы не помешало помыться. Скорее, что-то... сонный порошок?

— Да, — удивлённо сказал Лука. — А откуда вы знаете?

Жерар раздосадовано почесал голову. Надо было догадаться обрызгать мальчишку чем-нибудь покрепче. Плохой из него конспиратор.

— Я тебе как раз хотел сказать. Делия — травница. Делия — это Лукреций Горгуп... Горген... ну как-то там, он учится в той же школе, что и я.

— Горгенштейн? — заинтересованно приподняла бровь Делия.

— Вы всех в городе знаете? — поинтересовался немного недовольно Лука.

— Нет, — рассмеялась женщина, тряхнув копной тяжёлых волос, небрежно перехваченных зелёной лентой. — Просто сталкивалась по делам с Томасом Горгенштейном. Очевидно, он твой брат? Вы немного похожи.

Если Делия работала в одной из целительских лавок, то она вполне могла сталкиваться со старшим из братьев Горгенштейн. Он часто заходил в подобные места в поисках редких трав и сборов.

— Да, Томас мой брат.

Делия тут же потеряла интерес родственным связям мальчишки.

— Есть хотите, ребята?

— Я бы не отказался, родная, — тут же расплылся в заискивающей улыбке Жерар.

А Лука несколько замаялся. Не лучше ли ему будет пойти домой? Конечно, будет много вопросов от матери, почему он в таком виде, и ещё больше, когда он снова уйдёт вечером. Но и находиться здесь ему было неудобно. В основном из-за тётки Лекоя. Слишком уж она его тревожила, хотя он не совсем понимал, чем именно.

— Ну же, — ласково заглядывая в глаза мальчика, сказала Делия, — не смущайся. Я буду рада угостить тебя чем-нибудь.

И мягко взяла Лукреция за руку. Ладонь, до которой дотронулась травница, опалило огнём — не больно, скорее неожиданно. Лука растерянно отнял руку и взглянул на ладонь, ожидая увидеть ожог или хотя бы покраснение. Но не увидел ничего. Делия, кажется, была так же удивлена — это было видно по её резко расширившимся зрачкам, но со своими чувствами она справилась гораздо быстрее.

— Ох, маленькая молния проскользнула, — подмигнула она, сделав вид, что ничего особенного не произошло. — А я только хотела сказать, что не кусаюсь. Ну же, давайте к столу. Картошка не должна была остыть в печи, а маринады я сейчас достану. Один из клиентов недавно принёс.

Стол был простой, и в другом случае, Лука не преминул бы выказать своё презрение к грубым глиняным тарелкам и отсутствию на столе салфеток. Но Делия готовила хоть и просто, но очень вкусно — так что Лука даже не отказался от добавки. Так что во время трапезы все сидели молча, тщательно пережёвывая, лишь Делия иногда кидала на Луку задумчивые взгляды.

— И какие у вас планы на день?

— Ну, вроде никаких... — начал говорить Лука, но Жерар его перебил:

— Просто куча дел. Так что мы сейчас, да-да, прямо сейчас, уходим. Прощай, тётушка. Увидимся, э-э-э, ну когда-нибудь.

Когда они оказались за порогом, Лука чуть недовольно спросил:

— Ты чего? Хочешь до ночи по улицам промотаться?

— Ты даже не представляешь, что было бы, если бы мы остались, — округлил глаза Лекой. — Во-первых, она через полчаса бы уже вызнала, что мы замыслили.

— И что, не отпустила бы?

— Отпустила, — махнул рукой Жерар. — Вот только перед этим шантажом бы заставила меня делиться или бы издеваться начала. Она знаешь, какая иногда бывает? Ух! Просто ведьма.

— А во-вторых?

— А во-вторых, если бы мы не ушли, то она бы уже нашла для нас дело. «Жерар, отнеси госпоже Мерло её мази. Жерар, разбери эти травы — да-да, весь мешок. Лапушка, попробуй этот отвар, я хочу проверить, нет ли после неё сыпи по всему телу», — весьма похоже передразнил он тётку. — И это она уже почти дипломированному магу говорит! Отраву я должен её пробовать! И тебя бы заставила.

Лука сильно сомневался, что его можно как-то заставить, но спорить не стал.

— Что делать то будем?

— То же, что делают обычно парни нашего возраста. Бесцельно шататься по улицам и пялиться на баб. Уверен, что ты никогда так не развлекался, а, маменькин сынок?

И как бы Горгенштейн не относился скептически к такому бесполезному времяпровождению, ему, в общем-то, понравилось. Он даже в какой-то момент решил, что наличие приятеля или друга вполне может иметь смысл. Пусть даже этим приятелем и окажется такой бесцеремонный и нахальный тип, как Жерар Лекой.

## Глава 2

# Ритуал и его последствия

Было ли это удачей, или наоборот, препятствием, но ритуал Аш-хиони нужно было проводить не на старом кладбище, а в лесу недалеко от города — практически в нескольких шагах от крепостной стены. Во времена жизни магистра Гохра город был в два раза меньше, и это место считалось надёжно укрытым, сейчас же мальчишкам приходилось соблюдать тщательную осторожность, чтобы остаться незамеченными.

Лука здесь уже бывал, ещё в те времена, когда кость не была украдена, но тогда он не успел даже приступить к заклинанию. Впрочем, сейчас, после нескольких лет обучения в Орхане, Лука понимал, что Аш-хиони мог ему просто тогда не даваться — даже с поддержкой мёртвого чернокнижника. Да и понимал ли он тогда всю опасность этого ритуала?

Впрочем, подозрения были. Пусть магистр Гохр и считал его наивным ребёнком, которого легко обмануть, настолько наивным не был. Поэтому к мысли о том, чтобы призвать дух магистра Гохра из мира мёртвых, следуя указаниям полумрачного слепка его души, сохранившего в его костях, он отнёсся с достаточной долей недоверия. Ведь полностью проявленный в этой реальности дух не сможет долго просуществовать без оболочки — а значит, оно будет искать себе тело. И как бы не было любопытно Луке поговорить по-настоящему с древним чернокнижником, жертвовать ради этого **своё тело** он не хотел.

Почти три года назад он не знал выхода из этой ситуации, сейчас же он нашёл изящное, и самое главное вполне себе безопасное решение проблемы.

Небольшая полянка, на которой должно было совершаться колдовство, была покрыта на удивление ровной травой — ни цветов, ни пней, как будто по земле зелёный ковёр раскатали. Кроны смыкались над этим кусочком земли почти полностью, оставляя для лунного света лишь небольшой просвет.

— Какое-то странное местечко. Здесь находится хранилище? — поинтересовался Жерар, простукивая толстую кору старого дуба, надеясь обнаружить тайник без какой-либо магии.

— Возможно, — уклончиво сказал Лукреций, выкладывая из сумки необходимые для ритуала ингредиенты.

— Возможно? А что мы тогда... Эй, а что это за хрень такая? Она меня пугает!

— Это Луиза, знакомься.

Луиза была куклой длинной в локоть. Когда-то, будучи купленной для одной из сестёр Луки, она обладала прекрасными каштановыми локонами, длинными ресницами и прекрасными голубыми глазами. Сейчас же волосы прутьями торчали в разные стороны, один глаз разбился и сиял теперь дыркой в голове, а тряпичные руки и ноги с проволокой внутри были погнуты так, как будто кукла билась в конвульсиях, и так и умерла. Платье, в которое она была одета, давно порвалось и истлело, поэтому Лука, недолго думая, повязал вокруг её пухлого туловища кусок украденной с кухни марли. И теперь Луиза производила весьма гнетущее впечатление, напоминая то ли мертвеца в саване, то ли одну из тех мумий, которых находили в пирамидах, страшными историями о которых пестрела бульварная пресса.

— Мы что, будем устраивать ей сожжение? Потому что я бы её сжёг. Чтобы, не дай бог, она не выкопалась и не стала нас преследовать.

— Это сосуд.

— Сосуд для чего?

Лука начал злиться. Этот Лекой задавал слишком много неудобных вопросов, а отделаться от него туманными сентенциями, как он, бывало, отделялся от своих родителей и даже учителей, у мага не получалось.

— Послушай. Сиди молча и не мешай! Я обещал взять тебя с собой, а не объяснять каждый свой шаг.

Жерар хмыкнул, потёр начавший зарастать подбородок, и придя к какому-то решению, уселся на краю полянки.

— Хорошо. Я сяду тут, и не буду отвечать.

Это решало проблему Луки лишь наполовину. Потому что даже без объяснений Лекой сможет понять, что в основе ритуала — тёмная магия.

— И отвернись! Можешь слушать, а не смотреть. Этот ритуал на одного, и лишнее внимание может всё испортить.

Жерар в этот раз медлил.

— Если только ты дашь мне обещание, что не причинишь мне вреда.

— Ты мне не доверяешь? — надменно поднял брови Горгентштайн.

— У меня нет оснований тебе доверять. Может, ты меня в жертву решил принести, — насмешливо сказал Жерар, хотя глаза его были серьёзны.

— Тогда... тогда даю обещание не пытаться тебя убить.

— И не дать меня убить ничему другому!

— Обещаю, — процедил Лука. Кажется, Жерар понимал гораздо больше в происходящем, чем хотелось бы Луке. Впрочем, он действительно не собирался его убивать.

Жерар довольно кивнул:

— И помни, что достаточно многие видели нас вместе. Так что если я пропаду, в первую очередь пойдут к тебе.

Лука закатил глаза.

— Отвернись же! И, э-э-э... подсвети мне немного.

— Я тут значит, тебе светильником буду подрабатывать, — фыркнул Жерар, но послушно зажг над поляной ровный магический свет. — Может, нужно факелы было принести?

— Свет факелов будет видно со стены. А магический свет полностью исчезает вне очерченного круга заклинания. И ты сам вызвался мне помогать, так что хватит ворчать, и дай мне сосредоточиться.

Лука умолчал об ещё одном факторе — если Жерар будет занят своим заклинанием, у него не будет времени следить за тем, что же делает его спутник.

Подготовка к ритуалу давалась сложно. И не только потому, что знаки приходилось чертить на земле лезвием ножа, а не ровном полу мелом. Мешал шёпот на грани сознания — магистру Гохру не терпелось освободиться. Иногда шёпот становился таким громким, что мальчик переставал даже слышать окружающие звуки. Руки начались трястись, а взгляд затуманивало красное марево.

— Сейчас, сейчас, — бормотал он себе под нос лихорадочно. Последней он посадил в цент круга диаметром в пару шагов куклу, и сделав надрез в районе груди, вложил туда кость

левого мизинца и залепил кашицей из смолы и специальных трав, смоченных в его собственной крови. Затем встал позади куклы и начал читать текст заклинания, давным-давно уже выученный наизусть.

Сам ритуал Аш-хиони был достаточно прост, с ним бы справился даже неподготовленный тёмный. Сложнее всего, по словам того же Гохра, была подготовка к нему: ещё тогда, сотни лет назад, он подготовил основу для ритуала и заговорил свою часть тела. Теперь же Луке нужно было лишь использовать свою тьму и произнести слова заклинания. Слова эти даже для него звучали тарабарщиной — они не были похожи ни на один из изучаемых в Орхане древних языков. Он звучал тяжело и чуждо, и казалось, совершенно не было предназначено для человеческого горла. Но Лука упорно говорил, запинаясь, мучительно искажая рот и напрягая горло, но всё же выговаривая все слова как можно более точно.

— ... Ахро грхело толихиагрсве... — тут он запнулся. Согласно инструкциям магистра Гохра, тут он должен был подставить своё имя. Но он и так уже достаточно далеко отошёл от инструкций, поэтому он твёрдо продолжил: — .... Асстерх Луиза прграцихно хенно тс-сецлотоссанги тогронп. Аш-хиони!

Вместе с последними словами он выплеснул всю ту тёмную силу, что скопилась в нём за последние месяцы. Сначала ему показалось, что это легко — он привык уже отдавать энергию лунным камням. Но сейчас всё оказалось по-другому. Тьма скользнула по начертанным на земле линиям, вспыхнули и погасли руны Вальдо, и энергия потекла в центр. Туда, где сидела нелепая игрушка.

В тот же момент магический огонь над поляной заискрился и потух, а Жерар беззвучно повалился на землю. Впрочем, у Луки не было времени ни пугаться, ни тревожиться о жизни своего спутника. Потому что кукла начала шевелиться.

Сначала дёрнулись руки, затем ноги. Она повалилась на спину и начала смешно барахтаться, пытаясь перевернуться на живот. Наконец, ей это удалось, и кукла, упираясь руками о поверхность и покачиваясь, встала. Тряпичное её лицо жутко перекосилось, а затем там, где находилась условная полоска рта, ткань затрещала и разорвалась.

— Лу-у-укреций, — прохрипела кукла неожиданно низким мужским голосом и завращала своим единственным голубым глазом. — Лу-у-укреций, т-т-ты...

— Да? — осмелился Лука подать голос, крепче перехватив перочинный нож.

Кукла шатаясь, повернулась к нему.

— Что это за тело? Оно... неполноценное.

— Моё, я понимаю, было бы лучше, — вежливо ответил Горгенштейн, помня, что старшим лучше не грубить. — Но мне оно пока само нужно.

— Я бы, я бы... не отнял, — речь давалась Тобиасу Гохру всё легче. — Я бы... занял совсем мало места.

— Знаете, магистр, даже шёпот вашего слепка был весьма назойлив, едва ли я вместил в себе всё ваше сознание, не потеряв себя.

— Умный, — каркаяще рассмеялся Тобиас-Луиза. — А это у нас что, подарок?

Кукла заметила находящегося без сознания Жерара и поковыляла к нему. Лука вежливо, но твёрдо заступил ей путь.

— Извините, магистр Гохр, но тело моего... приятеля вы тоже не заберёте себе.

— А я и не собираюсь, — возразил магистр, — он маг, но не тёмный. Он как сосуд совсем не годен. Даже в эту пародию на человеческое тело я смог попасть лишь потому, что

в нём была твоя кровь и часть твоей тьмы. Могу поздравить тебя, мальчик — ты всё очень хитро придумал.

— Тогда зачем вам Жерар? — удивлённо спросил Лука.

— Разве это не твоя жертва? Извинение за то, что ты засунул меня в эту дурацкую тряпичную куклу? — возмущённо потрясся игрушечной пухлой ладошкой с четырьмя пальцами.

— Нет. Он просто помогал мне с поисками... эм-м-м, вашего потерянного мизинца. И я обещал ему, что не убью его и не дам ничему убить. И я намерен держать своё слово.

— Ну, это твоё слово, мальчик, — хищно расхохотался Гохр, и подобно маленькой юркой обезьяне проскочил между ног растерянного Луки, достигнул Жерара и вцепился ему в горло, голодно причмокивая.

Но уже через секунду оторвался, жалобно взыв и разевая тряпичный рот.

— Ни магии, магистр Гохр, ни зубов, — с лживым сочувствием покачал головой Лукреций. — Луиза плохо подходит для убийств. Так что придётся вам сегодня обойтись без жертв.

— Гадкий, гадкий мальчишка. И это после всего, что я тебе сделал! — кукла в ярости закружилась на месте, топоча ножками.

— А что вы для меня сделали?

— Я открыл для тебя тёмную магию! Я провёл тебя через инициацию! Стал твоим Учителем! А ты жалеешь для меня крови какого-то крестьянина! Запер меня в этом теле, которое рассыплется через пару дней! И что тогда?! Что тогда, я спрашиваю?!

— Но ведь можно укрепить ваш сосуд? — спокойно спросил Горгенштейн. — Вы сами сказали, что вам нужна кровь тёмного мага. Я готов ей делиться, в умеренных количествах, конечно. Но вам, я думаю, должно хватить на то, чтобы продолжать жить дальше.

— Это будет не жизнь, это будет жалкое существование, — буркнул Гохр злобно моргая единственным глазом.

— Но всё же, выбирайте. Или вы соглашаетесь на это тело и мою помощь, а взамен становитесь моим проводником в тёмные искусства, либо я просто уйду и оставляю в таком виде. Всё равно вы беспомощны и ничего не можете никому сделать, — пряча своё нетерпение под деланным безразличием, сказал мальчик.

Кукла задумчиво почесала голову, и с отвращением вырвала клочок пакли, заменяющую кукле волосы.

— Рыжий я теперь, да? А с глазом что?

— Я пришью новый, — поспешно заверил Гохра Лукреций. — И волосы могу состричь.

— Волосы можешь оставить, — брезгливо сказал магистр. — Я при жизни лысым был, так что даже такие волосы лучше никаких. Я согласен. Ты мне свою кровь — два раза в неделю, потом она уже перестаёт действовать. А я буду наставлять тебя и предостерегать от глупостей. Начну прямо сейчас. Ты какого... взял сюда этого паренька, пообещал заботиться о его жизни, и раскрыл ему все свои тайны? Он же теперь тебя сдаст, и глазом не моргнёт.

— Я ничего ему не сказал, может, он и не догадается, что это был за ритуал, — несколько виновато сказал Лука. Он не был излишне человеколюбив, но и убивать такого, в принципе, неплохого человека, как Лекой, не хотел. Да и обещание... — Я сказал ему, что мы будем искать твой тайник. Может быть, если мы найдём его, и я отдам Жерару его часть, он не будет болтать лишнего?

— Хочешь подкупить его? — раззявила в беззубой улыбке рот кукла. — Хорошая идея.

Но мы сделаем ещё лучше. Смотри....

Через пять минут план уже был продуман, а через десять начал претворяться в жизнь.

— *А если... если он всё поймёт? И не согласится сохранить мою тайну?*

— *Тогда тебе всё же придётся пойти до конца.*

— *Я никогда никого не убивал. И я дал обещание.*

— *А тебе и не придётся убивать самому. Тайник снабжён ловушкой, но я скажу, как тебе её обойти. А говорить ли об этом твоему спутнику, решай сам. Просто активируй вход, сам или с этим юношей, и он уже не сможет покинуть эту поляну... если ты этого не захочешь.*

У всех людей разная реакция на магический удар — перенасыщение чужим или даже собственным колдовством, который организм не может ни принять, ни отторгнуть. Для обычных людей, не обременённых колдовским талантом, переизбыток магии ощущается как лёгкая головная боль или резь в желудке, в самом сильном варианте — ещё и рябью перед глазами и рвотой. А вот у самих колдунов магический удар вызывает гораздо более разнообразные, подчас забавные, а порой и весьма неприятные эффекты. Ученики Орхана уже к третьему, а то и ко второму курсу хоть раз да становились жертвой отдачи от колдовства. Одного из однокурсников Жерара, к примеру, от переизбытка силы начинало пробивать на «хи-хи», другой же напротив, впадал в сильнейшую хандру, и даже пару раз пытался покончить с собой после того, как словил особо неудачное проклятие себе на голову. Кто-то начинал мёрзнуть, кто-то напротив, сгорал в огне. Особо чувствительные бились в конвульсиях или застывали в кататоническом ступоре.

Жерару, можно сказать, повезло и не повезло одновременно — он просто засыпал, погружаясь в глубокий сон без сновидений. Для здоровья это было отнюдь не вредно, но вот в критических ситуациях, нередко сопровождавших, а то и становившихся причиной магического удара, это было не слишком безопасно.

Вот и сейчас он потерял сознание совершенно не вовремя. Лекой почувствовал, как поднялась волна магии за его спиной, но было в ней что-то глубоко чуждое и пугающее. Эта магия, это чувство... Как будто он снова ребёнок, лежит на краю кровати, которую делит со старшими братьями, и пытается не упасть — потому что там, внизу, притаилось страшное чудовище во тьме, которое ждёт, когда он потеряет осторожность и высунет руку или ногу за пределы безопасного пространства кровати... Или пробирается по тёмному коридору к кухне, держа свечу в руке, а жадные тени в углах тянутся своими длинными конечностями к нему, стремясь схватить глупого ребёнка. Почему ему стало так страшно от колдовства Горгенштейна? Хотелось бежать, не оглядываясь, или свернуться в клубочек, чтобы спрятаться от чужого злого присутствия, но... Лекой не был бы собой, если бы не мог взглянуть страху в лицо. И он, отбросив обещание Луке, решил повернуться. Если этот мальчишка думает...

И тут Жерара накрыло магическим ударом, и тьма поглотила его сознание, но уже не пугая, а обещая блаженство забытья.

Из сна Лекой выдернул пинок под дых, скорее неожиданный, чем болезненный. Лука не преминул отомстить за своё утреннее пробуждение.

— Знаешь, пока ты просто дрых, я молчал. Но вот твой храп во время своей работы слушать не намерен, — сообщил старшекурснику Горгенштейн.

— Дурак, я не спал, — огрызнулся Жерар, утратив в миг всё своё благодушие, и только и мечтая заехать Луке куда-нибудь побольнее. Но тот предусмотрительно держался

подальше. — Это твоя чёртова магия меня вырубил. Что ты сделал?

— Сложно сказать. Я сам тут полчаса в корчах ползал, — неохотно признался Лука.

Жерар с подозрением взглянул на своего спутника, но тот и впрямь выглядел измученным.

— Что-то не то было с тем заклинанием, что ты использовал. Какое-то оно странное.

Жерар прошёлся вдоль начерченного круга, коснулся пальцем выжженных на земле линий, и начерченных рядом знаков. Обычных рун Вальдо, но начерченных в каком-то бессмысленном, хаотичном порядке.

— В этих знаках нет смысла. Они не должны были сработать, — нахмурившись, сказал Лекой.

— Правда? Я не знал. Я просто переначертил на память из книги, не особо вдумываясь в содержание.

Отчего-то Жерар был уверен, что книги этой, о которой говорит Лука, вовсе не существовало, впрочем, как и этого ритуала. Перед ним — подделка, сделанная наспех, чтобы скрыть.... Что? Истинный ритуал? Тот, от которого его сначала пробрало от страха, а затем и вовсе вынесло. И уродливая кукла куда-то пропала.

— Ритуал не сработал? — то ли спросил, то ли просто констатировал факт Лекой. Но ответ Луки его удивил.

— Почему же не сработал? Теперь я знаю, где тайник, и даже знаю, как туда попасть, — самодовольно скорчил рожу Горгенштейн, отчего ему сразу захотелось врезать.

— И где же он?

Лука топнул ногой по земле.

— Прямо под нами.

Жерар с сомнением посмотрел вниз. Как и ожидалось, никакого люка в земле не было.

— Мы не взяли с собой лопат.

— Они бы нам не помогли. Тайник скрыт магией, но наш неправильный ритуал его видимо сломал.

— Твой.

— Что?

— Твой неправильный ритуал, Лукреций, а не наш, — Жерару совсем не хотелось быть причастным к такой странной магии. — Если он сломан, значит, мы не попадём внутрь?

Лука покачал головой.

— Это значит, наш путь теперь стал проще. Один барьер мы преодолели, теперь остался только второй. Дай мне руку.

Жерар, поколебавшись, всё же протянул руку и Лука крепко схватил его за ладонь.

— Помнишь, как на Вальдо будет «откройся»? Стой, не говори, скажем это вместе.

Взгляды юношей скрестились, и Лекой, наконец, кивнул, соглашаясь.

— Орто.

— Орто! — прозвучало одновременно, и сила, послушная их слову, потоком устремилась вниз, по их телам, уходя в землю. Лука пошатнулся, и Жерару пришлось схватить его за плечи.

— Ничего не происходит. Ты уверен, что это всё, что нужно? — напряжённо спросил старшекурсник.

— Ничего больше. В этот раз магистр Гохр не был оригинален, — думая совсем о другом, сказал Лука.



— Магистр Гохр?! Тот самый чернокнижник?!

Глаза Луки расширились, когда он начал осознавать свою ошибку. Он произнёс это имя совершенно случайно, да и не думал он, что Жерар Лекой, сын мельника, слышал о Тобисе Гохре. О таких, как он, ведь не рассказывали в Орхане.

Жерар оттолкнул Луку, отчего обессиленный двумя заклинаниями мальчик упал на колени.

— Не уходи! — протянул он руку отшатнувшемуся Жерару.

— Я не подписывался на участие в тёмной волшбе, Горгенштейн, — покачал головой Лекой.

— Ты сдашь меня?

Жерар заколебался. Он злился на Лукреция за то, что тот его так подставил, но сдать мальчишку Коллегии означало не только лишить его всех карьерных перспектив, но и собственно самой жизни. С чернокнижниками ни церковники, ни сами маги не церемонились.

— Скажи, ты влез в это по дурацки, или знал, на что идёшь? — жёстко спросил Лекой.

— Я знал, что Гохр увлекался тёмными искусствами, но я не собирался делать ничего дурного, — по-детски жалобно произнёс Лука, пряча расчётливый взгляд. — Мне просто было любопытно. Я хотел знать... хотел прикоснуться к древней тайне, ничего больше. Ведь я не обманул тебя, Жерар. Ты получишь свои сокровища, как только мы попадём в тайник!

— Сокровища? — рот Лекой дёрнулся, то ли в болезненной гримасе, то ли в усмешке. — Зачем мне нужны проклятые сокровища чернокнижника? Нет, Лука. Я не собираюсь больше тебе помогать, и сокровища чернокнижника мне не нужны. Их даже не продашь. И тебе не советую никуда лезть. Но я ничего не расскажу Коллегии. Твоя глупость и самонадеянность не стоит смерти. Я ухожу.

— Мы уже открыли вход в тайник. Ты не сможешь уйти, — совершенно спокойно, как будто минуту назад он не просил о пощаде, сказал Лука.

Жерар молча развернулся... и не смог сделать ни шагу. Ноги его ушли под землю по щиколотку.

— Что ты делаешь, придурок? — зашипел Жерар, пытаясь освободиться.

— Я в том же положении, если ты не заметил. Я же сказал, что мы уже открыли вход. Теперь только вниз.

Сам он провалился в землю уже по бёдра.

— Самое главное, — торопливо продолжил Лука, — не сопротивляйся и не паникуй. Прикрой лицо и рот, чтобы не наглотаться земли. Я попаду в тайник первым, и помогу тебе выбраться.

С ужасом Лекой увидел, как Горгенштейн был поглощён землёй — совершенно бесшумно, не оставив даже никакого следа на ровном ковре травы.

— Дерти. Ос. Мо-эти! — юноша начал панически перебирать приказы на Вальдо, надеясь, что одно из них повернёт заклятье, открывшее вход в тайник, назад. И наконец, отчаянно прокричал: — Да остановись же! Пере...

Крик захлебнулся. Жерар оказался в мягкой и вязкой как кисель земле по самые уши. Торчала лишь макушка и руки по локоть, нелепо вздёрнутые вверх и пытающиеся хоть за что-то уцепиться.

Стражник, прогуливающийся по ту сторону стены, вздрогнул, услышав вопль, но не найдя источник шума, пожал плечами, пошёл дальше. Тайнственное исчезновение двух

юных магов так никто и не заметил.

Лука, благодаря Гохру подготовленный к переходу, сумел попасть в сокровищницу, ничего себе не отшибив. Хотя всё же на ногах удержаться не смог. Высота тайника оказалось значительно больше, чем он думал. Лука зажёл магический свет, но оглядеться не успел. Над земляным потолком показались ноги Жерара. Сначала ступни в потрёпанных башмаках, затем щиколотки, голени, колени. А затем Жерар застрял. Ноги, сначала нелепо шевелящиеся, безвольно повисли в воздухе.

— Ну я же говорил, чтоб закрывал лицо и не разевал рот, — досадливо произнёс Лука, и подпрыгнув, ухватился ладонями за щиколотки Лекоя, помогая своим весом ускорить падение.

А вот отскочить в сторону не успел, и Лекой обрушился прямо на него. Скинув его с себя, Лука взглянул парню в лицо и выругался. Затем придал безвольному телу сидячее положение и силой ударил по спине. А затем снова и снова, пока Жерар не закашлялся, очищая своё горло от забившихся комьев земли. Он отдышался и со смесью гнева и благодарности посмотрел на Луку.

— Я думал, застряну там навсегда. На какой глубине этот тайник?

— Не очень глубоко. Метра три, четыре.

— И за все эти годы потолок так и не обвалился? — недоверчиво спросил Жерар.

— Ну ты видишь, что потолок то здесь совсем не обычный, — хмыкнул юный чернокнижник. — Хотелось бы знать, какую магию Гохр использовал, чтобы такого добиться? В Орхане, я уверен, ни один магистр так не может.

Жерар покачал головой.

— То, что учителя нам этого не дают, не означает, что они не владеют этим сами. Просто никто не хочет делиться своим мастерством за так. Дорогим магистрам не нужны соперники.

— А в Коллегии не так уж много мест, — подхватил Лука. — Но у нас есть отличная возможность многое узнать самим. Посмотри, сколько всего!

Восхищение его было искренним и неподдельным. Жерар ещё ни разу не видел Луку таким взволнованным. Лекой огляделся. Небольшая комната, размером с его спальню в Орхане. По углам сундуки, покрытые пылью и паутиной, и книжные полки до потолка — видимо, защищённые магией, так как книги находились в идеальном состоянии. Жерар подошёл к одной из полок и пробежался глазами по корешкам.

— «Тайные ритуалы жрецов Сета и Анубиса», «Правила вызова демонов Третьего круга», «Обретение силы на обрядах крови»... хм, мрачновато. Да за одно это могут отлучить от Церкви и признать еретиком и чернокнижником. А это что? «Принцип заклинания духов природы»!

Тут он выпал. Это же легендарный фолиант! От него сохранились лишь жалкие обрывки, которые берегли как зеницу ока. Впрочем, даже то, что сохранилось, было недоступно для простых магикусов — слишком уж опасным считалось умение управлять элементами и природными силами.

— Что за книга? — Люка с любопытством подошёл ближе и недолго думая выдернул тяжёлый томик с книжной полки. — Это как ветер вызывать? Так вроде все магистры это умеют.

— Не только ветер. С помощью этих заклинаний можно управлять огнём и водными потоками. Вызывать дождь и град, и даже двигать камни. И это всё без долгих и трудоёмких

ритуалов!

— Ну, камни и я двигать могу, если они не очень тяжёлые? — и без всякой магии, — рассеянно сказал Лука, переключаясь на другие книги. Погодная магия его не интересовала. Зато его привлекли книги с серебристым тиснением и изображением золотых крыльев, символизирующих Церковь Иеронима — Что-то тут много церковных книг. С чего бы у тёмного мага такой интерес к богословию?

Жерар равнодушно пожал плечами, полностью уйдя в чтение. Лука достал одну из книг — «Благочестивые упражнения енохианского ордена», пролистал и недоумённо нахмурился. Богословие? Нет, скорее уж, описание неких мистических практик, цель которых была не слишком ясна. На форзаце книги был размещён смутно знакомый знак — чёрная ветвь без листьев, обвитая трёхглазым змеем. И на других «церковных» книгах то же самое. И все они написаны членами ордена святого Еноха.

— Ты слышал про святого Еноха? — задумчиво спросил Лука.

— Какого именно? Который проповедовал диким львам, или который в одиночку обратил в бегство целую армию язычников, явив им гнев Господень?

— А какого из них изображают со змеем и ветвью?

— Второго. Но это апокрифическая история, её мало кто из отцов Церкви признаёт. Слишком мало жизнь Еноха Хемельского была похожа на жизнь нормальных святых. Его канонизировали конечно, но почитателей он после себя не оставил. Уж больно суров был, даже Вefелия по сравнению с ним показалась бы безобидной.

— А ты откуда про него знаешь?

Лука считал, что он неплохо разбирается во всей этой религиозной чуши, но про Святого Еноха слышал впервые, хотя этот знак явно где-то видел.

— Да как-то историк наш байки травил. Ты же знаешь, он любит всё нелепое и кровавое, а истории про Еноха из Хемеля отлично вписываются в эти две категории. Знаешь, почему его с ветвью в руках рисуют? Он ей лично выколол оба глаза одному императору. Енох вообще любил людям что-то выкалывать и вырывать, пунктик у него не человеческих органах был. А что?

— Да вот, книжку его последователей, тех самых, не существующих, нашёл, — иронично сказал Горгенштейн.

— Да кому интересны эти сказки, когда тут такое, такое... И это мы ещё в сундуках не смотрели!

В сундуках, к счастью не запёртых, были золотые монеты. Зачарованный блеском металла, Жерар протянул руки, намереваясь зачерпнуть горсть золота, Но Лука оттолкнул молодого мага.

— Не будь дураком! Мы в тайнике самого Гохра. Сокровища вполне могут быть зачарованы или прокляты.

Жадный блеск в глазах Лекоя угас, сменившись мрачной сосредоточенностью. Он провёл рукою над открытым сундуком, что-то шепнув себе под нос, и перед юными магами предстал истинный вид «сокровищ». Сундук был набит трухой и гнилушками.

— Ты был прав, — разочарованно сказал Лекой. — Это эльфийское золото.

— Я думал, что эльфов не существует.

— Эльфов может быть не существует, а эльфийское золото — вполне. Его иногда находят в глухих чашах и у подножий гор. Распознать легко, если знать нужное заклинание, но те, кто его находят, редко оказываются магами, как ты понимаешь. Да и не у каждого

мага умишка хватит проверить найденные «сокровища». И ладно бы люди просто обманывались — так ещё и те, кто слишком долго держит у себя, начинает болеть, и вскоре умирает.

Лука опасливо отодвинулся.

— Не бзди, — снисходительно улыбнулся Лекой, захлопывая сундуки. — Пока ты не касаешься золотишка, ничего тебе не будет. Непонятно только, зачем сумасшедший колдун держал эльфийское золото при себе.

Горгенштейн пожал плечами, не обращая внимание на недовольное шевеление куклы за пазухой.

— Ну, ты же сам сказал сумасшедший. Значит, золото мы трогать не будем. И книги, чур, не выносить.

— А переписать часть заклинаний можно?

— Зубри наизусть, — отрезал Лука.

— Суров ты, Лукреций. Впрочем, чего ещё ожидать от тёмного мага, — насмешливо сказал Жерар.

— Не называй меня так!

— А как ещё тебя называть?

— Ты видел, чтобы я творил запретную волшбу? Видел, нет? Ну так и молчи, — огрызнулся Горгенштейн. — А если решишь проявить гражданскую сознательность, и сдать меня Коллегии, помни, что даже того, что ты увидел и в чём участвовал, хватит для того, чтобы на всю жизнь поставить на тебя клеймо отступника. Тебе едва ли даже дадут закончить Орхан, так что о лицензии мага можешь забыть.

Глаза Жерара сузились и недобро заблестели. Он навис над мальчиком, и Лука, обычно не боявшийся чужого физического превосходства, сжался. Лекой был гораздо сильнее его, а магией он его сейчас точно не одолеет. Тьма внутри него была почти полностью исчерпана, да и опыта у него было гораздо меньше, чем у Жерара. А ведь он думал, что загнал в ловушку Жерара, не оставив ему никакого выхода, но и сам оказался в ней.

— Ты не сможешь без меня выбраться! — отведя взгляд, сказал Горгенштейн.

— Мне хватит умения тебя заставить.

— Не советую тебе со мной ссориться, — вскинул подбородок Лука.

— Не советую тебе когда-нибудь мне больше угрожать, — зловеще сказал Жерар. — Я ведь уже говорил, что не собираюсь отдавать тебя Коллегии, но если ты, тёмный ты или белее снега, вздумаешь творить злодеяния с помощью полученных тобой от Гохра знаний, я лично приду за тобой и сверну твою шею.

— Ну, смотря что ты понимаешь под злодеяниями, — пробормотал Лука, жалея сейчас, что решил сохранить жизнь Лекою несмотря на то, что магистр Гохр был против этого.

— Поднятия кладбищ, массовые убийства, жертвоприношения — вот что я понимаю под злодеяниями, — рука Жерара тяжело опустилась на плечо Луки и сжала его до боли. — Я буду следить за тобой, Горгенштейн. И если решу, что ты излишне зарвался, то уничтожу тебя, не задумываясь.

— А кто будет следить за тобой? Я видел, какими глазами ты смотрел на ту книгу по магии стихий. Вдруг ты решишь наслать на наш город огненный дождь? — ладони Луки мягко легли на чужие запястья, заставляя Жерара разжать стальные тиски.

— Ну так я же не псих!

— Я тоже. Я хочу жить в этом городе, в этой стране, продолжать учиться, и мне не

нужны толпы озверевших фанатиков, пришедших по мою душу. Я буду осторожен, и надеюсь, будешь осторожен и ты. Нам придётся научиться доверять друг другу.

— Поклянись мне, что не будешь заниматься тёмными искусствами, тогда я начну доверять тебе, — потребовал Лекой.

— Не могу. Ты не знаешь, о чём просишь.

Жерар смерил мальчишку взглядом. Тот стоял напротив него — хрупкий, уставший, совсем не похожий на злого чернокнижника. Но внешность обманчива, а из милых щенят иногда вырастают злобные псы. Сейчас он слаб и уязвим, но сможет ли он остановить его потом, когда он наберёт силы?

— Да, чёрт с тобой, — выругался Жерар. — По рукам. Я молчу об этом тайнике и с твоих тайнах, пока они не несут угрозы другим, ты же мне даёшь доступ к местной библиотеке и запасам золота.

— Ты не должен тратить...

— Да понял я! Не дурак. Пошли лучше, выход покажешь.

— Может, здесь переночуем? Столько всего неизученного.

Уходить Горгенштейну не хотелось. Хранилище манило своими ещё не открытыми тайнами.

— Будет время, — твёрдо сказал Жерар, — а сейчас домой и отдыхать. Да и сестра будет волноваться, если я не появлюсь.

— А что, ты перед ней отчитываешься? — ехидно спросил Лука.

— Только когда отправляюсь на авантюры с подозрительными типами. А вдруг бы ты меня прикончил?

— С чего бы? — обиделся Лука, как будто не он совсем недавно думал о том, стоит ли избавляться от ненужного свидетеля.

— А чего ещё ожидать от храмового вора?

— Эй, ты был там со мной!

Больше не мешкая, они покинули тайник. Выход из него оказался гораздо более безопасен и удобен, чем вход. Единственная в комнате дверь вела в узкий коридор, который, петляя, вывел их к лестнице, выбитой в камне, а та, в свою очередь, в пещеру, скрытую от любопытных глаз густой растительностью. Как только они вышли, как вход в пещеру сомкнулся, как будто его никогда и не было.

— Круто! — восхитился Жерар, касаясь поверхности камня. — И ведь самое главное, никакой магии не чувствуется. Душу бы продал за такие умения.

— Ну, в тайнике была книга по демонологии, так что можешь попробовать, — пожал плечами Лука.

— Да иди ты!

Так, переругиваясь между собой, снимая напряжение прошедшего дня, они вышли на дорогу, ведущую в город. Часы давно уже перевалили за полночь, и обычно оживлённый тракт был пуст. Но стражники всё же бдели у ворот.

— Кто тут ещё? — недовольно произнёс часовой, наставив на них алебарду.

— Мы ученики Орхана. Возвращаемся домой, — вежливо ответил Жерар, так как Лука явно не собирался разговаривать со столь грубыми людишками.

— Чего так поздно? Заучились что ли? — снисходительно поскрёб пузо второй, кивком головы давая отбой своему излишне бдительному напарнику. Орханцев тут знали, как и то, что конфликтовать со школой не стоит. — Да вы, ребят, совсем молокососы. Вас кто-то

встречает?

— Нет. Но нам тут недалеко. Мы дойдём.

— Ну смотрите у меня. Если что, кричите.

— А что, прибежите? — всё же не смог промолчать Горгенштейн.

— Неа, зато будем знать, куда соваться не стоит, — заржал шутник. — Проходите давайте, нечего тут торчать.

Жерар благодарно кивнул и торопливо зашёл внутрь, Лука поспешил за ним. Но не успел он сделать и пять шагов, как его вновь окликнули.

— Эй ты, малой! Я тут вспомнил. Ты же этот... Горуштай?

— Горгенштейн, — процедил Лука, ненавидевший, когда его фамилию коверкают.

— Да без разницы. Тебя тут одна мадам искала вроде. Спрашивала, не проходил ли тут мальчишка твоего роста, из Орхана. Мамка твоя, походу.

— И что?

— А ничё, — захохотал вновь весельчак. — Домой спешу, вот чё, пока твоя мамка тебя сама тебя не нашла и башку не свинтила. Злющая была баба, у-ух.

Лука ощутимо побледнел, это было заметно даже в свете фонарей.

— Всё-таки матушка решила проведать меня в Орхане. Мне не жить.

— А ты её сам первый убей и оживи снова, тогда она будет как шёлковая, — прошептал ему на ухо Жерар, гадко улыбаясь. — Ты же такое должен уметь, тёмный.

Лука вздрогнул и оглянулся, как будто опасаясь, что их могут подслушать.

— Ты бы это... завязывал бы со своими шуточками.

— Да не злись, — похлопал его по плечу Жерар. — Пойдём, до дома тебя провожу. А то мало ли что. Выглядишь прям беззащитной жертвой, вдруг кто клюнет, придётся потом мне от трупов несчастных грабителей избавляться. Всё-всё, уже заткнулся!

Дома Луку ждал не слишком ласковый приём, но мать, немного пошумев, достаточно быстро отпустила уставшее дитяtko в постель. А вот на следующее утро его ждало выяснение с гораздо более проницательным собеседником. Лавель Горгенштейн, проспавший субботнюю утреннюю службу, и заснувший прямо посередине вечерней, вернувшись обратно к себе в спальню, заметил несколько посторонних следов рядом со своим домом, а затем и пропажу.

— Ты зачем взял эту кость? — шипел Лавель, тряся младшего брата за воротник. Тот стоически сохранял спокойствие, дожидаясь, пока его обычно спокойного брата отпустит.

— А чего ты её не выкинул?

— Освятить хотел, прежде чем уничтожить, а потом забыл про неё!

— А я ничего не забываю. Вот и забрал свою собственность.

— Маленький подо... а-а-а, хватит пинаться!

— А ты хватит меня душить!

Матушка, услышав шум, заглянула в комнату и поинтересовалась:

— Мальчишки, у вас там всё хорошо?

— Я тут его учу правильно поклоны в храме бить, — прижимая к себе Луку в удушающих объятиях, и не давая ему вырваться, сказал Лавель. — Он ведь так интересуется служением Господу нашему Иерониму. Правда ведь?

Тот полузадушено кивнул, и мать, кинув на своих «маленьких ангелочков» любящий взгляд, покинула их.

Лука тут же вырвался, волком глядя на Лавеля.

— Ещё хоть пальцем тронешь, я на тебя сыпь наведу! Вот твои прихожане обрадуются священнику в праздничный красный горошек.

Лавель устало сел на кровать, и, не удержавшись, зевнул. Действие сонного порошка еще сказывалось.

— Нет в тебе, Лука, ничего святого. Ты мне скажи лучше, почему ты к епископу Бромелю не ходишь? Он ждал тебя ещё на той неделе.

— Я пуст. Исчерпал себя почти полностью. Кажется, во мне совсем не осталось Тьмы и я излечился.

— А если епископ проверит тебя с помощью того мага, Литрана?

— Пусть проверяет, он ничего не сможет обнаружить.

По крайней мере, Лукреций так надеялся. Надо бы Гохра спросить. Есть же способы укрыться от проверки?

— Я больше не собираюсь к нему ходить. Мне не нужны услуги епископа, — высокомерно сказал Лука.

Молодой священник лишь горько покачал головой, предчувствуя неприятности для своего младшего брата.

Следующая учебная неделя прошла спокойно. Уроков было не больше обычного, ученики не слишком старались, но всё же ходили на занятия, а учителя регулярно позволяли себе отвлекаться на посторонние темы. Учебный год только начинался, и до экзаменов было слишком далеко. Лука вёл себя как обычно, впрочем, как и Жерар. В школе они не перемолвились ни слова.

А на следующей неделе грянул гром — школу посетила высокая проверка из Коллегии. Высоким гостем, по странному совпадению, был магистр Ортега Литран, одетый в этот раз гораздо более сдержанно — лишь, пожалуй, красные сапоги, выглядывающие из под официальной мантии, выдавали его эксцентричный вкус. Алхимик, кажется, даже не заметил Лукреция Горшенштайна в толпе его однокурсников, лишь мимолётно мазнул взглядом, ничем не выделяя среди прочих. А вот Луку прибытие друга епископа Бромеля насторожило. И как оказалось, не зря.

Начался урок по Руннологии, и Лука, скучая, выписывал в своей тетради аккуратные закорючки Вальдо. В дверь постучали, нарушив сонную атмосферу класса. Зашедший секретарь что-то зашептал учителю на ухо, тот кивнул, окинул взглядом класс, задержавшись на Луке и сидящем перед ним рыжеволосом юноше.

— Лукреций Горгенштейн, Бенедикт Кохир, следуйте за господином Ферго. Вас, как лучших учеников третьего года обучения направляют на беседу с официальным представителем Коллегии. Это большая честь и большие для вас возможности. Старайтесь не опростоволоситься.

Провожающие взгляды были скорее сочувствующими, чем завистливыми — от надутых господ из Коллегии никто ничего хорошего не ждал.

— Вот свезло так свезло, — кисло пробормотал Бен, неохотно волоча ноги за спешащим секретарём.

Сам он был вторым сыном пограничного барона, и больше мечтал о военной карьере, чем о магическом поприще. Но магический дар его был так силен, что даже не прилагая особого старания в учёбе, он с лёгкостью обходил большинство одноклассников и даже ребят старше курсом. Луку считали скорее старательным, чем на самом деле талантливым, и он не спешил развеивать это заблуждение. К первенству Горгенштейн не стремился, хотя

свои умственные способности демонстрировал легко и непринуждённо, и Бену это отсутствие соревновательности весьма нравилось. Он даже бы подружился с Лукрецием, но тот на любые попытки с ним сблизиться или заговорить отвечал пустым равнодушным взглядом, от которого становилось не по себе. Вот и в этот раз он никак не отреагировал на попытку Кохира поддержать беседу.

У кабинета, который занял алхимик Литран, уже собралось несколько учеников. Помимо третьего курса тут был и четвёртый, а также уже лицензированные маги второй ступени обучения, учившиеся пятый и шестой год. Всего, вместе с Бенедиктом и Лукой, семь человек, среди которых был и Жерар. Единственно свободное место было рядом с ним, и Лука, чуть замешкавшись, всё же уселся рядом с Леком.

— Ну, что, приплыли, — мрачно шепнул Жерар ему на ухо. — Тут нам и хана. Жалко, с папаней и тёткой не успел попрощаться, и братьям прощальных пинком понаотвешивать.

— Это не по твою душу, а по мою, — не глядя на него, ответил Лука.

— От этого не легче. За собой же потянешь.

— Ничего они не сделают. Поверь мне, у этого магистра само рыльце в пушку.

Дверь зловеще (как показалось Луке и Жерару) заскрипела, и из кабинета вышел немного недоумевающий четверокурсник.

— Лекой, тебя.

Жерар мрачно посмотрел на Луку и зашёл в кабинет. Как только дверь за ним закрылась, одноклассника Лекоя тут же облепили оставшиеся.

— Ну что, о чём спрашивал? По школьной программе гонял?

— Успехи его интересовали, интересы. Чем хочу заниматься после Орхана. Тест дал порешать, потом что-то там проверял с помощью магии — уровень дара, что ли, — понизив голос, заговорил старшекурсник.

— Камень щупать не давал? — деловито поинтересовался Лука, и был вознаграждён насмешливыми и удивлёнными взглядами остальных.

— Ни камень, ни чего другого, — растерянно ответил парень.

Кто-то хохотнул:

— Это хорошо, а то с этими... магистрами никогда точно не скажешь, что они щупать там будут. Этот мужик похож на извра... ай-ай, уважаемый директор, это я не про вас! Не трогайте моё ухо!

По мнению большинства учеников, да впрочем и преподавателей Орхана, главным талантом директора Гальдера были вовсе не его магический дар и организаторские способности, а умение появляться вовремя именно тогда, когда это нужно.

Гальдер, не отпуская ухо юного наглеца, грозно оглядел притихших юнцов.

— Вам смешно? — тихо спросил он. — Смешно? Я сейчас сделаю вам смешно. Рене Зиммель, с этого дня и до окончания учебного семестра вы будете исполнять обязанности кухонного помощника бессменно. И да, сейчас вы можете идти. Прямо на кухню, и не пробуйте увильнуть. Айзек!

— Да?

Одноклассник несчастного шутника вскочил по струночке.

— Кто у вас в классе ещё хорош?

— Грета Морта, — проблеял ученик.

— Надеюсь, ты подразумеваешь не физические характеристики? — едко заметил директор. Айзек панически замотал головой. — Девка, конечно, ну да ладно. Может, и от



неё будет толк. Зови её сюда. Зиммель, ты ещё здесь? Я же сказал, иди на кухню.

Перед уходом директор ещё раз хмуро оглядел учеников, и одарил Луку особо «ласковым» взглядом:

— Горгенштейн, постарайся быть повежливее в этот раз, если хочешь чего-то добиться, а не стать дворовым магом у кого-нибудь вроде Зиммеля.

За два года обучения Луки в Орхане это был первое, хоть и весьма завуалированное, проявление внимания со стороны директора к одному из младших учеников. Как бы ни стремился Лука не привлекать излишнего внимания, но Гальдера было обмануть не так-то просто. Весь его тридцатилетний опыт обучения юных магов позволял ему видеть не только потенциал того или иного ученика, но и то, насколько тот способен этот потенциал раскрыть. Директору молодой Горгенштейн напоминал коробку с сюрпризом — притом, какой сюрприз попадётся, зависело только от того, кто открывал. И с какой целью.

Лукреций склонил голову, то ли благодаря, то ли соглашаясь демонстрировать приличное поведение.

После Жерара была очередь Айзека, затем Морты, раздражительной девицы с огненно-красными волосами. Двое шестикурсников сидели у магистра дольше всех, и один из них вышел сияя, впечатлив всех новостью, что по окончании Орхана его берут на стажировку в Коллегию. Невиданная удача! Второй промолчал, но то сдержанное торжество, с которым он держался, говорило о том, то и ему что-то обломилось.

Учеников третьего года обучения томили дольше всех. Бена пригласили предпоследним, оставив Луку дожидаться своей очереди в одиночестве. То, что он остался в самом конце, его не слишком радовало. Возможно, стоило уйти. Конечно, директор будет недоволен, но зато он сможет избежать встречи с магистром Литраном. Любопытство оказалось сильнее. В конце концов что ему может сделать алхимик в школе?

Наконец Бенедикт вышел, осоловело хлопая глазами.

— Горгенштейн, иди. Тебя ждут.

Лука замешкался, всё ещё думая о том, что он может попробовать уйти, когда его поторопил голос из кабинета.

— Лукреций Горгенштейн? Заходите, не будем тратить моё и ваше время.

Кабинет выходил на солнечную сторону, но сейчас шторы были плотно завешаны, сохраняя прохладный полумрак в комнате. Горела лишь лампа на дубовом столе, освещая сам стол и того, кто за ним сидит.

Дождавшись кивка, Лука сел в жёсткое, гораздо более неудобное, чем у самого магистра, кресло напротив стола и напряжённо застыл. Алхимик оторвался от своих бумаг и приветливо на него взглянул.

— Добрый день, Лукреций. Расскажите немного о себе и об учёбе здесь.

Очевидно, Литран решил сделать вид, что они незнакомы.

Говорил о себе Лука скупно. Сын торговца, в следующем месяце ему будет пятнадцать. В Орхане он поступил в двенадцать. Успехи? Неплохо даётся Руннология, Алхимия и Магтеория, уже способен создавать сложные плетения, которые не всем даются даже на четвёртом курсе. Собирается ли он продолжать обучаться магии после окончания четвёртого курса? Нет, ещё не знает. Пока стезя мага его не слишком привлекает, хотя магические умения он находит безусловно полезными.

Тут Литран бросил на него столь острый взгляд, что Лука едва подавил желание отодвинуть стул подальше.

— Не привлекает? Жа-а-ль. Я вижу по вашим оценкам, что вы также питаете интерес к богословской тематике. Вы, я так полагаю, ревностный прихожанин? Какой храм вы обычно предпочитаете посещать?

— Храм святой Терезы. Там служит мой брат, — осторожно ответил Лука, и не смог удержаться от небольшой шутки, понятной только ему и отсутствующему здесь Жерару: — Я был там буквально на днях.

— Небольшой, но уютный, — одобрительно кивнул Ортега. — Но вы бывали на проповеди епископа Бромеля в соборе Восшествия? Он обладает редким даром слова.

Лука молчал, с досадой думая, что всё же ошибался, когда решил, что появление Бромеля здесь случайно.

— И он может быть весьма убедителен, — вкрадчиво продолжил алхимик. — Не так давно он поднимал в личной беседе со мной одну весьма интересную тему... о нарушении обетов и о карах, которые за ними следуют. И вспомнил известный ему пример. У Его Святейшества был пёс, обладающий редкой, и весьма опасной болезнью. Отец Доминик пожалел несчастное животное, и не отдал его живодёрам, как следовало, но тот отплатил ему чёрной неблагодарностью, и укусил руку помощи, которую ему протягивали. Что оставалось милостивому епископу, если он больше не мог контролировать несчастного пса? Только усыпить его.

Ортега встал из-за стола, и теперь неспешно вышагивал за спиной Луки. Мальчик еле сдерживался, чтобы не вертеть головой.

— Весьма познавательная история, — ответил Лука, стараясь сохранять хладнокровие. — Но разве это достойно божьего человека, убивать живое существо? И разве не падёт тень на епископа, когда узнается, что он скрывал от остальных о болезни животного? Хотя кто сможет об этом узнать — это же была всего лишь собака! А вот если бы речь шла о человеке, который вполне себе обладает даром речи, и едва ли будет держать в себе эту историю... Историю, к тому же затрагивающую одного весьма уважаемого мага.

Лука красноречиво замолчал. Он дал понять, что не собирается тонуть в одиночку, и обязательно прихватит с собой Бромеля и Ортегу. В конце концов, они официальные лица и должны держать лицо. Едва ли им охота быть замешанным в грязную историю с запретным волшебством.

Но в этот раз Гогенштайн недооценил своего противника. Потому что не по правилам действовать мог не только он.

Жёсткие пальцы вцепились Луке в горло, а его запрокинутая голова больно ударилась о деревянную спинку кресла. Сверху на него смотрели побелевшие от ярости глаза алхимика. Его перекошенное лицо теперь не казалось забавным и безобидным.

— Самодовольный щенок! Вздумал меня шантажировать? Думаешь, многие поверят клевете тёмного мага? Да и захоти я от тебя избавиться, я найду гораздо более удобные способы. У алхимиков, знаешь ли, есть свои средства... убрать ненужных людей.

И тут Лука по-настоящему струхнул. Орханский преподаватель алхимии не учил студентов первой ступени ядоделанию, но существование смертельных, и самое главное, практически необнаружимых ядов не скрывал. «Говорят, — рассказывал он, — что самое глупое, что может сделать враг алхимика, это сесть с ним за один стол. Но есть такие вещества, которые могут попасть в организм не только с помощью еды и питья, но и через прикосновения, царапины... и даже чужое дыхание». Возможно, Лука уже отравлен, но пока

это не понял. Он просто может умереть во сне, и никто не сможет доказать, что в этом виновен Ортега!

— Вижу, ты понял, — гнусно ухмыльнулся маг. — Всё ещё хочешь играть в свои игры, мальчик?

Горгенштейн не умел быть вежливым с тем, кто ему не нравился, да и не видел в этом необходимости, но теперь он понял, что ему немедленно стоит менять жизненные приоритеты. Что ж, это было неприятным, но жизненно важным уроком — не только Лука был способен играть не по правилам. Более того, некоторые уважаемые и весьма благопристойные на первый взгляд господа способны на большую жестокость и беспринципность, чем он мог думать, и это стоило учитывать... чтобы в следующий раз, когда он решит противостоять епископу и его приспешникам, он не был захвачен врасплох.

— Я... — Лукреций попытался разжать онемевшие пальцы отпустить подлокотники кресла, — ...я отправлюсь к отцу Доминику при первой же возможности. Мне не хотелось вызвать ваше неудовольствие, магистр.

Смирение в голосе давалось ему с трудом, но от этого его раскаяние, вызванное страхом, казалось более убедительным. Литран разжал пальцы и брезгливо вытер их о коричневый сюртук студента. Юноша с трудом подавил дрожь отвращения.

— Что ж, надеюсь на это. Стоит ли говорить о том, что если ты попытаешься рассказать кому то о нашей беседе, это может плохо сказаться на твоём здоровье и карьере твоего брата?

Горгенштейн покаянно склонил голову.

— Я буду послушен, магистр Литран.

Ортега Литран вновь сел за стол, ещё раз смерил Лукреция недобрый взглядом, а затем вновь уткнулся в бумаги, лежащие перед ним. Голос его вновь приобрёл светские нотки.

— Что же, Горгенштейн. Я рад видеть, что вы так серьёзно относитесь к учёбе. Вижу, у вас есть успехи и в моей дисциплине — алхимии. Обычно к концу третьего курса студенты уже определяют сферу своих интересов и выбирают себе научного руководителя. Я возьму на себя смелость, и предложу вам свою кандидатуру. Моё покровительство высоко ценится, так что не упускайте свой шанс, Лукреций.

Лука сглотнул. Это предложение было явно не из тех, от которых отказываются. Но это не значило, что не стоит и пытаться.

— Это большая честь, но вы, я полагаю, весьма заняты делами Коллегии... — ногти алхимика весьма красноречиво царапнули по дубовой поверхности стола, и интонации мальчика сразу изменились. — ... поэтому я благодарен вам всей душой за то что вы готовы уделить мне своё драгоценное время.

Горгенштейн быстро учился. Что ж, если ради того, чтобы выжить и свалить отсюда ему нужно лебезить и пресмыкаться перед магистром, то он сделает это. А потом убьёт Ортегу — чтобы ничего не напоминало ему о позоре.

Прошло ещё не менее получаса, прежде чем студент едва не вывалился из кабинета на свободу. Завернув за ближайший поворот и найдя полускрытую за статуей нишу, он привалился к стене, но тут же был обнаружен Жераром.

— Ну что? — с жадным любопытством спросил старшекурсник.

Лука лениво отмахнулся.

— Всё в порядке. Тебя это никак не касается.

— А тебя? — тут же вычленил главное Жерар, отлично умеющий читать между строк.

— А вот это уже не твоё дело, — огрызнулся Лукреций.

— Ну уж нет. Вляпаешься в переплёт, потянешь меня с собой. Выкладывай, что там у тебя за дела с этим магистром.

Горгенштейн бросил на Жерара волчий взгляд, и тот несколько сбавил свой напор.

— Ну не хочешь говорить, не говори. Лучше скажи ка мне, когда мы сможем вновь наведаться в наш тайничок. У меня аж руки чешутся, так хочется полазить в книжных завалах.

— После выходных, — неохотно ответил Лука. Прежде чем дальше экспериментировать с тёмной магией, ему следовало наведаться к епископу Бромелю, чтобы понять, насколько вообще теперь для него возможно изучение тёмного искусства.

Посещение собора Восшествия прошло на удивление мирно. Отец Доминик был дружелюбен и разговорчив, вот только на процедуру «очищения», как называл её священнослужитель, позвал ещё и алхимика Лекоя, а его обмануть было не так уж легко.

В этот раз магистр дремал у широко светлого окна и не вмешивался в процедуру, но как только Лука отложил от себя последний лунный камень, наполненный тьмой под завязку, Ортега в один миг оказался перед мальчишкой.

— Ну-с, что тут у нас, — бормотал он, вертя голову Луки в разные стороны, и едва ли не облизывая его.

В другое время Лука бы уже весь изошёл от возмущения, но сейчас он не мог позволить себе тратить силы на злость. Нужно было во что бы то ни стало скрыть от мага ту тьму, что таилась где-то в глубине его сущности.

— Ну-ка, колдани мне что-нибудь, — приказал ему Литран, и Горгенштейн послушно выполнил одно из самых простых упражнений первого курса, создав в воздухе энергошар. Идеальный энергошар, в котором не было ни крупинки тьмы.

Затем Лекой тщательно исследовал заполненные лунные камни, изредка загадочно хмыкая, а один раз даже бросив уважительный взгляд на Луку.

— Мальчишка чист, но уровень тьмы в нём повысился значительно с тех пор, как я в последний раз его проверял, — доложил наконец алхимик. — Эти камни едва ли не дымятся от переизбытка силы.

— Наш юный подопечный, надеюсь, не практикует тёмные искусства?

Ортега лишь пожал плечами.

— Так просто и не скажешь. К сожалению, остаточные следы магии проходят за несколько часов. Но вряд ли он вообще когда-либо сможет сделать что-то большее, чем просто стихийный выплеск тьмы. Тёмные искусства невозможно изучить без наставника, а последнего тёмного мага извели несколько сотен лет назад.

Наконец Луку выпроводили и важные господа принялись обсуждать свои безусловно загадочные дела без него. Уже у самых дверей, боковым зрением Лукреций увидел неприметно висящую на стене и почти незаметную между прочих картин эмблему — трёхглазую змею, обвивавшую чёрную ветвь. Так вот где он видел енохианский символ!

Юноша помялся у закрытых дверей, борясь с желанием применить заклятие подслушки, но вспомнив о том, что за дверями сидел магистр магии, быстро охладел к этой идее. Домой идти не хотелось, да и не было сил — в этот раз процедура очищения была для него особо изматывающей. Поэтому вместо того, чтобы направиться к выходу, Лука решил немного побродить по резиденции епископа, под которую было отдано прилегающее к собору здание. К большому удивлению молодого мага, на слоняющегося по коридорам подростка

никто не обращал внимание.

Резиденция поражала. И дело было даже не в шикарном виде из окна — на ухоженный внутренний дворик и мраморные стены собора, украшенного благочестивыми фигурами святых и разноцветной каменной мозаикой, а в том, с каким удобством и роскошью были обставлены внутренние помещения. Мягкие диваны и шёлковые подушки, на которых пристало возлежать куртизанкам, а не монахам вести богоугодные разговоры. Картины, на которых святые выглядели отнюдь не измученными и гонимыми за веру, а казались весьма упитанными и довольными своей жизнью. Толстые ковры, которым самое место во дворцах восточных пашей. Но больше всего Луку добила епископская библиотека, на которую он набрёл во время своей прогулки. Удивительно было признавать, но возможно даже обнаруженный им и Жераром тайник проигрывал этой библиотеке — не только по количеству книг, но и по ценности хранимых в них знаниях. К сожалению, как оказалось, в основном богословских. Но Лука и не искал магических секретов — сейчас ему нужно было совсем другое. Его интересовал орден Еноха Хемельского, о котором так мало знал даже его брат, а дух Тобиаса Гохра, запечатанный в кукле, и вовсе отказывался о нём говорить, бормоча лишь о том, что последователи Еноха прокляты в веках и небом, и преисподней. Удивительно религиозен оказался этот давно почивший тёмный магистр!

Пятнадцать минут бесцельного изучения бесконечных полок и Лука сдался, рискнув обратиться к мирно дремавшему в тихом закутке пожилому библиотекарю. Тот, очевидно приняв аскетично выглядящего юношу за молодого монашка, совсем не удивился его интересу, и просто махнул рукой в нужную сторону.

— Левый ряд, с пятой по седьмую полку, — зевнул он, и Лука почтительно кивнув, поспешил скрыться от взгляда хранителя книг, пока тот не разглядел его получше.

Он, пожалуй, слишком торопился, потому что не углядел и пребольно ударился боком о неудачно стоящий стол, скинув лежащие на нём фолианты на пол. Сидящий за столом мужчина совсем не благочестиво чертыхнулся и Лука тут же кинулся поднимать бумаги. Какое же было его удивление, когда он подняв глаза, встретился со столь же удивлённым взглядом своего учителя богословия, Йохана Шварца.

— Горгенштейн? Ты-то тут что забыл?

Шварц поспешно забрал книги и свитки из рук Луки, не дав любопытному подростку увидеть, что же святой отец изучал.

— Я это... к своему исповеднику ходил, — не придумав ничего лучшего, соврал Лука.

— Исповеднику? — Йохан удивлённо поднял брови высоко вверх, отчего на высоком лбу собрались морщинки. — Только не говори, что в исповедниках у тебя Его Святейшество!

— Ну... мой брат у отца Доминика на хорошем счёту.

— Надо же, — пробормотал учитель, и схватив юношу за плечо, поволок его к выходу. — Пойдём. Тебе здесь не место.

— Эй, я же только что пришёл! — возмутился Лука. — Его Святейшество разрешил мне тут...

— Поверю, если только Его Святейшество сам мне об этом скажет, — прервал его Шварц. — Да Бромеля бы удар хватил, если бы он узнал, что по его драгоценной библиотеке шастал маг. Не любит он вашу братию большой и чистой нелюбовью. Кстати, что ты тут искал? Всё еретическими трудами интересуешься?

— Теперь апокрифическими, — запрокинув голову, чтобы видеть лицо долговязого Йохана, ответил Лука. — Хотел найти что-нибудь про Еноха Хемельского и его орден.

Шварц как-то странно дёрнулся и заозирался.

— А для чего тебе это? Кто тебе вообще о нём рассказал?

— Вы, — ответил почти чистую правду Лука.

— Да не может быть! Чтобы я студентам третьего курса голову этим забивал!

— Ну, допустим, голову вы забивали не нам, а старшекурсникам, — поправился тут же Горгенштейн, — но всё же вы о нём говорили. А что, нельзя было? Это что-то секретное?

Отец Йохан замялся.

— Да не то, что бы... Не думал, что хоть кто-то из вас, лоботрясов, меня слушает, да и ещё понимает. Наверное, я мог упоминать святого Еноха, — неохотно подтвердил он. — Но что с того? Чем он тебя заинтересовал?

— Символ енохианского ордена — трёхглазая змея. Такая же, как и висит в кабинете Его Святейшества.

— Епископ любит антикварные вещи, — нахмурился Шварц. — Не думаю, что он является членом этого ордена, ибо тот распался несколько сотен лет назад. Но я всё ещё не вижу причины, чтобы тебе, как магу, это было интересно. И не говори мне про любовь к богословию, всё равно не поверю.

— Отец Йохан, вы же всё же преподаватель школы Орхана, уж вы-то должны разбираться в магической теории хоть немного, — укоризненно сказал Лука. — Вы же знаете, что подобная символика непосредственно связана с определёнными видами магического искусства. В алхимии, предсказании, древних гадательных практиках трёхглазая змея всегда выступала знаком смертельной опасности, тайны, несущей в себе угрозу. Разве не удивительное совпадение, что магический символ стал эмблемой святого ордена?

— Хорошо, хорошо, — проворчал священник, — я расскажу тебе о енохианском ордене. Если только ты пообещаешь потом не болтать об этом языком.

— Обещаю. Но почему?..

— Потому что само существование подобного ордена, и тех обрядов, что они практиковали, дискредитирует Святую Церковь. Прежде всего, как противницу тёмных искусств. Видишь ли, хотя ни сам Енох, ни его ученики и последователи не были магами, они вполне успешно использовали познания, полученные от магов... хм, не самым дружелюбным образом. Орден появился ещё в те времена, когда Церковь действовала преимущественно огнём и мечом, а не с помощью убеждения и бюрократического аппарата. Тогда вероятность начала войны с магами, войны на уничтожение, рассматривалась вполне серьёзно, и клирики искали любые способы победить врага. В том числе и его оружием. Орден Еноха изучал сущность магии, и искал способы подхода к ней. Достаточно быстро выяснилось, что это путь не особо эффективен — колдуна с помощью магии может победить только другой колдун, а людям хватает и других способов. Колдуны горят на костре не хуже обычных еретиков, да и от болта арбалета магия едва ли может помочь. Но енохианцев не расформировали, как должны были. Их...

Мимо них неспешно прошли монахи, и Шварц замолк, почтительно склонив голову и потеснившись. Коридоры хоть и были достаточно широки, но явно не рассчитаны на толпу не самых худых монахов. Проводив их взглядом, учитель, понизив голос, продолжил:

— Дальше начинается весьма загадочная и запутанная страничка истории енохианцев. Кто-то говорил, что они продолжили собирать знание о магических практиках, просто каталогизируя их для потомков, но по некоторым данным известно, что они всё же открыли

способ, который позволил им колдовать, не будучи магами. Колдовать... и многое другое. Один из самых мрачных слухов, который ходил среди иеронимцев в те времена, что они нашли способ подчинить себе саму тьму, и использовать её в своих целях. Собственно именно после того, как некоторые неприглядные подробности деятельности енохианцев выплыли наружу, и был собран Орхисский Собор, ставящий тёмную магию под полный и окончательный запрет. Именно из-за ордена, а не из-за горстки тёмных магов, не особо причиняющих беспокойства и занятых сугубо своими, тёмномагическими делами.

— Так значит епископ Бромель...

— Я же сказал, что нет! — рассердился отец Йохан. — Даже если ты видел в его комнате этот символ, это совсем не означает, что он может являться членом енохианского ордена. Тот давно уничтожен, и информации о нём почти нет. Все их тайны давно утеряны, да и тёмным искусствам давно уже нет места на земле.

Лука мог бы с ним согласиться, если бы сам не был бы тем самым тёмным, и не знал о Бромеле то, что он знает. Ордена может уже и не существовало, а вот его тайны явно кое-кого всё ещё интересовали. И едва ли с чисто научной позиции. Это было плохо. Меньше всего Луке сейчас хотелось бы быть втянутым во внутрицерковные интриги. Лукреций задумчиво посмотрел на Шварца: мог ли тот быть ему союзником и защитником, если дела для него пойдут плохо? Последние события явно показали, что он ещё не способен идти против епископа в одиночку. Йохан Шварц ведь был не так прост, как хотел казаться. Не дали бы заурядному священнику, пусть и со светлой головой, столь ответственную и сложную задачу — наставлять на истинный путь не слишком уж ревностных в вере магов. Наставлять, и, Лука был уверен, следить и докладывать. Да и о енохианском ордене он сболтнул совсем не случайно. Надо бы поспрашивать Лавеля, что он знает о Шварце.

# Глава 3

## Худший в семье

Поговорить с Лавелем о Шварце удалось лишь в осенние праздники, когда почти вся семья собралась под крышей дома. Не было только Томаса, ещё не вернувшегося со своей последней поездки, Равеля, служившего на севере, слишком далеко от родного дома, и Анны, недавно разрешившейся бременем третий раз (она явно собиралась идти по стопам матери), и поэтому безвылазно сидящей в мужнем доме. Зато София приехала не одна, а со своим мужем, пухлым и высокомерным сотрудником дворцовой канцелярии, едва ли годным на что-либо большее, чем переключивание бумажек, но обладающий весьма неплохими связями. Также папаша Горгенштейн пригласил к праздничному столу жениха дочери Миранды — Оливера. Будущий муж Миры на первый взгляд показался Луке немного глуповатым и излишне жеманным, но дальнейшее наблюдение за этим заграничным дворянчиком показало, что тот совсем не был лишён ума и амбиций. По крайней мере мужем Софи он так ловко крутил, что тот уже через полчаса выболтал все дворцовые тайны и сплетни, о которых ему и знать было не положено. А Оливер Гойне, троюродный племянник обедневшего растийского графа, явно хотел занять тёплое местечко при дворе Гортензы. И что-то говорило юному магу, что у Оливера это получится, не исключено даже, не без значительной поддержки жены, девицы на редкость хитрой и хваткой (что и помогло дочери торговца охомутать пусть и обедневшего, но всё же аристократа). Она была единственной из всех сестёр, с кем Лука не стал бы связываться — слишком изошрённой была её месть, и острым язычок.

Сейчас всё семейство собралось в большой гостиной, где младшая дочь семейства, Кристабель, не слишком успешно музицировала на пианино, а остальные члены семьи с большим или меньшим рвением делали вид, что наслаждаются прекрасными звуками. Лишь пожалуй близнецы Марк и Карл, на время праздников вернувшиеся в отчий дом из военной академии, о чём-то шептались у окна с Августином, то и дело переменяя свой шёпот хихиканьем, и не обращая внимание на раздражённые взгляды матушки. По её опыту, общение этих троих никогда не приводило ни к чему хорошему.

Марк и Карл с детства не отличались примерным поведением, но их шалости были хоть довольно изошрёнными, но не злыми и опасными. Они всегда знали, когда нужно остановиться. Да и воинская подготовка сказывалась на них явно в лучшую сторону — по крайней мере, на Карла, который помимо редких, плохо растущих усиков над верхней губой, приобрёл весьма чёткие планы на жизнь — они ни много ни мало хотел стать в будущем генералом. Марк был гораздо более легкомысленен в своих увлечениях, но по привычке тянулся за своим братом, то ли поддерживая, то ли соперничая с ним. А вот Августин — матушка Горгенштейн кинула на него огорчённый взгляд, её разочаровывал. Она-то думала, что самый проблемный из её сыновей это Лукреций, но тот после поступления в Орхан вёл себя совсем как пайныка, а вот его старший брат пошёл в разнос. Сначала бросил военную академию, ту же, в которой учились сейчас близнецы. Затем связался с дурной компанией, пропадая на улице днями и ночами, возвращаясь подчас зверски уставшим, пьяным, а один раз даже и окровавленным. После череды скандалов с отцом и слёзных бесед с матерью он просто ушёл из дома, хлопнув дверью, и теперь появлялся на пороге своего бывшего дома в лучшем случае раз в несколько месяцев.



Но всё же, госпожа Горгенштейн могла гордиться своими уже взрослыми сыновьями — темноволосыми и синеглазыми, высокими и изящными (пожалуй, кроме немного пухловатого и приземистого Лавеля и плечистых близнецов) красавцами, которых не портил даже крючковатый горгенштейновский нос. Жаль что пока даже старшие, Томас и Равель, не привели в дом невесту. Зато дочери её не подвели — ухажёров отваживала разве что замкнутая и нелюдимая Августина, единственная среди Горгенштейнов обладательница светлой копны волос и идеально прямого носа, но при её внешности можно было не опасаться, что она засидится в девках. Если оторвётся от книг, конечно же.

Матримональные размышления матушки огромного семейства прервал громкий и раскатистый храп господина Горгенштейна, тут же заглушивший музыкальные потуги Кресты, и знаменовавшие собой окончание вечера. Молодые люди, шумно желая друг другу добрых сновидений и крепкого сна, и трепетно прикладываясь к материнской ручке, один за другим просачивались к двери и исчезали где-то в глубине коридоров, притом, как подозревала их матушка, не все из них направлялись к своим комнатам.

Лука, подождав, пока Лавель выйдет из гостиной, направился за ним, надеясь поговорить с ним в его комнате, но к своему удивлению, Лавеля там не обнаружил, зато наткнулся на Августина и близнецов. Те встретили юного мага с подозрительным энтузиазмом, и пока замешкавшийся Лука не был способен сопротивляться, затащили его в комнату.

— Дело есть, — начал Карл.

— Важное, — лукаво подмигнул Марк.

— И вы-ы-годное, — расплылся в мечтательной улыбке младший из близнецов.

— Цыц, мелюзга, — прервал их Августин, лениво щуря разноцветные (один глаз голубой, а другой — мутновато-белесый, так и не восстановившийся после давней драки), и от того кажущиеся хитрыми-хитрыми глаза. — Я буду говорить. Дело к тебе есть, как к магу.

— Я ещё не полноценный маг. Нужно сначала школу закончить, — хмуро ответил подросток. — И я не собираюсь влезать в твои тёмные делишки, Ави, ищи других таких же дураков, как Марк и Карл.

— Да мне ничего особенного не надо. Одно лишь простенькое заклинаньице в нужный момент, — просяще протянул Августин. — Я ведь не такой засранец, чтобы такого шкеда как ты брать на серьёзное дело.

— Марк и Карл не намного меня старше, — поджал губы Лука. — Но их-то ты совсем не гнушаешься втягивать в свои проблемы.

— А мы можем за себя постоять, — расплылся волчей ухмылке Карл. — Правда, Марк?

— Конечно, Карл! Если бы ты мяска на свои кости нарастил, Лука, то тоже бы смог. В детстве ты неплохо так нам тумачи раздавал, особенно когда мы тебя по утрам будили.

Лука мрачно посмотрел снизу вверх на своих братьев. Нет, он для своих лет тоже не был мелок, но до высоченных близнецов ему ещё было далеко. К тому же те за последний год сильно раздались в плечах, и сейчас производили впечатление настоящих гигантов, выглядя гораздо старше своих шестнадцати лет. Сейчас он уповать на свою магию, что в принципе было не так уж и мало, если бы дело пришлось иметь с одним человеком, а не с двумя достаточно быстрыми и ловкими близнецами, совсем не готовыми стать мишенями для атакующих заклятий. Зато если дело дойдёт до драки с внешним противником, то их мускулы, коварность Ави и его магия стали бы большим преимуществом... Юный маг затряс головой, вытряхивая ненужные и глупые мысли.

— Ну уж нет! Вы тут без меня разбирайтесь.

Он уже почти вышел из комнаты, как был остановлен тягучим, полным снисходительной насмешки голосом Августина.

— Ну ты же не хочешь, чтобы я показал *это* матушке, или, тем паче, Лавелю. Что о тебе подумает наш добродетельный братец?

— А Лавель тут причём? — раздражённо спросил Лука, поворачивая голову, и замер, так и не опустив ногу на землю. В руках Августина трепыхалась кукла Луиза. Не просто безвольно болталась, нет — она двигалась и пыталась вырваться, зло щеря беззубый кукольный рот.

— И что, живой куклой хотите кого-то удивить? — пытаясь скрыть за равнодушием свой ужас, спросил маг. Нет, его братья не разбирались в магии, они не могут понять, что перед ними бывший тёмный магистр Гохр, поднятый его некромантическим заклинанием, а не обычный для магов научный эксперимент.

— А что, никто не удивится? — вскинул брови Августин.

— Неа. Обычный гомункулос. Сделал его в рамках домашнего задания.

— Может быть, проверим? Можно поджечь куклу и пустить её бегать по коридору. Вот веселье то будет, — захихикал Карл, будущий великий генерал Гортензы. Мда, с таким главнокомандующим у их армии явно нет шанса.

Тобиас Гохр, застрявший в теле куклы Луизы, довольно громко заскулил, отчаянно глядя на своего ученика, и Лука понял, что бывший магистр сейчас ляпнет что-то такое, после чего ему нужно будет или самому сдаваться клирикам, или же избавляться от свидетелей здесь и сейчас. Последний радикальный вариант чем-то даже привлекал Луку, уж слишком его достали близнецы и скользкий, как угорь, Ави, но он явно понимал, что для братоубийства он как-то... недостаточно тёмный, что ли? Ну в общем, не мог он так. Да и куда трупы потом девать? Гохру то потом всё не скормишь.

— Ладно, ваша взяла.

Обменявшись всеми нужными обещаниями (и угрозами, конечно же), Лукреций наконец получил дрожащую от пережитого страха куклу обратно, и в самом препоганейшем настроении отправился в свою комнату.

— Я их всех сожру, — сквозь плаксивые хлипы бормотал Гохр писклявым голосом, а Лука успокаивающе гладил его по тряпичной спине. — Я их... эх, почему я больше не маг! Это всё ты, подлый мальчишка, виноват!

— Да, да, магистр, вы правы, нужно было отдать вам моё тело, тогда у вас было бы меньше проблем. Жаль, что я так эгоистичен, и не хочу лишаться жизни. Но почему вы не могли сидеть тихо и не показывать своё магическое происхождение?

Кукла попыталась ударить его своим тряпичным кулачком.

— Ты бы слышал, что они хотели со мной сделать, когда нашли! Я должен был сопротивляться! Кстати, знаешь, что они за твоей спиной говорили? Если бы мои родичи смели бы такое обо мне злословить, я бы мстил им самой жестокой мстью. Может, ты их это, а?

Кукла умильно заглянула в глазами-пуговицами в хмурые глаза Луки.

— Я не буду их «это», да и мсть подождёт. А теперь заткнитесь, магистр, и сделайте вид, что вы всего лишь кукла. В моей комнате явно кто-то есть.

В спальне, которую младший Горгенштейн делил с близнецами, сидел приснопамятный Лавель собственной персоной. Увидев Луку, он взволнованно вскочил с узкой деревянной

кровати.

— Лука, я тебя всюду ищу... Ты... а это что за чудовище?! Уж не кукла ли Кристи?

— Она самая. И давай без вопросов. Мне уже насмешек от Марка и Карла хватило, — пробурчал Лук, запихивая Луизу в сундук и навешивая для надёжности охранное заклинание поверх замка, взломанного, очевидно, одним из его поганых родственников. Нет, нужно точно съезжать! — А я тебя, напротив, в твоей комнате искал, но наткнулся на Ави и близнецов. Поговорить нужно.

— Ага, — вздохнул священник и вновь уселся, скрестив ноги и сгорбившись. — Лукреций, что у тебя там с Бромелем происходит?

— А что? — вскинул тёмные брови маг.

— Меня буквально пару дней назад намекнули, чтобы я перевёлся служить в собор Восшествие, под непосредственное руководство епископа. Это, конечно, большая честь, но у меня ощущение, что вокруг моей шеи затягивается верёвка, притом всё плотнее и плотнее. И я думаю, что дело в тебе. Слишком уж часто Его Святейшество интересуется тобой и твоими успехами. Мне это совсем не нравится, Лука.

— Я думал, у тебя хорошие отношения с Бромелем и ты ему доверяешь, — осторожно сказал Лука, внимательно следя за реакцией священника. Поэтому от него не ускользнуло, сколь тревожно тот поморщился, услышав о доверии.

— Он... я ему многим обязан, как и ты. Но повертевшись немного в церковных кругах, я понял, что епископ не такой уж бескорыстный и добрейший человек, как я думал, — осторожно произнёс Лавель.

— Подонок ещё тот. И он схватил нас обоих за яйца, — кивнул Лука. — Ты иногда бываешь таким наивным, Лавель.

— Тогда ты должен понимать, как он опасен, — вскинулся священник. — Скажи, ты знаешь, что ему от тебя нужно?

У юного колдуна были какие-то догадки, но пока он не получил доказательства, он не хотел о них говорить.

— Пока точно не знаю, но мне кажется, кое-кто может знать больше о планах Бромеля. Ты знаком с Йоханом Шварцом?

Лавель нахмурился.

— Очень шапочно. О Шварце мало что известно.

— Как ты думаешь, Шварц может работать на Бромеля?

— Едва ли, епископ его терпеть не может, хотя на званые вечера регулярно зовёт. А тот регулярно не ходит. И Шварц поплатился бы за наглость, если бы не защита его покровителя, архиепископа Вараввы. А Варавва отнюдь не простой человек, входящий в ближайший круг Папы и... О!

Глаза Лавеля потрясённо распахнулись.

— Что?! — тут же оказался рядом с ним Лука.

— Варавва. Он как бы тебе сказать — нечто вроде тайного дознавателя нашего благословенного Папы. Тот всегда его использует для решения внутренних проблем Церкви — подчас весьма щекотливых и скандальных, а иногда и опасных. Таких, которые могли бы привести нашу святую Церковь Иеронима к расколу или уничтожению. Поэтому Варавва весьма влиятелен, но не слишком любим в церковной среде. Кому бы хотелось, чтобы в его дела совали нос? К его ставленникам тоже относятся соответствующе — потому что каждый из них глаза и уши архиепископа. У Бромеля есть и свои причины не любить твоего Шварца

— говорят, раньше он полностью контролировал Орхан, что при его неприязни к магам явно не улучшало обстановку в школе. Прежний священник, человек епископа, приставленный к школе, говорят был шибко лютым и нетерпимым к инакомыслию, поэтому и не ладил он ни с руководством, ни со студентами. А ещё, уж не знаю, что он там такое сделал, но из-за него, как молвят слухи, лет семь назад погибло трое учеников. Вот и заменили фанатичного служку на Шварца, священника достаточно молодого (ему едва минуло тридцать лет), обладающего широтой взглядов, а самое главное совершенно независимого от местного церковного руководства.

— То есть от Бромеля, — задумчиво сказал Лука.

Что ж, Йохан Шварц не был шпионом отца Доминика, но зато подчинялся некому Варавве — фигуре явно зловещей, опасной и наделённой властью. Хорошо бы конечно убрать Бромеля руками Шварца, да вот как только не попасться самому? Пока задача казалось Луке невыполнимой.

Впрочем, сейчас мысли об ордене Еноха можно было отложить. Августин, используя совершенно бесчестный метод шантажа, вынудил молодого мага принять участие в своей афере. Это заставляло Луку задуматься о некой дисгармонии в отношениях с окружающими людьми. В последнее время слишком уж часто им пренебрегали и манипулировали, хотя, казалось бы, учитывая его «тёмную» натуру, должно было быть всё наоборот.

О том, что шантаж — оружие обоюдоострое, Лука вспомнил лишь тогда когда оказался втянутым в аферу по уши и уже не мог апеллировать к угрозе «а я всё папе расскажу». Впрочем, его даже забавляла мысль о том, как были бы потрясена матушка, узнав, что один из её образцовых сыновей — первостатейный мошенник, разводящий «лопухов» на деньги, да и к тому же втягивающий в свои грязные делишки младших братьев.

Афера была проста, но требовала некоторой подготовки для гладкости исполнения. День понадобился на подготовку инструментария и реквизита, день — на попытку скоординировать действия братьев. Ави потратил бы ещё несколько суток на оттачивание и проигрывания плана, но тут заартачились Карл и Марк: близнецам нужно было возвращаться в академию, да и у Луки в скором времени начинались школьные будни.

С будущей жертвой Августин познакомился в нелегальном игровом заведении, известным тем, что помимо заядлых игроков и всяческого подозрительного сброда его посетителями были и более респектабельные господа. Их Ави Горгенштейн, в свою очередь, делил на три категории: простофилей, которых всегда можно было развести на крупные суммы, белоперчаточников, аристократов, с которых можно было что-то поиметь, но делать это нужно было осторожно и без наглости, и наконец, акул. Акулами, в кругах, где вертелся Ави, звали тех, кто хоть и имел вполне себе респектабельный доход, изначально получил его не самым легальным образом, да и сейчас имел связи с преступным миром. Бывшие контрабандисты, купившие себе имя, шантажисты, имеющие влияние на весьма важных шишек, торговцы весьма сомнительным, и нередко запрещённым товаром. Акулы имели особняки в лучших районах города, могли быть приняты в лучшие дома страны и даже быть известными меценатами и заниматься благотворительностью, но по сути, были теми же самыми преступниками, натянувшими на себя маску почтенных господ. И связываться с такими, а уж тем более пытаться развести на деньги, было более чем глупо. А глупцом Августин себя совсем не считал, поэтому держался от подобных людей как можно дальше, лишь изредка оказывая им те или иные мелкие услуги — акулы всегда платили более чем

щедро.

Торсай Куско на первый взгляд выглядел скорее простофилей, чем акулой. Он был толстоват, неряшлив, и любил производить впечатление, тратя в казино весьма крупные суммы. Игроком он был так себе, но местные шулеры отнюдь не спешили обогреть его до ниточки, присматриваясь к зачистившему новичку. По слухам, Куско был весьма состоятельным торговцем редких товаров с юга, решившим попытать удачу в столице и отвоевать часть местного рынка, давно уже поделённого и хорошо контролируемого. Всё, что должно было ждать Куско здесь — это полное разорение и неудача, но пошёл уже второй год, а дела его шли всё успешнее и успешнее. Более того, часть дельцов, вертевшихся в этой же сфере, из-за деловой активности южанина начали терпеть весьма ощутимый убыток, но попытавшись его убрать, они потерпели полный провал.

Куско был явно не так прост, как хотел казаться. И в любом другом случае Августин Горгенштейн старался бы держаться от Куско подальше. Если бы не один заказ. Особенный заказ, поступивший от человека, с которым у Ави были весьма непростые отношения. Ольдвиг Горгенштейн впервые попросил своего сына об услуге.

На тот момент Августин уже некоторое время не жил в отчем доме, а если и появлялся, навещая матушку и любимую сестрёнку Августину, то выбирал те моменты, когда батюшка был где-то в другом месте. Поэтому когда Ольдвиг лично встретил своего блудного сына у входной двери, Ави был не только удивлён, но и немного взбудоражен, ожидая что отец в очередной раз начнёт на него орать. Но Ольдвиг был отстранён и холоден, а пригласив сына в свой кабинет, сразу же перешёл к делу.

— Мне нужно чтобы ты кое-кого проверил по своим каналам, но так, чтобы не насторожить его. О затратах можешь не беспокоиться, оплачу.

— Источники финансирования или личные грешки?

— И то и другое. Но будь осторожен. О Куско многие уже сломали свои зубы.

Любому другому Августин бы отказал. Не его профиль, да и Куско слишком опасная фигура. Но перед отцом отступать не хотелось. Поэтому Ави лишь ослепительно улыбнулся и протянул ладонь для рукопожатия.

— За ваши деньги всё что угодно. Но простите, могу я узнать, чем же этот торговец вас заинтересовал, батюшка?

В ответ Ольдвиг протянул кожаную папку.

— Здесь всё, что я о нём знаю. Я и мои партнёры несут от него убытки. Он переманивает моих клиентов, сбивая цены и предлагая более эксклюзивный товар.

Августин пролистал несколько бумаг и присвистнул:

— Его цены едва покрывают себестоимость, не говоря уж о торговых пошлинах и расходах на перевозку. Даже если товары ему поставляют контрабандисты, то он слишком рискует. Очевидно, у него достаточно неплохой исходный капитал, и он весь готов его вложить, чтобы... о, следовало бы догадаться! Куско собирается стать монополистом, и после того, как его конкуренты разорятся, его цены быстро подскочат.

Ольдвиг довольно кивнул.

— Ты соображаешь. Если бы ты одумался, и решил бы уделить внимание семейному делу, то довольно быстро бы достиг успеха.

Августин лишь хмыкнул, не желая продолжать давний спор. Если бы он пошёл по пути отца и Томаса, то просто бы умер со скуки. Нет, это было не по нему — кровь Ави будоражили гораздо более рискованные, и местами совсем незаконные дела.

— Я принесу вам голову Куско на серебряном блюде, батюшка, — легкомысленно произнёс Ави, небрежно убирая папку за пазуху.

Ольдвиг хмуро кивнул, почти сразу начав сожалеть, что выбрал именно такой способ наладить отношения с сыном. Как бы не вляпался он в крупные неприятности...

Сам же Августин был гораздо более осторожен, чем думал его отец. Юный мошенник не стал лично лезть в дела Куско, а использовав деньги отца, купил услуги парочки «крыс» — специалистов узкого профиля, в основном добывающих информацию разнообразными методами. Подкупы, шантаж, спаивание...

Один из наёмников взял на себя слуг, но почти сразу потерпел поражения. Почти никто их слуг Куско не говорил на местном наречии, а те, кто мог сколько-то убого изъясняться, были столь запуганы, что просто отказывались разговаривать с незнакомцами.

Вторая крыса, Этенари Висельник, несмотря на своё не слишком уважаемое прозвище, умел произвести весьма неплохое впечатление, поэтому решил взяться за подручных Куско. Те охотно продавались, но информация от них, Ави почти сразу это выяснил, была или незначительной, или изначально лживой. А за Висельником вскоре прицепилась слежка, и он, не взяв даже половины платы с Горгенштейна, поспешил сбежать из города.

Возможно Ави следовало бы уйти в тень и не светиться, но его уже пробрал охотничий азарт. Он решил сам заняться этой проблемой, тем более что точки пересечения у них уже были, и Августин, должно быть, достаточно хорошо примелькался Куско в казино.

Всего-то и нужно было, что пустить за неделю ранее слух о полученных шальных деньгах, а потом прийти во мнимом подпитии в казино. И там, пробравшись через несколько расслабленных его мнимой безопасностью телохранителей Куско, сесть с торговцем за один игорный стол. И продуть за один вечер все деньги и даже залезть в долги, чтобы на следующий день стоять под дверями особняка Куско, вымаливая у него возможность этот долг отработать. Зная местных торговцев, Ави знал, что они готовы на многое, чтобы вернуть причитающиеся им деньги, и где в других случаях они бы просто дали отворот поворот молодому проходимцу, тут бы его пристроили к делу. А там, может быть, и он смог бы и накопать что-то посущественнее.

На то, что Куско по настоящему его наймёт, допустив до серьёзных дел, Ави не верил, и как оказалось, сильно ошибался.

Куско не только впустил его в дом, проведя в хорошо обставленную гостиницу, но и был достаточно добродушен и гостеприимен.

— Как ты, говоришь, тебя зовут? — ласково спросил он, разливая в бокалы рубиновое вино.

— Августин Барези. Я посредник на бирже ценных бумаг.

Посредником Августину действительно приходилось работать, правда, не слишком долго, но достаточно для того, чтобы в этой сфере у него появились друзья, которые могут подтвердить его статус.

— Правда? — вкрадчиво спросил Куско. — И куда стоит вкладывать сейчас?

— В Вильтрайн и Кронштайде, — назвал Ави молодые, но быстро растущие торговые дома Гортензы. — Их акции пока не так дороги, но скоро обещают взлететь. Я бы назвал и ваше имя, господин Куско, только вы пока не стремитесь выкинуть ваши акции в свободный рынок. Могу сказать, что несмотря на небольшой риск, ваша стратегия может в конце сильно окупиться, хотя сейчас это и затрудняет ваши возможности.

— Вижу, ты действительно неплохо разбираешься в финансовых вопросах, юноша. Тем удивительнее, что будучи столь смышлённым и подкованным в торговых делах, вы предпочли проводить время в значных заведениях. Не так уж и просто получить своё место под солнцем, когда вам приходится конкурировать с собственным братом, которого ваш отец поддерживает гораздо больше... не так ли, Августин Горгенштейн?

На секунду Ави овладела паника, но он быстро взял себя в руки. Да, Куско знает, кто он такой, но очевидно он думает, что ему просто не хватило куска пирога со стола отца, и он пустился в разнос. В любом случае, не нужно делать слишком поспешных выводов, или врать открыто. Хуже всего если Куско поймает его на лжи...

Между тем Куско продолжал. Теперь в его голосе слышалось сочувствие.

— Я сам был младшим сыном в своей семье и знаю, как тяжело пробивать себе дорогу в жизнь. Иногда приходится выбирать не самые простые, и самые честные пути... Я кое-что слышал о тебе. Ты ведь посредник не только на бирже? Независимые перевозки, сделки в обход торговой палаты. Ты достаточно известен этим в определённых кругах. Говорят, твой выцветший глаз — это плата за удачу. Иначе чем суеверием твоё умение видеть выгоду не объяснить.

— В карты, как видите, мне всё ж не везёт, — криво улыбнулся Августин.

— Я не верю в удачу, — бесстрастно заявил Куско. — Но зато я верю в проницательность твоего ума и знание рынка торговли — как и официального, так и подпольного. Твои знания, способности и знакомства могли бы пригодиться мне. Как насчёт работы? Конечно, если ты не боишься, что твой отец будет недоволен тем, что ты работаешь на его конкурента.

— Наплевать на старика. Если я могу заработать... — глаза молодого Горгенштейна алчно блеснули.

И Куско, кажется, поверил в то, что ему удастся управлять Августинном. Торговцу казалось, что он знал, что движет молодым человеком, и чем его можно подкупить. И конечно, он намеревался так крепко подцепить Ави на крючок, чтобы у него не было даже возможности предать своего покровителя.

Первые несколько недель Куско не поручал новому «сотруднику» ничего важного и не приближал к себе. Ави уже надоело ждать, когда наконец-то у него появился повод обвинить Торсая Куско в незаконной деятельности. Более того, торговец оказался причастным, не больше ни меньше, как к государственной измене, что давало шанс избавиться от конкурента отца вполне себе законными средствами — наведя на него Службу безопасности Гортензы. Конечно, Ави имел лишь небольшие обмолвки и косвенные улики, но даже этого могло вполне хватить, чтобы сыскари взялись за Торсая серьёзно.

Это был бы весьма простым, и в то же время элегантным ходом, если сам Августин Горгенштейн к этому времени так не увяз в делах Куско, что и ему самому не удалось бы избежать тюрьмы, а то и смертной казни. В один из обычных дней с ним связались несколько человек из ближнего круга Куско — одни из самых неприятных и громилоподобных. Самого Куско притом там не было.

— Тебе же приходилось участвовать в переговорах, Штайн?

Обычно только Алинар, смуглый мужчина с резанной мордой, уроженец южных остров, так бесцеремонно сокращал родовое имя Ави.

— Приходилось, — кивнул Ави настороженно. Что-то в этой ситуации ему не нравилось. — Мне придётся взять слово?

— Не дорос ещё, — хмыкнул Алинар, и протянул ему чемоданчик. — Понесёшь. Когда будет приказано открыть, откроешь. Не раньше. Усёк?

Горгенштейн нервно сжал кожаные бока чемодана и кивнул.

Чувство неправильности происходящего не оставило, а наоборот усилилось, когда местом для деловых переговоров стали пустые доки, а в роли другой стороны — виардцы, представители весьма специфического и не слишком дружелюбного народа, живущего к северо-западу от Гортензы. Страны, где до сих пор, пусть уже и не открыто, но до сих пор практиковали жертвоприношения и работорговлю, а власти Виарди закрывали на это глаза.

Язык виардцев Августин не понимал, поэтому большая часть переговоров прошла мимо него, но даже часть бумаг, на которые успел бросить взгляд, убедили его в том, что вопрос здесь не в продаже драгоценных камней и дорогих тканей, а в чём-то серьёзнее, слишком уж знакомые имена там упоминались. Дилара Ольсбургского, племянника короля, или Жака Вильгера, главы департамента судоходства, бывшего достаточно влиятельны в Гортензе, обладавшей крупными морскими портами. Наконец они о чём-то договорились, и Алинар довольно кивнув, обернулся к Августину.

— Пойдёшь с ними.

— Я... я не говорю по виардски.

— Это неважно. Наши друзья неплохо понимаю язык Гортензы, если им это нужно.

Его привели в какой-то притон, в котором приторно-сладко пахло оттиа, травой, используемой на юге в качестве наркотика, от которой у Ави почти сразу же начала кружиться голова, а сознание помутнилось. Он послушно открыл для одного из виардцев чемодан, и только тогда с ужасом увидел, что же там лежало. Изумрудно сияющие крупницы, чуть крупнее песка, тщательно упакованные в брикеты. Эсстерита, вещества, рядом с которым даже запрещённый в Гортензе оттиа был подобен детскому молоку. Эсстерит не только был сам по себе наркотиком, сильнейшим из известнейших, но и самым подлым из оружий. Одного такого брикета вполне могло хватить на то, чтобы не только отравить треть всех кварталов столицы, но и вызвать в дальнейшем пандемию — заражённые эсстеритом люди в конце концов умирали, но до этого на их телах вызревал, болезненно трансформируя тела, лишайник эсстер, заживо поедая своих носителей и заражая остальных. Притом в роли жертвы ему годились только крупные млекопитающие, в том числе и люди. В естественных условиях эсстер рос только глубоких пещерах юга, где сами условия не позволяли ему бесконтрольно распространяться. Но это не мешало ищущим наживы (а эсстерит стоил очень дорого), выращивать его в искусственных условиях, чаще всего используя для этого рабов, как наиболее крепких носителей, да и наркотик в результате получался в разы действеннее, обретая то самое изумрудное сияние.

В Гортензе всех, кто хоть как-то был причастен к распространению и продаже эсстерита, ждала смертная казнь. И тут уже не отмажешься тем, что он не знал, с чем имеет дело. Ему, не слишком честному на руку дельцу просто никто не поверит. Куско подставил его, и теперь у Августина был лишь один выход выйти из этой истории относительно чистым, не испачкав и имя своей семьи — сбежать как можно дальше, надеясь, что когда сыск всё же доберётся до Куско, о одном из сыновей Горгенштейна никто не вспомнит.

Зато убедившись, что парень теперь полностью в его руках, Куско начал пользоваться его способностями, с помощью Ави налаживая контракты с наиболее влиятельными участниками подпольного рынка. Притом, действовал Торсай только через своих людей, лично не участвуя ни в одной сделке, и уж тем более ничего не подписывая. Для этого у него



был Алинар, а теперь ещё и молодой Горгенштейн.

Однажды, вернувшись в свою квартиру, дрожащими руками стирая с подола плаща чужую кровь (что-то в сделке пошло не так, и Алинар применил силу), Августин понял, что пора с этим заканчивать. Он уже не появлялся в родительском доме два месяца, боясь попасться отцу на глаза, и втянуть его во всё это. Лишь однажды черкнул и оставил на пороге записку, что выходит из дела, так как понял, что Ольдвиг был прав. Со старыми друзьями тоже пришлось расстаться, так как боялся, что Куско использует их однажды против него самого. И не к кому было пойти за помощью...

В тот же день, безуспешно напиваясь в одной таверне, он краем уха услышал о некой гадалке, которая, по уверениям тоже вполне готового рассказчика, помогла ему вылезти из неприятностей.

— Магия, шмагия... ик! Вот то, что она делает, это действительно чудо! Недаром эти из Орхана так недолюбливают этих... этих...

— Заткнись, — прошипел ему приятель, встретив цепкий взгляд Ави.

— Уж не колдунья ли твоя гадалка, милейший? — мягко спросил Ави подвыпившего горожанина. — Из тех самых, что наша любимая Церковь Иеронима сжигала на кострах десятками?

— Да не, никаких зелий там, или чего подобного, — пьяно уверил его горожанин. — Она даже карты не использует. Просто смотрит на тебя и говорит, что видит. Что лавку мою сосед поджёг увидела. А ещё сказала, как сынка на ноги поставить. И что? Раньше вот с костылями ходил, а сейчас вот бегает. Её Белой кличут, она в квартале цветущих вишен живёт.

О Белой гадалке Ави действительно слышал. Вот только воспитываясь во вполне себе религиозной семье, даже будучи взрослым он несколько сторонился ведьмовства. Это вам не обычная магия, который занимался его младший брат, это женское колдовство — хитрое, подлое, злое... а также, в своём роде весьма действенное. И если Белая действительно может видеть то, что другие не видят, то возможно, она найдёт и для него выход.

В тот же самый вечер Ави стоял под дверями Белой. Так гадалку называли за абсолютно седые волосы, что в сочетании с молодым, без единой морщинки, лицом производило несколько отталкивающее впечатление. Но несмотря на то, что жила она в квартале цветущих вишен, что облюбовали цыгане и проститутки, ни с теми ни с другими её спутать было нельзя. Однотонное глухое платье, пуховый платок поверх плеч, и чистая, правильная речь образованного человека. Белая провела Августина в небольшую, но чистую комнатку, и усадила его напротив себя на низкий диванчик в восочном стиле.

— Не и что мне нужно сделать? Сразу скажу, я многое рассказать не могу...

— И не нужно. Скажи лишь, чего хочешь, этого достаточно.

— А плата?

— Всё потом.

Гадалка не предложила ему ни чая, ни кофе, хотя перед ней стояло глубокое блюдо, наполненное чуть подкрашенной розовым водой. Уж не кровь ли?

— Меня связали узами, которые я не желаю больше иметь. Я хочу узнать, как от них освободиться.

Этого вполне достаточно. Если Белая гадалка просто шарлатанка, она решит, что Августин решит избавиться от надоевшей жены — это было предположить легче всего. Но Белая действительно его удивила. Она задумчиво водила пальцем по дну блюда, наблюдая,

как по воде идёт рябь от её движений.

— Тебя ждёт только смерть, если ты попробуешь действовать так, как хотел раньше. Вижу я, что если натравишь на лису псов, то вскоре сам окажешься добычей. Сбежать тебе если и удастся, вот то пробегаешь ты недолго.

— Значит всё, не дёргаться? — хрипло спросил Горгенштейн. Слова гадалки удивительным образом ответили на самые потаённые страхи Ави.

— Есть те, кто может тебе помочь, есть... — Белая чуть нахмурилась. — Ведь в твоём окружении есть маг, не так ли?

Ави нахмурил лоб, припоминая.

— Ну, не совсем маг. Есть приятель один, который обладает некоторыми умениями, но его даже в Орхан не взяли.

— Нет, не то. Ты должен знать этого человека гораздо лучше.

Взгляд гадалки требовательно вцепился в лицо молодого мошенника.

— Его и ещё одного... нет, двоих, воинов с лицами, которые не отличить друг от друга.

— Это Марк и Карл, мои младшие братья. Они сейчас учатся в военной академии. Совсем сопляки ещё, их только Лука младше...

Августин на секунду замешкался. Лука! Ведь он же пусть и недоучившийся, но всё же маг.

— Но я не могу втягивать в свои проблемы родственников! Если с ними что-нибудь случится...

— А если с тобой что-то случится? — жёстко спросила Белая. — Как скоро они, выясняя подробности твоей смерти, наткнутся на твоего врага?

А ведь действительно. И ладно только отец — ему хватит ума вовремя остановиться. Да и Лука, кажется, достаточно равнодушен к судьбе родных. Такой не станет из-за смерти брата жертвовать всем и вести себя глупо. Но вот Марк и Карл... хотя близнецы всегда держались обособленно, Августин всё же входил в их круг доверия. Фактически, в детстве они втроём составляли замечательную «бандитскую» коалицию, противостоящую занудному Томасу, придирчивому Лавелю и скорому на расправу Равелю. Лука всегда держался от братских разборок как можно дальше, за что ему нередко и доставалось то от тех, то от других, ну а сёстры-прилипалы играли в какие-то свои девичьи, совсем непонятные игры.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Так что, наверное, на близнецов он действительно мог положиться, тем более что они всё равно полезут его спасать или за него мстить. Но какая ему польза будет от мага-недоучки?

— Я не понимаю... — жалобно сказал он. — Чем они могут мне помочь? Мой враг не будет учитывать, что его противники почти дети. Если он сочтёт их угрозой, он просто их уничтожит.

— А кто тебя просит идти напрямую против Куско, дурья башка? — проворчала гадалка, резким движением руки разбивая глиняное блюдо, отчего вода разлилась по всему столу. Но её это кажется не волновало. Она изучала битые черепки, на которых, как только сейчас увидел Ави, были нанесены какие-то знаки.

— Ты ведь не совсем честными делами занимаешься, а? — не совсем спрашивая, скорее, говоря себе под нос, сказала гадалка. — Взламывать дома приходилось?

Горгенштейн не стал даже деланно возмущаться.

— Не приходилось, — твёрдо сказал Августин. — Предпочитаю более

интеллектуальные способы зарабатывать.

— То есть скачки и казино? — хмыкнула Белая. — Ничего. Твой маг справится, и молодые воины помогут. Проникни в его дом, там, скрыто от глаз людей, есть тайник. В нём слабость твоего врага, то, что сведёт его в могилу, а тебе принесёт прибыль. Получив это, ты решишь проблему раз и навсегда.

— И никаких сыскарей? — недоверчиво поднял бровь Августин. — Я не хочу светиться перед СБ.

— Твоё дело — верить мне или нет, — пожала плечами равнодушно гадалка. — А только оставишь всё как есть — и через год уже ничего не исправишь. Я бы на твоём месте поторопилась, сын торговца.

Ави сощурил глаза:

— Это вы тоже в своих знаках увидели, кем я являюсь?

— По твоим манерам, — хмыкнула Белая. — Больно уж взгляд у тебя цепкий и всему цену дающий. И думаешь ведь, сколько мне денег дать, чтобы не обидеть и не переплатить. А я тебе вот что скажу — иди так, а как избавишься от верёвки на шее, так приходи ко мне. Я попрошу тебя об одной услуге. И смотри, если откажешь...

Лицо гадалки на мгновение сделалось таким страшным, что у Августина волосы встали на затылке, а по телу прошла дрожь.

Колдунья (а что гадалка владела волшбой, Ави уже не сомневался) буквально из воздуха достала длинную атласную ленту, столь вызывающего алого цвета, что едва ли приличная девица могла бы такую носить и отдала ленту Августину.

— Возьми. Когда окажешься в доме и достигнешь своей цели, используй ленту.

Лишь только у себя дома до Августина дошла одна странность — она ведь называла имя Куско, хотя он его и не называл. Вот только в пользу ли это гадалки говорит, или напротив?

Так ничего и не решив, Ави подкинул серебряную монету, по привычке понадеявшись на удачу. Ведь говорят же, что он счастливчик.

А уже через неделю, на семейном собрании, который он в кой-то веки посетил, он сумел подговорить, не без некоторых угрызений совести, своих младших братьев на авантюру. Вот только истинную причину своих поступков скрыл — сказал лишь, что имел с Куско общие дела, а тот не поделился с ним общей выручкой, и теперь он хочет вернуть себе честно заработанное... Едва ли Марк и Карл этому поверили, но узнав, что выступать они будут против конкурента их отца, из-за которого семейное дело терпело большой убыток, как-тут же согласились. А вот уговорить Лукреция оказалось в разы сложнее.

— Ну хорошо, — допустим в дом мы попадём, — после той истории с проникновением в жилище Лавеля, Лука тщательно изучил все заклинания, отпирающие замки и обходящую магическую защиту, и мог считаться хоть начинающим, совсем без практики, но всё же специалистом по взлому. Удивительно, как много интересного можно было выудить из тёмномагической библиотеки Гохра, если правильно искать! — А как тайник откроем? Если ценность того, что там лежит, действительно велика, то твой бывший хозяин спрятал его с помощью магии. Притом, какое именно заклинание он использовал, неизвестно — а ведь их не менее десятка. Я и за неделю не справлюсь, не зная, что конкретно искать.

— Мы можем использовать эту ленту, — помахал красной тканью Ави, сам понимая, как идиотски звучат его слова. — Мне сказали, что она поможет найти то что нужно.

— А ну дай сюда, — хмуро сказал Лука, вырывая ленту из рук, но как только маг коснулся её, выражение лица его изменилось с несколько презрительного и недоуменного на

потрясённое.

— Ого! — произнёс он... — ого!

— Что?! — нетерпеливо спросил Ави, но Лука уж вышел из ступора.

— Да ничего, — вздохнул он. — Ощущения от этого артефакта... хм, знакомые. Кто, говоришь, тебе его дал?

Но Ави лишь пожал плечами, решив умолчать о гадалке — нечего его наивному братцу сталкиваться с Белой...

Благодаря близости к Куско, Ави точно знал, когда того не будет в его особняке. Оставались лишь слуги и незначительная охрана, но они скорее всего будут в отсутствии хозяина не особо бдительны. А благодаря тому, что Августин был в доме Куско не раз, он неплохо знал расположение комнат на первом этаже, и имел некоторое представление, что и как находится на втором. Одетые в тёмное, с лицами, спрятанными за повязками, трое проникли в дом, оставив одного караулить в саду. Этой ночью, из-за «внезапного» отравления части охраны Куско, внешний патруль был снят. Правда, на магическую защиту Лука потратил едва ли не полчаса, заставив Августина нервно грызть ногти, боясь, что кто-то услышит шум от дверей.

— Может, через окно? — наконец спросил Марк простодушно. Лука раздражено на него шикнул.

— Окна действительно выглядят более лёгкой добычей, — тихо объяснил Ави, — но пройдя в дом не через порог, мы скорее всего нарвёмся на магическую ловушку второго порядка, которая идентифицирует нас как незаконно вошедших. А если мы, обойдя защитный артефакт, зайдём сквозь двери, то будем восприняты как обычные гости.

— Ты-то откуда это знаешь? — возрился на него Марк с подозрением, но Ави сделал вид, что не услышал его.

— Переходим ко второй фазе, — устало, но довольно сказал Лука.

Замок взламывать не пришлось — да и Ави не столь ловко управлялся с отмычкой. Так, брал несколько уроков. Поэтому о том, чтобы получить свою копию ключей от всех дверей Куско Горгенштейн побеспокоился заранее. То, как ему это удалось, было достойно отдельной истории, в которой самым ужасным было то, что Ави так и не удалось подчистить концы, так что Куско рано или поздно узнает, каким образом был произведён взлом. Оставалось надеяться только, что после сегодняшней ночи для Куско поиски крысы станут неактуальными.

Троица прошмыгнула внутрь почти бесшумно, если бы не Лука, случайно споткнувшийся о стойку с зонтиками. В прихожей раздался грохот. Марк не удержался и отвесил затрещину младшему брату, а когда тот попытался ударить его в ответ, с особым удовольствием отвесил ещё одну. Щуплый Лука всегда был плох в подобных драках. Ави раздражённо перехватил Лукреция за шкирку и оттолкнул Марка.

— Не время!

В коридоре уже слышались торопливые шаги.

— Куда? — Лука вырвался и чуть хмуро, но вполне спокойно посмотрел на брата. Августин ещё раз подивился, сколь хладнокровно держится его брат.

— По левому коридору и направо. Возьмёшь Марка с собой, он прикроет.

— А ты?

Августин подхватил трость, стоящую у входа, и скрылся тени от окна, было слышно лишь его голос:

— Видимо, придётся применить немного насилия. Ну же!

Марк и Лука кивнули и побежали туда, где должна была быть кухня. На кухне, сложив голову на стол, кто-то дремал, но сонно завозившись от постороннего шума, он получил по голове, и отключился уже по-настоящему. Лука поморщился — он не любил столь грубых средств, что использовал его братец, но особого выбора не было. Лука старался использовать в этом доме как можно меньше магии. Хотя Августин уверил его, что Куско не обратится в полицию за расследованием, так как не захочет привлекать к себе внимание, всегда была вероятность, что он привлечёт частного мага. И тот, поняв, что действовал ученик или выпускник Орхана, выйдет на молодого мага.

— Боже, благослови хороших хозяек, — жизнерадостно сказал Марк, поджигая спичкой полностью готовый к использованию очаг и подкидывая углей. — Ну же, доставай свою отраву!

— Поправь сначала повязку на лице, — меланхолично ответил Лука. — Если смесь попадёт тебе на лицо, то ты едва ли можешь быть полезным.

— Надеюсь, твоя замагиченная тряпочка поможет...

Усвоив полученный в прошлый раз урок, Лукреций несколько усовершенствовал рецепт сонного порошка. Точнее, создал на основе него весьма действенную, удобную в больших закрытых пространствах смесь. Легко загораясь, она создавала почти ничем не пахнущий дым, к тому же такой лёгкий, что он охватывал достаточно большую территорию. Правда, пришлось сильно повозиться с собственной защитой от сонного порошка. Но тут ему помог Жерар — не забесплатно, конечно, как-раз и придумав эти «тряпочки», что были сейчас на лицах Горгенштейнов, которые не давали проникнуть смеси в лёгкие. Дышать нормально, она, правда, тоже мешала, отчего Луке всё время приходилось бороться с головокружением. К сожалению, этот побочный эффект был обнаружен только сейчас, так что следовало поторопиться, пока кислородное голодание не сказалось на их действиях.

Попав в огонь, порошок тускло вспыхнул, а затем по полу зазмеились тонкие, еле заметные струйки дыма. Ту же самую процедуру они проделали с дымоходом и вентиляцией дома. По расчётам Луки все, кто находился сейчас в жилых помещениях, и ещё не спал, должны были испытать непреодолимое ощущение сонливости.

Они вернулись в коридор, чуть не наступив на тело охранника, вырубленного Ави. Или убитого, слишком уж много крови было у того на голове, но Марк этого не заметил. Или не захотел замечать — Августин в его глазах всё ещё был славным шутником и отличным приятелем для шалостей, но никак не безжалостным убийцей. Луке же гораздо лучше была видна тьма в чужом сердце.

Августина они нашли у входной двери. Он, чуть приоткрыв её, напряжённо прислушивался.

— Я дал сигнал Карлу, но он так и не ответил на него, — негромко пояснил Августин своё беспокойство.

Глаза Марка расширились, и он попытался протиснуться мимо Ави на улицу. Но тот ловко перехватил его и прижав к стене, изготовившись к драке. Лука занял место с другой стороны. Кто-то тяжело поднимался по входной лестнице, затем дверная ручка несколько раз дёрнулась, и в прихожую ввалился Карл. Правой рукой он зажимал кровоточащий бок, а другой тяжело опирался на косяк. Губы его кривились от боли, а голос казался совсем пустым и безжизненным.

— Там было двое... я не ожидал, что там вообще кто-то будет.

— Ты их убил? — деловито спросил Августин, и в тот же миг раздался вопрос Луки:

— Остались ли следы крови?

Марк кинул на них ненавидящий взгляд и аккуратно подхватил шатающегося близнеца.

— Не беспокойся, рана не смертельна. Меня только задели. А парни правы — я мог оставить следы, — удерживая стон, сквозь зубы сказал Карл. — Хотя те двое не выглядели живыми, когда я уходил. Забавно, никогда не думал, что мне придётся впервые отнять жизнь именно так... подло, грязно. Надеюсь, оно того стоило, Ави.

Мошенник виновато отвёл глаза. Меньше всего он хотел, чтобы близнецы превращались в его подобие.

— Вам лучше уйти сейчас. Всё равно из Карла помощник никакой, а без Марка ты просто не дойдёшь до дома.

— Какой дом? — проворчал Лука. — Вы просто не дойдёте, да и матушку доведёте видом Карла до обморока. Тут неподалёку отсюда живёт травница, тётка моего друга, идите к ней. Скажете, что от меня.

— Я провожу Карла и вернусь сразу же, — серьёзно пообещал Марк, и перехватил брата, помог ему подняться.

Подождав, пока близнецы уйдут, Лука наконец высказал своё неодобрение Августин.

— Я думал, ты обо всём побеспокоился. Твоя неосторожность могла стоить нам всем жизни.

— Сам знаю, — огрызнулся Ави.

— Мне нужно убедиться, что кровь Карла не осталась на земле и камне. Служебные маги легко вычислят нас по ней. У меня есть порошок, который может...

— Потом. Сначала наша цель. Чисткой займёмся на обратном пути.

Августин достал алую ленту, тщательно спрятанную в мешочек на шее, и протянул её Луке. Тот хмуро посмотрел на брата:

— И что это ты делаешь?

— Ну ты же должен искать нашу цель.

— Эту магическую вещицу дали тебе, дубина, а значит, именно ты с помощью неё должен найти свой приз. Просто сконцентрируйся на цели.

— И как? — растерянно поинтересовался Августин. — Я не разбираюсь в колдовстве.

И то, как выглядит его цель он совсем не знал. Вот только Луке это говорить не хотелось. Но кажется, тот и так начал об этом догадываться.

— Чтобы я ещё раз, — процедил он сквозь зубы, а затем сделал глубокий успокаивающий вздох, забыв, что на нём защищающая повязка. Отравленный воздух проник сквозь немного сбившуюся повязку, и Луке непреодолимо захотелось спать.

— Чёрт, только не снова, — пробормотал Лука, борясь с сонливостью. — Я... я пойду, посижу на крыльце, подышу свежим во...

Он зевнул ещё раз и прислонившись к стенке, задремал. Ави ничего не оставалось, как вытащить его на улице и оставить снаружи входной двери, надеясь, что никто не наткнётся на беззаботно дрыхнущего Луку.

— Снова? — недоумённо пробормотал Ави, аккуратно прислоняя брата в тени фикуса в кадке. — А-а-а, ладно, разберусь потом.

По-хорошему нужно было сворачивать весь план, который пошёл не так, но время ещё оставалось, а препятствий вроде быть больше не должно.

— Ну же, — строго посмотрев на ленточку, сказал Ави. — Я даю тебе минут пять, а

потом сжигаю тебя. Давай, не артачься.

Лента, как показалось Ави, испуганно задрожала в руках, а затем один из её концов несмело дёрнулся, указывая куда-то наверх.

На второй этаж, через спальню хозяина дома, он вышел на ещё одну лестницу, ведущую куда-то вверх, к чердачной пристройке. Вот только вход в неё перекрывала крепкая дубовая дверь, а ключей от неё и у мошенника не было. И своего мага, который мог ему что-то подсказать, тоже. Лента настойчиво трепыхалась, не понимая причины задержки, а Ави стоял, тяжело опираясь на перила, и чувствовал, как рушатся остатки его надежды.

— Ну вот и всё, всё зря...

Теперь, когда братьев рядом не было, ему совсем не нужно было скрывать свою безысходность и отчаяние. Ладонь Горгенштейна беспомощно разжалась, и ленточка, упав на пол, извиваясь поползла вперёд, исчезая в щели под дверью. Августин поражённо вздохнул, дивясь самоуправству колдовской вещицы, и прижался ухом к замку, надеясь понять, что происходит на чердаке.

Несколько долгих минут он ничего не слышал, а затем раздался резкий треск, заставив Августина резко отпрянуть назад. И вовремя: в дверь с той стороны что-то ударило, буквально снеся её с петель. Будь Август чуть на несколько сантиметров ближе, и вполне мог бы уже лежать мёртвым.

На пороге сидела... лисица?!

Правда, совсем не такая, что водилась в лесах Гортензы. Подобного зверя Августин видел будучи ребёнком, в привезённом издалека зоопарке. Это была пустынная лисица, мелкая, длинноухая, со светлой, почти белой шерстью. В пасти она держала вполне себе знакомую шёлковую ленточку, сейчас безвольно повисшую. Вот что значит должно было избавить его от Куско по мнению Белой гадалки?

— Ну привет, — выдавил бледное подобие улыбки Ави.

Зверёк ощерил пасть, продемонстрировав мелкие зубки, и почесал себя за ухом задней лапкой, всё так-же не сводя пристального взгляда с Горгенштейна. Августин несмело подошёл, и заметив вздыбленную на загривке шерсть, остановился в шаге от лисицы. Не зная, почему, но как-то Августин чувствовал, что перед ним именно самка, а не самец. Правда, выглядела она не очень. Шерсть свалялась, одно из длинных ушек было порвано, и теперь грустно висело, придавая зверьку одновременно комичный и печальный вид. Августин присел на корточки:

— Куско тебя обижал, да? Судя по всему, и не кормил вовсе. Ну ну, не смотри так. Я тебя не обижать пришёл, а освободить.

Говорить со зверем почему-то не казалось сейчас Ави глупым. Лисица, очевидно, была магической, уж больно взгляд у неё был по-человечески осмысленным, да и дверь кроме неё никто другой не мог выломать.

— Послушай, не хочу показаться грубым, ты и так судя по виду многое перенесла, но раз я тебя спас и всё-такое, может быть подскажешь мне, как мне избежать проблем с твоим пленителем? Видишь ли, я как бы шпионил за ним, и из-за этого влип в неприятности, а теперь просто не могу никак от него избавиться. Одна гадалка, её зовут Белой... может знаешь её, сказала, что то, к чему меня приведёт лента, может мне помочь. И получается так, что это ты, красавица.

Лисичка выпустил ленту из пасти, и та тут же юркнула вниз по лестнице, посчитав, видимо, что её задача завершена. А лисица... в черных глазах её заплескали отблески синего

пламени, а через секунду она горела уж вся, хотя огонь, кажется, не причинял ей вреда. Юркнув мимо отшатнувшегося Августина, она сбежала вниз, оставляя за собой дорожку из огня.

— Проклятье, — потрясённо прошептал Августин, понимая, какое дьявольское отродье он только что выпустил на волю. Поспешно спускаясь вниз, старясь держаться как можно дальше от злых всполохах синего огня, пожирающего всё вокруг, Августин выбежал на улицу и растолкав тихо сопящего Луку, заставил подняться его на ноги.

— Быстро-быстро, идём отсюда! — скороговоркой произнёс Августин.

— А Марк? Мы должны его дожидаться...

— Я тут! — запыхавшись, Марк остановился рядом с братьями. — А что тут? О-о-о...

Дом за их спинами тускло светился голубым сиянием, а внутри слышались отчаянные людские крики. Августин поёжился. Как бы то ни было, он не хотел, чтобы кто-то, непричастный к злодеяниям Куско, пострадал, и надеялся, что слугам удастся выбраться из дома живыми. Огонь же, действуя как будто по чьей-то воле, уже перекинулся на газон, и теперь превращал траву в пепел с совершенно нечеловеческой скоростью. Лука проследил за взглядом Марка.

— Кажется, нам совсем не стоит беспокоиться о том, что мы можем оставить зацепки, — спокойно сказал он. — Что бы ты не сделал, оно весьма эффективно расправляется с имуществом твоего врага. Но что-то никаких мешков с золотом я при тебе не вижу.

— Предлагаю обсудить то, как Августин будет с нами расплачиваться, позже, — Марк попятился назад, потянув за собой Луку, всё ещё не отошедшего от действия усыпляющей смеси. — Пойдёмте, твоя травница, кажется, совсем не против, чтобы мы передохнули у неё до утра.

Тут Марк, мягко говоря, преувеличивал. Дели, тётка Жерара, отнеслась к незванным ночным гостям, взбудораженным, и явно где-то напакостившим, с явным неодобрением. Но прогонять действительно не стала, как и задавать лишних вопросов. А вот Жерар, к большому неудовольствию Луки, в этот день ночевавший в доме травницы, вопросы задавать совсем не стеснялся.

— И чем это вы таким противозаконным среди ночи занимались? Ограбили банк, напали на королевский кортеж?

— Сам-то думаешь, что говоришь? Какой королевский кортеж в три утра, — пробормотал Лука, прислоняясь к столу, и тут же засыпая. Жерар принялся и вопросительно посмотрел на растерянно смотрящего в стену Августина.

— Чего это он?

— Усыпляющий порошок.

— А-а-а, опять, — загадочно хмыкнул Жерар. — Так вот для чего нужны были те повязки. А ты ведь старший брат Лукреция?

— Августин, — устало представился Ави.

— Ты бы это... присмотрел за своим младшеньким. — Что-то больно часто он у тебя в неприятности попадает.

— В этот раз это моя вина. Что с Карлом?

— Всё в порядке, — отозвалась Дели. — Завтра уже ходить сможет, хотя и не очень быстро.

На следующий день Марк, Карл и Лука вернулись в отцовское поместье, а Августин



решил на время затаиться, сняв небольшую комнатку на краю города под вымышленным именем. В городе только и говорили о странном, колдовском пожаре, в котором почти никто не пострадал, кроме троих охранников и одного слуги, исчезнувших, и возможно, полностью сгоревших. Но странности на этом не заканчивались. В эту же ночь пламя, синее, беснующееся, охватило Куско и его людей, находившихся в нескольких километрах от сгоревшего дома. Это пугающее самовозгорание заставило шептаться людей о демонах, и о том, что Куско поплатился за то, что заключил с ними договор. Толпы народа повалило в храм, охваченных религиозным страхом, а сыскарям пришлось поставить ограждение вокруг особняка Куско, чтобы любопытствующие граждане не проникли на поражённую злым колдовством территорию. Из Орхана было вызвано несколько магов в помощь Службе Безопасности Гортензы, но помочь смог только один.

# Глава 4

## Подозрения

Смерть Куско как камень, что оставляет после себя круги на воде, оказала влияние на жизни многих людей. Кто-то потерял прибыльную работёнку и покровителя, кто-то не смог сохранить и свою жизнь. Но были и те, кто подобно главе семьи Горгенштейнов, извлёк немалую прибыль от смерти купца. Влиятельнейшие торговцы столицы, подобно пираньям, начали растаскивать те активы и предприятия Куско, которые могли легально окупиться. С торговлей же людьми и продажей тайн государства не решились связываться даже криминальные бароны, верно рассудив, что внимание активизировавшегося сыска к себе лучше не привлекать.

Для Петера Зингера, не слишком удачливого старшего следователя тридцати двух лет дело о смерти Куско могло бы стать лучшей возможностью для того, чтобы выбиться в люди. Или же окончательно похоронить его карьеру, как решил Петер, ознакомившись с документами по делу.

Замаравшийся в грязи купец слишком многим наступил на хвост, чтобы сказать точно, кто был убийцей — а в то, что это было убийство, Куско не сомневался. Да и мотивы его убийства могли быть весьма разнообразны: начиная от устранения свидетеля государственной измены, заканчивая происками конкурентов. Личная месть тоже не отвергалась — слишком многим предприимчивый купец сломал жизнь. Но ни в одну из предполагаемых версий не укладывалось использование магии как способа убийства — этот метод был избыточным и слишком странным. Хотя и довольно надёжным: синее пламя, вспыхнувшее в двух местах одновременно, поглотило не только Куско и его имущество, но и почти все улики. Штатные маги сыска лишь разводили руками, не в силах объяснить его происхождение, и порекомендовали обратиться к более магам Орхана. Впрочем, и они лишь растерянно пожимали плечами, и лишь один из них, похмыкав и покрутив ус, взял немного пепла на пробу и пригласил зайти через пару дней.

Поэтому вскоре Зингер направил свои стопы в магическую школу Орхан, где и преподавал мастер-алхимик Гидеон.

В Орхане Петеру уже приходилось бывать по одному делу двухгодичной давности. Тогда один из учеников школы оказался замешен в крайне неприятном ограблении, и сейчас отбывал своё пожизненное заключение в казематах инквизиции, тогда как остальные преступники отделались лишь несколькими годами на рудниках. Закон был суров к магам, и как считал Петер, видевший, на что способна магия, вполне справедливо. Да и вмешательство Церкви Иеронима было вполне оправданно — лишь только церковники могли одолеть колдовскую силу там, где обычные цепи были бесполезны.

Как и многие горожане, Петер относился к колдунам с предубеждением, но излишне суеверным не был, поэтому переступал порог Орхана без особого страха. Охранник школы порывался сам лично проводить Зингера к администрации, но тот ловко отделался от сопровождения, решив немного посмотреть на школу изнутри. Авось и выведет его чутье, не легендарное, но всё же весьма примечательное, на что-то интересное, что может дать ему подсказку о странных обстоятельствах смерти Куско.

Но студиозусы Орхана не спешили демонстрировать подозрительно слоняющемуся по коридорам чужаку все тайны своего колдовства, и выглядели и вели себя как самые обычные

подростки. То есть собирались в кучки по углам, обсуждая хихикающий в стороне девиц, или сосредоточенно изучали толстые тетради, скукожившись за ветхими партами. Некоторые и вовсе дремали, воспользовавшись долгим перерывом между уроков. Наконец следователю окончательно надоело бродить по школе.

— Мальчик, а где все учителя? — дружелюбно спросил Петер, заглянув в очередную аудиторию у светловолосого мальчугана лет одиннадцати, совсем не тянувшего на злобного колдуна, и мирно скучающего за первой партой.

— На школьном совете, — охотно объяснил ему школьник. — Этажом выше, затем направо и перейти в левый коридор.

С направлениями в пространстве у Петера было так себе, поэтому вместо того, чтобы попасть на совет, он забрёл в какие-то лаборатории, в которых опять же не было ни одного взрослого, зато ошивалось двое старшкурников — крупный плечистый парень, явно крестьянского происхождения, и более щуплый, мрачного вида мальчишка с надменным выражением лица. Они склонились над лабораторными склянками с подозрительного вида содержимым, и в пол голос о чём-то спорили. Петера они почувствовали почти сразу, хотя он двигался почти не создавая шума.

— Простите, мы вам можем чем-то помочь? — вежливо обратился к нему крепыш, обладавший на удивление правильной речью.

— Да, я искал мастера Гидеона... хотя он, должно быть, всё ещё на школьном совете?

— Господин Гидеон не ходит на совет... точнее, его не приглашают.

Неявная насмешка в голосе крепыша казалась неуместной и непонятной следователю, а от того ещё более неприятной.

— Почему это?

— Директор считает, что мастер оказывает разлагающее влияние на других преподавателей. На студентов, впрочем тоже, но тут у него выбора нет — лучшего алхимика, чем мастер Гидеон, в столице, а то и во всём государстве, нет.

— Тогда где же он?

Молодые люди вновь переглянулись, и наконец мрачный парнишка пожал плечами, а более старший сказал:

— Вообще-то он обещал мне и Луке помочь разобраться с одним алхимическим опытом, но как видите, его здесь нет. Но у него в пять факультатив по АВМ, так что до пяти, я думаю, найдётся. Если конечно его дела окажутся не слишком срочны. Да и не пропустит уважаемый обед.

— А что такое АВМ? — заходя в лабораторию, и с любопытством оглядываясь, спросил Петер.

— Альтернативные виды магии, — неохотно ответил его собеседник, а его приятель, ещё раз бросив холодный взгляд на Петера, что-то про себя решил и вновь вернулся к пробиркам.

— О-о-о, и ты это изучаешь? — дождавшись кивка, старший следователь продолжил: — тогда, возможно, ты сможешь мне помочь. Может быть, у студентов Орхана, лично учившихся у директора, более светлая голова, чем у наших алхимиков и магов.

«А вы собственно кто?» — явственно читалось на лице студента, но спрашивать влиятельного гостя Жерар не стал. Жерар Лекой увидел только то, как ладно сидит на госте костюм, и что сукно было качественной выделки, но совсем не заметил чуть пообтёршиеся рукава сюртука и дешёвую обувь. Лука же напротив, уже списал Петера со счетов, восприняв

его вкрадчивость и вежливость за робость государственного служащего самого низкого ранга. Ошибались они оба, так как следователь Петер Зингер пусть и не был пока птицей высокого полёта, и переживал сейчас не самые лучшие времена, имел весьма нескромные амбиции, и самое главное, обладал для этого некоторыми основаниями. Этот уже не слишком молодой, начавший лысеть мужчина с добродушным лицом обладал цепким и острым умом, которому, к сожалению, было очень сложно себя проявить в жёсткой, полувоенной иерархии столичного сыска.

Петер Зингер не знал ещё, но чувствовал, что молодые маги могут оказаться ему полезны.

— А вот скажи, раз ты такой умный, — подначивающе начал Петер, вытащив из угла какую-то пыльную табуретку и усаживаясь рядышком с Жераром. — Какие виды магического огня существует?

— Никакие. Огонь он и есть огонь, фаза горения, результат нагревания горючего материала или химической реакции, — буркнул крепыш.

— Или алхимической.

— По сути одно, — махнул рукой Жерар.

— А тот огонь, который создают маги? Разве он не магический?

— Здесь вопрос в том, как он именно создан, но результат остаётся тем же, — вздохнул Лекой, поняв, что от странного мужика ему никуда не деться. Он с тоской посмотрел на Луку, но тот вовсе предпочитал игнорировать проблему. — Крестьянка ли печь натопила, или маг создал огнешар — по сути, разницы никакой нет, разве что температура у огнешара будет повыше. Да и зависеть он будет не от дров, а от того, сколько энергии в него вложит маг.

— А синий огонь? — наконец спросил Петер то, что его на самом деле интересовало. Следователь так внимательно следил за безмятежно стоящим Жераром, что не заметил, как вздрогнул Лука.

— Цвет пламени зависит от температуры, не более, хотя такие цвета в чистом виде в природе особо не увидишь. Да и магам его творить нет причины — слишком много сил уйдёт только лишь ради красивой картинки.

— А я вот знаю, что подобное пламя — чисто синее, без примеси других оттенков, спалило недавно несколько зданий в городе. При этом затух синий огонь также внезапно, как и загорелся — моментально и без видимых на то причин, оставив после себя лишь ровный круг из золы и пепла. Слышали о таком?

— Что-то приходилось, — настороженно произнёс Жерар, стараясь не обернуться на Луку, выдав его ненароком. — Но тут я, господин, даже не знаю, в чём дело. Я ж не такой грамотей-разумей, как мои достопочтенные учителя. Вот морковку могу вам с помощью магии вырасти... или хотите камешек отдам?

И протянул Петеру алмаз с кулак величиной, вынутый из бледно-голубого раствора. Следователь не задумываясь принял его, а затем, внезапно одумавшись, выпустил из ладони. Тот упал на стол, откатился к краю и полетел на пол, разбившись там на сотни мелких кусочков.

— Лекой-Лекой, я тебе сотни раз говорил, не гнаться за размером, а сначала разобраться со структурой кристалла, — раздался укоризненный голос от двери, и в лабораторию вошёл, а точнее влетел, мастер Гидеон. Ему хватило лишь одного взмаха рукой, чтобы осколки на полу превратились в голубую жижицу, а затем и вовсе истаяли. — С

тобой, Жерар, всё понятно. У тебя что, Лукреций?

— Вот.

Мрачный паренёк аккуратно держал на подносе что-то, похожее на огромного раздавленного слизняка, всё ещё дёргавшегося в мутноватом бульоне. К горлу Петера подкатила тошнота.

— Что это? — строго спросил он. — Опыты над живым?

— Да побойтесь бога, — удивлено сказал учитель, глядя сквозь круглые очки на следователя. — Живое и даже недавно-сдохшее это не по моей части. Это отличный экземпляр алхимически-выделенной эктоплазмы.

Гидеон потыкал в неё пальцем, затем понюхал его, едва ли не облизав, а затем поспешно вытер руку об и так заляпанную бурыми пятнами мантию.

— Хотя с похвалой я немного поторопился. Ты зачем каменной соли добавил, дубина?

Лукреций поджал губы, но всё же ответил.

— У меня плазма не хотела держать форму и всё время таяла... Ой, что у вас с пальцем?

— Щито у меня с палицем? — едко передразнил его Гидеон, левой рукой пытаясь намешать что-то в склянке, а правую отставив в сторону. С пальцем действительно творилось что-то неладное — он набух, увеличившись в размерах, а кожа, растрескавшись, сочилась сукровицей и кровью. — Чего вылупился, Жерар? Подай сюда эссенцию тысячелистника! А ты, негодник, растолки пока медвежий помёт!

Получившийся явно несъедобный раствор Гидеон отчего-то выпил, и грозившийся то ли лопнуть, то ли, подобно эктоплазме, потерять форму палец принял свой обычный вид.

— Незачёт, Лука, незачёт, — неодобрительно покачал головой мастер. — Зря ты взялся за учебный курс, до которого не дорос. Придёшь в следующем году — если поймёшь, в чём была твоя ошибка, так и быть, приму тебя на свой факультатив.

Фыркнув самым невежливым образом, мальчишка вышел, едва сдержавшись от хлопанья дверью.

— А ты чего стоишь, Лекой? Проваливай давай. И скажи другим, что факультатива по АВМ не будет — видишь, важный господин ко мне пришёл.

Жерар помедлил, а затем кивнув, скрылся за дверью.

Больше всего Петера удивляло то, как алхимик умудрился выжить с таким подходом к науке.

— Как ваша рука? — вежливо спросил Петер мага.

— Рука? А-а-а, всё в порядке. Это представление было для студентов — их, если не напугаешь, осторожности не научишь, — рассмеялся Гидеон, а затем с любопытством посмотрел на следователя: — Ну-с, зачем пожаловали?

Петер на секунду растерялся.

— Мы же договаривались. Вы были экспертом на пожарище, и обещали...

— А, синее пламя, помню-помню, — покивал головой алхимик и вновь уставился на Петера.

Молчание начало действовать на нервы.

— Я поговорил тут немного с вашими студентами, — наконец сказал Петер. — Они говорят, что магического по сути пламени не бывает, а бывает лишь созданное с помощью магии. Это правда?

— По большей части да, — хмыкнул маг, подкрутив пышные усы. — Продукт горения, высокие температуры и всё такое.

— Да-да, я слышал, — нетерпеливо сказал Петер. — Неплохо бы узнать, какая магия создала этот огонь.

— Так это же не огонь был, — пожал плечами Гидеон. — А чистой воды магия. Даже магия иллюзии, сказал бы я с большой вероятностью. А создал его не маг, нам такое не под силу.

Петер начал терять терпение.

— Магия, значит? И созданная не магом. А при чём здесь синее пламя?

— А ни при чём. Я же говорю — иллюзия, — почти по слогам сказал Гидеон.

— Вы меня совсем запугали, — сухо сказал следователь.

— Видите ли, когда я принёс сюда ту золу и пепел, она исчезла буквально на следующе же день. Никаких следов. Если вы, полагаю, вернётесь к пожарищу, увидите то же самое.

— Но уничтожено два здания и с десятков людей. Это тоже иллюзия?

— Конечно же нет, — снисходительно ответил маг. — Это самая, что-ни на есть реальная реальность, основанная на чистой воле, сотворить которую человеку просто невозможно. Подождите...

Гидеон завозился где-то у себя за пазухой, и Петер настороженно отступил, решив, что странный маг, нёсший околесицу, окончательно свихнулся. Зачем это он там полез?

Но маг вытащил всего лишь помятую бумажку, на проверку оказавшейся вырванной из книги страницей.

— Вот, из библиотеки взял, — жизнерадостно сказал Гидеон, передавая страничку.

— Что же вы книгу-то испортили? — пробормотал Петер. — Скопировали бы.

— Так магия бы не дала, запретное знание же. Пришлось вот так вот варварски, а иначе бы вы мне не поверили. Ну, смотрите!

На помятом листке был изображён странный, но весьма симпатичный зверёк, ушастый и глазастый. Текст на аравийском, языке бедуинов, который Петер, будучи полиглотом, немного знал, гласил, что он смотрел на самую что-ни на есть пустынную лисицу.

— Значит, это зверь в пожаре виноват?

— Перед вами совсем не зверь, а пустынный дух. Тот самый, что создаёт пустынные миражи и песчаные бури. А также, и об этом известно уже гораздо меньше, лишь по слухам, песчаной лисице приписывают способность воплощения реальности — весьма ограниченную разнообразными факторами, конечно, но всё же от этого не менее страшную. Нам, это впрочем, известно лишь по слухам — и хорошо хоть автор этой книги слухами совсем не гнушался.

Петер впился глазами в листок, пытаясь понять смысл небрежно написанных от руки крючков.

— И живёт он, этот дух, только лишь в аравийской пустыне. И что же он забыл у нас? Должно быть, кто-то сумел взять над ним власть и привезти сюда. Плохо будет, если этот кто-то и дальше будет управлять пустынным духом.

Гидеон лишь пожал плечами, безмятежно.

— Едва ли этим духом возможно долго управлять. Так что я бы на вашем месте думал о том, что делать с потерявшим контроль духом... Лисицы, знаете ли, весьма шkodливые создания.

Августин совершенно не представлял, что ему делать с опасным зверьком.

— Кис-кис-кис, — попытался он подозвать к себе восседавшего прямо по центру его

кровати лисицу, а точнее, лисёнка — больно уж маленьким был зверёк для взрослого животного.

Тот насмешливо чихнул, уложив голову на лапы, и тем самым дав понять, что он здесь весьма надолго.

В ночь пожара Ави, убедившись, что с его братьями всё в порядке, сбежал в заранее подготовленное убежище — небольшую каморку в западной части города, и не высовывал оттуда нос до тех пор, пока его еда не кончилась. На третий день он, тщательно законспирировавшись, отправился на рынок — за едой и слухами, а вернувшись, обнаружил на своей кровати вольготно рассевающую демоническую тварь с весьма умильной рожицей. Вот только Ави, будучи свидетелем творимой её волшбы, умиляться отнюдь не спешил.

— Ну что тебе от меня надо, а? — уныло спросил он, усевшись прямо на дощатый пол. Шёл четвёртый час уговоров, но лисёнок то ли вовсе не понимал человеческую речь, то ли просто насмехался над ним. Ави склонен был скорее ко второму — слишком умные и внимательные глаза были у зверька. — Может, вернёшься к хозяйке? Она тебя, наверное, совсем заждалась...

Наконец Горгенштейн окончательно отчаялся, и обойдя кровать и лисёнка по дуге, подошёл к очагу. Дело шло к ночи, и есть хотелось все больше. Разжигая огонь, Ави на несколько мгновений упустил из внимания лисицу, поэтому когда та скользнула между его ног и вольготно улёглась посредине пламени, едва ли не заорал.

— Так... — наконец сказал он, отдышавшись. — Значит ты мёрзнешь? А готовить мне где?

Лисица недовольно зевнула, и Августин послушно попятился.

— Ладно, ладно, лежи. Я овощи и сырыми могу поесть...

Вытащив из сумки купленные продукты, он задумчиво взглянул на тушку курицы, которую собирался до этого поджарить, и пододвинул её к очагу — авось, удастся ублажить ушастую тварь. Но та смотрела на еду с полным равнодушием, а вот сам парень, казалось, вызывал у неё гораздо больший интерес. Как надеялся сам Ави, не гастрономический.

— Проклятая колдунья, — тоскливо пробормотал мошенник, поняв, что ещё одной встречи ему с ней не избежать.

Выбирая, провести ли ему ночь с демоном под одной крышей или навестить Белую, которая вполне возможно, просто не пустит его на порог в столь поздний час, парень выбрал второе. К его облегчению, лисёнок за ним не последовал, да и за домом гадалки вроде бы никто не следил — а значит, возможно их участие в смерти Куско удалось скрыть. И всё же Ави было весьма неуютно.

Гадалка распахнула дверь раньше, чем он успел начать стучать.

— Что-то рано ты, — приветственно кивнула она.

— Издеваешься? — прошипел Ави, и протиснулся внутрь, стремясь уйти с открытого пространства. — Забери своего демона, ведьма!

— Зря ты так о Лейле говоришь, — спокойно ответила Белая, прислонившись к косяку и наблюдая, как молодой мошенник нервно мечется по её гостиной.

— Лейле? У этой твари есть имя?

— И имя, и характер, весьма непростой, кстати, — кивнула Белая задумчиво. — Знаешь, я ведь тоже надеялась, что она найдёт себе другого хозяина, а никак уж не тебя, наименее подходящую для этого кандидатуру... Но она, насколько я понимаю, осталась у тебя?

— Правильно понимаешь. Этот твоя Лейла столько шороху наделала своим пожаром. Если они её обнаружат у меня... меня не просто казнят, меня сожгут заживо как колдуна!

— Если Лейла позволит, — пожала плечами гадалка. — Если ты ей понравился, то лисица сможет стать тебе неплохой защитницей, по крайней мере от огня и от вражеского колдовства.

— Мне. Этого. Не нужно! Забери её у меня! Всё что угодно отдам, что хочешь сделаю, только избавь меня от лисицы!

— Не могу. Я её не ловила, лишь хранила у себя удерживавший Лейлу артефакт. А теперь он разрушен, и вновь создать его сможет не каждый маг. Для этого нужно обладать определёнными талантами...

Ави недоверчиво на неё посмотрел:

— Да неужто? И каким же? Где мне искать такого мага?

Белая рассмеялась:

— А вот за это знание уже надо платить. Но ты ведь пока не расплатился со мной и за прошлую услугу.

Мошенник поморщился. Платить по счетам он не любил.

— Что мне нужно будет сделать?

— Я хочу, чтобы ты познакомил меня кое с кем.

— И с кем же?

— С твоим младшим братом. Тем магом, который помог тебе попасть в дом Куско.

Августин был не слишком хорошим человеком, как он считал — нечестным на руку, лживым на язык, обманщиком даже в своих мыслях. Но то, самое ценное, что он вынес из этой истории со взломом дома Куско, это то, что своим родными он жертвовать был не готов. Когда он увидел бледного Луку и окровавленного Карла Ави наконец понял, какую ошибку он допустил, втравив младших братьев в неприятности. Но теперь... он больше не сделает такой ошибки.

— Нет, моего брата я в свои проблемы втравливать больше не собираюсь, — твёрдо сказал мошенник. — Ты не получишь его, колдунья.

— Неужто ты думаешь, что я причиню ему вред? Я хочу только поговорить с ним. Чего тебе стоит, Августин? — Белая попыталась схватить его за руку, но Ави резко отстранился.

— Я не хочу, чтобы мой брат связывался с дурным колдовством.

Белая вновь рассмеялась.

— А ты думаешь, он сейчас невинен, как дитя? Твой брат, Лукреций, обладает гораздо более опасной магией, чем ты можешь себе это представить. И ему с ней в одиночку не справиться. Я могу ему помочь.

Августин попятился к выходу.

— Я не верю тебе.

Гадалка досадливо сплюнула, и Ави показалось, что пол, куда попал плевок, едва ощутимо зашипел и оплавился.

— Зря ты так, Горгенштейн. У меня есть ведь и другие способы познакомиться с Лукрецием. А вот ты лишь увеличиваешь свой долг. Но я не в обиде на тебя. Даже окажу тебе ещё одну услугу. Тот маг, который может вновь запереть песчаную лису, создав для неё артефакт — должен быть тёмным. Чернокнижником, как вы их называете.

— Тогда я никогда не освобожусь от пустынного демона, — прошептал, бледнея, Августин. — Чернокнижники все вымерли сотни лет назад.



На лице Белой скользнула странная улыбка.

— Может быть да, а может быть и нет. Ты окажешься дураком, Августин, если не поймёшь, о ком я говорю.

— Нет, нет, нет! — Ави в отчаянии сделал защитный знак Иеронима и выскочил из дома, как будто за ним гналась стая злобных духов. Вот только от мыслей, что Лука мог быть одним из тех дьявольских чернокнижников, которыми его пугали в воскресной школе, он избавиться не мог. Только не Лука, только не его младший брат...

В доме его всё также ждала явно недовольная лисица в потухшем очаге.

— Этак мне на тебя ни угля, ни дров не хватит, — уныло сказал Ави. Может, ты как-нибудь сама?

Лисица насмешливо распахнула пасть и в очаге вспыхнуло синее пламя. Камень вокруг затрещал, застонали деревянные половицы под ногами Августина, а на стене возникла быстро распространяющаяся трещина.

— Ну нет так нет! — поспешно сказал мошенник. — Перестань, сейчас же всё обрушится! Лейла!

Стоило ему назвать её имя, как пламя исчезло. Лисица как ни в чём не бывало вылизывала свою светлую шкурку.

— Значит, тебя на самом деле зовут Лейла... Ну значит, будем дружить, — с явно наигранным энтузиазмом сказал Ави. — Ты же не собираешься меня сжечь заживо, пока я сплю?

Лисица, как и ожидалось, ему не ответила.

Расследование Петера Зингера зашло в очередной тупик. Если верить мастеру Гидеону, никому из гортензских магов просто бы не хватило сил и умения на вызов пустынного духа. Да и не был убитый Куско замечен в связи с запретным колдовством. А пустынная лисица, к добру ли, или к несчастью, и вовсе не давала о себе знать.

Но там где закрываются одни двери, открываются другие. Старый добрый метод тщательного и кропотливого сбора информации дал результат. Оказалось, что отнюдь не все приближенные торговца Куско были мертвы. Был и ещё один — Августин Барези, пропавший в ту же ночь, что и сгорел Куско. Августин Барези, молодой мошенник, так ни раз и не пойманный за руку. Тот самый Августин Барези, что был сыном Ольдвиг Горгенштейна, влиятельного торговца, одного из многих кому была выгодна смерть Куско.

Чутье подсказывало Петеру, что если найти Августина, это много прояснит в странном деле.

Куско, как и ожидалось от того, чья совесть была нечиста, полностью скрылся с горизонта: ни один из приятелей Ави, с удовольствием заложивших бы мошенника ради денег или собственной безопасности, не знали, где он сейчас находится. Его не видели ни на улицах, ни в казино, ни даже в борделе.

Осталось лишь одно место, где могли знать о судьбе Августина — в его отчем доме. Не слишком-то верил Петер в историю о том, что Ольдвиг Горгенштейн, хитрый и хваткий делец, любивший контролировать всё и вся, действительно не интересовался судьбой блудного сына.

Зингеру не хотелось дать шанс Ольдвигу подготовиться к их встрече, поэтому по своей привычке он решил прийти в дом Горгенштейнов без предупреждения, выбрав для этого один из воскресных вечеров, которые Ольдвиг проводил обычно дома с семьей.

Дверь в дом Горгенштейнов ему открыла девушка, красоты столь ослепительной, что едва ли не в первые в жизни, Зингер растерялся. Одета в простое домашнее платье, с золотистыми волосами, небрежно перевитыми в косу, она казалась олицетворением простоты и величия. Синие глаза взирали на Зингера, как ему показалось, с очаровательным смущением.

— Ну же, я жду, — нетерпеливо сказала небесное создание и требовательно протянуло нежную ручку к Петеру.

— Простите... чего?

— Свой заказ. Три тома «Размышлений о трансцендентальной природе сущности» Лидана Керна. Вы же посыльный из книжного дома?

Вот тут Петер на самом деле оскорбился. Конечно, в сил того, что в последнее время его дела шли не очень хорошо, он не мог позволить себе хорошо одеваться, но уж с посыльным его спутать было нельзя! Он решил вернуть себе хоть немного достоинства.

— Меня зовут Петер Зингер, и я старший следователь Службы безопасности Гортензы. Мне нужен Ольдвиг Горгенштейн.

Девушка презрительно сощурилась, но голос её был на удивление дружелюбен.

— Отца нет дома. У Томаса возникли некоторые проблемы с одним из наших представителей, и отец отправился ему помочь. Вернётся он дня через два. Зайди вы парой часов раньше, и возможно бы его застали.

Но Петер не собирался здаваться так легко и быстро.

— А могу я видеть Августина Горгенштейна?

— А я вам не подойду? — непонятно хмыкнула девушка, оказавшаяся не столь уж очаровательной.

— Простите?

— Да ничего, — вздохнула она. — Я давно уже не видела Ави. Может быть, вам зайти через несколько дней?

— Мои дела не могут ждать. Есть ли кто... — Петер запнулся, подбирая слова. Слишком пристальный взгляд девушки его отвлекал. Девушка решила прийти к нему на помощь.

— Мама уехала на воды, но один из моих старших братьев сегодня дома. Я полагаю, он сможет вас проконсультировать по поводу Ави... Ведь вы пришли по его душу? — она вздохнула. — Так и знала, что он когда-нибудь вляпается. Служба безопасности, ну надо же... Кстати, меня зовут Августина Горгенштейн, и я прихожусь несчастной родственницей Ави.

Августина провела Петера в гостиную, и только когда она вогрузила на симпатичный носик тяжёлые очки в черепаховой оправе, следователь понял, что девушка была просто чудовищно близорука, и действительно не хотела оскорбить Петера.

Зингер неловко уселся на мягкую, обитую тканью софу и огляделся. Гостиная была обставлена со вкусом, и явно обжита. У горящего камина разместилось потёртое, но явно удобное кресло, на столике рядом лежала открытая книга, заложенная павлиньим пером, а на пианино лежала забытая нотная тетрадь. Дом Горгенштейнов был именно таким, о котором мечтал сам Петер — наполненным уютом и теплом.

— Меня зовут Лавель Горгенштейн. Чем мы можем вам помочь, господин Зингер?

В гостиную зашёл полноватый молодой мужчина со славным открытым лицом, который не портил даже крючковатый нос. Мужчина показался знакомым, но где он его видел, Петер

вспомнить не мог. Августина бесшумно зашла следом, и уселась у камина.

— Госпожа Горгенштейн, я не уверен, что вам следует быть при этом разговоре. Он может вас расстроить, — учтиво сказал Зингер.

— Но я могу быть вам полезна. Никто не знает лучше Ави, чем я, — возразила девушка. Лавель утвердительно кивнул.

— Значит, вы так легко готовы отдать своего брата в руки правосудию? — вскинул брови Петер.

Брат с сестрой переглянулись, и девушка, что-то решив про себя, пожала плечами.

— Конечно, я не позволю, чтобы кто-то обидел Ави, будь это даже полиция или сыскари. Но едва ли вы пришли сюда арестовывать моего брата — иначе бы не пришли без поддержки. Да и не такого он полёта птица, чтобы за ним лично пришёл старший следователь СБ! А значит, он вляпался во что-то действительно неприятное. Я права?

— Так и есть, молодая леди, — уважительно склонил голову Петер. Если сначала девица произвела на него сокрушительное воздействие только одной лишь своей внешностью, теперь он видел, что она к том же рассудительна и довольно умна. — Видите ли, Августин связался с не очень хорошим человеком, и теперь тот мёртв. Я не думаю, что в этом замешан ваш брат — но он мог что-то знать об этом. И в его интересах было бы помочь мне, ведь истинные убийцы Торсая Куско могут добраться и до него.

— Того Торсая Куско, чья собственность недавно полностью сгорела в волшебном огне, не оставившем после себя ничего? — задумчиво произнёс Лавель. — Видимо, он действительно прогневал Небеса, раз его ждала столь страшная смерть в огне.

Теперь Петер его наконец узнал.

— Вы ведь служите в храме святой Терезы?

— Так и есть. А вы, значит, один из наших прихожан? — улыбнулся доброжелательно Лавель, усевшись напротив Петера.

— Я посещаю службы не так часто, как должен бы, — несколько смутился Петер.

— Я думаю, это не так уж и страшно, если вы всем сердцем искренне стремитесь к Господу нашем Иерониму.

Благодушный и снисходительный Лавель совершенно не походил на тех суровых и непримиримых священников, с которыми Петеру порой приходилось сталкиваться. От этого Зингеру хотелось ещё больше понравиться тому. И конечно же, понравиться Августине — Петер никогда не был влюбчив, и уж тем более не верил в любовь с первого взгляда, но при виде этой девушки сердце его каждый раз обрывалось. Но всё же он пришёл сюда по делу, и этого не стоило забывать. Зингер откашлялся и стёр глуповатую улыбку с лица.

— И всё же, что вы знаете о связи вашего брата и Куско?

— Абсолютно ничего. Но это совершенно не в духе Ави — тот не любит работать ни на кого, кроме себя. А уж тем более на Куско... батюшка, кажется, не очень хорошо о том отзывался, — простодушно сказал падре.

— Лавель, — простонала Августина, закатив глаза. — Ну вот зачем тебе язык, если ты не умеешь использовать его по назначению? Теперь господин следователь подумает, что у нашего батюшки зуб на беднягу Куско.

— А разве это не так? — тут же ухватился за идею Петер.

— Как и у многих других купцов Гортензы. Но в смерти Куско батюшка точно не может быть замешан. Батюшка более законопослушен, чем это выгодно при его роде деятельности, — мило улыбнулась девица, вновь отвлекая внимание следователя на себя. Да

какое тут дело-шмело, если на тебя так смотрит прекрасная девушка! — Я думаю, о делах отца вам лучше спросить его самого. Видите ли, мой брат обычный священник, и не очень разбирается в семейном деле, а я лишь слабая женщина, и меня не посвящают в мужские заботы.

В последнем Петер отчего-то сомневался, но выражать своё сомнение не стал.

— Когда вы в последний раз видели Августина?

— Несколько недель назад, — подумав, сказал Лавель.

— Точнее.

— В осенние праздники.

— Вы заметили в нём что-то необычное? Он вёл себя как-то иначе, чем до этого?

Рассказывал что-нибудь?

— Со мной он никогда не был дружен, так что не знаю, — покачал головой Лавель.

Девушка же пожала плечами.

— Обычная его крысиная пронырливость, не более.

Как бы не был Петер очарован прекрасной Августиной, он не мог заметить, что она что-то скрывает. Он хотел задать что-то ещё, когда раздался дверной звонок, и девушка излишне поспешно вскочила.

— Это наверное Лука. Я открою.

Она вышла, а следовательно ненавязчиво последовал за ней, оставив Лавеля растерянно сидеть в гостиной.

Петер как раз застал начало разговора, но с кем говорит девушка, следовательно пока не видел.

— Что-то не так, Августа?

— У нас гость...

— Я не помешаю. Мы с Жераром тихо посидим у меня.

— Он опять останется ночевать? Ты же знаешь, матушке не очень это нравится.

Прости, Жерар, но это правда.

— Да я не обижен. Сын мельника не лучшая компания для купеческого сынка, даже если тот колдун, — сказал голос, который Петер явно недавно где-то слышал.

Наконец Петер вышел из-за угла. В прихожей дома Горгенштейна стояли более чем знакомые юноши — те самые, на кого Зингер наткнулся в Гортензе. Ученики мастера Гидеона, молодые, но весьма талантливые, как сказал Гидеон, маги.

Юноши тоже наконец заметили Петера, и если Жерар лишь вежливо кивнул, узнавая Зингера, но не придавая этой встрече никакого значения, то Лука едва заметно, но всё же дёрнулся к двери, выдавая себя с головой. Петер удовлетворённо улыбнулся — всё-таки его чутьё не ошиблось. Горгенштейны явно были замешаны — и не только Августин, но и этот весьма скрытный юноша.

— Так значит, вас, молодой человек, зовут Лукой Горгенштейном? — ласково спросил он, хищно улыбнувшись, более, чем обычно напоминая сейчас хорька.

До чего же всё-таки разнообразная семейка — красавица, священник, мошенник, а теперь и ещё маг. Весьма удобно, наверное, для проворачивания не очень законных делишек, — подумал Петер довольно.

— И где же вы, молодой человек, были в ту ночь, когда сгорел дом торговца Торсая Куско? — прямо спросил следовательно, решив не оставить тому возможности справиться со своей растерянностью.

Августина украдкой взглянула на Лукреция из-за спины следователя. Если память её не подводила, то её непутёвый братец-маг и идиоты-близнецы действительно во время осенних праздников на несколько дней покинули родовое гнездо, а когда вернулись, Карл был явно болен. И ведь близнецы на самом деле о чём-то шушукались с Ави, как раз до того, как тот окончательно пропал. Она скрыла это от сыскаря, хотя и не полагала, что те могут быть как-то связаны с делишками Ави. Но что если тот действительно втянул Марка и Карла, и что ещё хуже, младшенького Луку, в неприятности?

— Значит, за этим вы приходили в Орхан, господин следователь? — спокойно, даже излишне спокойно, спросил Лука, проигнорировав вопрос того. — Из-за смерти Куско? И что вам сказал мастер Гидеон?

— Что в дело замешана чужеродная магия. Тёмная, богопротивная, — ответил Петер, не сводя взгляда с юнца. Если бы он следил не за Лукрецием, а за его братом священником, как раз подошедшим, то заметил бы, как лицо того непроизвольно вытягивается и бледнеет.

— Каким образом я мог бы её сотворить? Я лишь ученик Орхана, школы, в которой весьма усердно следят, чтобы ростки тёмной магии не смогли прорасти в наших душах. Если я был способен на такую магию, то я бы стоял бы сейчас не здесь, а был заточен в подземельях Инквизиции, и мой брат Лекой был бы первым, кто отдал бы меня туда.

Петер обернулся и взглянул на Лекоя, только успевшего справиться со своими чувствами.

— Духовником Лукреция является сам епископ Бромель, так что подозревать моего брата в злой волшбе это значит сомневаться в самих иерархах церкви, — твёрдо ответил священник.

— Я не упрекаю Лукреция в использовании тёмной магии, — несколько поспешно ответил Петер. Ссориться с церковными властями ему не хотелось. — Но всё же, это не снимает моего вопроса.

— Я был у моего друга Жерара. Он помогал мне с подготовкой работы к факультативу. Но, как вы сами видели, я с ним не очень справился.

Жерар поспешно закивал, про себя кляня Луку, втянувшего его и Дели в очередную авантюру. Чернокнижник хренов....

— А Августин, что ты скажешь насчёт него, Лукреций? — продолжал расспросы следователь.

Лукреций чертыхнулся про себя, поняв, насколько близко приблизился сыскарь к разгадке дела. Хорошо хоть он и на самом деле не знал, какие дела того связывали с Куско, и где Ави сейчас находился, о чём Лука и сказал следователю.

Петер, кажется, не слишком ему поверил, но покивал головой, пообещав зайти через несколько дней, когда глава семейства будет дома. Как бы то ни было, что-то с этими Горгенштейнами было не так.

Мысли о том, что неплохо бы увидеть ещё раз очаровательную Августину, Петер настойчиво от себя гнал — не хватало лишь приплетать в это дело свои чувства.

Когда за следователем закрылась дверь, все некоторое время находились в полной тишине.

— Лука, ты на самом деле не знаешь, где этот придурок Ави? — наконец спросила Августина.

Маг покачал головой, не соврав ни капли. Умолчал он лишь о том, что найти Ави будет не так уж сложно, по крайней мере ему — как раз для этого юный маг хранил в своём

сундучке прядки волос всех членов семьи.

А найти того стоило. То, что следователь не отступит так скоро, было вполне очевидно. А значит, Августину нужно было подумать, какую сладкую кость нужно кинуть этому сыщейке, чтобы тот и думать забыл о семье Горгенштейнов.

Лисица, как выяснилось позже, питалась действительно только топливом для огня, и успела всего лишь за несколько дней выжрать двухнедельный запас дров и угля.

Август почесал отросшую за последние дни щетину и в который раз воззрился на маленькую лисицу.

— Ну так может пожрала, и домой?

Лисица во всю пасть зевнула и почесала длинное ушко лапой, показывая полное презрение к грубым словам своего хозяина. Впрочем, хозяина ли? Тварь явно не считалась с Августином.

Единственно, что хорошо — вела себя тихо, отсыпаясь сутками на кровати, заставив Ави, боявшегося такого соседства, спать на полу. Он бы, пожалуй, ушёл, бросив снятую на месяц комнатуху, да вот только, судя по слухам на рынке, поднятая им буря ещё не улеглась. Виновника в смерти купца, чьи грязные делишки наконец вскрылись, всё ещё искали. Поэтому и остаётся что сидеть тихо, выбираясь только лишь для закупки провизии, да терпеть присутствие демонического зверя.

От одиночества и тоски Ави уже лез на стену. Поэтому даже односторонний разговор с не обращающей на него внимание лисицей служил для мошенника развлечением.

— Послушай, Лейла, или как тебя там... может тебе поискать спутника поинтереснее, чем я? Вот, к примеру, мой брат — который маг. Чем не кандидатура?

Вспомнив Лукреция, Ави загрустил ещё сильнее. Младшенький, чернокнижник... и как проглядели, не увидели? И действительно ли не увидели? Августин не так уж часто в последнее время заживал в родительский дом, тем более когда отец был дома, но не заметить, как сблизилась Лука и святоша Лавель, он не мог. Значит ли это, что Лавель знал об особенности Луки? Знал, и умолчал, пожалев малолетнего преступника. В этом был весь он. Точно также когда то благочестивый братец покрывал шалости его самого, надеясь, что он исправится. Не исправился, лишь увяз в грехах ещё больше, и близнецов потянул, и Луку, как оказывается, подставил.

В дверь тихо, но настойчиво постучали, заставив Ави испуганно вздрогнуть. Гостей Горгенштейн не ждал, тем более ранним утром. Лисица подняла голову, и недовольно заворчав, потрусила к двери. Мазнула по ногам Ави длинным хвостом, а затем начала скрести порог, требуя открыть дверь. В дверь снова постучали, теперь уже нетерпеливее.

— Кто? — хрипло спросил Ави, сжимая в вспотевшей руке нож, и пытаясь отогнать лисицу, при этом её не коснувшись.

— Августин, открой.

Не успел Лука занести руку ещё раз, как был втащен в комнатуху и теперь висел на руках отчего то разгневанного брата.

— Как ты меня нашёл?!

— С помощью магии, конечно же.

Лука вырвался и пытаясь сохранить достоинство, поправил воротник. Глаза его безразлично обежали тесную и грязноватую каморку, а затем остановились на присевшей у ног Августина лисицы. Тёмные брови его взмыли вверх.

— Это что ещё такое?

— Не узнаёшь? Точно, ты же её не видел. Это лента... точнее, тот артефакт. Чёрт, глупо звучит. В общем, именно этот зверь виноват в том пожаре.

— Вот значит как? — с любопытством пробормотал Лука и совсем не думая о последствиях, протянул лисице руку.

Что им в тот момент двигало, он едва ли мог сказать. Обычно молодой маг был очень, очень осторожен с животными — вплоть до того, что обходил собак на поводке по кривой дуге. Но погладить это явно дикое, и возможно весьма опасное магическое животное казалось ему сейчас более чем естественным.

Лиса явно была с ним не согласна, вцепившись пастью, полной острых белых зубов, в ладонь Луки. Тот вскрикнул, попытался её стряхнуть, но добился лишь того, что та сжала челюсти ещё крепче. По бледной коже потекли ручейки крови.

— Ави, сними её, черт возьми!

Тот попытался было схватить животное за туловище, но как только Ави коснулся мягкой шерсти, по его телу тут прошла судорога и он упал.

— Не могу, — сквозь стиснутые зубы простонал Ави. — Она не даётся!

По лицу Луки протекли слёзы боли. Казалось, его кисть жгли заживо, плавя мясо и превращая кости в угольки. Боль невозможно было терпеть. Свободная рука Лукреция, окутанная клубящейся тьмой, коснулась лисицы, и тьма потекла по её шерсти, придавая меху причудливую окраску.

«Красиво», — подумал Лука, прежде чем вырубиться.

Очнулся он уже на кровати, скорчившись у самой стены, тогда как в его поясицу упирались чьи-то смертельно-холодные ступни, не давая шелохнуться.

— Август, убери свои ноги, — прошипел Лука, пытаясь оттолкнуть чужое тело.

— Даже и не подумаю.

Голос почему-то раздался издалека. А значит, в кровати с Лукой лежал кто-то другой.

Стараясь не поддаваться внезапной панике, Лука осторожно повернул голову, и так и замер.

Ребёнок — на вид лет одиннадцати-двенадцати. Русые, с рыжеватым отливом волосы, острое личико с узким подбородком, и тощее тельце, завёрнутое в одеяло. Хотя судя по высунутым наружу конечностям, раскинутым сейчас в разные стороны, ребёнок был абсолютно голый.

— Это что за пацан? — хриплым от изумления голосом спросил Лука.

— Это девочка, — мрачно ответил Августин. — Точнее, самка. Твоя магия превратила лисицу в человека.

— Моя..? — удивлённо спросил Лука, аккуратно выбираясь из кровати. Ребёнок пошевелился во сне и свернувшись клубочком, недовольно засопел.

— Твоя, твоя, чернокнижник хренов.

Лука дёрнулся как от удара.

— Да что ты говоришь, — зашипел он, и тут же осёкся, встретившись с серьёзным взглядом брата. Августин знал о секрете Луки. — Как давно?

— Недавно.

— Сам?

— Подсказали.

Лука поёжился, не смея встретиться взглядом с братом. Ещё совсем недавно он не видел

в своём таланте ничего ужасного, но поучившись в Орхане, и наслушавшись ужасающих историй тёмного магистра Гохра, Лука уже не мог остаться столь беззаботным. Тёмных магов ненавидели, и было за что. Лавель смог если не понять, то хотя бы примириться со страшным даром брата, но сможет ли это сделать Августин?

— Я не мог, — наконец сказал Лука. — Я просто не умею так делать. Очевидно, моя магия, и возможно, моя кровь, что-то активировала при прикосновении к этой твари, и произошёл спонтанный переворот.

Лука взглянул на пострадавшую ладонь. К его сожалению, следы зубов так и не исчезли магическим образом, как он надеялся.

— Её Лейла зовут, — вздохнул маг.

— Её?

— Эту тварь. Мне так сказала та, кто подсунул артефакт. И она же упоминала о тебе. Во что ты вляпался, Лукреций?

— Я?! — возмутился Лука. — Это ты умудрился связаться с Куско, а затем убить его, и это тебя разыскивают по всей столице! Следователь приходил к нам в дом, и он, уж не знаю как, начал подозревать меня!

Ави схватил Луку за плечо и встряхнул его:

— И ты не нашёл ничего лучшего, чтобы прийти ко мне? С дубу что ли рухнул?! За тобой могли следить!

Видимо, их громкие голоса разбудили Лейлу. Она заворочалась, и откинув одеяло, потянулась, обнажая тощую, ещё мальчишескую грудь. Лука, обернувшийся на звук, густо покраснел, и резко отвернулся.

— Да прикрой ты её!

— Да было бы на что смотреть, — насмешливо фыркнул Ави, но к ребёнку подходить не стал. Мало ли что, вдруг она и в него вцепиться. Достаточно и того, что он не оставил Лейлу мёрзнуть без сознания на полу, а перенёс её на кровать.

Задвинув за спину Луку, мошенник неловко улыбнулся лисице:

— Эм-м-м. Лейла, ведь так? Ты понимаешь меня? Я Августин, а это мой непутёвый младший брат Лукреций.

Девочка вперила тёмные, в пол лица глаза в Ави, и кивнула.

— Я знаю, кто ты такой. Ты мой слуга.

Голос Лейлы оказался совсем детским, высоким и тонким, с незнакомым Августину говором.

— Сл-л-луга? — заикаясь, спросил Ави. — Почему слуга?

— Я убрала твоих врагов, а ты теперь тысячу лет будешь служить мне, — с серьёзностью, кажущейся в детских устах смешной, заявила Лейла.

— Он столько не проживёт, — глухо сказал Лука, искоса поглядывая на не одетую девчонку пару годами младше его. И действительно, нечего смотреть, но неприлично же...

— Да? — с искренним расстройством произнесла лисичка. — А ты?

— А я — может быть. Бывали случаи, когда маги умудрялись на столетия продлить свою жизнь.

— Но ты неинтересен, — разочарованно вздохнула Лейла. — У тебя кровь невкусная, и пахнешь ты странно. Как и ада-Махран.

Лука украдкой себя обнюхал. Нормально он пах. Только утром мылся.

— Тебе, наверное, магия во мне не нравится. Хотя и не очень понятно, почему. Судя по



всем, ты именно на неё и среагировала, когда превратилась в человека. А кто такой ада-Махран?

— Махран — мой папа. «Ада» ведь это и означает, — как дураку, ответила ему Лейла и босыми ногами протопала к камину, сунув любопытный нос в очаг и разочарованно вздохнула — в нём не осталось ни уголька.

— Значит, Махран — тоже маг? — заинтересовано спросил Лука, и не выдержав, сказал: — да оденься уже! Раз ходишь в человеческом облики, будь добра и вести себя как человек!

Лейла обижено махнула пушистым хвостом, единственно не исчезнувшим после превращения, но всё же натянула на себя сюртук Ави, небрежно оставленный на скамье.

— Есть хочю. Принеси, — приказала она опешившему мошеннику и вновь продолжила разговор с Лукой, как ни в чём не бывало: — Ада-Махран был величайшем магом. И ада любил Лейлу. Он заботился обо мне, и кормил, и вычёсывал шёрстку. И дал Лейле слуг, которые носили меня на мягкой бархатной подушечке, чтобы я не поранила лапки. А потом ада обидел Лейлу, заковав её своей магией. Если ты попытаешься сделать это со мной, маленький вонючка с горькой кровью, я сожгу тебя заживо.

Лука поспешно закивал, бросив отчаянный взгляд на Ави. Угроза отчего-то действительно пугала.

— Ну же, накорми её, пока она не разозлилась, — зашипел он брату.

— Почему я?

— Ты же слуга, не я. Не слышал что-ли?

— Но магия то, сломавшая артефакт, а затем превратившая в человека — твоя. Вот и разберись с ней... Хотя... — Ави бросил взгляд на нетерпеливо ёрзающую на скамье лису, и сказал нарочито громко: — Давай-ка оба сходим за дровами.

Накинув плащ с капюшоном, скрывающим лицо Ави в достаточной степени, чтобы его не узнали старые дружки и неприятели, мошенник выволок брата из дома.

— Ты ведь не собираешься сбежать от своей «хозяйки», а? — запыхавшись, поинтересовался Лука. — Сдаётся мне, что это плохая идея. Она сможет найти тебя где угодно.

— Сам знаю! — огрызнулся Ави, зашагав ещё быстрее. Скидку на более невысокого брата он не делал. — Хотел поговорить без этой хвостатой.

Мошенник резко остановился и прижал брата к стене, отчаянно вглядываясь ему в лицо.

— Ты должен спасти меня от этой твари. Изгнать её, вновь заключить в артефакт... да что угодно!

— Я имею не малейшего представления, как это сделать, — придушенно просипел Лука, отбрыкиваясь. — Да хватит меня хватать, в конце-то концов!

— Но она сказала, что только ты... только ты можешь справиться с Лейлой!

— Да кто такая «Она», Ави!? Про кого ты говоришь?

Ави сник.

— Не важно. Абсолютно не важно. Ты искал меня, Лука. Для чего?

Лука постарался как можно чётче описать встречу с Петером Зингером и свои впечатления от неё.

— Этот тип выглядит весьма хватким, и он явно не собирается отступать от твоих поисков. И, кажется, меня он тоже заподозрил.

— И что с того? — пожал плечами Ави. — Насчёт тебя у него доказательств всё равно

нет. Ты же совсем не использовал магию в том поместье. А меня ещё нужно найти и связать с пожарами в других местах.

— Пока Лейла рядом с тобой, это не так уж сложно, — хмыкнул Лука.

Они вновь зашагали, думая каждый о своём.

— Допустим, информацию об огненной лисице я могу поискать, но едва ли результат будет скорым. А пока тебе придётся пробыть её нянькой. И стараться не слишком подставляться. Кстати, что такого сделал Куско хорошего для государства, что его так активно ищет СБ?

— Скорее, плохого. Контрабанда, мошенничество, шпионаж в пользу другого государства. Последнее, скорее всего и обнаружили сыскари. Вот только не удастся им ничего найти — все документы сгорели вместе с Куско.

— Все ли? — искоса посмотрел на Ави маг. — Зная тебя, я могу сказать, что ты припрятал кое-что заранее.

— Ш-ш-ш! Не так громко!

Они достигли небольшого окраинного рынка, и закупившись, отправились обратно. Лишь вновь оказавшись на безлюдных улочках, Ави продолжил:

— Допустим, кое-что у меня есть. Но я припасу это на чёрный день, если СБ меня всё таки достанет... Если мои глупые родственники не перестанут меня доставать, возможно это никогда не случится. Не дёргайся, Лука, и всё будет хорошо. Деньги у меня есть, хата тоже. Перекантуюсь как-нибудь.

— Ну-ну, — буркнул Лука недоверчиво, но спорить не стал. Не в его характере было лезть в чужие дела.

Распрощавшись с младшим братцем у дверей своей тайной норы, Ави состроил как можно более дружелюбную рожу, и отпёр замок.

— А вот и я! Растопить костерок пожарче, красавица?

На скамейке, вместо черноглазой девчонки, лежала лисица, пристально глядя на Августина.

— Как ты... ты же... а, неважно, — вздохнул он наконец. — Видимо, человеческого общения заслуживает только мой брат, а мне только и остаётся, что вычёсывать тебе шкурку.

Лисица то ли согласно, то ли насмешливо твякнула.

Петер Зингер, как и обещал, через несколько дней ещё раз навестил дом Горгенштейнов, и имел долгий, и судя по всему весьма серьёзный разговор с отцом семейства. Сути этого разговора Лука не знал, но отец ещё долго ходил мрачным и подавленным.

Зашёл старший следователь и в дом к травнице Дели, где, по словам Луки, тот был во время пожара. Да зашёл не один, а со штатным магом — вот только тщательнейший допрос травницы на самом деле подтвердил, что молодой маг весь день и всю ночь не покидал её дома, готовясь к одному из экзаменов. Почему в доме травницы? Так факультатив то связан с использованием разнообразных трав, вот её племянник и попросил Дели им немного помочь.

А ночью, когда улицы уже были пусты, к Дели пришла гостья.

— Он так больше и не приходил? — спросила женщина, кутаясь в белый платок, сливавшийся с цветом её длинных волос.

— Нет. Хотя Жерар и приглашал его в гости, а я оказала Горгенштейнам значительную

услугу, отведя от них подозрения.

— Возможно, мальчик что-то чувствует. Нам нужно действовать осторожнее, если мы не хотим отвести его от себя. Жаль, что Августин оказался бесполезен, — задумчиво сказала собеседница Дели.

— Но лисица выбрала именно его, а не того, о ком мы думали. Может ли это значить, что и он — особенный? — робко спросила Дели гостью.

— Нет, этот Горгенштнейн пуст, как и остальные. Только Лукреций стал наследником силы. Дели, он нам нужен, как и мы ему, ты это понимаешь?

— Да, матушка. Я... я знаю ещё кое-кого, кто может нам помочь стать к Лукрецию ближе. Я думаю, я смогу войти в их семью.

Беловолосая женщина мягко коснулась ладонью щеки девушки.

— Ты хорошо служишь Гекате, девочка. Она непременно отметит тебя своей благосклонностью.

Расследование Петера, пусть и не совсем успешное, так как ни магический след, ни дело Ави Горгенштейна не принесли должного результата, всё же не было абсолютно провальным.

Более того, Петер смог достигнуть успеха там, где другие провалились — притом как в профессиональной сфере, так и в личной.

Поняв, что возможно причины смерти Куско ему никогда не узнать, Петер взялся с другого конца. Расследованием занимались и другие коллеги Зингера, но все, как и Петер ранее, видели лишь один кусок проблемы, тогда как Петер постарался увидеть картину целиком. К примеру, увязать связь Куско с виардцами и работоторговлю. На островах Виарди торговля живыми людьми не была под запретом. Так что было вполне очевидно, в чём была выгода Куско в отношениях с островитянами — он поставлял им рабов и ценные сведения, а они ему... деньги? Куско и так был не беден, да и не было никаких свидетельств о массовых пропажах людей в Гортензе. К тому же зачем виардцам нужны были рабы, полученные столь сложным образом, когда хватало и пленных, которых виардцы захватили во время морских грабежей?

Но более всего наводило на мысль, что не всё так просто, именно история со сведениями государственной важности. Торсай Куско конечно же был не беден, а деньги, как известно, открывают многие двери, но всё же он был в столице чужаком. Не мог он знать то, что знал, а значит, ему кто-то помогал. Так может, и не был Куско основным поставщиком тайн, а всего лишь чьим-то посредником?

Виардский след закономерно привёл Петера в морской порт столицы, где он, после весьма содержательной беседы с начальником порта Шелли, получил список в котором значились все торговцы и капитаны кораблей, так или иначе имевшие дело с виардцами. Их было не так уж и много — мало кто решался сотрудничать с не слишком надёжными островитянами, с которых и взять то было особо нечего.

Петер пробежался по нему глазами, и тут его рот удивлённо округлился.

— Где, где я могу найти этого капитана? — возбуждённо тыкал он пальцами в уже помятый список, заставляя начальника порта неловко мять себя шею.

— Может быть, у себя дома? Сейчас совсем не сезон для долгих путешествий на север, — пожал плечами Шелли.

— Допустим, дома его нет, — это Петер знал точно, так как только утром был в доме у

интересовавшего его капитана, правда, совсем по другим делам. — Тогда где я могу его искать?

— В тавернах, у любовницы, да где угодно, — плохо скрывая своё раздражение, сказал Трогион Шелли. — А что вас так заинтересовало именно в этом капитане? Вполне себе респектабельный торговец, из хорошей семьи...

Старший следователь совсем несоответствующе своему статусу хихикнул. И не то, что ему было на самом деле смешно, просто нелепость сложившейся ситуации достигла, по мнению Петера, всех мыслимых и немыслимых границ.

«Горгенштейн там, Горгенштейн тут, куда ни глянь — Горгенштейны прут» — не совсем музыкально мурлыкал себе под нос Петер, выискивая «Святую Мари» — корабль, принадлежавший лично Томасу Горгенштейну, наследнику одиозной, и кажется, захватившей весь город семейки. Надо же, они ещё с виардцами дела ведут, а ведь он проверял Ольдвигу Горгенштейна, главу семейства, и ничего такого за ним не нашёл! А вот его старшего сына проверить не догадался. Так ведь изначально-то Петер думал, что Горгенштейны были конкурентами Куско, а не его пособниками. Перед глазами Петера начал разворачиваться весь грандиозный и ужасный план: наверняка, Ольдвиг Горгенштейн и Куско были партнёрами, и очевидно они в чём-то не поладили, и Ольдвиг решил руками своих сыновей уничтожить Куско.

И это лично он — Петер Зингер, смог отыскать эту связь! В своей фантазии Зингер уже представлял, как ему на грудь вешают медаль, а сам глава СБ предлагает ему лучшие должности в Гортензе. Внезапно две противоречивые мысли одновременно посетили светлую, умную, но на данный момент не очень трезвомыслящую голову следователя.

Во-первых, стоит ли идти к тому, кого он считает пособником в работорговле, в одиночку? Конечно, начальник порта Шелли знает, кем именно заинтересовался Зингер, но это могло и не помочь Зингеру в том случае, если Томас Горгенштейн решит скормить его рыбкам. Хотя... что если Шелли предупредит Томаса, и к тому времени, когда Петер придёт с поддержкой, тот будет уже готов, а то и вовсе уничтожит все улики? Нет, нужно идти сейчас. Петер нащупал револьвер, спрятанный во внутреннем кармане камзола, и успокоено вздохнул. Нет, так просто он не дастся.

Вторая мысль но тревожила ещё больше. Августина, его Августа, прекрасная златовласая девушка, конечно не могла быть замешана в ужасном заговоре своих братьев и отца. Петер был знаком с Августой всего две недели, но уже полностью успел подпасть под её очарование. Девушка была красива, умна, и что больше всего покорило Петера — её интересы значительно выходили за рамки обычных интересов девиц её круга, и практически совпадали с интересами Петера. Те же книги, та же музыка, те же спектакли. А как она умела слушать! И её, кажется, несколько не смущала ни начинающая лысина Петера, ни его грубоватый, нередко циничный образ мыслей.

Сейчас Августа думала, что Зингер уже потерял интерес к Августину и Луке, но узнай она, в чём подозревает Петер её родных, и их нарождающиеся отношения пойдут крахом. Августина ему этого не простит, при всём её великодушии.

Но себе он не простит ещё больше, если пойдёт на поводу своих чувств. Нет, чтобы он не узнал, он будет идти до конца.

С помощью подсказок работников порта Петер всё же вышел к кораблю Томаса, вместительному и весьма надёжному на вид клиперу, на борт которого на первый взгляд никого не было, хотя грузовой трап так и не был убран. Петер оглянулся вокруг, а затем

оглушительно свистнул. Через несколько секунд сверх на него глядела то ли заспанная, то ли пьяная рожа матроса.

— Чего вам, уважаемый? — на удивление дружелюбно спросил матрос.

— Я ищу капитана корабля — Томаса Горгенштейна.

— Туточки он, — улыбнулся матрос, сверкнув неполным комплектом белых зубов. — Тока занят. Торговые дела, типа, у него. Но для такого важного господина, как вы, он наверное выйдет. Вас как?

— Зовут? Петер Зингер, — ответил следователь, решив пока не поминать о своём роде деятельности. Хотя, возможно, Томас уже о нём слышал, не от Августы, так от отца.

Матрос пропал, а через несколько минут Петера всё же пригласили на корабль.

Вначале Зингеру показалось, что он уже где-то видел Томаса, но затем следователь понял, что старший из братьев Горгенштейн был просто удивительно похож на младшего — Луку. Наверное, именно так лет через десять будет выглядеть юный маг, разве только без обычного для моряка густого загара.

Тёмные вьющиеся волосы, светло-синие глаза, резковатые, но приятные черты лица. И точно такой же, как у младшего Горгенштейна, пронзительный и цепкий взгляд, смотрящий сейчас на Петера не слишком доброжелательно.

— Петер Зингер, значит? — сказал Томас, протягивая руку для рукопожатия. Хватка его была излишне крепкой, впрочем, как и у Петера. — Не ожидал увидеть вас так скоро. Думал, что если вы и появитесь, так не раньше чем через полгода. А вы оказались тем ещё торопыгой.

Брови Петера взлетели вверх.

— Простите?

— Вы ведь из женихов Августы? Она упоминала ваше имя. Влюблены и не можете ждать, видимо, — с брезгливой миной произнёс Томас. — Вот и поторопились сделать ей предложение.

— Судя по вашему тону, это случается не первый раз, — нахмурился Петер. «Женихи Августы» звучало так, как обычно говорят о надоедливых домашних собачках.

— Конечно, не первый. С Августой всегда так. В неё влюбляются. Просят её руки, она отсылает несчастного к отцу... или ко мне, когда его нет, как часто бывает, а нам уже с батюшкой приходится отдуваться. Впрочем, и от женихов Августы бывает польза.

— И какая же? — поджав губы, спросил Петер. Теперь он уже жалел, что сразу не сказал о цели своего прихода.

— Из женихов Августы получают неплохие мужья остальным моим сёстрам. Мы так двоих уже замуж выдали, — с доверительной улыбкой произнёс Томас. — Сейчас, правда, все старшие давно уже замужем, а младшенькие для вас слишком молоды. Так что ловить вам нечего.

— Вы так уверены, что Августина мне откажет?

— А иначе зачем она вас ко мне направила? — искренне удивился Томас. — Она всегда разбирается со своими мужчинами чужими руками.

— Я не по этому делу, — процедил Петер, назначив Томаса самым нелюбимым своим Горгенштейном.

И ведь Августа, чертовка этакая, ни слова не сказала о том, что у неё было столь много ухажёров! Да и было ли... Теперь Петер серьёзно в этом сомневался.

Томас прищурился, взглянув на небо, и несколько неловко опёрся на поручни за своей

спиной. Только сейчас Петер заметил, что молодой капитан был несколько нетрезв, а одежда его была не совсем в порядке. Торговые дела у него? Ну ну. Ясно почему Петера так и не пригласили в капитанскую каюту.

— Я не знаю, где сейчас находится мой брат Августин, — резко поскучевшим голосом сказал Томас. — Я думаю, вам не раз об этом сказали другие члены моей семьи.

— И не поэтому делу, — покачал головой Петер. — Меня интересуют лично вы. Видите ли, сегодня я имел любопытную беседу с начальником порта Шелли. Меня интересовали те, кто имеет дела с виардцами. Были в этом списке и вы.

— И вы, конечно, тут же решили навестить из всех именно меня, — с кислой миной заметил Томас.

— Фамилия то знакомая оказалась, — фыркнул Петер, но тут же стал серьезнее.

— Тогда спрашивайте быстрее. У меня не так уж много времени, меня ждут.

— Скажите, чем именно вы торгуете с виардцами? Шелли говорил мне, что торговать с ними не выгодно, и опасно, и на это решаются либо безумцы, либо авантюристы. Вы не похожи ни на тех, ни на других.

— Это не такая ж большая тайна, — пожал плечами Томас. — Я торговец специями и лекарственными травами, помимо всего, а на островах Виарди растёт весьма редкое и ценное дерево Лоа, из плодов которого готовится лоа-ос. Слышали о таком?

Петер кивнул, а затем поспешно добавил:

— Хотя пользоваться не приходилось.

Лоа-ос был дорогим, но весьма действенным средством от импотенции для мужчин и от бесплодия для женщин.

— Не сомневаюсь, — фыркнул Томас, взглядом выражая совсем другое. — К тому же поделки виардцев, из того же дерева лоа весьма неплохи, а рынок ими, по понятным причинам, не насыщен. Вот и приторговываю потихоньку, когда дела меня заводят на северо-запад.

— И не страшно вам плавать в тех морях? Виардцы не очень привечают чужаков.

Томас искоса взглянул на Петера, и неохотно сказал.

— Я у них, как бы, за своего. Несколько лет оказал для важной в Виарди персоны одну услугу, вот они и дали мне свой ярлык, позволяющей мне бесппроблемно торговать на их землях. Первое время конечно донимали, но теперь корабль узнают и не трогают.

— И что же за персона, могу я поинтересоваться? — вкрадчиво спросил Петер.

— Не можете, — отрезал Томас, нервно почесав свой крючковатый нос. — Если вас так уж интересует, спрашивайте у своих. Насколько я помню, лет пять назад я подписывал кое-какие бумаги для Службы безопасности, так что ваши всё знают. Обязательство не разглашать я кстати тоже давал.

Петер наконец начал понимать, почему прежде его расследование не приводило его к Томасу Горгенштейну. Тот оказался не так уж прост, и, насколько Зингер знал свою родную контору, которая цепко держалась за всех, кто им был интересен, Томас был уже у них на крючке. Возможно даже, служил тайным информатором для СБ. Ну или как минимум находился под присмотром, а значит, был чист. Петера охватил некоторое разочарование.

— Вы не против, если я быстро осмотрю ваш корабль?

Ордера у Петера конечно не было, ну а вдруг...

— Не против. Только что вы хотите найти, рабов? — насмешливо спросил Петер, проводя следователя к трюмным помещениям. Путь им освещал магический фонарик —

игрушка удобная, но очень дорогая, впрочем как и всё, что нуждалось в регулярном обслуживании магами. Впрочем, ни у кого из Горгенштейнов, с этим проблем, как Петер понимал, не было.

— А что, из Виарди это такой частый груз? — между делом спросил следователь. Конечно, теперь сомнительно, что Томас может быть в чём-то задействован, но как опытный судовладелец и капитан кое-что он знать мог.

— Был когда-то несколько десятилетий назад, пока ваши не взялись. Да и не рентабельно это в наши дни. Кто сейчас в здравом уме будет в Гортензе заниматься работоторговлей?

— К примеру, Торсай Куско. Он неплохо на этом заработал.

Томас поморщился.

— Слышал про него. Но так он, насколько я понимаю, сам с юга, и рабами торговал там же. Караванные пути для этого куда больше подходят, так как перевозить получается дешевле и безопаснее.

— И всё же дела он с виардцами имел. И очевидно, что-то он с них имел, а они с него.

В складских трюмах было уже пусто — большую часть товара с последнего путешествия Томас уже продал, но всё же Петер ради интереса заглянул в несколько ящиков. Действительно, специи, от которых даже в запечатанном виде одуряюще пахло, и какие-то побрякушки.

— А вы сами что-то на острова ввозите? — почти потеряв интерес, спросил Петер.

Горгенштейн пожал плечами.

— Почти ничего. Бедновато они живут, так что из того, что я порой вожу, ничего себе позволить не могут. А если чем и закупаются, так это оружием — из-за внутренних междоусобиц это весьма ходовой товар. Но я смертью не торгую. Кстати, — капитан на несколько секунд задумался, но затем всё же продолжил: — возможно, я смогу вам чем-то помочь. Дайте-ка мне ваш список, и я скажу, кто из кораблевладельцев может представлять для вас интерес.

Следователь, чуть помешавшись, протянул листок. Капитан, присев на один из ящиков, тщательно изучал список имён на пятнадцать человек. Затем достал из кармана карандаш и начал вычёркивать одного за другим.

— Кельвин уже год как на Виарди нос не суёт, после того как его Ласточку чуть не потопили, Дерви тоже. Улик занимается тем же самым, что и я. Не слишком успешно, кстати. Брейхель конечно дурак, но явно не контрабандист. И этот, и вот этот... А вот тут уже интереснее.

В итоге, в списке оказалось подчёркнутым три имени.

— Загляните к этим ребяткам. Конечно, перед законом они вроде бы чисты, вот только не все их накладные соответствуют действительности. Да и Рейтег, как я слышал, имел кое-какие дела с Куско. Сейчас-то он конечно об этом помалкивает, а вот полгода назад я как-то застал его пьяным в портовом кабаке, где он в сердцах клял Торсая Куско как подлого обманщика и убийцу. Может что имеет на него.

Знакомство с Томасом Горгенштейном, было хоть и несколько неприятным, принесло весьма ощутимые результаты. Тот самый Феликс Рейтег, на которого указал капитан «Святой Мари» оказался замешанным в дела виардцев по самые уши. Как оказалось, морскими путями Куско вовсе не продавал рабов, а сбывал в Виарди гораздо более страшный груз — наркотик эсстерит. Впрочем, пленники, привезённые с юга, оказались тут тоже

замешаны — именно на их телах Куско выращивал лишайник, который от человеческих тел становился более ядрёным и действенным.

Чуть позже нашлись и подвалы, в которых и находились чудовищные «сады». Их отчего-то волшебный лисий огонь не пожрал. Вот только за заживо съедаемыми людьми следить было некому, поэтому всё, что нашли следователи — это три дюжины трупов, и сам эстер, который уже начал распространяться по стенам, выбираясь наверх. Живучим оказался, дьявольский лишайник. В столице объявили карантин, а портовый квартал, в котором и были обнаружены подвальные «сады», и вовсе закрыли на неопределённое время, невзирая на возражения местных лавочников и испуганных местных жителей.

Петер, отследив потоки сбыта наркотика, с ужасом понял, что не весь эстерит шёл на экспорт — часть его предполагалось использовать и в самой Гортензе. Но сам с этим Петер уже разбираться не стал — дело было явно политическим: без покровителей в верхах Торсай Куско просто бы таких успехов не достиг. Как минимум, в этом был замешан Жак Вильгер, глава департамента судоходства и непосредственный начальник Шелли. Поэтому дело начал курировать сам руководитель СБ — Людвиг Шульц, человек не слишком приятный, как и положено большому начальнику, но своё дело знающий. А самое главное, весьма непримиримый к врагам своего государства. Сколько же в те дни народа оказалось на виселице да в тюрьме... По слухам, сам племянник короля Дилар Ольсбургский оказался в опале. А через какое-то время и вовсе помер. Как говорят, отравился несвежим мясом...

Так Петер Зингер, третий сын захудалого баронета, и не слишком продвинутый до этого по карьерной лестнице старший следователь сумел раскрыть политический заговор против существующей власти. Ну, не только он один, может быть. Но эстерит то он нашёл лично сам!

В какой-то степени Петер был даже рад, что Августин Горгенштейн сумел вовремя спрятаться, а не попасть под всеобщий замес. Он, конечно, судя по всему тот ещё прохиндей, но собирая о молодом мошеннике информацию, Петер проникся к тому невольной симпатией. К тому же, будущий родственник. Впрочем, как и не менее подозрительный Лукреций, и гораздо более честный, но от этого не менее противный Томас. И папаша их так себе. Но ради Августы Петер готов был потерпеть и её родню, тем более что с Лавелем Петер вполне себе сдружился.

В том, что он собирается жениться на Августине Горгенштейн, Зингер уже не сомневался. Ну и что, что он не особо молод, и может быть и не так хорош, как другие женихи Августы? Зато любим начальством, имеет не то что медаль, а даже именной орден, и вообще, неплохие карьерные перспективы. Ещё бы — с некоторых пор название его должности с трудом помещалось на дверной табличке, а обязанностью было отслеживать все незаконные и подозрительные торговые сделки. Как показало время, в этом Петер Зингер был более чем хорош.

В то время как будущий родственник Лукреция раскрывал заговоры, проводил аресты, и вообще на корню менял свою жизнь, сам Лука полностью ушёл в учёбу. Как оказалось, совсем непросто было совмещать официальное обучение в Орхане, чтение книг в тайном хранилище магистра Гохра и собственно самого Гохра наставления. Тем более что учителем тот оказался так себе — ну что ещё возьмешь с тряпичных мозгов куклы...

Да и в Орхане, к середине четвёртого года обучения, который должен был стать для большинства учеников последним, предметы стали гораздо сложнее. Теперь уже Лука с



некоторой ностальгией вспоминал уроки по Зоологии и Природной магии, которые так упорно не давались ему раньше. А ведь они ни в какую не шли с ведёной на последнем семестре Минералогией, которую вёл приснопамятный алхимик Гидеон. Вёл по своему живо и интересно, но чем отличается один черный и матовый камешек от другого точно такого же, но в серую крапинку, Лука запомнить не мог, хотя в той же алхимии легко определял самые сложные ингредиенты. Ну не интересно ему было изучать, какие камни и каким образом влияют на магические силы волшебников! Он и сам, без всяких дешёвых трюков, обладал весьма и весьма сильными способностями.

Единственным, пожалуй, интересным уроком Луке показался урок, посвященный камням-энергонакопителям. Интересным, хотя и весьма опасным — потому что в общей горсти камешков, которые Гидеон принёс на изучение, лежал и лунный камень, в точь-точь похожий на те, что приносил Луке епископ Бромель.

Знали бы остальные ученики, как сложно было на том уроке Луке не проявить свои истинные способности, не дать даже капле тьмы выбраться наружу...

Именно этот случай напомнил Луке, что ни учёба, ни его житейские и семейные сложности даже близко не стоят к той проблеме, что представлял для Луки епископ Бромель и его маг-подпевала Ортега Литран. Уже через полгода он окончит первую ступень обучения, и будет считаться состоявшимся магом. Впереди, с его талантом это было несомненно, Луку ждала вторая ступень обучения. Лукреций не то что пылал восторгом при мысли, что ему ещё два года придётся провести в окружении своих туповатых однокурсников, но понимал, что без академического образования ему никуда.

Вот только Бромель, кажется, имел на Луку совсем другие планы. Летом, как раз тогда, когда в Орхане закончатся выпускные экзамены, Бромель собирался в длительное паломничество по святым местам Гортензы. И любимого «духовного сына» Лукреция он собирался взять с собой. Вот только Луку совсем не радовала перспектива несколько месяцев провести в компании с епископом. Тем более что паранойя молодого чернокнижника говорила ему, что из путешествия он, вполне возможно, уже не вернётся.

# Глава 5

## Орден и его тайны

Три с половиной года проучился Лука в Орхане, и за это время так ничтожно мало узнал о своём даре! Конечно, библиотека Гохра помогла немного с теорией, а сам древний магистр научил избегать самых нелепых и простых ошибок, которые, не зная сейчас Лука о них, могли бы уже свести его с ума или убить. И всё же — он всё ещё оставался лишь сосудом для тьмы, не более. Сосудом, который регулярно вычерпывали. И пусть это не причиняло Луке никакого вреда, и даже помогало справиться с опасным даром, спрятать его от других, ситуация сама по себе казалась молодому Горгенштейну унижительной. Если бы он мог что-нибудь сделать, если бы он мог как-нибудь отомстить епископу Бромелю!

Впрочем от мысли отравить Бромеля или наслать на него проклятие Лука давно отказался. Понимал, то сделай он хоть один неверный шаг, покажи он свой характер, и тогда за него возьмутся всерьёз. Как минимум — лишат свободы. Если не епископ, так другие, те, кто стоит за его спиной.

О том, что за Его преосвященство действует не в одиночку, Лука уже давно догадывался. А вскоре убедился в этом на своём опыте.

Это был очередное утро выходного дня — самое ненавистное для Луки время. Ведь именно в эти дни ему приходилось проходить «ритуал очищения», как называл это епископ. Юный маг скучал в резиденции епископа, ожидая, когда тот окончит службу в храме. Службы ему епископ милостиво разрешил не посещать — после них появлялись головные боли, в последнее время совсем невыносимые, а это плохо сказывалось на продуктивности Луки.

Пока епископа не было, Лука лениво изучал удивительный в своём занудстве талмуд по теологии, скромно сидя под пристальным надзором нового секретаря Бромеля, сумрачного вида монашка. Оставлять презренного мага одного в кабинете Его преосвященства никто не собирался.

Бромель появился неожиданно, буквально ворвавшись в свой кабинет. Встрёпанный вид его и необычная суетливость движений показалась Луке странной.

— Ты здесь! — с подозрительным радушием воскликнул церковник. Глаза его лихорадочно горели.

— Как и должен был быть, — вежливо ответил Лука, внутренне напрягаясь. Доброжелательность епископа сулило неясные пока неприятности. — Вы же не оставили мне выбора.

— Мой мальчик, ты же знаешь, я хочу лишь тебе помочь, — снисходительно сказал Его Преосвященство, проигнорировав дерзость Луки и вызвав тем самым у своего секретаря подлинное изумление. Уж каким-каким, а снисходительным Бромель был лишь к своим богатым прихожанам-благодотворителям, а никак не к ведьмовском отродью.

Как будто почувствовав недовольство служки, Бромель недовольно посмотрел на того:

— Иди, Ноа, в тебе больше нет нужды.

Когда за монахом закрылась дверь, Его Преосвященство вновь обратил своё внимание на молодого мага. Он поднял Луку со стула, на котором тот коротал время, и критично его осмотрел, начиная с гладко прилизанных матушкой Горгенштейн волос до коричневых, уже стоптанных ученических ботинок, которые маг донашивал за Марком. Не то, что у семейства

Горгенштейн не было денег на покупку новых ботинок, просто Ольдвиг считал, что сыновьям стоит учиться бережливости и практичности. Со своими дочерьми, и это было весьма мудро, Ольдвиг такого финта провернуть не пытался.

Внешним видом Луки епископ остался недоволен:

— Ты болезненно бледен и кажешься излишне худым. Разве вас в Орхане плохо кормят?

— Нормально кормят, — пробормотал подросток, незаметно пытаясь отстраниться, но епископ продолжал крепко держать его за плечо. — Просто всё в рост уходит, так матушка говорит.

— Мудрая, должно быть, женщина, — рассеяно ответил Доминик Бромель, думая о чём-то своём. Он поправил Луке воротник, стряхнул с плеча несколько ворсинок, и наконец отстал от Горгенштейна. — Сегодня я хочу познакомить с весьма важными господами. Ты должен предстать перед ними в лучшем виде. Ты понимаешь, что это значит?

Лука поднял ясные синие глаза, придав себе немного придурковатый вид. Конечно, строить перед епископом наивного дурачка было уже поздно, но поиздеваться над тем хотелось. Даже если это потом аукнется.

Его Преосвященство скривил узкие губы, но всё же объяснил:

— Ты не должен врать. Ты не должен дерзить и показывать непослушание. Если они захотят, чтобы ты использовал свою тёмную магию, ты должен это сделать.

Лука дёрнулся.

— Вы рассказали ещё кому-то? Я думал, вы сказали, это должно остаться тайной.

— Безусловно, это и остаётся тайной — ради твоей прежде всего безопасности. Не стоит простому люду знать, сколь опасное существо живёт рядом с ними. Но святые братья это другое дело. Пойдём, нам не стоит заставлять себя ждать.

К разочарованию Луки, никакого тайного прохода в покоях епископа не было. Они очень обыденно вышли в коридор и спустились на нижний этаж. Прошли в сад, что прилегал к резиденции епископа, и немного побродив меж зеленых оград, вышли к небольшой двухэтажной пристройке. Едва ли хозяйственной — уж слишком чистым и аккуратным выглядело здание. Да и символ Иеронима, висящий над входной дверью, говорил о том, что здание использовалось в религиозных целях.

— Что это?

— Молельный дом для тех случаев, когда мне необходимо уединение. У меня слишком много обязанностей перед людьми, чтобы позволить себе уходить надолго в монастырские скирты.

Ну да, саркастично подумал Лука, поднимаясь по аккуратному крыльечку, в удобстве отдельного дома благодати достичь гораздо проще, чем в сырой и холодной келье.

Несмотря на кажимый уют молельного домика, внутри дома оказалось не слишком уютно — слишком строго, слишком пусто... и безлико. И всё же даже этот дом отражал сущность Бромеля гораздо лучше, чем богатство и роскошь его резиденции.

— А к какому ордену принадлежат эти святые братья, что нас ждут? — негромко спросил Лука у священника.

Епископ явно чувствовал себя здесь комфортно, скинув привычную маску благодушного хозяина. Лицо его как будто помолодело и жёсткая складка у губ разгладилась. Лука же напротив, сбавил шаг, застыв в узком коридоре, и не желая проходить дальше.

— Они служат Господу нашему Иерониму, разве тебе этого недостаточно? Или ты один из тех глупцов, что считают, что не все ордена нашей церкви равны перед богом?

— Бывали случаи, когда некоторые из орденов расформировывали, и даже объявляли еретическими, — упрямо сказал Лука. — Взять к примеру эдикт Папы Седоиса, который писал о ныне исчезнувшем монашеском братстве Последнего Завета...

— Да да, весьма печальная история, — нетерпеливо ответил Бромель. — Те несчастные монахи действительно сбились с праведного пути, посчитав, что если как можно скорее отправить всех праведников и невинных на небеса, на земле быстрее установится вечное царство. Но современная церковь давно переросла подобные заблуждения. Все ордена одинаково верно служат господу нашему, идя разными, но я уверен, одинаково верными путями.

— Тогда почему вы не хотите назвать своих гостей?

Лука, не понимая сам отчего, отчаянно трусил, и страх этот, иррациональный, необъяснимый, возрастал с каждой минутой. К горлу подкатил удушающий комок, а голова отчаянно кружилась, как полчаса назад в церкви.

— Потому что вы, молодой человек, не заслужили нашего доверия, — раздался сверху громкий, рокошущий голос, заставив вздрогнуть и так уже дрожащего Луку. — Доминик, это и есть тот юный талант, о котором ты говорил? Он достаточно строптив, как я вижу. Впрочем, как и вся его братия, так что я не удивлён.

По узкой лестнице спускался старик с округлым приятным лицом и смешно топорщащейся клочковатой бородой. Макушка старика была абсолютно лысой и испещрена застарелыми ожогами, тогда как остальная кожа оставалась чистой. Глаза его, пыльно-серые, поддёрнутые плёнкой катаракты, но казалось при этом, всё видящие, не отрываясь смотрели на Луку, отчего тот вовсе потерялся.

— В-в-вы... — заикаясь, сказал маг. — Я вас знаю. Вы... ваше изображение стоит на столе моей матери, среди многих других.

— Да? И кто же я? — вскинул клочковатые брови старик.

— Святой Эльгерент.

Святой. Один из учеников святой Вефелии. Тот самый, что изгнал зло и скверну из древнего города Шелгора, лежащего нынче в пепле. Мученик, умерший в огне, и забравший с собой жизни сотни грешников. Ах да, и ещё он был покровителем крепкого брака, отчего он был особо чтим у матушки Горгенштейн, которая никак не могла женить своих старших сыновей.

— Абсолютно верно, хотя мне всегда казалось, что на иконах меня изображают не слишком похоже. Я и в лучшие времена не был таким стройным, как изображают эти горе-художники. Не ожидал, что чернокожничник меня узнает, если честно. Моя оплошность.

Весьма волнующе видеть перед собой человека, который должен был быть мёртв уже не одну сотню лет, но для Луки это не должно было быть чем-то из рук вон выходящим. В конце концов, магистр Гохр тоже почтенный мертвец со стажем, что не мешает Луке с ним ругаться по нескольку раз на неделе. Но сейчас... сейчас при виде Эльгерента Лука чувствовал такой ужас, что хотелось тонко скулить.

— Какой чувствительный юноша, — ещё один голос, сухой и какой-то бесполой. Лука завертел головой, пытаясь найти его обладателя, но никого кроме Бромеля и святого не видел. А голос, казалось, становился всё ближе. — Ну же, Лукреций, вы же были так смелы всего несколько минут назад.

Тонкие пальцы невидимого человека дотронулись до рукава Горгенштейна, медленно спускаясь вниз, к его ладони, и наконец, коснулись влажной от пота кожи, слегка

оцарапывая её острыми ногтями.

— Не видит, но чувствует. Любопытно, но...

Что именно хотел сказать «призрак», Лука уже не узнал, трусливо спрятавшись за беспмятство, где его уже ждала уютная и безопасная тьма.

Впрочем, в этот раз тьма не смогла укрыть его надолго. Очнулся Лука уже не от метафизического ужаса, а от весьма реальных пощёчин, раздаваемых Домиником Бромелем. Правда, не на полу первого этажа, а на неудобной, по-настоящему аскетичной кровати.

— Где... где те? Ушли? — хрипло спросил Лука.

— Нет, ждём, когда же ты соизволишь прийти в себя.

Хотя страх немного поостыл и притупился, присутствие святого всё ещё было чудовищно неприятно.

— Почему мне так плохо? — простонал Лука, борясь с желанием свернуться в клубок, и почти с ненавистью глядя на Эльгерента. Второго... существа не было видно, хотя вполне возможно он находился в пару шагов, судя по гадкому самочувствию мага. Лука поборол в себе желание использовать заклинание ясновидения, и посмотрел на отчего-то весьма довольного епископа.

— Тьме в тебе не по себе от присутствия святых людей. Если бы ты был бы не невинным юношей, оказавшимся лишь заложником силы, которую ты не понимаешь, а был бы закоренелым во зле грешником, тебе стало бы ещё хуже.

«Куда хуже?» — мрачно подумал Лука, украдкой проведя рукой по штанам, и облегчённо понимая, что они остались сухими.

— Но как? Эльгерент... святой брат должен быть давно уже мёртв. Несколько лет назад в столицу привозили его мощи, было поклонение. Значит, это всё ложь?

Эльгерент и Доминик переглянулись.

— Если бы он не узнал вас, — с досадой сказал епископ, — всё было бы проще.

— Значит, это провидение Небес, — не согласился с ним святой. — Возможно, юноше пора уже знать чуть больше о том, почему же ты, Доминик, не сдал его инквизиции, как должен был. Лукреций, скажи, что ты знаешь о то силе, что владеешь? Что ты знаешь о Тьме?

Так прямо Лукреция об этом никогда не спрашивали. Теперь было важно не выдать то, что он узнал из книг Гохра, пусть даже те рассуждения были туманны и непонятны, и более поэтичны, чем полезны. Значит, надо представить, что он мог бы рассказать, если бы Гохра и его знаний не было.

Рассказать о своих снах, о своих ощущениях? О том диком ощущении свободы и счастья, что появлялось у Луки тогда, когда, в обход всем запретам, тьма всё же прорывалась наружу?

Нет, не нужно было другим об этом знать. Не поняли бы, осудили.

— Я не знаю. Нет ни одного слова, которым я могу описать тьму внутри меня. Но... вы называли это силой. Это не сила. Я не могу с помощью тьмы двигать предметы, я не могу никого спасти или причинить вред одной лишь тьмой. Это нечто абсолютно другое, чем моя магия, хотя тьма и влияет на заклятия. Тьма... тьма не изменяет ничего вокруг, она лишь обнажает обратную сущность объектов, ту, другую сторону, о которой никто не знает.

Сухой, шелестящий смех, раздающийся от окна. На пол падает длинная, изломанная тень, но человека не видно.

— И чаще всего она кажется не слишком приятной и даже чудовищной, эта другая сторона, от того и кажется Тьма воплощением зла. Но не все бояться её. Мальчик, дай же

тьме освободиться, хотя бы на миг. Яви мою сущность, Лука, ведь кроме неё у меня ничего не осталось. Узнай, кто я такой, облеку меня новой плотью...

Как зачарованный, Лука поднял правую руку, уже покрытую шевелящимися змейками ожившей мглы, готовящимися сорваться с ладони, и то ли облагодетельствовать, то ли покарать невидимку. Тень на полу предвкушающе зашевелилась, становясь как будто ярче и отчетливее...

Болезненный шлепок по ладони заставил мага чертыхнувшись прижать пострадавшую конечность к себе. Эльгерент поспешно откинул подальше книгу, которой он ударил Луку. Некоторое время с книгой ничего не происходило, а потом книга начала скукоживаться, на глазах иссыхаясь и теряя свою форму. Епископ и святой с каким-то нездоровым интересом следили за процессом, пока книга окончательно не истлела, оставив после себя уродливое пятно на светлом деревянном полу. Бромель досадливо вздохнул.

— Я говорил, что совсем не стоит торопиться. Вы могли бы пострадать.

— Вы правы, Доминик, — сухо, и несколько недовольно ответил невидимый человек. — Но кто же знал, что мальчик так силён? Тобиас конечно был бесполезен, но зато и вреда не мог причинить.

Горгенштейн торопливо опустил глаза, стараясь не выдать свои эмоции. Нежели это «святой брат» говорит о Тобиасе Гохре, чернокнижнике, запертом сейчас в кукле? А ведь проклятый старик не рассказывал ему ни о чём подобном, чему только что Лука был свидетелем.

— Пожалуй, на этом довольно. Я устал. Уведи мальчишку, Доминик, — приказал голос, и епископ поспешно кивнул, заставляя Луку подняться с постели.

— Ещё увидимся, Лука. — подмигнул ему Эльгерент на прощание.

Маг замаялся, но всё же спросил:

— А это правда, что вы покровительствуете крепким бракам? Моя матушка говорила...

Святой рассмеялся, и хотел уже что-то сказать, но увидел постное выражение епископа и пожал плечами.

— Я бы, пожалуй, рассказал, но не хочу выбивать из тебя остатки религиозности. Будь умным мальчиком, Лукреций, и слушай не только свою матушку, и тогда может всё для тебя закончиться хорошо.

Если до недавнего времени Лукреций Горгенштейн относился к своим неприятностям с известной долей терпения, перерастающим подчас в равнодушие, то последние события задели его уж всерьёз. Ощущение собственной неуязвимости, свойственное обычно юным особам улетучилось в один момент, оставив Луку с ужасающим пониманием того, как он мало может сделать.

Отказаться? Бромель и Ортега Литран уже наглядно показали, что будет с Лукой, вздумай он брыкаться и диктовать свои условия.

Сбежать? У епископа весьма неплохие связи, он достанет где угодно. Разве что только бежать на земли к язычникам, но там к магу-чужеземцу едва ли отнесутся радушно, а если и приютят, то только с намерением выжать из него как можно больше.

Ещё можно было бы настучать на епископа. Дескать, за спиной выше стоящих иерархов Доминик Бромель участвует в тёмных ритуалах... А то, что свои дела Бромель проворачивал именно за спиной церковных властей, Лука сомневался всё меньше. Даже было кому стучать: если Лекой прав, то Йохан Шварц был не только преподавателем теологии в

Орхане, но и дознавателем папского престола, независимым от воли епископа. А значит, вполне мог не только поверить Луке, но и довести расследование до печального для епископа финала.

Вот только Лукреция при этом тоже никто не пожалеет, а скрыть свои «особенности» при хоть сколь тщательном церковном расследовании удастся едва ли. Как-то Шварц ради остротки рассказал нерадивым студентам-магамам, что бывает с теми, кто использует запрещённую церковью магию. Так-то Лука был не слишком чувствительным, но представив описываемые методы дознания на себе, здорово тогда обеспокоился.

А ещё эти «святые братья»... Нет, конечно было ясно изначально, что союзники Бромеля не будут простыми людьми, но то, что они возможно и вовсе не будут людьми, Лука и предположить не мог.

В первую очередь, конечно, Лука кинулся допрашивать магистра Гохра. Дескать, когда и где он встречался с Эльгерентом. И получил самое что ни на есть искреннее и неподдельное удивление. Кукла чесала макушку, перебирала имена церковников, которых магистр знал при жизни, но ничего толкового сказать не могла.

— Да я как бы перед церковью то старался не светиться... иначе бы едва ли умер своей смертью. И тебе советую держаться подальше. Ты ведь не привлёк к себе лишнего внимания? Нет, нет? — встревоженно спрашивал Гохр, опасаясь за своего единственного поставщика живительной крови. Смерть Луки стала бы концом и для магистра.

Лука решил на первый раз поверить Гохру, пообещав себе ещё раз вернуться к этой теме.

Как только ему выдалась свободная минутка и доступ в школьную библиотеку, он решил выяснить немного о личности Эльгерента. И... ничего. Хотя прошло лишь несколько веков, свидетельств современников святого не было. Они лишь легенды и народные сказания — в народе мученика любили. А вот официальные церковные источники отзывались о нём скупно, да и сама канонизация произошла спустя аж целых два столетия после смерти Эльгерента. В тоненьком «Житии...» о смерти мученика было написано весьма размыто — дескать, сгорел вместе с самим городом, а затем на месте его смерти выросли алые кусты роз. Интересно, товарищи Эльгерента по посмертию не называют того за глаза «розочкой»?

В общем, белых пятен было более чем достаточно. Почему хотя бы Эльгерента зовут учеником Вефелии, тогда как она, если судить по датам, умерла гораздо раньше чем тот мог родиться? Или почему он нигде помимо самого Жития не слышал о Шелгоре, который якобы и был сожжён мучеником? Ведь он описывается как «обитель пороков, где на тысячи грешников приходился лишь один ревнитель». Многотысячный город! Даже сейчас во всей Гортензе помимо столицы Улькире, где по последней переписи население достигало рекордных полумиллиона, городов-тысячников набиралось едва ли дюжину, а в те времена и вовсе их можно было пересчитать по пальцам одной руки! И всё же — ни одного упоминания ни о Шелгоре, ни о его жителях.

— Попробуй поискать в других источниках. Возможно, в землеописании тех лет ты наткнёшься на название нужного города, — посоветовал ему Жерар Лекой, поинтересовавшись как-то, чем занят его младший приятель.

— Сам знаю, — огрызнулся Лука, на самом деле даже не вспомнивший о существовании книг по географии. Не то, что он был глуп или что-то вроде того, но он всю жизнь жил в столице, и в отличии от Томаса, или того же Равеля, плохо представлял, что представляет собой мир вокруг него.

Впрочем, ни одна из книг, которую нашёл Лука, не дала ему необходимой информации. Да, было парочку исчезнувших городов, но виной тому были или стихийные бедствия, или эпидемии чумы, которые не единожды прокатывались по землям иеронимцев. Но ничего о полном сожжении в наказании за грехи.

— А карты, карты ты пробовал? Даже если информацию о том несчастном городе и подчистили в каких-то целях, по расположению города можно многое узнать, — ещё раз предложил Жерар, уже из чистого интереса следившего за суматошными, и на удивление бестолковыми метаниями Лукреция. Того в последнее время было не узнать. От хладнокровного и расчётливого молодого человека почти ничего не осталось.

Тот на мгновении замер, а затем мчался допытывать несчастного и уже замученного библиотекаря на наличие карт. Через пол часа он уже что-то старательно перерисовывая, то и дело чихая и поднимая клубы пыли. Жерар брезгливо держался подальше, держа у лица носовой платок. За годы обучения в Орхане сын мельника поднабрался манер, и хотя он всё ещё не походил на изнеженного аристократа, деревенщиной его уже давно не называли. Более того, с лучшим на сегодняшний день учеником Орхана приятельствовали даже снобские дети князей и баронов. Ещё бы — всё шло к тому, что талантливого юношу могли взять помощником придворного мага, а там, с амбициями Лекоя, тот вполне мог и сам со временем занять это место. Впрочем, у Жерара оставалось ещё время понять, что именно он хочет. А что до многочисленных приятелей... Жерар Лекой не дичился людей, как Лукреций, но и сблизиться ни с кем не спешил. Хотя бы потому, что в глубине души он был согласен с юным чернокнижником: жизнь их одноклассников была чрезвычайно пресной, а то, что они получали в школе магии, было лишь куцыми остатками от истинных знаний. С Лукой было гораздо интереснее, тем более когда тот наконец немного раскрылся перед ним. Впрочем, раскрылся не до конца — искренность явно не была в природе Горгенштейна.

— Если бы не твоя обострившаяся паранойя, — проворчал Жерар, — то ты бы мог просто обратиться к историку. Но нет — преподавателям ты не доверяешь, да и мне, как оказалось, тоже. А ведь мы почти родственники!

— Ты не захочешь узнать о том, что я видел, — не поднимая глаз, ответил Лука.

Лишь через несколько часов, когда он возвращался к себе в комнату, сказанные между делом слова Жерара дошли до его разума. Это какие ещё родственники? Впрочем, Лекой давно уже ушёл, и не мог ответить на незаданный вопрос, так что Лука вскоре выкинул это из головы. Тем более что подсказка Жерара всё-таки сработала!

Шелгор, город грешников и блудниц, находился лишь в двух сутках конного пути от столицы! Если верить современным картам, на месте сгоревшего города сейчас находилось крупнейшее в Гортензе болото. Ясное дело, что без магии, или же божественного вмешательства, болото на месте бывшего пожарища возникнуть не могло. Кто-то хотел скрыть в непроходимых топях руины, или что там должно было остаться на месте Шелгора...



# Глава 6

## Тайны и пороки

Ранней весной, когда северное море пробудилось после зимних штормов, в порт столицы прибыл корабль «Утренняя Заря». Это был обычный грузовой корабль, поэтому помимо экипажа и груза он нёс на себе лишь одного единственного пассажира. Да и его бы не взяли, если бы тот не оказался родственником капитана «Святой Мари», Томаса Горгенштайна, которого в морском братстве Горгензы весьма уважали.

Равель Горгенштейн, второй сын Ольдвига, спустя семь лет своей службы возвращался домой. Как он надеялся, не навсегда. Если раны заживут... точнее, **когда** раны заживут, он сможет вернуться на службу. Туда, где всё ясно и понятно. Где есть свои, и есть чужие, и единственная задача — выиграть любым способом. Где он может быть самим собой, не причиняя боль близким, не принося им вред.

Из всей семьи его встречали лишь двое: Лавель и Томас, несмотря на всё своё нежелание. Без капитана Томаса несчастный священник просто не сориентировался бы в хаотичном, на первый взгляд, пространстве порта, и возможно просто не нашёл «Утреннюю Зарю». Но будь на то воля Томаса, тот бы отложил встречу с Равелем как можно дальше, а то и вовсе бы сбежал в очередное плавание.

Когда-то они трое, старшие мальчишки Горгенштейнов, были очень близки. Со временем к их компании присоединился и подросток Ави, но он был скорее их напарником уже в юношеских забавах, а никак не в детских играх. Поэтому многое не знал о тех днях, когда... когда Равель ещё не умел себя сдерживать. А вот Лавель и Томас отлично знали его истинную натуру. И если Лавель отнёсся к Равелю со значительной долей снисхождения, то Томас так и не смог его простить. Даже отец, даже он смог унять свой гнев, но только не Томас. Старший брат не смог, не захотел понять, как сожалел Равель о том, что он сотворил когда-то в момент гнева.

А может, Том единственный видел, сколь искусственным было сожаление Равеля. Не потому, что Равель был так уж жесток, а просто лишь потому, что тот не понимал на самом деле, что такое сожаление.

*«Я не хотел, это произошло случайно. Ты это видел, Том».*

Но то, что отдалило Равеля от семьи, точно так же сделало его великим воином и героем нескольких значимых военных операций последних лет. Об этом свидетельствовали и медали, сложенные сейчас в плотно набитую шкатулку, и шрамы на лице Равеля: один, уже совсем бледный и тонкий, у виска, а другой, уродливый багровый рубец, рассекал левую щёку, придавая Равелю несколько зловещий вид. Ну или героический — в зависимости от пристрастности наблюдателя.

Секрет успешности Равеля был прост. Старшему офицеру Горгенштейну никогда не мешали спать лица ни убитых им врагов, ни грусть по потерянным товарищам. Он всегда действовал исходя из целесообразности и эффективности, а не ненужных эмоций. И там, где другие трусливо отступали, или напротив, не видя ничего вокруг, бросались в бой, и в результате проигрывали, Равель действовал с поразительным хладнокровием и точностью.

Офицера Горгенштейна на службе уважали и боялись, порой ненавидели, но чаще восхищались, но от своей семьи едва ли стоит этого ожидать. Тем более теперь, когда он

стал почти чужим человеком. Сколько самым младшим? Кристе, малышке с капризным характером, вроде должно быть уже лет шестнадцать, совсем невеста. А тихоне Луке лет пятнадцать и он вскоре станет настоящим магом. Интересно, что мышонок помнит о нём? Точнее, **сколь много** он помнит?

*«Он не дышит! Ты убил его, ты убил... клянусь, если что-то... когда он...»*

— *Томас, ты должен перестать плакать. Беги за отцом. Возможно, Луке ещё можно помочь.*

*В тот момент казалось, что Равель совершил непоправимую ошибку. Крови не было, но шея пятилетнего брата была изогнута под совершенно невыносимым углом. Равель не был так глуп, как Том, чтобы думать, что Луку можно спасти. От таких ран не оправляются. Ярость, что бушевала в Равеле несколько минут назад, которая заставила его толкнуть Луку со всей силы, не думая о последствиях, уже утихла. С каким отстранённым любопытством темноволосый подросток склонился над телом ребёнка.*

*Он не пытался ничего исправить, просто... попытался скрыть тот ущерб, который нанёс. Малодушный, и как понял позже Равель, бессмысленный поступок — всё равно докторусы бы узнали, в чём была причина смерти.*

*Равель повернул безвольно болтающуюся голову Луки так, что казалось, что мышонок спит. А затем сел к нему спиной. Равеля не мучила вина, просто глядеть на бледное застывшее лицо мышонка было неприятно. Равель думал о том, что именно сказать отцу, чтобы тот поверил именно ему, а не Тому.*

— *Рави... прости. Я не хотел ломать твою модель. Я лишь хотел посмотреть, как она устроена. Рави?*

*Голос Луки, слабый, и тихий, невесомое прикосновение его руки к спине Равеля. Это было невозможно. Мышонок должен был быть мёртв. Мёртв... разве его шея не была сломана? Равель видел это, чувствовал под своими руками».*

Царапины, растянутое запястье, и синяки на шее — лёгкий ущерб для того, кто упал со скалы. Официальная версия гласила, что старшие мальчишки просто играли, а малыш пробрался к ним незамеченным, и случайно был толкнут. Но отец знал, благодаря Томасу, кто именно и почему толкнул Луку, не думая о последствиях. Вот только о сломанной шее Луки Том так и не сказал, то ли решив, что он ошибся, то ли побоявшись, что ему не поверят. Впрочем, спустя столько лет Равель и сам был готов поверить в свою ошибку.

Вот только пожимая руку Томасу, встречающего его у корабля, Равель видел в глазах того, что он так и не прощён. И никогда не заслужит больше его доверия.

— *Надолго ты к нам? — не пытаясь имитировать дружелюбия, спросил капитан Горгенштейн.*

— *Пока не пройдёт последствия от отравления. Оружие северян кажется старомодным, но последствия от яда, наносимого на стрелы, плохо излечимы. Меня до сих пор порой лихорадит, хотя прошло уже два месяца.*

— *Но выглядишь ты неплохо, Рави! Как же давно я тебя не видел!*

*Лавель совершенно искренне заключил Равеля в объятия.*

— *Ты слишком редко отвечал на письма, а ведь я писал тебе почти каждый месяц, — с укоризной сказал священник, наконец взяв себя в руки. — Ты получал их?*

— *Получал. Просто... не всегда было время для ответных писем, да и не хотелось писать о службе. Сам понимаешь.*

Томас молча двинулся к выходу, и братьям пришлось поспешить за ним.

— Поттише, Том. Рави совсем задыхается от столь быстрой ходьбы, — окликнул того Лавель.

Разговор удалось продолжить только в карете.

— Значит, и Мира тоже, — продолжил разговор Равель, вспомнив, что же именно было в последнем письме Лавеля.

— Миранда? Ах, ты про её положение... Даже Мира-заноза скоро станет мамой, представляешь? Осталось только Августе и Кристе выпорхнуть из семейного гнездышка.

— Августе самое время, — рассеяно согласился Равель, украдкой глядя на упрямое лицо Томаса. — Она всё так же гоняет женихов, как ты и писал, Лавель? Я не удивлён. Сестрёнка всегда была своенравной. Кое-кто с комплексом курицы-наседки её ужасно разбаловал.

Томас фыркнул, всё так же не отрываясь от вида за окошком.

— А остальные как? Ави всё также в бегах?

— Ни слуху ни духу, что и к лучшему. Судя по всему он наворотил дел... впрочем, я не слишком в курсе всей этой уголовщины.

— А мышонок Лука? Как его успехи в школе?

— Лучший из лучших, — с гордостью ответил Лавель, как будто это была его заслуга.

— А ты что скажешь, Том? Действительно ли Лука *лучший из лучших*?

Равель не понимал, почему хочется задеть Томаса, но хотелось ему это ужасно.

— Лучше, чем должен быть, учитывая все обстоятельства, — огрызнулся совершенно по-мальчишески капитан, вспоминая именно тот случай, о котором намекал ему Равель. Тот криво улыбнулся, отчего рубец на лице неприятно заныл.

— Ты увидишь Луку только на выходные, мы не стали дёргать его с обучения. И Марк с Карлом только через неделю приедут. Правда, всего лишь на несколько дней — у них вскоре будут военные сборы, и им придётся уехать. Надеюсь, они не будут служить так далеко, как ты, иначе наш дом совсем опустеет. Матушка уже начала жаловаться на скуку и напоминать Томасу, что ждёт, когда тот приведёт домой жену.

— А ты всё так же строишь из себя одинокого морского волка, а, Том? — подразнил старшего Рави.

Суровое лицо капитана неожиданно смягчилось, а лёгкая улыбка скользнула по губам.

— Уже нет. Родители ещё не в курсе, но клянусь всеми морями, я буду женат ещё до начала лета! Впрочем, сдаётся мне, что и Августа скоро расстанется со своим титулом старой девы. Не поверишь, кто вчера заходил к отцу за рукой Августины, и что тот ему ответил... и что ещё важнее, что ответила Августа!

Кажется, всё-таки Равелю не придётся скучать в столице. По крайней мере не со столь большой семьёй. Что ж, если свадьбы других сестёр он пропустил, то уж венчание любимицы Томаса он не пропустит. Может быть, чужие хлопоты и волнения успокоят демона, засевшего глубоко внутри, заставят забыть о снедающем его голоде...

Или же разадорят его ещё больше. Впрочем, эти семь лет не прошли даром, научив Равеля вымещать поселившуюся внутри чёрную ярость не на близких людей, а на чужаках. Уж в столице-то найдётся не один подонок, о чьей смерти никто не будет жалеть.

Каждую пятницу после уроков Лука возвращался на выходные домой. Обычно он приходил к часам пяти, но в этот раз он решил сначала заглянуть в убежище Гохра, поэтому домой пришёл уже глубоко затемно, и сильно уставшим. Всё, о чём он мечтал, это сполоснуться, смыв с себя пыль и свалиться в постель.

О том, что Равель возвращается домой, Лука абсолютно забыл. Поэтому когда дверь отчего дома открыл незнакомый бритый мужик с тёмными, почти чёрными глазами и резаной рожей, Лука на секунд растерялся. Даже оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что пришёл именно домой, а не ошибся дверью, задумавшись о вечном.

— Ну же, не стой на пороге, Лука. Где ты так долго ходишь?

Хотя память на лица у Лукреция была отвратительной, этот голос он помнил.

— Равель?

Теперь Лука узнал своего старшего брата. Мда, а он-то надеялся втихую заняться своими делами. А теперь придётся терпеть нашествие других родственников, которые будут жаждать повидаться с Равелем и узнать о его приключениях. И едва ли удасться смыться — матушка не поймёт.

Зайдя внутрь, маг выдержал дружеское, и несколько неуклюжее похлопывание по плечу, а также знакомое по детским годам подтрунивание о своём росте.

— Для своих лет я считаюсь высоким, — несколько высокомерно заметил Лука, потирая ноющее плечо.

— Ты ещё скажи, что упитанным... Готов поспорить, что ты хочешь есть, а ужин уже прошёл. Олина! — громко позвал Рави немолодую уже служанку, лениво оттирающую лестничные перила.

Та не спеша вытерла руки о передник и кротко спросила:

— Да, господин Равель?

— Сходи на кухню, попроси Файну разогреть остатки ужина.

— Да я и сам могу себе бутерброды сделать, — проворчал Лука, понимая, как недовольна будет повариха, когда её в десятом часу ночи заставят стоять у плиты.

— Не спорь. Тебе нужно нормально питаться. Пойдём пока в гостиную, я на тебя полюбуюсь.

Усадив Луку в кресло, Равель уселся напротив, взболтнул в стоящем на столике бокале ром, и залпом допил. Затем вновь щедро плеснул в бокал и протянул его Луке.

— Выпьешь немного для расслабления?

— Магам нельзя пить, — настороженно ответил Лука, поняв, что брат был сильно пьян.

— Жаль. Мне на самом деле тоже докторусы запретили, но душевное здоровье мне как-то важнее физического.

— Что-то случилось?

Не то, что его уж слишком интересовал этот вопрос, просто хотелось понять, нормальное ли это состояние для брата или всё-таки нет. Вот кого-кого, а алкоголиков до этого в роду Горгенштейнов не было.

— А-а-а, ты же пропустил всё веселье. Скажи, у вас всегда так семейные ужины проходят?

— Как?

— Бурно. Я и забыл, каким Томас может быть упрямым. А вот то, что он романтичный дурак, и вовсе не знал. Ты, кстати, сильно на него похож. Он не достаёт тебя своей опекой?

— Не особо, — честно ответил Лука. — Мы редко видимся.

— Возможно, он тебя избегает, — склонившись ближе, и почти шепча, сказал Рави. — Как и меня теперь.

— Зачем ему тебя избегать? — непонимающе нахмурился Лукреций, но ответа получить не успел.

— Лука! Иди спать! — необычайно злой голос Томаса заставил Луку вздрогнуть. Равель же казалось и вовсе не заметил появившегося брата.

Вместо этого он потянулся к уже почти пустой бутылке рома, но был остановлен Томасом.

— И ты отправляйся спать, — уже как-то устало сказал Томас. — Иди, не донимай Луку своими пьяными бреднями.

— Я даже ещё не начал... — хитро сощурил тёмные глаза Равель, и поднялся удивительно твёрдо, как будто не он только что был в усмерть пьян. — Кстати, куда ты направился? Развлекаться или к своей невесте? Или развлекаться к своей невесте?

Только сейчас Лука заметил, что Томас был в верхней одежде.

— Какой ещё невесте? — без особого интереса спросил Лука, тягостно думая, как же его задолбали родственники со своим закидонами.

— У Томаса появилась зазноба, которую батюшка совсем не одобряет, — насмешливо подмигнув Томасу, объяснил Равель. — Хотя, на мой взгляд, ничего ужасного в её роде деятельности нет. Не шляха же, а обычная травница.

Луке не понадобилось много времени, чтобы вспомнив слова Жерара о будущем родстве, понять, на кого намекал Равель. А ведь Томас действительно был знаком с тёткой Жерара, иногда продавая ей остатки своего товара.

— Значит, ты хочешь привести Дели Лекой в семью?

Томас поджал губы:

— Что-то имеешь против?

«Не считая того, что эта девица в последнее время излишне навязчиво пытается со мной подружиться, что я даже перестал заходить в гости к Лекою, то ничего такого», — подумал Лука, пожав плечами. Пора ему действительно сваливать, и не только из гостинной. Может, ему оставаться на выходных в школе? Или снять к примеру себе комнатку в городе. Куда угодно, лишь бы подальше от этого бардака.

На завтраке было предсказуемо мало людей. Лавель спозаранку уехал готовиться к субботней службе, Равель всё ещё отсыпался после вчерашней попойки, а Томас так и вовсе не явился домой. Криста, любимица отца, обычно просыпалась только к обеду, да и матушка решила подняться позже, так как её тонко чувствующая натура не перенесла вчерашний скандал между старшим сыном и мужем. А вот Лука, несмотря на то, что и он лёг почти за полночь, по школьной привычке поднялся довольно рано, поэтому вместе с Августой имел эксклюзивную возможность видеть весьма расстроенного отца, с отрешённым видом жующего овсянку.

Тишина, которая стояла над обеденным столом, была большой редкостью, и несмотря на мрачную атмосферу, Лука всей душой ею наслаждался. Впрочем, продолжалось это недолго. Ольдвиг решил излить душу, к счастью Луки не ему, а его сестре, которая благодаря своей рассудительности более чем к этому располагала.

— Нет, разве я многое от него требовал? Я поддерживал почти все его авантюры, вкладывал собственные деньги в его проекты, даже если они были безумными...

— Они всегда окупались, папенька, — пожал плечами Август, но Ольдвиг воспринял это скорее как поощрение собственной речи.

— И это тоже благодаря мне! Именно я научил Томаса всему, что он знает, поощрял его развитие и рост. Даже когда он купил корабль, сам стал капитаном, я и слова не сказал, хотя

он был мне нужен совсем в другом месте. Но нет, возиться с торговыми караванами он не захотел, ему подавай морские путешествия, как будто не он наследник торгового дома Горгенштейн! Потому что кто как не он! — во время эмоционального волнения Ольвиг всегда терял связность речи, и понимать его становилось сложнее. — Единственный, единственный из семи, кто мог бы стать опорой отцу, но не стал, потому что приключений ему подавай. А я терпел... зря терпел! Потому что он привёл, привёл эту... голодранку! Бросил мне это в лицо, а я столько лет ждал, пока хоть кто-то... но нет!

«Я столько вложил в своего сына, много ему прощал, а он разочаровал меня, приведя невесту без приданного и связей, да и ещё заявил об этом без должного почтения» — расшифровал речь отца Лука.

— Ну, Горгенштейны могут себе позволить одну невыгодную партию. В конце концов, все твои дочери, кроме Кристи, неплохо устроились в жизни, — подмигнула Лукрецию Августина, на что тот недоуменно вздёрнул брови. Старшая сестра вела себя сегодня необыкновенно мило. — А-а-а, Лука, ты же, наверное, ещё не слышал?

— Что именно из того, что вы обычно говорите, я не слышал? Что, Мири родила?

— Ей ещё полгода до этого, невнимательный ты наш, — фыркнула девушка. — Я замуж выхожу. За Питера Зингера.

Лука скривился:

— За этого сыскаря?

— Не сыскаря, а следователя, — не обиделась Августина. — Тем более бывшего. Его подняли по карьерной лестнице.

— Неплохая кандидатура, — немного успокоившись и поняв, что его возмущение никто из детей поддерживать не собирается, сказал Ольдвиг. — Не как тот баронет конечно, что как-то сватался за тебя..

— Он был лысый и глупый, — отрезала Августа. — И к тому же, он был весьма беден.

— А сын моего партнёра, богатый наследник...

— После смерти отца всё пропьёт и проиграет, оставив меня без гроша.

— Ну тогда да, Петер безусловно лучшая кандидатура, — покорно согласился отец, впрочем как всегда, когда дело касалось Августины. Хотя почему её выбор в конечном итоге пал на Зингера, он так и не понял.

— И тоже лысеющая, — пробормотал Лука, но был милостливо проигнорирован сестрой.

— Через неделю будет помолвка, — сообщила она. — Мы устроим торжественный семейный ужин. Ты тоже можешь кого-нибудь пригласить. Хотя... наверное в твоей школе совсем нет достойных особ, лишь недоросли-колдуны в замызганных балахонах.

— Почему это нет? У нас девушки тоже учатся, — ответил Лука, вспомнив о Кларе. Та, в последнее время, всё чаще и чаще подсаживалась в свободное время к Луке, вызывая тем самым у того необычное стеснение и в то же время тревогу. Как реагировать на женское внимание, юный маг не знал, даже несмотря на наличие шести сестёр. А может быть, благодаря этому — всё же сёстры скорее вызывали чувство раздражения, а никак не сердечного трепета.

— Ну, тогда приводи, — рассмеялась Августа, явно не веря в то, что Лукреций может привести девушку. — Кстати, Томас ведь может и свою невесту привести...

— Нет! — на столе зазвенела посуда, а Лука порадовался, что чашка с чаем была у него в руках.

— Папенька, — Августина успокаивающе положила тонкие пальчики на руку отца. — Ты же знаешь, какой Том упрямый. Если он что-то решил, то открытый запрет его только ещё сильнее разозлит, и он, не дай бог, задумает какую-нибудь глупость. К примеру, сбежит с этой мельничихой куда-нибудь за край земли. Можно сделать умнее. Пригласить девушку к нам, на торжественный ужин, где соберутся все родственники. Если эта девушка, Дели, действительно нам не подходит — Том в этом убедится. Да и она сама поймёт, что ей не место в приличной семье.

Лука вспомнил тётку Лекоя, с её наглыми глазами и острым язычком, и сильно засомневался, что даже сама семья монарха, воротящая нос от деревенской девки, могла бы смутить Дели.

— А что если она подходит? Может, её манеры не так уж и ужасны? — поинтересовался маг, неожиданно для себя встав на сторону Томаса.

— Тогда мы сможем успокоиться, поняв, что выбор Томаса не так уж плох. Не слишком полезен, конечно, но и не причинит нам вреда. В конце концов, нашу семью и так безупречной назвать нельзя.

Имя Ави так и не было озвучено, хотя и зависло в воздухе. Ещё более взгрустнувший Ольдвиг покивал головой, но согласился на то, что можно попробовать испытать девушку, да и с Томасом неплохо бы наладить отношения.

— Эй, будущий кузен! — жизнерадостный голос явно был знакомым.

Лука огляделся, и увидел Жерара, махающего ему рукой из кабинета мастера Гидеона.

— Может быть и нет, — сказал Лука, заходя внутрь и тут же сунув нос к рабочему столу. В кабинете алхимика Жерар был один — мастера как будто совсем не беспокоило, что ученики в его отсутствие могут сделать что-то плохое.

— Что «нет»?

— Может и быть и не кузен. Это как пойдёт. Моим родителям твоя тётка не так уж и не нравится.

— Нос воротят, богатеи, — лицо Жерара на секунду вспыхнуло яростью, но тут же погасло.

Лука внимательно посмотрел на него.

— Поосторожнее, ты о моей семье говоришь.

— Мне всегда казалось, что тебе всё равно на своих родственников... Эй, не взбалтывай, иначе взорвётся!

Жерар аккуратно вытащил из рук Луки склянку с фиолетовым раствором.

— А что это?

— Задание мастера. Мы пытаемся понять происхождение жидкости, и-за которой едва не взлетела крыша левого крыла дворца.

— Не слышал о покушении...

— Ограблении. Пока полыхало левое крыло дворца, кто-то проник в дворцовую канцелярию и слямзил важные бумаги. Дело замолчали, так что и ты не трепись. Я знаю о нём лишь потому, что мастера Гидеона нему привлекли к делу, а я его теперь извечная правая рука, — не скрывая гордости, ответил Лекой. — Кстати, знаешь, кто ещё занимается этим делом?

— Ну?

— Петер Зингер. Помнишь такого?

— Ещё бы. Он скоро женится на моей сестре, — резко поскучев, ответил Лука. — Увижу его в эти выходные на семейном ужине. Кстати, Делия там тоже будет.

— Знаю.

Жерар замялся, в задумчивости почёсывая нос.

— Ну?

— Слушай, друг, возьми меня с собой, — проникновенно попросил Лекой. — Тётка меня брать не хочет, а если ты своего приятеля приведёшь, то я думаю, твои родители не будут против. Ты им даже можешь не говорить, что я племянник Дели.

— Ага, как будто они потом не узнают!

Просьба Жерара на самом деле удивила.

— А тебе зачем?

— Ты не поймёшь, — неопределённо пожал плечами Лекой.

— А ты попробуй.

Потребовалась минута непрерывного сверления глазами Жерара, прежде чем он сдался.

— Я знаю, как она волнуется, думая о предстоящем вечере. И не хочу оставлять её одну во враждебном окружении.

— А так ты ей сильно поможешь, — удивлённо фыркнул Лукреций.

Жерар начал резко наводить порядок на столе, стараясь не глядеть на своего приятеля. Обиделся, точно, хотя ни за что об этом не скажет. А Лука вспомнил о том, как он решился помочь Ави. Именно решился сам, а не был заставлен шантажом, как могли подумать близнецы. Просто... он ведь видел, что те влезают в какую-то авантюру, и не хотел, чтобы с ними произошла беда. Но об этом он бы не признался никому и никогда.

— Ладно, — наконец сказал юный маг. — Приходи в это воскресенье, к семи. Я предупрежу родителей, что захвачу приятеля из школы. В конце концов, лучше иметь мага в кухне, чем какого-то напыщенного богатея. Кстати, у тебя есть что одеть приличное на ужин?

— Куплю, — просияв, ответил Жерар. — В конце концов, Гидеон неплохо доплачивает за помощь в некоторых деликатных делах. Говорит, у меня талант.

— А у Делии?

— За неё не беспокойся, — Жерар запанибратски хлопнул Луку по плечу. — Твой брат от Дели просто без ума.

Как оказалось позже, Лекой имел ввиду-то, что Томас сам решил позаботиться о гардеробе невесты. Об этом шепнула Луке Августа, которая и помогала старшему брату выбрать для Дели наряд.

— А я думал, что тебе не нравится невеста Томаса, — подивился внезапной поддержке Августины Лука.

— Я всеми руками за то, что Том был счастлив, а уж с кем, не так уж и важно. Просто с папой спорить глупо, лучше ему самому убедиться, что он не прав.

— Ты так веришь в то, что Делия Лекой справится со смотринами?

— Я верю, что Том не мог влюбиться в кого-то неподходящего, — твёрдо сказала сестра.

Августина скучала в гостиной, дожидаясь своего жениха, а Лука составлял ей компанию, злясь на то, что Жерар совсем не спешит. А в доме Горгенштейн к тому времени



становилось всё более шумно — конечно, не все могли прийти, те же близнецы сейчас были где-то на краю страны, заканчивая свою военную подготовку. София на водах поправляла своё здоровье, а Ави отсутствовал по вполне понятным причинам, одна из которых должна была вот-вот появиться в доме. Но хватало и тех, кто был. Равель, Лавель, Анна, и Миранда вместе с мужьями, дядюшка Холли со своей женой и снулой дочерью Моникой и Жезелия Толи, вдовая подружка матери вместе со своим сыном Уллой, неумело отпускающего комплименты Кристе.

Чуть позже появился и Петер, необыкновенно сияющий и радостный, неумело расточающий комплименты всем присутствующим дамам, а почти сразу за ним робко втиснулся в прихожую и Жерар.

— Наконец-то! — заворчал Лука, потащив представлять его родителям. Те, зная, что Лука приведёт своего талантливое и вполне успешного друга, были настроены к тому вполне доброжелательно, пока не услышали его фамилию.

— Лекой? Вы... родственник Дели?

— Племянник, — неожиданно робко замямлил Жерар, пытаясь отдёргнуть свой шерстяной, и явно слишком жаркий сюртук.

— Ясно, — как-то отстранено сказал Ольдвиг. За неделю он успел взять себя в руки, и примириться с почти любым исходом встречи, но то, что младший сын внезапно окажется в заговоре против него, его сильно уязвило. — Что ж... надеюсь, вам здесь понравится, Жерар.

— Уф-ф-ф, пронесло, — оттаскивая заледеневшего под взглядом главы семейства Горгенштейн Лекоя, произнёс Лука.

— Д-д-думаешь?

— Ну ведь... — Лука неосторожно задел кого-то справа локтём и буркнул: — Извините.

— Ничего страшного. Добрый вечер, молодые люди.

Теперь уже наступила очередь Луки превращаться в ледяную статую. А ведь он намеревался держаться от Зингера как можно дальше!

— Лукреций, приятно видеть тебя. Жерар, и ты тут! Как ваши с магистром успехи?

К счастью, Зингер был полностью поглощён своим новым делом, и на Луку если и смотрел, то только с родственной симпатией, а никак уж не подозревая его в старых грешках.

Томас и Делия прибыли последними. Потенциальная жена Томаса выглядела... весьма достойно, да, хотя Луке показалось, что собранные в строгую причёску пышные волосы Дели делают её лицо скучнее.

В отличие от её племянника, такое количество Горгенштейнов и им сочувствующих нисколько не смутило девушку. Плечи Дели были гордо расправлены, а на лице сияла ровная улыбка. Глаза её обежали гостиную, ни на ком не задержавшись, и Лука почувствовал некоторое недовольство, что она даже не выделила его взглядом.

— Ну же, полагаю, мы можем начать, — торжественно кивнула матушка Горгенштейн.

Конечно же, такое количество гостей не поместилось бы в столовой комнате, а в гостиной комнате им было бы тесно, поэтому отец семейства, отринув наиболее удобный вариант со снятием ресторана, решил поставить столы непосредственно на свежем воздухе, благо что сад позади дома был достаточно велик. Да и погода в последние дни располагала — весна была на удивление тёплой и сухой, а уличные фонари давали уютный и мягкий свет, позволяя забыть, что они всё ещё находились в городе. В итоге на уютной лужайке под яблоневыми деревьями расставили несколько столиков, каждый на пять-шесть человек.

Томас, Дели, Августина и Петер ожидаемо сели вместе с главой семейства и с его женой, поэтому Луке оставалась только посочувствовать травнице. Впрочем, стоило ожидать, что Августина её поддержит.

А вот молодому магу не совсем повезло. Вместе со смертельно скучной Анной, глуховатым дядюшкой Холли и всё ещё находившемся в ступоре Жераром к ним посадили Равеля, которого Лука всю неделю до этого успешно избегал. Что-то не так было с его братцем — Лука это чувствовал, хотя и не мог объяснить или как-то исправить. Но что бы это ни было, Лука точно знал, что от этого стоит держаться подальше.

Равель, как будто прочтя мысли Луки, ухмыльнулся, и наклонившись, прошептал ему на ухо:

— Что, не рад моей компании? Я вот как-то тоже сожалею, что попросил посадить за этот столик. Думал, ты приведёшь молоденькую симпатичную магичку, а не это недоразумение. Оно хоть говорить умеет?

— Умеет, — неожиданно пришёл в себя Жерар. Он хотел сказать что-то ещё, но внимательно присмотревшись к Равелю, предпочёл замолчать. Вот только нет нет, да при взгляде на брата своего друга проскальзывало у мага беспокойство. Лука взял с себя слова спросить того позднее, что он увидел в Равеле.

Равель, поняв, что молодёжь не слишком настроена на общение, перевёл своё внимание на сестру. Анна всегда была несколько чопорной, но при этом умудрялась выглядеть скорее строго и элегантно, чем скучно. Сейчас же она, одетая в наглухо закрытое тёмное платье и с гладким пучком, казалась лет на десять старше, чем должна была. Кажется ли, или он заметил в волосах сестры седину?

— Давно не виделись, Анна, — начисто игнорируя дядюшку Холли, уже сосредоточенно что-то жующего, сказал Равель. — Ты сегодня без мужа?

— Оскар не очень хорошо себя чувствует, — опустил глаза, ответила Анна. Худые пальцы её нервно сжали салфетку.

— А дети? Ты не взяла их сегодня с собой?

— Они слишком малы, от них было бы много мороки.

— Мне кажется, матушка была бы рада таким заботам, — задумчиво сказал Равель, подпирая подбородок узкой ладонью. — Да и старшенькая у тебя уже должно быть совсем взрослая. Сколько ей?

— Одиннадцать.

— Тем более! Компанию ей мог бы составить Лука — они почти ровесники.

— Мне уже пятнадцать, — прошипел маг, оскорблённый тем, как отозвался о нём Равель.

— Да-да. Выпей ещё компотика, — отмахнулся от него брат.

Жерар исподволь фыркнул. Лукреций действительно единственный за столом цедил компот. Как маги выяснил однажды опытным путём, притащив в убежище Гохра кувшин яблочной наливки Дели, у Луки была весьма специфическая реакция на алкоголь. Точнее, его просто тошнило и рвало даже от одной кружки весьма слабого напитка. До этого Жерар даже не думал поддевать несчастного Луку, лишённого возможности хорошенько надраться, но кто сказал, что нельзя получать удовольствие от наблюдения за тем, как несносного мальчишку ставит на место его же брат?

— Это хорошо, что наш Лука не пьёт, — покровительственно похлопал по плечу внучатого племянника Холли. — Не хватало нам тут ещё разбушевавшегося малолетнего

колдуна.

Холли тоненько хихикнул, заставив Лекоя улыбнуться. Вот же интересная семейка — в кого не ткнёшь, один страннее другого. И этот старичок, с нелепыми манерами и на удивление ясным взглядом, был тоже весьма забавен. Заметив на себе внимание Жерара, Холли развернулся к нему.

— А ты, вихрастый, тоже маг?

— Ага, — несколько не оскорблённый, ответил Жерар.

— Может, покажешь чего? Ну, фокус.

— Маги не показывают фокусы, — поджав губы, ответил Лукреций. — И вообще, ученикам Орхана запрещено прилюдно использовать магию вне школы.

— Но не ученикам старшей ступени, — жизнерадостно перебил его Лекой, поняв, что может продемонстрировать перед будущими родственниками свои таланты, а значит, укрепить положение Делии. Пусть не думают, что она из каких-то отбросов! — Позднее, когда стемнеет, если господин и госпожа Горгенштейн не будут против, я покажу кое-что.

— Оли не будет против. Мой племянник давно хотел увидеть, чему обучают нашего Луку в этой школе колдунов.

— Магов, дядюшка, магов, — кисло сказал Лука, бросив убийственный взгляд на Жерара. Чтобы он ещё его куда-то с собой взял! Тот сделал вид, что не заметил недовольство приятеля.

Гул голосов, смех, звонкий у женщин, и раскатистый у мужчин, поздравления будущей паре, с каждым тостом становившиеся чуть более фривольные. Необыкновенно раскованная и счастливая Августина, и Петер, может быть не столь ослепительный, но в своём счастье казавшийся почти симпатичным.

Столбы уже сместили, поставив вместо них скамеечки, и Горгенштейны, собравшись в одну группу, с удовольствием обменивались воспоминаниями — о детских шалостях, о давних ссорах и быстрых примирениях. В какой-то момент Жерар, жадно слушающий очередную историю, перемежаемую смешными или едкими комментариями, перехватил на себе понимающий взгляд Петера Зингера. Да, он чувствовал тоже, что и Лекой — зависть и желание хоть немного, но всё-таки стать частью этого тёплого круга. Детство Жерара, сына мельника, было совсем другим — побои, тяжёлая работа, вечные насмешки от старших братьев. А Луку, несмотря на всю его странность и замкнутость, здесь любили, незаметно от того опекая и покровительствуя. Вот Кристабель чуть толкает брата в плечо, заставляя того подтвердить свои слова, а Томас, немного позже, накидывает свою куртку на узкие плечи Луки, сидящего в одной лёгкой рубашке. А ведь этот маленький говнюк даже не ценит, что у него есть...

— ... ну да, близнецам тогда попало сильно, а вот Ави как-всегда смог выкрутиться, — дядюшка Холли, зарумянившись и размахивая руками, совсем не заметил, как над тесным кругом воцарилась тишина. — Кстати, где этот несносный мальчишка, хотелось бы знать?

«Да уж, хотелось», — промелькнуло в голове Зингера, всё ещё пытавшегося проследить за судьбой сбежавшего Августина. Впрочем, вслух он не стал ничего говорить, попытавшись сделать вид, что он просто не слышал ни о каком Ави.

— Ну так и близнецов тоже нет, — громко сказал Августина, украдкой пожав руку Петера, благодаря его за деликатность. — Наши младшенькие братишки и сестрёнки постепенно покидают семейного гнездо. Да, Томас?

— И не говори, — невозмутимо сказал он.

— Зато кто-то возвращается, — не заметив своей оплошности, сказал дядюшка. — Равель, а ведь ты так и не рассказал о своей службе. Я слышал от твоего отца, что ты был не раз награждён!

— Да было дело, за пару операций, — неохотно кивнул Равель. Лёгкая улыбка сползла с его лица, ставшего вновь замкнутым.

— А ещё ты был ранен, так? — робко спросила Криста, с любопытством глядя на такого взрослого, и почти незнакомого Равеля. Как и Лука, она почти не помнила его, но в отличие от последнего, видела в Равеле почти героя, чьи шрамы были меткой его храбрости, а не того, кем он на самом деле являлся.

Зверь, вот кого видел Равель, встречаясь со своим взглядом в отражении в зеркалах родительского дома. Зверя дикого и безжалостного. Почему никто, помимо Томаса, этого не видит? Даже Лука, державшийся поначалу настороженно, сейчас расслабился, совсем не боясь дерзить ему. Разве он не помнит, какую боль когда-то причинил ему Равель?

Поняв, что все взгляды скрестились на нём, ожидая хоть какого-то ответа, Равель неохотно пожал плечами.

— Да, пришлось на некоторое время оставить службу. И дело даже не в ранах, а в яде, что попал в моё тело. Хотя он давно уже вышел, последствия всё ещё дают о себе знать. Надеюсь, я не выгляжу слишком больным?

— Ой, да ты выглядишь здоровее всех здесь присутствующих, — фыркнула Августина. — Хотя я рада, что ты оказался настолько мерзким, что даже смерть решила обходить тебя стороной.

Равель беспомощно развёл руками, заставив Кристу фыркнуть в ладошку.

— Кстати, наш гость обещал кое-какой сюрприз. Батюшка, вы же не будете возражать против небольшого магического представления?

Ольдвиг нейтрально пожал плечами.

— Если господин Лекой не против, я бы хотел посмотреть. Всё же нам, простым людям, редко приходится сталкиваться с магами, а Лука очень мало рассказывает об учёбе.

— Что ты собираешься?.. — шепнул Лукреций приятелю, когда остальные послушно расселись полукругом, ожидая, когда маг подготовиться.

— Феерверки, — негромко ответил Жерар, высматривая слугу, который должен был принести ему сумку с заготовками.

— Ты спятил?! Ты же подожжёшь сад!

— Не бзди. Я ассистировал мастеру Гидеону, когда он устраивал феерверки в королевском парке.

— Но он же не один это делал, ему помогал придворный маг!

— Ну так и я не собираюсь запускать в небо огненных драконов, — хмыкнул Лекой, с благодарностью принимая у подошедшего слуги сумку. — Если хочешь, можешь мне помочь. Возьми-ка вот эту штуку.

— Взял у магистра? Выглядит громоздкой...

— Сам сделал.

— Же-е-ерар! — простонал Лукреций.

— Эй, я же не ты, чтобы лажать. Держи конус прямо, иначе порошок попадёт на траву, и может загореться...

— Жерар!

— Что-то не так? — насмешливо крикнул им Равель со своего места. Лука

успокаивающе махнул в ответ, незаметно от остальных заклатив глаза.

Делия, сидевшая до этого как мышка, повернулась к остальным, и начала что-то рассказывать. Расхваливает, небось племянника как-только можно.

Когда небо над садом Горгенштейнов расцвело яркими огнями, даже скептический Лука был вынужден признать, что фейерверк у Жерара получился очень даже ничего. Конечно, поскромнее, чем дворцовый, и без всяких там изысков, но дух от открывшегося зрелища все равно захватывало. Яркие цветы, причудливые узоры, мерцание золота и серебра, сияние живых звёзд, похожих на яркие бриллианты. Грохот петард и восхищённые вздохи зрителей. Жерар, уже несколько бледный и взмокший от прилагаемых им усилий, победно поглядывал на свою тётку и друга, посмевавшихся сомневаться в его умении.

Но самым впечатляющим было окончание фейерверка. Его и хозяева, и гости, вспоминали ещё долго, находясь при этом в весьма противоречивых чувствах.

После того, как в небе затухла последняя вспышка, но грохот всё ещё отдавался в ушах, гости остались стоять в зачарованном молчании. Которое должно было вот-вот нарушить восхищённое рукоплескание. По крайней мере, так думал Лекой.

Но тишину разорвал лишь крик. Отчаянно, во весь голос вопила совсем ещё юная Криста Горгенштейн, с отчаянием глядя на алое пятно, расплывавшееся на миленьком, голубом (в цвет глаз) платье. Находящаяся рядом дама сделала было попытку упасть в обморок прямо на руки Равеля, но несколько промахнулась, нелепо рухнув задом во влажную траву. Впрочем, остальным было не слишком-то до неё, и даже уже не до Кристи. Тот же Равель с изумлением глядел на свои ладони, запачканные синими пятнами, а Дели, с не слишком подходящими для леди выражениями, пыталась стряхнуть с высокой причёски что-то, похожее на сажу. Томас недоумённо поднял глаза в небо, догадавшись об источнике напасти, и еле успел зажмуриться, когда ему по лицу забарабанили капли чего-то очень едко пахнущего и щипавшего кожу. В один момент пасторальная картинка семейного вечера превратилась в картину безумного, страдающего эпилепсией художника.

Те, кто ещё не успел стать жертвой «цветных бомб», попытались скрыться под кроной деревьев, но небесная кара настигала их и там. То и дело раздавались отчаянные вопли, возвещавшие об ещё одном загубленном платье или причёске. Лука, успевший на скорую руку сотворить над собой простенький воздушный щит, с на редкость благодушным видом наблюдал за нарастающей паникой.

— А вот это интересная алхимическая реакция. Ты так и предполагал, или это некий экспромт? — насмешливо спросил он Жерара.

— Я же стабилизировал, я же проверил... — пробормотал Лекой, пытаясь протереть глаза, и не замечая, что носовой платок был не менее запачканным, чем он сам. Сейчас Жерар больше всего походил на печального клоуна, переборщившего с краской для лица.

— Твои осадки хоть не ядовиты? Хотя кого я спрашиваю... Чтобы ты что-то знал о результате своих деяний...

Смелый, но не слишком предусмотрительный Лавель попытался прорваться к дому, но несколько переоценил свои силы, попав правым башмаком в одно из фиолетовых пятен на траве. Нога его заскользила, и он упал, но тут же свернулся в клубочек, пытаясь спрятать открытые участки кожи от неумолимого дождя.

Когда цветовая атака спустя несколько долгих минут закончилась, не пострадали лишь двое — Лука, спрятавшийся за собственной магией, и дядюшка Холли, успевший вовремя

заползти под стол, обогнав ту же неудачливую даму.

Гости постепенно поднимались на ноги, вылезали из своих укрытий и кустов и пытались оценить причинённый им ущерб, бросая косые взгляды на виновника произошедшего. Но громких обвинений пока никто не бросал, злорадно ожидая, когда выскажется хозяин дома, славившийся своим тяжёлым характером. И не только выскажется. Наверняка он этого малолетнего наглеца собственноручно вышвырнет из дома. Жерар тоже ждал наказания почти уже смиренно, наблюдая, как неторопливо к нему подходит Ольдвиг Горгенштейн. Впрочем, на Жерара он не смотрел, изучая правый рукав своего сюртука, когда-то угольно-чёрного, а теперь мерцающего позолотой. Этот же рукав он сунул под нос оторопевшего мага.

— Что это? — требовательно спросил Ольдвиг.

— Я простите... я честно не хотел.

Господин Горгенштейн досадливо поморщился.

— Нет же, я не об этом спрашиваю. Никогда подобного не видел, даже у магов! Твои краски растительного происхождения?

— В основе своей... Хотя вот данное пятно скорее нет.

— Ну да, такого оттенка в природе особенно и не увидишь... — задумчиво покивал Ольдвиг. Впрочем, настоящим золотом это не было — откуда у бедного школяра на это деньги? Понимал это и торговец. Он поковырял позолоту ногтем и уважительно поцокал языком. — Хорошо села, так и не отскребёшь!

— Скорее всего, под влиянием влияние воды и раствора щелочей... то есть при обычной стирке эту проблему можно будет решить. Всё отстирается и отмоется! — поспешно заверил Лекой, не обращая внимания на скептическое фырканье друга.

Ольдвиг нахмурился:

— А жаль. Возможно ли получить устойчивый результат?

— Под золото?

— Под золото, серебро, драгоценные камни... — Ольдвиг оглянулся и подозвал к себе Анну. — Вот, как у неё на лице! Как это называется?

Лоб, нос и щёки Анны как будто покрыла бриллиантовая крошка, а ресницы усыпали сверкающие капли росы, придавая ей вид прекрасной и холодной языческой богини.

— «Мириады звёзд», — неуверенно сказал Лекой.

— Неплохо, — одобрил торговец, — но надо придумать что-то своё, чтобы не было проблемы с торговой маркой. Если ты только сможешь сделать подобный эффект более устойчивым, и безопасным.... Анна, как тебе?

— Жжётся! — скривила лицо старшая из дочерей Горгенштейн, с неудовольствием глядя покрасневшими глазами на мнущегося Жерара.

— Ну так бегом смывать! Предлагаю всем пройти в дом, переодеться и при желании, эм-м-м, смыть с себя свидетельства этого познавательного эксперимента, — громко, уже для всех, сказал Ольдвиг.

Судя по ворчанию окружающих, никто не счёл это происшествие познавательным, но в открытую с хозяином дома никто спорить не стал. Тем более что тот уже вошёл в раж, расписывая перед опешившим магом экономические перспективы его ошибки. Дескать, за ткани такой расцветки им будут платить едва ли не по вес золота, а подобные украшения при дворе безусловно будут уметь успех... Так и увёл Жерара в дом под локоток, и, как не сомневался Лука, через некоторое время его друг окажется связанным договором, благодаря

которому он может быть когда-нибудь и разбогатеет, но не раньше, чем откупиться от Горгенштейнов. Ещё бы, не каждый ведь поддержит молодого изобретателя на начальном пути, даст ему необходимую материальную поддержку, да и ещё защитит его права от продажных торгашей... К коим себя, Ольдвиг, конечно же, не относил.

Лукреций покачал головой, но всё же последовал за батюшкой. Родство родством, но загонять Лекоя в угол он не даст. Всё же он был единственным, кто узнав о сути Луки, не пытался его исправить или воспользоваться им. И это Лука, хотя он никогда и не признался бы в этом вслух, безусловно ценил в своём товарище.

Да и отцу следовало бы подсказать, что магия — дело ненадёжное, и к тому же энергозатратное, и на массовое производство надеяться не стоит.

Равель решил воспользоваться комнатой Луки и близнецов для того, чтобы привести себя в порядок. Заодно и позаимствовал одежду одного из них — военный ещё с прошлой встречи заметил, что Марк и Карл хоть пока и не догнали старшего брата в росте, но в ширине плеч вполне могли посоревноваться, а значит их одежда будет хоть коротковата, но удобна. Всё лучше, чем осточертевшая форма или залатанный дорожный костюм...

Натянув сюртук одного из близнецов (судя по беспорядку в вещах, скорее всего старшего из них), Равель с удовлетворением заметил, что взгляды отца не изменились: одежда хоть и была из хорошей ткани, крой у неё был старомодный. Ольдвиг неодобрительно относился как к лишним тратам, так и к погоне за модой.

Чистка от синих и фиолетовых клякс, щедро украсивших одежду и волосы и смена одежды заняла у Равеля едва ли дюжину минут. И то только потому, что перегруженная система водоснабжения на втором этаже сбила. Кожа всё ещё отливала подозрительной синевой, но по крайней мере этот цвет лёг равномерно.

Комната младших мальчишек располагалась рядом с комнатой старших сестёр, для большего пригляда, так что не удивительно, что в узком закутке коридора он столкнулся с Анной, на влажных волосах которой всё ещё красовалось полотенце.

— Быстро же ты, — усмехнулся Равель. — Откуда у тебя армейские привычки?

— Несколько детей быстро научат не тратить много времени на уход за собой, — негромко сказала Анна, пытаясь протиснуться мимо загораживающей выход фигуры брата. Но тот, кажется, даже и не думал пододвигаться.

— Да погоди ты! Кажется, ты не всё с себя смыла. Этот маг-недоучка утверждал, что краска не ядовита, но я бы не стал проверять это на собственной шкуре. Дай помогу.

Раньше, чем Анна успела отстраниться, он сорвал с неё полотенце, и самым негигиеничным образом послунявив его, начал стирать с шеи сестры остатки мерцающего раствора. Воротник на Анне был не до конца застёгнут, поэтому от резкого движения шея обнажилась почти до ключиц, открывая вид на потемневшие, жёлто-синие пятна. Сначала Равель принял их за следы от фейерверков, но в отличие от них, краска не желала так легко отходить от кожи.

— Что же это? — пробормотал Рави, поднимая взгляд на Анну, и только взглянув в её лицо, он понял, что его прикосновения причиняют той сильную боль. В уголках глаз Анны застыли слёзы.

— Отпусти... отпусти!

Анна рванула, пытаясь застегнуть пуговицы воротника дрожащими пальцами. И только тогда он понял, что же именно он увидел на фарфорово-светлой коже сестры. Не краску, нет.

Синяки.

Это объясняло всё. И нежелание говорить о муже, и глухие, уродующие фигуру платья. И то, почему так быстро состарилась в якобы счастливом браке сестра. Побой муженька — как обыденно и мерзко. Как такое могло произойти с его гордой сестрой, слово которой всегда было для остальных непререкаемым законом, а задевать её опасался даже насмешник-Ави?

— Ты говорила отцу? — серьёзно спросил Равель.

Анна порывисто утёрла глаза ладонью.

— Нет. И ты не смей, слышишь? Оскар торговый партнёр отца, сын его старого друга. Даже если отец поверит мне, встанет на мою сторону, он не слишком будет рад ссоре с моим мужем. А я не хочу расстраивать батюшку, не хочу, чтобы хоть кто-нибудь знал...

Она не договорила.

Рави покачал головой:

— Дурёха! Идёшь на поводу ложной гордости. А о своих детях ты подумала? Какого им жить с матерью, которая ценит себя не больше, чем половую тряпку под ногами мужа и отца?

Он попытался вновь схватить сестру за запястье, но та уже успела отскочить.

— Не смей трогать меня, — прошипела она, рванув мимо Равеля, и в этот раз он не стал её удерживать, заметив, что у их разговора был свидетель.

Анна проскочила по лестнице мимо Луки, так и не заметив его. Тот проводил её внимательным, и несколько неодобрительным взглядом.

— Подслушиваешь? — спросил Равель.

— Больно надо, — пожал плечами маг, предпочитая не влезать в совершенно непонятные ему семейные проблемы. Больше его волновало другое: — что ты делал в моей комнате? Я не разрешал тебе в неё входить!

— Вообще-то это не только твоя комната. Я позаимствовал кое-что у близнецов.

Равель подошёл к Луке ближе, и почти навис над ним, так и не поднявшимся с последней ступеньки.

— А что, Лукреций, тебя есть что скрывать? — вкрадчиво спросил он. — Тёмными делишками балуешься? Решил пойти по стопам Августина?

Лукреций проигнорировал издёвку, внимательно изучая лицо брата, как будто видя его впервые.

— Я ведь не слишком тебе нравлюсь, так? — наконец спокойно сказал молодой маг.

— С чего ты решил? Использовал свою чудо-магию? — воин насмешливо провёл пальцами перед лицом Луки, как будто показывая фокус.

— Я и без магии могу понять очевидный факт. Родители и другие... они видят только то, что хотят: братскую заботу и любовь. Лишь потому что так положено в обществе — заботиться о младших. И ты послушно играешь в привязанность к младшему брату. Вот только не очень старательно. Я ведь вижу, по твоим глазам, по твоим поступкам — я для тебя настолько раздражающий фактор, что мне кажется, не будь мы связаны родственными узами, ты бы просто убил меня.

Равель вздрогнул, впервые за долгое время почувствовав почти что стыд. Он отвёл глаза. Воин действительно привык просто уничтожать тех, кто вставал на его пути или раздражал его. В других случаях, если добыча была сильно не по зубам, он просто отходил в сторону и забывал о проблеме. Но от родного брата никуда не денешься и не забудешь о нём — даже



если уедешь на край света.

Равель не знал, почему именно Лука вызывал у него такие чувства. Да, конечно у братьев и сестёр Горгенштейн всегда присутствовало некоторое соперничество за внимание родителей, а матушка излишне опекала самого младшего своего ребёнка. Но ведь на других любимчиков в семье он так не злился: ни на Томаса, которого отец всегда ставил в пример остальным, ни на Августину, которой всё всегда прощалось. Даже обаятельный прохиндей Ави, который свои шалости обычно любил сваливать именно на вспыльчивого с детства Равеля, не раздражал его так. Откуда тогда такое чувство конкуренции, это иррациональное желание уничтожить Луку, мальчишку, который и противопоставить ему пока ничего не мог?

Равель не мог понять это разумом, но чувствовал, что только Лука, один из всей семьи, мог быть ему настоящим соперником и врагом. Как если бы Рави был волком, рядившимся в овечьи шкуры и наслаждавшийся своей безнаказанностью и неузнаваемостью, и только Лукреций мог распознать его и вывести на чистую воду. И даже хуже — он был таким же, как и Равель. Хищником, изображающим из себя овечку. Вот только не волком, зверем хоть и диким, но благородным, а кем-то похуже.

Внезапно проскользнувший образ в мыслях Равеля успокоил его. Если проблема только в делёжке территории, то он сможет справиться с этим. А выдавать друг друга им не с руки. Он почти дружелюбно улыбнулся Лукрецию.

— Может быть, и не убил бы. Ты достаточно забавен сам по себе.

Тот недоверчиво нахмурился. Напряжение, которое таилось в его брате всё это время, никуда не исчезло, но как будто перестало падать своей тяжестью именно на Луку. И что это было, вообще?

— Бывай, — Равель насмешливо похлопал по плечу задумавшегося Луку, и обогнув его, начал спускаться вниз. — Если кто будет спрашивать, что вряд ли, пусть приходят завтра.

— А ты куда?

— Развлекаться. Семейные вечера в нашем доме хоть и веселы, но тоже утомляют.

Через два часа Равель Горгенштайн сидел уже в каком-то кабаке, привычно надираясь. Мать, конечно, будет опять ворчать, что он спивается, но что ему бедному делать, если только алкоголь может усыпить засевшего зверя внутри?

Кабак был на вид не из самых простеньких, пожалуй, сам Рави любил менее дорогие места, в которых может рожь были и попроще да поглупее, но не такие поганые, как здесь. Впрочем несмотря на то, что у местных посетителей денег было и больше, чем у обычных забулдыг, развлекались они так же — напивались вдрызг и лапали шлюх. Правда выпивка была получше и шлюхи посимпатичней, а в целом одно и то же. И с чего его привело именно сюда?

Равель лениво оглянул зал, и усмехнулся, увидев как одна из девиц, до этого благосклонно принимавшие приставания очередного посетителя, плотного светловолосого мужчины, внезапно взбрыкнулась, за что тут получила пощёчину, и жалобно заскулила. Строит из себя целку... Хочешь получить денежку, будь готова и огрести. Посетители ведь разные бывают, некоторым нравится и боль, как своя, так и чужая. А попадись она лично ему, да и ещё когда у него было такое поганное настроение, могла бы и жизни лишиться.

Светловолосый мужчина чуть повернулся, и Равель, увидевший его профиль, поперхнулся пивом.

— Шакалий сын, ты-то что тут делаешь?!

Перед ним был никто иной, как Оскар, злополучный муж Анны, о котором он сегодня вспоминал в самых нелюбимых выражениях. За несколько лет зятьёк несколько поправился, когда-то густая шевелюра поредела, а лицо неприятно обрюзгло, но это был, безусловно он. Удивительно, что Равель встретил его именно сейчас... Впрочем, такое случалось и раньше — когда судьба сталкивала его с врагами в самый подходящий момент.

— А тебе ведь нравится избивать женщин, да? — пробормотал Равель, наблюдая за тем, как грубо, явно до синяков, мнёт грудь шлюхе его зять. Та давилась рыданиями, но послушно сидела на толстых коленях, боясь, видимо, что ей попадёт ещё больше, или, вероятнее, надеясь, что ей хорошо заплатят позже.

При мысли о том, что Оскар точно так же, как с этой шлюхой, обращался с его сестрой, в душе Равеля всколыхнулась чёрная, дикая ярость. Кажется, он знает, чью жизнь заберёт сегодня ночью. Судьба, кажется, сама бросила жертву ему в руки.

Наконец Оскар поднялся, и повёл к выходу свою девку. В этом кабаке, в отличие от многих других заведений, не было верхних комнат, в которых проститутки могли обслуживать своих клиентов, зато, очевидно, они обладали своей территорией. Что ж, тем проще будет избавить сестру от муженька.

Выждав, пока те исчезнут за дверью, Равель пружинисто поднялся, и кинув несколько монет на стол, вышел за парочкой. Оскар был не очень осторожен, полностью увлечённый хныкающей девкой. Идти, впрочем, было не слишком далеко — буквально за следующим поворотом, в небольшом уличном тупичке они остановились у обшарпанной двери. Из неё почти сразу же выглянул мерзко выглядящий бугай, и получив от Оскара вознаграждение, пропустил парочку внутрь, сам оставшись караулить у дверей. Что ж, придётся избавиться и от него.

Подождав ещё минут семь, Равель отлипнул от скрывающей его во тьме стены, и пьяной шатающейся походкой направился к порогу шлюхи. Бугай даже не сдвинулся, не видя никакой угрозы. Равель, чуть пошатываясь, встал напротив, и начал шариться в карманах.

— Мужик, ты чего? — достаточно дружелюбно спросил его охранник.

— Хоч-ч-чу шлюху снять. Эта, такая светленькая, мелкая, здесь же живёт?

— Ну, здесь, — окончательно расслабился верзила, решив, что это бывший клиент одной из его девочек. — Только занята она. Хочешь, другую покажу? Посочнее и посвежее, ежели деньги есть?

— Это как это занята? Ты чего меня обманываешь? — пьяно возмутился Равель, пытаясь пройти мимо бугая и размахивая руками.

— Э-э-э, мужик, да ты совсем никакущий, — поморщился тот, отталкивая пьянчужку и доставая нож. Пьянчужка испуганно попятился. — Вали отсюда, понял?

Даже в самый последний момент охранник не понял, как его нож оказался в руках у надоедливого клиента. Всё, что он успел, так это ощутить, как лезвие вспарывает его бок, а боль заполняет всё тело.

— Понял, понял, — беззлобно сказал Равель, вытаскивая клинок из ещё живого тела.

Оттащив труп к куче мусора неподалёку, он вернулся обратно, и стараясь не шуметь, толкнул входную дверь. Та, на удивлении, не была закрытой.

— Как непредусмотрительно с твоей стороны, Оскар.

К этому времени зятьёк уже успел раздеться до исподнего, и вцепившись в светлые крашенные пакли шлюхи, пыхтел над ней. Та, захлёбываясь соплями и слезами, послушно

взвизгивала, пока он изрыгал грязные сквернословия, давая явно невозможные с точки зрения физиологии и своих возможностей обещания.

— Так вот что тебе нравится, Оскар. Не думал, что ты из таких, — негромко сказал Равель, брезгливо наблюдая, как трясётся жирный зад зятка. Муж Анны за последние годы знатно раскабанел, как будто выпив из своей худосочной жены все соки.

Тот лишь повёл головой, не поняв, а то и не услышав, что в комнате есть кто-то ещё. Зато тяжёлая рука на плече заставила торговца вздрогнуть. Он повернул голову, недоумённо хмурясь и уже разинул рот, чтобы начать кричать на помешавшего, когда наконец узнал его.

— Рави? Рави Горгенштейн? — глаза недоумённо расширились.

— Ага, — согласился Равель, погружая клинок в незащитное горло. Кровь из разорвавшейся артерии щедро окропила Горгенштейна. Тот облизнул с губ капли крови, чувствуя, как наконец расслабляется натянувшаяся внутри него струна. — Что ж, я надеялся оставить чужой костюмчик чистым, но от такой свиньи всегда бывает много грязи.

Девка, на которую навалилась туша, испуганно затрепыхалась. Наконец выбравшись и оттолкнув от себя мёртвое тело, она увидела темноволосого, с резаным лицом мужчину, который несколько недовольно разглядывал нож в своих руках.

— Заржавевшая железяка. Стыдно даже такое использовать, — доверчиво сказал он женщине, увидев, что она испуганно смотрит на него. — Не кричи, ладно? Голова болит.

Та помотала головой, пытаясь сжаться в комочек.

— Я... не трогай меня, пожалуйста. Я ничего не скажу, обещаю!

Он убрал нож за голень сапога, и склонившись над проституткой, почти ласково погладил её по лицу:

— Конечно скажешь. Видишь ли, этот свинья, Оскар Неймар, был достаточно влиятельным человеком в купеческих кругах, поэтому его смерть будут рассматривать достаточно тщательно. И тебя найдут где угодно, и допросят так, что не отвертишься. А внешность у меня не самая неприметная. Так что... ничего личного, красавица.

Она хотела завопить, но сильные пальцы сжали её горло, перекрывая доступ к кислороду и ломая позвонки. Он не хотел причинять боль, хотя всё ещё был немного «голоден». Равель опустил тело на пол даже с какой-то осторожностью, прикрыв лифом обнажённую грудь.

Впервые за долгое время стало спокойно и легко на душе. Что же, да, он убил, но лишь следуя своей натуре. Не потакать внутреннему зверю означало сорваться однажды, причинить боль близким. Поэтому, когда мирная жизнь несколько растягивалось, приходилось рисковать таким образом. Равель не самоуспокаивал себя тем, что избавляет мир от мусора — бродяг, проституток, мошенников. Ему, по большей части, было наплевать, чьи жизни забирать, просто так было легче остаться непойманным: никто не стражники не тратили время на канализационных крыс. Но сейчас он не жалел, что рискнул, убив одного из членов торгового совета. Потому что не дело какой-то свинье поднимать руку на его сестру.

Равель, пожалуй, слишком расслабился, поэтому не сразу отреагировал, когда из входной двери, которую он открыл, в комнатку тут же кто-то прошмыгнул. Что это? Судя по размерам, кошка или мелкая псина.

— Лейла, глупое ты животное! — слабый свет фонаря освещает фигуру мужчины, оглядывающегося в поисках чего-то, или точнее кого-то. — Лейла!

А зверёк то оказывается с хозяином... Закрывать дверь и подождать, пока мужчина уйдёт?

Так он в поисках своей кошки ещё на труп наткнётся, и устроит панику. Или избавится и от него тоже? Тявканье зверька, откликающегося на негромкий зов хозяина, решил всё за Равеля.

Убийца чуть отступил от закрытой двери в тень, вытаскивая кривоватый нож, которым, впрочем, он уже убил сегодня двоих.

— Куда ты там влезла, глупая девица? А если нас обнаружат и вызовут стражу? Если из-за тебя я попадусь?! — силуэт прохожего возник на пороге, но перешагивать не спешил. Осторожный...

Свет фонаря в руках мужчины, судя по голосу, совсем молодого, скользнул по комнате, высветив не только беспорядок, но и два тела, раскинувшихся у кровати.

— Простите, помешал... Мой зверёк тут... Твою ж!

Ну вот, он понял, и сейчас начнёт кричать и звать на помощь. Тело Равеля изготовилось к резкому рывку и удару, но он ничего не успел сделать, так как обо что-то споткнулся, и плашмя проехался по полу, почти под ноги своей будущей жертве. Тот вскрикнул, наведя на неожиданную угрозу свой фонарь и заставив Равеля почти ослепнуть.

— Рави?! Ты в городе?!

Поняв, что никто пока не собирается звать стражу, Равель прикрыл глаза ладонью, и взглянул на обладателя, как он только что понял, знакомого голоса.

Худое, измождённое лицо, щетина недельной давности, потёртая куртка. Выглядит совсем взрослым, но синие глаза, чуть темнее, чем у него самого, остались всё такими же наглыми и хитрыми. Впрочем, сейчас в них больше удивления и растерянности. Августин.

И с чего Равель решил, что ему сегодня везёт на встречи? Нет, он конечно рад видеть своего брата живым и здоровым, но встретиться бы предпочёл не при таких обстоятельствах.

— У тебя всё хорошо? На тебя напали? — Ави склонился над Равелем, доверчиво подставляя себя по удар. Неосторожный мальчишка... Мало того, что не убежал, когда увидел тела, а теперь так наивно заботиться о том, кто секунду назад собирался вспороть ему глотку.

— Нормально... дверь закрой. Не хватало ещё, чтобы тут толпы народа ходили. И животное своё убери, иначе не гарантирую, что не пришибу.

У Августина последние сутки выдались не самыми простыми. Выбираясь в очередной раз за необходимыми вещами, он столкнулся со своим бывшим приятелем. Тот сделал вид, что не заметил его и прошёл дальше, но, мошенник был уверен, то, что Ави всё ещё в городе, вскоре всплывёт. А так как байки о воровском законе чести не имеют ничего общего с реальностью, кто-нибудь да заложит его сыскарям. Нужно было уезжать из города, или как минимум переехать подальше от места, где его видели. В тот же вечер, собрав все необходимые вещи в одну не такую уж объёмную сумку, он покинул своё временное пристанище. Пустынную лисицу пришлось взять с собой, так как она всё равно бы нашла его позже, да и ещё обижалась бы потом неделю, оставляя на вещах Ави неприятные подпалины и отказываясь подогреть мошеннику ужины. Да и вообще, привык он к Лейле, в обеих её обличиях — и вечно дрыхнущего, ленивого зверька, и малолетней девицы, напоминающей ему его младших сестричках, по которым он уже начал скучать. Правда, те были куда болтливее, и разозлившись, не могли его за это сжечь, но ведь у всех есть свои недостатки.

Поэтому затолкав лисицу в специально приобретённую для этого торбу, Августин направился к ещё одному месту, чердаку в заколоченном доме. Там он собирался на пару

дней спрятаться, прежде чем удастся разнюхать о том, является ли старый контрабандистский лаз из города всё ещё безопасным.

Где-то на середине пути до этого спокойно сидящая в торбе лиса сильно завозилась. А затем и вовсе, воспользовавшись тем, что Ави, боясь её ненароком задушить, оставил небольшую щёлку в сумке, выскочила наружу.

Августин гнался за ней почти полчаса. Он бы, впрочем, быстро бы бросил это гиблое дело, но всякий раз, когда он уже думал, что потерял Лейлу окончательно, она вновь начинала твякать из какой-нибудь подворотни. О том, что магическая тварюшка его куда-то заманивала, Августин догадался лишь тогда, когда оказался на пороге дома, в котором живописно раскинулись мёртвые тела.

Это было чертовски странно, впрочем, как и всё, что касалось Лейлы. Но обдумать, для чего лисица привела его именно сюда, на место убийства, судя по всему, совсем свежего, он не успел, так как ему под ноги кинулся... Равель?

Послушно закрыв дверь, он ещё раз обежал комнату взглядом. А вот и Лейла, уселась хвостатой попой на стол и старательно принохивается к ополовиненной уже бутылке.

— Фу! То есть, не трогай это, моя хорошая, это не для детей. И не для зверей тоже, — сказал он, перехватив странный взгляд Равеля.

Повернулся к нему, отмечая то, как братец выглядел. Бледный, весь в крови. Неудивительно, что он принял его за пострадавшего от этой резни. Вот только он явно не жертва... Такой же случайный свидетель? Нет, Равель явно не слишком растерян. Может быть, братец, вернувшись в столицу, решил поработать стражником и сейчас на службе? Ага, предварительно выпив и пряча в рукаве куртки нож...

— Ты... убил их? — тихо спросил Августин, уже зная ответ.

Равель кивнул, не отводя взгляда.

— Зачем? Месть, работа?

Уж кого-кого, а Равеля отлично можно было представить наёмным убийцей. Он всегда был несколько... хм, суров, а теперь со своей резаной рожой и вовсе походил на совершенно отмороженного типа. Но Равель неожиданно оскорбился.

— Я ещё не уволен со службы. Как только поправлю своё здоровье, вернусь в часть. А то, что здесь произошло... забудь, тебя не касается. Давай уйдём отсюда. Я так полагаю, ты тоже не хочешь привлекать внимание стражников и сыскарей...

— Подожди! Нужно уничтожить следы.

А ведь и правда, убивая всякую шуштуру в городах, где он был только проездом, Равель никогда не заботился о том, чтобы тщательно скрыть свои убийства. Кто будет всерьёз расследовать смерть уличных отбросов? Но Оскар был шишкой поважнее.

— Тогда притащи сюда тело из мусорной кучи справа от двери. Если мы оставим его там, на него кто-то может наткнуться и поднять шумиху раньше, чем нам нужно.

— Есть ещё один труп? — простонал мошенник. — Ты что, серийный маньяк? Впрочем, не отвечай, не хочу знать!

Выпроводив Ави за дверь, Равель поспешно перевернул тело Оскара на живот, пряча лицо. Ещё не хватало, чтобы Августин обнаружил, *кого именно* убил его брат. Впрочем, вполне возможно он отреагировал бы не так, как от него ожидалось, слишком уж Ави спокойно отнёсся к смертям и тому, что Равель к этому причастен. И ещё этот зверь странный какой-то. Сидит, смотрит, и как будто всё понимает. Именно этот зверёк привёл судя Августина, став инициатором случайной встречи. Впрочем, слишком случайной...

Ави занёс тяжеленое тело охранника, и сгрузил его на кровать, а затем, подумав, чуть спустил тому штаны и расстегнул на груди рубашку.

— Если увидят в таком положении, — ответил Ави на удивлённый взгляд Равеля, — могут свалить всё на простую сцену ревности. Дескать, этот толстяк заколол верзилу, обнаружив его в постели, затем сломал тёлке шею...

— А затем перерезал себе шею, так что ли?

— Ну... всякое ведь бывает, — пожал плечами мошенник.

— Может, организовать поджог? — задумчиво спросил убийца. — Огонь скроет все следы и усложнит расследование, если сыскари решат прибегнуть к магии...

Мошенник зябко передёрнул плечами:

— Никаких поджогов. Хватит с меня! Ты слышишь, Лейла?! Обойдёмся без огня!

Зверёк твякнул, как показалось Равелю, насмешливо.

— Забавный... э-э-э, кто бы это ни был.

— Это лисица, южная порода, — объяснил Ави, пытаясь приблизиться к Лейле так, чтобы та вновь не сбежала. — Попалась! Помоги мне затолкать её в сумку и пошли давай.

— Домой?

— Куда домой?! Ты весь в крови, я и вовсе беглец-преступник, так и завалимся к батюшке: «здравствуй, а вот и твои сыночки...». Ко мне пойдём. Расскажешь, что там у наших творится. А то я в одиночестве совсем одичал...

Августин забалтывал Равеля, ведя его по тёмным улица города, сам же не задавал ни одного вопроса о жизни брата. Наверное, боясь слышать ответ, или даже не желая знать правду о нём.

И всё же, на редкость странным было то, что братья вот так вот встретились.

Делия, уставшая, но довольная, сидела в доме Горгенштейнов, рассматривая себя в зеркало. Жаль, что после проделки племянничка красивая причёска испортилась, да и о платье можно было забыть, зато ей предложили остаться в доме, выделив отдельную комнату, светлую и большую. Здесь она когда-нибудь станет хозяйкой, и всё это: и изящная резная мебель, и мягкие атласные подушки, и дорогие украшения — станут принадлежать ей. И нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться роскошью и любовью молодого мужа. Она верно служила своей богиней, и та решила её одарить. И возложила ещё большую ответственность. Ведь когда-нибудь она, Делия Лекой, будет носить под сердцем ребёнка, который станет наследником древней крови. И даже если этот мальчишка, Лука, на которого Белая так сильно полагается, не оправдает надежд, возможно именно её сын вернёт их богине прежнее могущество...

Хотя это и было кощунственно, иногда Делия жалела, что среди девяти семей, что веками служили Гекате, истинно ценилась лишь три из них. Сыновья Гекаты, а не её дочери.

Трое учеников Гекаты и шесть учениц когда-то создали свои собственные кланы, в которых из поколения в поколения передавалось мастерство тёмной магии. Шесть прародительниц передавали свою силу по женской линии, и в итоге, спустя сотни лет, выжило четыре рода, хоть два из них и ослабело, потеряв память о своём наследии. Но она, дальний потомок рода Сайо, пусть и жила в бедности, вынужденная скрывать свой дар от святой инквизиции, всегда знала, кто она такая, и гордилась службой Гекате.

Так почему же, почему же Белая, та, что была устами богини, узнав о том, что в семье Горгенштейн родился одарённый ребёнок, бросила все остальные заботы и занялась им?

Только потому что он потомок по мужской линии, а не по женской? Надеется, что он станет вторым Рейтом? С той же вероятностью он может пойти по пути другого, Предателя, или так же постыдно сбежать, как и бывший хозяин огненной лисицы.

Нет, мужчинам, даже с их силой, нельзя доверять. Тьма для них слишком большое испытание.

В дверь постучали, и тут же на пороге комнаты появилась госпожа Горгентшейн.

— Делия, милая, я принесла тебе чистое постельное бельё и полотенца!

— Спасибо, — мило покраснела Дели, совсем не обманываясь заботливым голосом матери своего жениха. Безродный перестарок — вот как та о ней думала, едва ли лучше.

В отличие от своего мужа, госпожа Горгентшейн не выступала против брака сына открыто, зная, что упрямого Томаса так легко не переубедить. Зато навела сына на мысль, что с женитьбой можно не торопиться, так что ритуал венчания, намеченный на начало лета переносился на середину. Надеялась, что за это время удастся или открыть Томасу глаза или настолько испортить Дели жизнь, что та сама сбежит подальше. Притом притеснять не будет, нет. Вот, даже отдала хорошие комнаты, сама лично позаботилась об уюте... а потом будет жаловаться при сыне, что требовательная гостья совсем заездила. Вот же... ведьма! Пусть и в отличие от Делии не настоящая. Белая сама проверяла, не была ли жена Ольдвиг неучтённой и потерянной ведьмой, пытаясь выяснить, как получилась так, что в истощённый род Горгенштейнов вернулась сила. Оказалось, не была, но сумела родить потомку тёмного рода, представители которого никогда не отличались плодовитостью, огромную прорву детей. Среди которых был и истинно тёмный маг — Лукреций Горгенштейн, первый за последние несколько столетий.

Впрочем, что бы ни говорила Белая, не один Лука был примечателен в этой семье. И даже если не вспоминать Томаса, который, на взгляд Дели, для обычного человека был слишком удачлив в делах, и обладал поразительным чутьём на некоторые вещи, то оставались ещё Августин и Равель. Ави, блудный сын Горгенштейнов, был выбран вместо Луки пустынным лисом, а это что-то да значит...

И этот Равель. Не маг, нет, но Дели была готова поклясться, что Тьма коснулась и его. Вот уж кто мог служить Гекате верно и преданно! Дели была готова поклясться, что предложи она молодому воину стать последователем тёмной богини, и он бы согласился с радостью. Такие всегда рады найти служение в чём-нибудь. Не то что этот Лука, вокруг которого приходилось ходить кругами, старясь не вспугнуть и не выдать себя. Наставница запретила раскрываться перед ним, считая, что мальчишка, упрямый и эгоистичный («истинный тёмный!» — почти умиленно говорила об этих чертах Луки Белая гадалка), не захочет вспахивать ради кучки почти потерявших силу ведм. Дескать, вот прижмёт его жизнь, нужна будет ему помощь, вот тогда и пригодятся тёмному магу верные соратники. А пока нужно подкидывать ему правильные идеи, исподволь направлять...

И заняться этим нужно именно Делии. А когда это сделать, когда и о женихе не стоит забывать, и его хитрой мамаше не дать под себя копать, да и ещё контролировать проказника-племянника, который, кажется, перестал доверчиво верить в то, что его тётка обычная травница?

Дели обдумывала свою нелёгкую жизнь, и одновременно делала вид, что слушает госпожу Горгенштейн, автоматически кивая там, где ей, казалось, это было нужно. Та, вроде, вновь рассказывала о том, почему так важно не торопиться со свадьбой старшего сына, вплетая в разговор всех своих детей скопом.

— ...ну и хотелось бы, что как можно больше моих дорогих детей могло присутствовать при этом важном событии для семьи. И так не будем бедного Августина, и близнецы будут на службе. А Лука не раньше конца июля вернётся со своего паломнического путешествия. Его, вы не поверите, под своё крыло взял сам епископ Бромель...

— Что, простите? — встрепелась Дели. — Ваш младший сын был удостоен чести быть спутником самого Бромеля в его ежегодном паломничестве?

— Да, я сама узнала об этом недавно, хотя тот же Лекой знает уже больше месяца. Лукреций, негодник, опять со мной ничем не делиться и даже совета не спросит, не то что разрешения, — обиженно поджала губы матушка Горгенштейн.

Вот оно как... Белая будет недовольна. Мальчик всё же привлёк внимание ордена. И даже более того, тот взялся за него весьма серьёзно. А значит, и им надо спешить.



# Глава 7

## Пробуждение Тьмы

Когда твоя семья столь велика, в ней всё время что-то происходит. Кто-то приезжает, а кто-то уезжает, кто-то рождается, а кто-то... умирает. И на взгляд Луки, в данном случае особого повода для расстройств не было, ведь умер всего лишь муж его сестры Анны, Оскар, о котором, кажется, даже жена не особо скорбела.

Петер Зингер, предложил было лично проследить за тем, чтобы расследование прошло на уровне, но родные напротив, настояли, чтобы дело замяли. Ещё бы, Оскар умер ведь не просто нелепо, а оскорбительно — в каком-то притоне в компании дешёвой проститутки и бандитского отребья, притом при весьма неловких обстоятельствах. Грешно даже было подумать, что именно творилось там до убийства.

Поэтому и похороны были более чем скромные, а вдова была на редкость сдержанна в проявлении эмоций. На следующий же день, оставив улаживать дела нотариусу, она, собрав детей и личные вещи, переехала в родительский дом. И хотя племянники, удручённые потерей отца, вели себя тихо и под ногами особо не мешались, сама атмосфера дома, в котором все носились с вдовой и детьми, немерено раздражала Луку. Ну нет, уж лучше он будет оставаться ночевать в библиотеке Гохра, а родителям скажет, что решил и в выходные ночевать в общежитие Орхана.

Легче было сказать, чем сделать. Тайное убежище тёмного магистра плохо подходило для длительного пребывания. Не было кроватей, возможности готовить пищу, а туалет представлял собой древнюю дыру в пол в одной из ниш. Брезгливый и придирчивый Лука смог провести в убежище лишь четыре полных выходных дня, а затем просто отказался от идеи ночевать в тёмной яме, заставленной старыми книгами.

Другая возможность съехать из родительского дома появилась у Луки, когда он совершенно случайно узнал, что Жерар Лавель больше не живёт с тёткой. Выгнала ли она его, или он сам шёл, устав наблюдать за воркованием Дели и Томаса, почти вечно торчащего у травницы, но уже больше месяца сын мельника снимал собственную квартирку. Во многом благодаря Ольдвигу Горгенштейну, всё же рискнувшему, и вложившему деньги в молодого и перспективного мага. Квартира конечно была небольшая, состоящая из двух жилых комнат, кухоньки и крошечного санзла, но неприхотливый Жерар был рад и этому. В одной комнате он поселился сам, в другой организовал небольшую лабораторию, где экспериментировал с красками и тканями.

Неожиданному визиту Луки Жерар был совершенно не рад.

— Ну, чего тебе? — недовольно спросил он, пододвигая Луке плохо вымытую кружку с чаем и блюдце с каменными печеньками. Его представления о гостеприимстве обязывали напоить и накормить гостя, но вежливость в комплект не входила, тем более что Лукреция он не ждал.

— Я собираюсь жить здесь, — лаконично сказал Лука, почти хозяйским взглядом осматривая кухню.

— А не охамел ли ты, Горгенштейн? — почти устало спросил Жерар. — Хочешь жить отдельно, сними себе квартиру сам.

— У меня нет денег.

— Так ты ещё и бесплатно собрался у меня жить? — задрал брови Лекой. — Ну ты и...

жук.

— Я Горгенштейн, как ты заметил ранее, и именно мой отец тебя спонсирует. А ведь я мог сказать, что затея твоя не имеет никаких шансов реализоваться.

— С чего бы это?!

— Я, в отличие от моего батюшки, знаю, как работает магия, да и в алхимии немного разбираюсь. Ничего из того, что показывал тебе магистр Гидеон, не сможет помочь в создании новых видов краски, — снисходительно сказал молодой маг.

— Кто тебе сказал, что я буду прибегать только к академической алхимии? Есть и другие методики.

Загадочно ухмыляясь, Жерар подскочил с шатающегося стула, и начал активно рыться на кухонном подоконнике, выискивая что-то среди стопок бумаг и небрежно сваленной посуды.

— А-а-а, вот, нашёл. Не узнаёшь?

— Только не говори, что ты стёр книгу из библиотеки Гохра! Я же тебе запретил оттуда что-то таскать, — яростно зашипел Лука, выхватывая и осматривая пухлый томик на предмет наличия пятен или потёртостей.

— Ты сказал не брать книги, связанные с запретным колдовством. Не думаю, что в пособии по преобразованию свойств материи может быть что-то опасное. Ну, не считая того, что в приложении три и четыре указаны методические рекомендации по работе с живыми существами... но я не собираюсь их использовать, — поспешно сказал Лекой, с лёгкой опаской глядя на приятеля. — Впрочем, можешь забирать обратно. Я что нужно уже выписал.

Лука тщательно обернул книгу одним из недописанных конспектов Жерара, вызвав у того гримасу неудовольствия, и бережно положил себе в сумку.

— Ты живёшь на деньги моего отца...

— Не только его, — возразил Жерар. — Источники моего заработка в последнее время весьма разнообразны.

— И ты пользуешься моей тайной библиотекой.

— Ну, во-первых, не совсем твоей, а во-вторых, я тоже помог найти хранилище, так что имею право на доступ к нему.

— Не принимаются. Твои аргументы — не принимаются! Ты мне должен, и я сейчас просто предлагаю тебе отдать твой долг.

Лекой терпеть не мог, когда от него что-то требовали, тем более таким наглým способом. Он скрестил руки на груди и откинулся на стуле назад, холодно глядя на Горгенштейна.

— Если уж говорить о предъявлении счетов, то стоит ли мне упоминать, как ты со своими братьями ввалился в дом моей сестры, чуть не подставив её и меня перед сыскарями? Или ты это не считаешь?!

— Жерар...

Тот резко отодвинул стул и встал:

— Вот что, Лукреций. Мне порядком надоело, что какой-то сопляк всё время указывает, что мне делать. Не хочешь пускать меня в тайник магистра? Да больно надо! Обойдусь как-нибудь без него, лишь бы твою рожу рядом с собой больше не терпеть.

— Думай, что говоришь, — поморщился Лука, тоже вставая, с неудовлетворением замечая, что он всё ещё явно ниже своего приятеля.

— Я говорю то, что давно должен был сказать. Проваливай, родственничек, пока я тебя не вышвырнул силой.

Луке ещё никогда не выставляли за дверь. Он стоял, глядя в занавешенное окно Жерара, и в его охваченном гневом разуме рождались десятки способов, с помощью которых он мог унижить Лекоя. Унизить, поставить на место, а когда тот осознает свою ничтожность, раздавить как жалкого таракана. Хладнокровного Луку, которого, как он считал раньше, на действие могли сподвигнуть лишь любопытство или выгода, сейчас снедала ненависть и ярость. И пусть обида, нанесённая ему, в другое время казалась бы пустяковой и не стоящей внимания, сейчас Лука жаждал отмщения.

Достав из сумки перочинный нож, маг обнажил лезвие и кольнул остриём подушечку большого пальца. Крови оказалось недостаточно, поэтому Лука расширил порез, игнорируя тупую, ноющую боль. Несколько резких, точных движений, и на двери, ведущей в квартиру Лекоя, появились замысловатые знаки, навлекающие на дом неприятности и беды. Горгенштейн отрывисто прочитал заклинание, и символы, и так не слишком заметные на тёмном дереве, и вовсе исчезли. Проклятие, увиденное когда-то в хранилище магистра, заработало.

И лишь только потом Лука огляделся. Ему сильно повезло, что свидетелей его магии не было. Эмоции, накрывшие Луку с головой, улеглись, и к нему постепенно возвращалось ясность ума. А вместе с ним и пока неясное, но весьма неприятное чувство вины.

«Чёрт, конечно Жерару не стоило так себя вести, но и я хорош. Можно же было вести себя не как... тупой засранец». От данного себе нелестного эпитета Лукрецию стало ещё хуже. Не так ужасно, что он чуть погорячился, и зря наехал на друга. А вот то, что он навел на квартиру Жерара проклятье, и теперь не знает, как всё исправить... Это было самое поганое. Если извинения можно было принести и чуть позже, то вот проклятие хорошо бы отвести назад как можно скорее, пока с квартирой, или не дай бог, с Жераром, ничего не случилось. Может быть, есть ещё время? Лука решил, что следует немедленно отправиться в убежище и начать искать что-то вроде анти-проклятья, но стоило ему на несколько шагов отойти от двери, как за его спиной раздался глухой взрыв, а брусчатку усыпало осколками стекла. Лука рванул обратно, яростно стуча в дверь, и молясь всем святым, чтобы Жерар был жив. Соседи, выскочившие на улицу, поняв, что опасность уже миновала, и новых взрывов не предвидится, вяло поругиваясь на «сумасшедших колдунов», вернулись по домам.

Через несколько томительных минут дверь наконец открылась. На пороге, шатаясь и отчаянно кашляя, стоял перемазанный в саже Жерар, а за ним стелились клубы дыма.

— Лука? — прохрипел маг. — Что ты тут забыл?

— Ты в порядке?!

— Что?! Говори громче!

Поняв, что Жерар ничего не слышит, и дверь открыл лишь для того, чтобы глотнуть свежего воздуха, а не пустить Луку внутрь, юный маг отстранил Жерара в сторону, и прикрыв рот и нос рукавом, вошёл внутрь. Дым шёл от комнатки, в которой Лекой разместил лабораторию. Ни одной целой склянки или риторы, пол, стены и потолок щедро украшены пятнами, мебель здорово перекосило и покорежило. Впрочем, противопожарное заклинание Жерара уже погасило пожар, лишь только печально тлели на полу обрывки занавесок.

— А проклятье-то сработало на отличненько, — произнёс Лука себе под нос, размышляя, развеялось после этого его заклинание или стоит ждать ещё неприятностей.

Усадив плохо держащегося на ногах Жерара на кухне, у распахнутого окна, единственно оставшегося целым, Лука налил ему стакан воды, а сам, отыскав перчатки, веник, ведро и тряпку, принялся за работу по устранению ущерба. Через какое-то время к нему присоединился и Жерар, и уборка пошла чуть веселее, хотя парни всё ещё не разговаривали друг с другом. Лука, потому что всё ещё чувствовал себя виноватым, а Жерар находился в слишком подавленном состоянии, чтобы развлекать друга разговорами.

Когда они закончили, на улице уже стемнело. Лука, не уверенный в том, что проклятье полностью рассосалось, чувствовал себя в квартирке неуютно. Да и пахло тут...

— Тебе бы стоило пойти к Делии...

— Я лучше переночую у тётки...

Они заговорили одновременно, и тут же замолкли. Наконец Лука отмер:

— Я провожу тебя.

— Не надо подлизываться, — кисло ответил Жерар, но когда Лука пошёл вслед за ним, уже не возражал.

В дом травницы Лукреций заходить не стал, трусливо опасаясь её реакции, а вместо этого направился в дом Горгенштейнов. Неизвестно, как скоро он сможет найти заклинание, которое сможет отменить проклятье, но есть способ понадежнее. Необходимо было уничтожить материальный носитель проклятия, в данном случае, избавиться от двери, и как можно скорее. А для этого пригодилось бы удобное сподручное средство, наверняка имеющееся в подсобке родительского дома.

Вернувшись к квартирке своего приятеля, Лукреций нанёс на стены руны для отвода глаз, и вооружившись прихваченным топором, принялся за работу. Ни соседей, ни случайных прохожих, кажется, нисколько не волновал тот факт, что в их квартале кто-то просто выламывает чужую дверь топором. То ли руны сработали, то ли место было такое, что всем на всех было наплевать, как бы то ни было, от акта разрушения чужой собственности Лукреция никто не остановил.

Из случившегося Лукреций сделал несколько выводов.

Во-первых, разрушающая и слепящая ярость для такого, как он, просто противопоказанна. В этот раз он с помощью запрещённого колдовства разрушил чужую квартиру, да и ещё чуть не убил Жерара. А в следующий раз... Что, если он обидится на одного из братьев или сестёр? Или на несправедливо оценивающего его знания преподавателя. Неужели тоже их проклянёт, подвергнет опасности? Нет, инстинктам, тянущим его во тьму, нельзя было давать волю, иначе он вскоре станет похожим на одного из тех чернокнижников, которых главные герои побеждали в детских сказках. Таким же сумасшедшим, и самое главное, тупым злодеем, погрязшим в своих маниакальных идеях и мнимых обидах.

Во-вторых, нужно было перестать бездумно хвататься за любые крохи знаний, которые он получал о тёмном искусстве из библиотеки или от Гохра, и наконец разобраться в самих основах. Тёмные заклинания, тем более проклятья, были чрезвычайно опасны сами по себе, а уж в руках такого недоучки, как он, могли и вовсе выйти из-под контроля. Можно было бы конечно вовсе перестать использовать тёмную магию, вот только уже полученные знания, как только сегодня выяснил Горгенштейн, сами так и просились на язык, вырываясь на волю тогда, когда он был зол и расстроен. Значит нужно вплотную изучить, что из себя

представляет тьма, и как её контролировать. А значит, магистра Гохра, до этого мастерски увиливавшего от помощи своему юному ученику под предлогом плохой памяти или излишней слабости, ждал очень серьёзный разговор. Даже если Луке придётся выворачивать тряпичные руки магистра, или угрожать отрезать тому пуговичные глаза, но он заставит выложить Гохра всё, что тот знает!

А в-третьих, как Лука слишком поздно понял, он совсем не предназначен для тяжёлой работы, а от неумелого махания тяжёлым топором на руках могут появиться занозы и кровавые мозоли. Впрочем, дверь он всё-таки разломал.

На следующее утро Лукреций решительно зашёл к отцу в кабинет, и вышел оттуда несколько задумчивым, но довольным, ощущая, как его карман оттягивает мешочек с монетами. Следующим, кого он навестил, был Лекой.

— Я в доле, — сказал Лукреций с порога дома Делии.

— В доле чего?

Жерар выглядел сонным и всё ещё был пропитан гарью и дымом.

— Я собираюсь подключиться к проблеме создания этих ваших волшебных красителей. Вот это мой взнос в отстройке лаборатории, ну и... за проживание в твоей квартире. Если ты не против, я возьму на себя половину оплаты.

Жерар заглянул в мешочек с деньгами и даже попробовал несколько серебряных монеток на зуб, как будто не веря, что Лукреций предлагает ему деньги.

— Откуда? — только спросил он.

— Предложил батюшке поспособствовать вашей идее и попросил гонорар. Отец просто так денег не даёт, но под проект вполне может расщедриться.

Жерар пристально изучал мнущегося Лукреция, выглядящего неожиданно неуверенно.

— Первое, что тебе нужно знать, Лукреций: тебя *в свой* проект я пускать не намерен. Пойми меня правильно — как маг ты очень неплох, да и алхимик из тебя может получиться толковый. Вот только ни к чему конструктивно-созидающему тебя подпускать нельзя. Вот если я захочу создать яд или взрывчатку, тут же к тебе обращусь, но тут предпочту обойтись своими силами. И кстати, насчёт взрывчатки. Как ты умудрился, лишь заглянув в мою лабораторию, уничтожить её на корню?

— Это не я, меня в это время даже в квартире не было, — промямлил Лука, стараясь не покраснеть.

— Ага, значит чистая случайность, что после того, как мы поссорились из-за моей квартиры, у меня тут же появилась причина делать в ней ремонт? Ну ну, поверим на первый раз. В общем так. Деньги я у тебя забираю, для возмещение ущерба...

— Но мой батюшка голов мне снесёт, если я не верну ему деньги! — возмущённо замахал руками маг.

— Дослушай! Забираю деньги для возмещения ущерба и на развитие проекта, за которым ты наблюдаешь издали, и к моим исследованиям не притрагиваешься. Соответственно, на дивиденды и долю тоже можешь не рассчитывать...

— Хотя бы двадцать процентов!

— Пять, и то от моей большой щедрости. В конце концов, тебе и нужно будет только не отсвечивать и наладить нормальное деловое сотрудничество между мной и господином Горгенштейном.

— Тогда десять процентов, за посреднические услуги.

Лукреций не был бы сыном торговца, если бы не смог получить от сделки хоть какую-то

выгоду. Жерар неохотно кивнул.

— Жить тоже можешь у меня, но кровать достаёшь сам или спишь на полу.

— Без проблем, — поспешно согласился Лука. — И... извини, что я был не слишком вежлив.

Жерар прислонился плечом к косяку:

— У тебя какие-то проблемы, в школе или дома, о которых ты не можешь рассказать? — уже чуть более мягко и даже участливо спросил он.

— Да нет, — пожал плечами Лукреций. — Просто в родительском доме из-за племянников слишком шумно, а я сейчас излишне раздражителен. Уже один раз наорал на детей, когда они изрисовали мои тетради с конспектами, а затем поссорился с Анной из-за этого. Хлопнул дверью... ну и ты был первым, о ком я подумал, когда решал, куда идти.

— Если бы ты не отталкивал от себя людей, тебе было бы гораздо проще.

Плечи Луки поникли.

— Ну да, наверное. Но у меня нет особого выбора.

— Как же я мог забыть о том, что ты носитель ужасных тайн, — усмехнулся Жерар.

За его плечом возникла Делия, заставив Луку выпрямиться и придать лицу равнодушное выражение. Перед этой девушкой молодому магу меньше всего хотелось показывать свою слабость.

— Вы тут битый час на пороге торчите, весь дом уже проморозили, — проворчала она, и потеснив Жерара, крепко схватила Лук за руку, затаскивая в дом. — Ну, чего стесняешься? Как будто в первый раз сюда пришёл. Хоть чай с нами попей, а то я тебя даже у твоих родителей не вижу. А я ведь вчера заходила к вам с Томасом!

— Отстань от него, — рассмеялся Жерар. — Ты своим вниманием его совсем достала. Он даже от Горгенштейнов сбежал, представляешь? Будет жить теперь на моей квартире, на условиях домашней прислуги... Полы как я недавно выяснил, он отменно моет.

— Не дождёшься, Лекой!

Лукреций всегда считал себя полностью самостоятельным, и тяготился, если на него обращали внимание. Но хорошее отношение к нему Жерара Лекоя оказалось неожиданно важным для Луки.

«Я не могу быть всегда один. Это убивает меня изнутри». Вот то, в чём Лукреций Горгенштейн никогда не признался бы вслух.

В школе Жерар и Лукреций обычно пересекались только на семинарах магистра Гидеона, поэтому совместное проживание стало для них большим испытанием, тем более что Лука вскоре стал ночевать в квартире не только по выходным, но и в будние дни. Оба мага были в выпускных классах — Лука выпускался с первой ступени, а Жерар со второй, поэтому занятий в школе у обоих было мало: много времени ученикам давали на самоподготовку. Так что они достаточно много времени могли проводить дома, а значит, и сталкиваться чаще. Тесное соседство в маленькой квартирке усугублялось ещё и тем, что и в тайное убежище Гохра они наведывались в одно время, чем немерено друг друга раздражали. В конце концов они просто стали посещать убежище по очереди: Жерар пропадал там по субботам, зато в воскресенье он мог спокойно провести время без Лукреция, работая в лаборатории или приведя домой девушку. Девушки, правда, несмотря на все старания Жерара, пока не намечалось, но маг не оставлял надежды завоевать чьё-нибудь внимание.

Небольшая встряска оказалось именно тем, что требовалось Луке чтобы расставить свои приоритеты. Четыре года, почти четыре года назад он, недоверчивый маленький волчонок, оказался в стенах Орхана. Юный Горгенштейн надеялся тогда, что в Орхане сможет стать сильнее, познает секреты магического мастерства, и может быть, благодаря пониманию магии, научиться управлять тьмой внутри себя. Но почти все предметы, что они изучали, были бесполезны, а догматы о сути волшебства лживы. Их учили не управлять своей магией, а контролировать её. Вся эта школа была вольером для молодых волшебников, местом, где силу не развивали, а сдерживали. Хотя Лука не был высокого мнения о своих одноклассников, он всё же видел, что среди них были и талантливые. Те, кто почти дышал магией. А сейчас живые искры в их сердцах потухли. Выпускники школы Орхан могли лишь копировать чужие заклинания, но не способны были создать ничего нового...

Раньше бы Лукреций просто счёл, что такова человеческая природа — портить всё, что только можно, на корню губить драгоценный талант, полученный даром. Но тогда нужно было признать, что он оказался таким же дуралеем, принявшим правила игры и обманувшимся обещанием научить его магии.

Нет, основам магии Лука, конечно, научился. В достаточной степени, чтобы запугать какого-нибудь крестьянина, но вот защитить себя от настоящих врагов он не мог. Что он мог противопоставить всей мощи Церкви? Зелье от бородавок? Заклятье на лучший удой коров? Ну ладно, он мог использовать ещё и проклятия, только вот едва ли тех бессмертных святых, что стояли за епископом, можно было бы испугать наложением порчи.

«А ведь когда-то мне нужно было лишь одно заклинание, чтобы вернуть давно почившего магистра к жизни», — мысль, которая когда-то наполняла его высокомерным самодовольством, сейчас только раздражала.

Придя в очередной раз в убежище, Лука в очередной, бесплодной попытке листал древние тома, пытаясь найти хоть что-то, что ему могло помочь. В библиотеке Гохра вполне хватало книг по тёмному искусству. Но почти все они рассказывали о тьме так, как мог бы рассказывать о солнечном свете тот, кто всю жизнь был слеп. Сколь противоречивы и пусты были даже описания тьмы!

«Тьма — это мощь первозданного начала».

«Тьма — покой изначальный и конечный, то, что было до материи, и будет после неё».

«Тьма — сила, которую нельзя подчинить, но подчинение которой делает мага поистине великим».

«Тьма — не магия, а лишь порок человеческой души, но порок столь сильный, что способен влиять на реальность одной лишь силой своего желания».

— Бла-бла-бла... бесполезно, — пробормотал маг, раздражённо захлопывая очередной фолиант.

Лишь одно описание по-настоящему зацепило Лукреция. В книге не было туманных и романтических рассуждений о тёмном искусстве, она лишь рассказывала о безымянной богине и о том, кто ей служит. Судя по архаичному, но вполне понятному слогу, книге было не менее трёх, но не более пяти веков. Тот самый период, когда Церковь Иеронима активно вытесняла еретические учения о Иерониме, не говоря уже о языческих представлениях о богах и богинях. И всё же, эта книга сумела сохраниться до настоящего времени.

«Ваши божества лишь забирают, отдавая взамен только пустое обещание вечной жизни. Ваши святые жонглируют чудесами, наказывая одних, и щедро одаривая других. Но та, что скрыта, ни о чём не просит, и ничего не обещает. Она лишь присутствует: в ночи за порогом,

за закрытыми веками, на самом дне вашей души. Везде, где есть тьма. Большинство даже не почувствует её присутствия. Другие смогут ощутить тепло её дыхания на своей коже. И лишь единицы смогут встретиться с ней взглядом и принять её. Все одиноки во тьме, но только не те, кого она признала своими».

Лукреций перечитывал эти строки раз за разом, и всё больше его наполняло ощущение узнавания. В детстве, когда он лежал в постели... разве он не чувствовал порой чьё-то присутствие рядом? И в пустой комнате, он ощущал, знал, что не один... Иногда казалось, что обернись резко — и вот оно, то, что он не может увидеть, стоит за его спиной, на расстоянии вытянутой руки, а то и ближе.

Но он стал старше... и так никого и не нашёл. Во тьме не таились чудовища, но и тайн в ней не было. Лишь пустота и разочарование.

Движимый наитием, Лукреций загасил лампу, оставшись в полной темноте. Было слышно лишь его неровное дыхание. Маг закрыл глаза и лёг на пол, раскинув руки и закрыв глаза. Каменный пол обжигал холодом через рубашку, но эта боль была терпимой, гораздо тяжелее было вынести ощущение беспомощности, которое его обуяло. *Я один, в темноте. Под землёй. Почти мёртвый.*

То ли от холода, то ли от внезапно нахлынувших эмоций тело начала сотрясать мелкая дрожь, но Лукреций заставил остаться себя в неподвижности, и вскоре дрожь прошла. А затем он почувствовал, *что она здесь*. Всегда была здесь, только он не хотел замечать.

Как будто кто-то заключил юношу в тёплые объятия, и прижался своими губами к губам Луки, забирая его дыхание, пробуя его на вкус... *Я вернулся домой и встретил тебя. Ты ждала меня?*

**ВСЕГДА.**

Удар по лицу был ошеломляющ. Лукреций резко сел, жадно заглатывая воздух и панически шаря в темноте глазами, вспоминая все заклинания защиты, которые он когда-либо учил. Он всё ещё ничего не видел, но чувства подсказывали, что обидчик совсем рядом.

— Кто здесь?

— Жив таки, глупый мальчишка!

Голос звучал до противного знакомым. Чертыхаясь, Лукреций нашарил лампу рядом с собой и зажёл её, чтобы встретиться с глуповатым взглядом пуговичных глаз. Магистр. Тобиас Гохр в последнее время был необыкновенно вял, отсидживаясь за книжными полками и просыпаясь лишь только тогда, когда пора было «подкрепиться» кровью Луки. А тут на тебе, проснулся, да и ещё полон злости.

— Чем вы меня так? — хрипло спросил юный маг, потирая лицо. Нос, кажется, пострадал больше всего, едва не скособочившись на бок.

— Знаниями, — красноречиво махнул рукой магистр Гохр на валяющиеся рядом книги. Все они стояли раньше на верхних полках, а теперь в живописном беспорядке валялись вокруг Лукреция. Получается, кукла забралась наверх и просто скидывала книги вниз, пока одна из них просто его не задела.

— Если бы вы мне что-нибудь сломали, то лишились бы своих тряпичных ручек, магистр.

— Эй, хватит мне угрожать! Я же о твоей жизни беспокоился, — возмутилась кукла.

Лука вскинул брови, выражая своё недоумение.

— С чего бы?

— Ну не знаю. Может быть с того, что ты тут решил тихо помереть, прихватив меня с



собою? — огрызнулся Гохр. — Моя жизнь связана с твоей, если ты не забыл, поэтому когда ты перестал дышать, я это более чем хорошо почувствовал.

А ведь Лука действительно чувствовал необыкновенную слабость, да и в груди саднило. Надо же, чуть не умер. Но... то ощущение того стоило. *Её присутствие, её дыхание.*

— Вы кого-нибудь видели рядом со мной? — нетерпеливо спросил Лукреций магистра. Тот сидел сейчас рядом с магом и озабоченно разглядывал разошедшийся шов, соединяющий руку и туловище.

— Здесь же хоть глаз выколи. Я бил на ощупь. Как думаешь, может использовать суровую нитку? Будет конечно не так красиво, как шёлковыми, но зато вата перестанет лезть...

— Да без разницы, — отмахнулся Горгенштейн. — Так видели?

— Ничего я не видел!

— Может быть, слышали или чувствовали?

— Не-а. А что, тут кто-то ещё был?

Магистр встревоженно завертел головой. Лука разочарованно откинулся назад, глядя на куклу с плохо скрываемым презрением.

— Магистр, — насмешливо сказал Горгенштейн. — Великий тёмный маг, обманувший инквизицию и смерть. Вы даже никогда не чувствовали её?

— Кого — её?

— Ту, что живёт во тьме. Богиню.

В голосе Лукреция слышалась необыкновенная мечтательность.

— Чтобы про меня не говорили, я всегда был иеронимцем, а никаким не язычником, и выдуманным божкам не поклонялся. А ты сам, случаем, с сектантами не связался? — встревоженно спросил Тобиас Гохр, немного пятясь назад. Спятил мальчишка, как есть спятил.

Лукреций фыркнул:

— Скажи, сколько тёмных заклинаний вы знаете на самом деле?

— Бесчисленное множество. Но ты, мой юный ученик, к сожалению, пока не готов к большинству из них. Нужны годы практики, медитаций...

— Врёте, — безжалостно оборвал его Лука. — Хорошо, спрошу по-другому. То заклинание, которое вернуло вас к жизни — как вы его изучили? Его нет ни в одной из книг в твоей библиотеке. Вообще ничего подобного по мощи и сложности.

— Мой наставник научил меня всему...

— Вы говорили о себе как о гениальном самоучке.

— Дурацкая ватная голова, ничего не помнит! — пробормотал Гохр, досадливо сжимая тряпичные кулачки. — Ну чего ты ко мне пристал?! Подсмотрел я это заклинание. В одном месте, в котором ты, поверь, никогда не захочешь оказаться.

Горгенштейн, находившийся в дымке эйфории после произошедшего, резко собрался. До этого он слишком был беспечен, позволяя Гохру водить себя за нос и игнорируя нестыковки в его словах. Что ж, настало время выжать из магистра всю необходимую информацию. **Любым путём.**

— Мне надоело выцеживать из вас каждое слово, мне надоело слышать постоянную ложь. Знаете, о чём я подумываю последнее время? — спокойно спросил Лукреций, и тут же сам ответил: — О том, стоит ли мне просто вас уничтожить, или попробовать поставить напоследок пару полезных опытов. В конце концов, когда я ещё столкнусь с подобной

забавной аномалией — душой человека в искусственной оболочке?

Лицо куклы плохо подходило для передачи эмоций, но молчание Гохра было более чем красноречиво. Горгенштейн понял, что наконец заставил магистра принять своего «ученика» всерьёз. Раньше, чем Гохр успел дёрнуться, Лука ухватил того за шкурку и поднял куклу в воздух. Та гневно затрепыхала ручками и ножками, но поняв, что это бесполезно, обмякла в руках мага.

— Ты же говоришь это не всерьёз, а? Это было бы весьма глупо. В конце концов, в этом мире, столь суровом к тёмным магам, нам, чернокнижникам, следовало бы держаться вместе...

— Кончай примазываться, — устало ответил Лука. — Из тебя тёмный маг такой же, как из меня ревнивый прихожанин. То есть ты, конечно, усердно делаешь вид, что тебе не всё равно, и даже немного разбираешься в теме, но понимания сути тёмного искусства в тебе не больше, чем во мне религиозности. Вы бесполезны, магистр, и даже более того — опасны, поэтому подлежите уничтожению. Я полагаю, мне вполне будет достаточно сжечь вашу временную оболочку, чтобы избавиться от вас раз и навсегда.

Тут Гохр просто взвыл:

— Я не могу, не могу ничего рассказать! Я скован заклятием!

— Вот оно как? Но, я полагаю, заклятие, заставляющее вас молчать, было наложено ещё при жизни. Разве оно не должно было исчезнуть вместе с вашей смертью?

— Возможно, но... я не хочу рисковать даже сейчас.

— Ну, как я и говорил, совершенно бесполезен, — пожал плечами Лука, и сняв защитную панель с лампы, прибавил немного огня, намереваясь отправить в него куклу.

— Эльгерент! Тот святой, о котором ты говорил — я боялся о нём говорить, но мы на самом деле были с ним знакомы!

Горгенштейн постарался скрыть возбуждение, опасаясь спугнуть удачу.

— Рассказывайте всё. И если я поймаю вас на лжи, то пеняйте на себя. Я и так был более чем снисходителен к вам все эти годы.

Рассказ был незамысловатым, и касался того периода, когда магистр был ненамного старше Луки. Тобиас Гохр родился с весьма посредственным даром, но благодаря тому, что семья его была достаточно богата, они смогли отдать его в обучение весьма признанному по тем временам мастеру — Тейгу Нейро. Магистр Нейро был уже довольно стар, и к обучению своих учеников подходил без былого рвения, поэтому Тобиас и Людвиг, второй подмастерье, были нередко представлены сами себе. И вляпывались из-за этого в разные неприятности, в основном благодаря непоседливости Людвига, не выносившего скучного корпения за старыми книжками. Впрочем, у него были все шансы доучиться у магистра, и стать весьма успешным магом — в отличие от старательного, но не слишком способного Гохра, магическая наука Людвигу давалась без труда. Но вот незадача — в последний год своего обучения Людвиг бесповоротно влюбился, и именно эта любовь стала причиной его гибели.

Возлюбленной молодого мага стала ведьма. Нет, не магичка с обычным, вполне стандартным даром, и не неграмотная знахарка, верящая в чудодейственную силу своих отваров. Маргарита Ульке практиковала гораздо более страшное, тёмное волшебство.

В те времена, несмотря на то, что Инквизиция лютовала всюю, экспериментов с магией проводили гораздо больше. Молодые маги подпольно собирались, изучая запрещённую литературу или практикуя опасные виды волшебства. Но даже самые смелые из них избегали

касаться тайн тёмного искусства. Людвиг, пожалуй, тоже бы избежал этой напасти, если бы не всепоглощающая страсть к прекрасной женщине с золотыми волосами и серебристым смехом. Маг был слишком очарован, поэтому узнав о принадлежности Маргариты к адептам тьмы, он не оставил её... а бездумно последовал за ведьмой.

— Каждый маг, а порой и обычный человек, обладающий нужным знанием, может сделать несколько шагов в изучении тёмного искусства. Используя ли обычную магию, артефакты, или просто идя вслед за велениями тьмы в своём сердце, — негромко объяснял Гохр внимательно слушающему Луке. — Но то, сколь далеко сможет зайти человек, зависит не только от его собственного желания или полученных знаний. Есть заклинания и тайны, доступные только тем, чей род был выбран для служения Тьме. Таким... таким человеком, безусловно, была Маргарита. Тьма была не только в её душе, но и в её крови, и это делало ведьму демонически привлекательной для мужчин. Чем иначе объяснишь, что Людвиг, а затем и я, помогали ведьме в её колдовстве? Познакомившись с возлюбленной своего друга, я сам не заметил, как оказался замешанным в запретные ритуалы, в скором времени привлёкшие интерес Инквизиции.

Когда схватили всех троих, ведьму и двух «чернокнижников», Тобиас решил, что это конец всему. Но... после нескольких дней допросов, их неожиданно перевезли из казематов Инквизиции в другое место. Гохр не знал, где оно находится — слишком уж он измучен был пытками, чтобы замечать детали, да и с мешком на голове не многое увидишь, вот только столицу они точно покинули.

— Это был храм Иеронима, но... несколько странный. В нём не было ни икон, ни статуй святых, ни расписных витражей. Очень древний храм, возможно один из первых. И алтарь казался весьма необычным, скорее тем, что использовали для жертвоприношений магии древности, а не смиренные священнослужители благословляли бога. И кровь... я увидел на плитах кровь, — хрипло сказал Гохр.

— Те, кто привёл вас туда... использовали кровавые ритуалы? — жадно спросил Лука.

— Да... Маргарита, лишь только попав в храм, начала истошно кричать, но никто не обращал внимания на её крики. Ведьму поволокли в алтарь... и там впервые я услышал заклинание, которое использовал позже, чтобы вернуться к жизни... Церковники применяли ритуал, как я сначала подумал, на ведьму, но на самом деле они хотели пробудить кого-то другого с помощью принесённой жертвы. Маргарита, скованная цепями, корчилась, истекая кровью, хотя никто не прикасался к ней и не ранил её. И всё же, она умирала, отдавая свою жизнь, свою кровь, свою боль... А дрожащие тени за её спиной становились всё гуще, как будто оживая и приобретая иную форму. Я готов поспорить, что видел тогда человеческий силуэт за спиной Маргариты. Мужчину, раскинувшему в стороны руки так, как будто он приветствовал людей, собравшихся здесь ради него.

Когда девушка умерла, настала очередь Людвиг. Его «выпили» ещё быстрее, вот только, очевидно, его жертва была совсем бесполезна. Тень за алтарём потускнела, а священники, проклятые жрецы, использовавшие храм Иеронима для своего гнусного ритуала, выглядели удручёнными.

— Тот, кого остальные звали братом Эльгерентом, сказал... сказал, что Людвиг был *пустышкой*. Как я понял, мой друг, лишь затронутый тьмой благодаря Маргарите, но не являющийся настоящим тёмным магом, оказался не подходящей жертвой. Из-за него обряд пошёл не так, и те священники, поняв, что я тоже буду бесполезным, остановили ритуал. Вот и всё, что произошло тогда.

По непроницаемому выражению лица Лукреция было сложно сказать, что он думал в тот момент.

— Вам повезло больше, чем тем двоим, вы выжили, — наконец сказал юный Горгенштейн. — Невиданная удача! Неужели они отпустили вас после всего того, что вы видели, взяв лишь клятву молчания? Не похоже на то, как действуют фанатики, до этого легко принёсшие в жертву двоих человек. Такие не оставляют свидетелей.

— Я не был виновен! И... признаюсь, мне немного стыдно, но я откупился. Моя семья была богата, и я смог убедить тех страшных людей в том, что моя жизнь может быть гораздо им полезнее, чем моя смерть, — жарко бросился доказывать Гохр свою версию событий.

— И тот ритуал, благодаря которому вы ожили... вы умудрились запомнить его и удачно воспроизвести спустя годы, лишь единожды взглянув на него в храме? И заклинание, должно быть, запомнил с первого раза на слух. Вы были гениальны, магистр!

Насмешку Лукреций даже уже не скрывал.

— Я не вру! Я готов подтвердить это даже под заклинанием правды!

Лука расстегнул ворот рубашки, демонстрируя висящий на шее амулет.

— Не стоит. Я заранее запасся одной вещицей, надеюсь, что мне удастся сегодня с вами продуктивно побеседовать. Удивительно, насколько же вы слабы, что даже не почувствовали амулет правды и не смогли его нейтрализовать... Впрочем, хотя он и не раз нагревался, ожогов на мне он так и не оставил, а значит, вы действительно не врали в большинстве случаев. Вот только умолчали о многом, вероятно, желая себя обелить. Скажите, была ли ваша вина в том, что на Маргариту вышла Инквизиция?

— Н-н-нет, — жалко произнёс Гохр.

Горгенштейн поморщился:

— Врёте.

— Я лишь хотел спасти друга от чар злой колдуньи! Я не думал, что он пострадает тоже...

— И что вас тоже примут за её приспешника, вы тоже не думали. Я дам вам ещё один шанс, и если вновь услышу ложь, то...

— Я понял. Я отвечу как есть... надеюсь, если не на милосердие, то хотя бы на ваше благоразумие, господин, — кукла понурила голову, застыв напротив Лукреций.

— Хорошо. Тогда скажи, почему вам оставили жизнь?

— Потому что сочли, что я мог быть полезен... Эльгеренту и его ордену нужны были послушные маги.

Лука хищно поддался вперёд:

— Ордену Еноха?

Гохр кивнул, сверля пол пуговичными глазами.

Дальнейшая история магистра была весьма предсказуемо. Раз предав своего друга, Тобиас Гохр остался предателем на всю жизнь. Благодаря тому, что магистр имел некоторое представление о тёмной магии, он легко выходил на молодых чернокнижников, втирался им в доверие, и отдавал их в руки святым братьям... Гохр занимался этим десятилетия, выкупая свою жизнь чужими, а затем стал помогать и в проведении *ритуала призыва*. Столь близкое знакомство с тёмным искусством и енохианскими традициями, сильно завязанными на использовании тьмы, хоть и не сделало из Гохра настоящего тёмного мага, но помогло ему самому обмануть смерть.

— Обмануть так же, как это сделал Эльгерент и тот второй, который невидим? —

задумчиво уточнил Лука.

— Про второго не знаю, но Эльгерент, если судить по твоим рассказам о вашей встрече, достиг гораздо лучших результатов, чем я. Тело-то у него своё. Но... мой ритуал призыва лишь бледная тень того, что использовали в том храме. Должно быть, енохианцы пытались разбудить кого-то на самом деле древнего... и весьма могущественного.

— Ещё одного святого?

— Или тёмного мага. Ритуал то сам по себе странная смесь иеронимских традиций и тёмного искусства. Как бы то ни было, не хотел бы я на самом деле быть очевидцем воскрешения той тени. До сих пор как вспомню об ощущениях в том храме, так и мурашки по телу, — Гохр обхватил свои плечи плюшевыми ручками и жалобно взглянул на мальчишку: — я на самом деле не знаю, для кого именно был предназначен тот ритуал, да и об Эльгеренте, помимо его имени, я ничего особенного не мог сказать. Но если тебе интересен орден Еноха, или деятельность святых братьев, то возможно, я бы мог что-нибудь рассказать. Прошу тебя, Лукреций, сохрани мне остатки моей жалкой жизни. Позволь искупить прошлые злодеяния против моих братьев и сестёр по магии!

Конечно же, Горгенштейн несколько не поверил ни смирению магистра, ни его ложному раскаянию. Трусливый, подлый предатель, продавшийся енохианцам. Но... такую жалкую жизнь в столь слабой оболочке магистр безусловно заслужил едва ли не больше, чем смерть.

Гохр перестал быть его союзником, но всё ещё оставался неплохим источником информации.

Лукреция Горгенштейна сложно было назвать увлекающейся натурой. Если что-то его интересовало, но он не мог этого получить, то Лука спокойно отвлекался на другие, более доступные цели. Впрочем, юноша никогда не хоронил свои идеи окончательно, скорее просто дожидался удобного момента для их воплощения. Терпеливым и осторожным, вот каким был молодой маг, и это его не раз выручало.

Но сейчас Лука не мог, да и не хотел выжидать. Новое понимание собственной природы, информация, полученная от Гохра, вынуждали его вложить в решение проблемы всего себя. Поставить всё на кон, и в случае проигрыша — стать ещё одной жертвой в ритуале енохианцев. «Впрочем, если я ничего не буду делать, это закончится также, так почему бы не рискнуть?».

Нужно было перехватить инициативу: не ждать, пока его приведут к жертвенному алтарю связанным и беспомощным, а... найти тот храм самому. Выяснить, что за тварь там поселилась, и найти способ её нейтрализовать. Или ещё лучше — перехватить контроль над ней, если это возможно, и натравить на самих енохианцев.

Гохр отчего-то отказывался считать эту идею гениальной:

— Ты не справишься с магией того храма, мой мальчик, как бы ты не старался.

— Почему бы и нет? Я и так уже благодаря вам немного знаком с ритуалом возвращения из мёртвых...

— С моей версией этого ритуала. Сильно упрощённой. Оригинальное заклятие весьма сложно.

— Для этого мне и нужно взглянуть на сам храм! Возможно, я смогу почувствовать и понять больше, чем вы!

Большинство магических заклинаний состояло из трёх компонентов: слово, символ,

действие. В заклинаниях обычно использовался древний, давно уже мёртвый язык, и значения многих слов уже потерялись. Поэтому магам в основном приходилось просто заучивать заклинания, иногда и вовсе не понимая, что именно лежит в его тексте. Символы, чаще всего руны, могли повторять и усиливать смысл слов, а могли их дополнять или в худшем варианте исказить его. С ними было чуть получше, чем с вербальной частью заклинаний: не считая рун Виарди, остальные руны были почти полностью изучены и описаны. В некоторых случаях графические знаки заменялись жестами: таких магических пассов набиралось около двух дюжин, а их сочетаний чуть более сотни. В общем, ничего такого, что нельзя было освоить за два-три школьных курса. А вот с магическим действием всё было одновременно проще и сложнее. В основе действия лежало два компонента: сама магическая сила, сырая энергия, которая без должного внимания могла уничтожить своего носителя; и воля человека — то, что направляла эту силу, давала ей цель. Отсутствие ясного понимания цели, представления о том, *как оно должно было быть*, и становилось чаще всего причиной неудач, а то и катастроф. К примеру, то же заклинание левитации было достаточно простым в своём исполнении: всего несколько слов, пара базовых жестов... и всё же большинство магов так и не могли воспарить над полом даже на высоту одной ладони, не говоря же о нескольких метрах. Некоторым мешал взлететь глубоко спрятанный страх высоты, а иные просто настолько не могли поверить в то, что человеческое тело способно на подобные чудеса: дескать, как же, без крыльев, и летать. А то, что ты бессознательно считаешь невозможным для себя, никогда не сработает, как бы ты не твердил себе о своих великих талантах в магии. Лука, будучи человеком, твёрдо стоявшим на земле, в этом убедился на собственной шкуре.

Поэтому-то и необходимо было Луке лично увидеть тот храм и место, где проводился ритуал. Понимание *воли заклинания*, его внутреннего наполнения, могло дать ему больше, чем знание слов или рун. Очутиться там, прикоснуться к алтарю, и может быть, почувствовать силу того, кого енохианцы так старательно призывали... Только это поможет освоить ему заклинание и обратить его против своих врагов.

— Ты-то сможешь, — проворчал Гохр. — Если тебе не станет там дурно.

— Да бросьте, — махнул беспечно Лука. — Я столько в своё время отстоял в храмах, что мог вытерпеть, даже если сам Иероним решит лично меня благословить. Да и без активации заклинания не думаю, что мне что-то может грозить.

— Мне всё же придётся остудить твой энтузиазм: я просто не знаю, где находится енохианский храм.

— Вы же были там многократно! — возмутился маг.

— И во всех случаях с завязанными глазами. Святая братия не слишком-то хотела, чтобы колдуны знали об их тайнах больше, чем необходимо. Конечно, я кое-что смог понять: мы ехали по мало оживлённой дороге, и путь наш занимал примерно двое-трое суток.

— Местечко довольно заброшенное, и не так далеко от столицы...

Лукреций, порывшись на книжных полка, достал наиболее полную и подробную карту старой Гортензы, и расстелив её на столе, опустил Гохра рядом.

— Из каких ворот вы обычно выезжали?

— Северных... Да, вроде бы там.

— Хм, в той стороне есть небольшой городок к северо-востоку, но он, даже если не торопиться, гораздо ближе к столице. А дальше, дальше...

Взгляд Луки застекленел.

— Эй, ты чего? — встревоженно спросил магистр.

— Нейдельские топи. Сотни акров земли, которые не пригодны для возделывания или проживания на них.

— Ага, в наше время там бандиты от правосудия прятались. Правда, самые отчаянные. Недобрые то земли, опасные... Король наш, Жейдвиг Красивый, как-то повелел магам осушить местные болота, да потом отменил свой приказ.

— Дай угадаю — Церковь воспротивилась?

— Сам Папа. Дескать, то, что за грехи нам дадено, должно само уйти, а использование колдовства лишь большее проклятие нанесёт. А почему именно эти болота привлекли твоё внимание?

— Потому что более чем вероятно, что именно здесь когда-то находился Шелгор — город, уничтоженный Эльгерентом. По крайней мере, так гласит легенда. Впрочем, у неё есть некоторые основания. В некоторых книгах по землеописанию пишут, что в Нейделе иногда можно наткнуться на руины, не ушедшие под воду. Возможно среди этих руин есть и енохианский храм. Но... — Лука грустно вздохнул. — В одиночку туда конечно не сунешься. Бандитов конечно почти всех повывели, но и без этого заблудиться, а то и утонуть в тех болотах проще простого. Без точных координат мы по болотам будем рыскать месяцами, а у меня есть чуть больше месяца, прежде чем Бромель утащит меня в свою паломническую поездку. Вот если бы у меня было что-то из этого храма, то поиски бы удалось ускорить.

Рассеянный взгляд Луки остановился на Гохре, невинно оглядывающегося по сторонам. На лице мальчишки появилось расчетливое выражение.

— А ведь вы, магистр, тот ещё хитрец. Наверняка ведь спёрли что-нибудь из храма под шумок?

— Да не было такого, чего говоришь то... — забормотал тот, нервно теребя рыжую косу из ниток.

— Магистр, на мне всё ещё амулет правды, и он пока не выдохся.

Кукла тяжело вздохнула.

— Хорошо, посмотри в тайнике. Я о нём не говорил, не видел необходимости. И не смотри на меня так! Ты мальчик не глупый, сам можешь заработать! Третий стеллаж от двери, вторая полка сверху... там, где стоит том по ядоделанию, нужно нанести руну «зус» и произнести заклинание открытия. Ты вроде его знаешь.

И всё же, Тобиас Гохр инвестировал свои средства не только в знания, но и во что-то более весомое. Собираясь вернуться после своей смерти, он спрятал в своём убежище с десяток золотых украшений и драгоценных камней. За всем этим немереным богатством Лука не сразу заметил обычную серую пластинку, запачканную в чём-то тёмном.

— Это кусочек плитки из того храма. На нём кровь Маргариты, а может и моего друга... Я вынес его в тот день совершенно случайно, а затем не хватило духу его выкинуть. Частичка храма и кровь из него... Я думаю, это будет более чем достаточно, чтобы найти тот храм. Вот только я всё ещё считаю, что отправляться туда в одиночку глупо.

— А кого мне ещё туда тащить? Только Лавель, и в какой-то степени Жерар знают о моих тайнах. Но Жерара я втягивать в это не хочу, да и едва ли он захочет влезать в авантюру накануне сдачи выпускных экзаменов. А Лавель даже не маг, от него не будет пользы.

— От священника в храме? Ну-ну...

Лука повёл плечами, как будто даже отметая эту мысль:

— Как бы то ни было, я не желаю, чтобы Лавель в это лез. Я-то и без благословения

святош проживу, а вот мой брат... он верный сын Церкви.

— Боишься, что он разочаруется в своём служении, или в тебе?

— И это тоже. Неважно, — Лука потёр шею, пытаясь ослабить напряжение в мышцах. — Давай работать. Нужно ещё многое сделать, чтобы попасть в храм без проблем, да и ещё выбраться живыми.

На следующий день Жерар Лекой, спустившийся в книжное хранилище, застал картину столь же странную, сколь и умилительную. Лукреций Горгенштейн, каким-то образом удержавшийся на самом краешке стула, положил голову на стол и сладко посапывал в окружении книг, записей и карт. Подушкой ему служила неприятно знакомая, и всё ещё немножко пугающая Жерара кукла.

подавив в себе желание влезть в чужие записи, Жерар растолкал Луку, насладившись полным муки стоном.

— Ты чего кряхтишь, как столетний дед? — жизнерадостно спросил Лекой, занимая освободившееся место и брезгливо отодвигая от края стола куклу. Всё-таки странный этот Лука.

— Кажется, спину застудил. Ты чего так рано?

— Сейчас уже первый час пополудни, если хочешь знать.

Лука чертыхнулся, вспомнив, что обещал матушке забежать к обеду. Впрочем, уже явно было поздно, да и не хотелось ни с кем общаться. Лучше завалиться к себе на квартирку, обмозговать ещё раз ситуацию. Маг запихнул в сумку свои записи — результат бессонной ночи, а затем, чуть подумав, и куклу. Жерар задумчиво склонил голову, разглядывая своего приятеля.

— Можно было бы подумать, что ты впал в детство, но ведь не всё так просто, да? Эта жуткая игрушка — амулет или что-то подобное?

— Что-то подобное, — пробурчал Лука, не желая вдаваться в подробности. Поспешно расставил книги по своим полкам, а затем скомкано попрощался с Жераром, не желая подвергаться лишним вопросам.

В этот раз обратная дорога казалась особенно долгой. Лука привычно шмыгнул мимо городских ворот, и решив сэкономить время, срезал путь через квартал цветущих вишен — место, известное не только своими борделями, но и тем, что едва ли не каждое утро стражники находили здесь трупы зарезанных, ограбленных, а то и просто упившихся до смерти людей. Обычно Лука здесь не ходил, не желая нарываться на проблемы, которые непременно бы ждали чистенького, явно обеспеченного мальчишку, но он всё ещё был в школьной форме, а с магами местный сброд предпочитал не связываться. Хотя в спину плюнуть могли запросто — простой народ не слишком любил колдунов.

В эти часы улицы квартала вишен были ещё полупусты. Они оживут ближе к ночи, наполнятся пьяным смехом, запахом терпкого табака и приторных духов. Сейчас же Луке попадались лишь голоногая ребятня да старики-цыгане, греющиеся на тёплом солнышке. Поэтому молодая женщина с корзинкой, одетая по местным меркам весьма скромно, и также как и Лука, куда-то спешащая, привлекала к себе внимание. Лука быстро скользнул по ней взглядом, обгоняя, а затем резко остановился и обернулся.

— Делия?

Тётка Жерара вздрогнула и остановилась. При виде Лукреция глаза её округлились.

— Ты чего тут делаешь, Лукреций? Разве ты не должен быть на учёбе?



— Сегодня выходной день...

— Да, точно, — кивнула Дели, немного напряжённо улыбаясь. — Хотя мне казалось, что ты учишься круглосуточно и семь дней в неделю. Я тебя не видела с той вашей ссоры с Жераром. И кстати Томас говорил, что твоя матушка жалуется на то, что ты совсем пропал. У тебя всё хорошо?

— Сойдёт, — пожал плечами юный маг. — А ты...?

— По работе, — поспешно сказала Дели. — Хочу отнести лекарства одной... давней клиентке.

— О-о-о, — Лука чуть нахмурился: — послушай, это конечно не моё дело, но Томас знает, с какого рода клиентками ты общаешься?

— О нет, ты явно не о том подумал! Эта дама чуть более уважаема.

Судя по недоверчивому взгляду, травнице не слишком то поверили.

— Так чего же эта уважаемая дама живёт здесь?

— Не у всех есть средства, чтобы решать, где им жить, — нравоучительно ответила Делия, да и она слишком немолода, чтобы подвергать свою жизнь резким переменам и переезжать куда-то.

Рядом с Делией и Лукой остановился шатающийся усатый мужик, пристально разглядывая молодую женщину.

— Красотка какая, — плотоядно сказал он. Дели брезгливо повела плечами, плотнее запахиваясь в шаль.

— Иди куда шёл, — резко ответил Лука. Выпивоха было набычился, но наткнувшись на недружелюбный взгляд мальчишки, отчего-то резко побледнел, отчего-то струхнув.

— Пршу прщения.

Проводив недовольным взглядом поспешно удаляющегося пьяницу, бормочущего что-то о «глазах мертвеца», Лука вновь обернулся к Делии.

— Тут не безопасно. Ты не должна появляться здесь одна! — ультимативно заявил юноша.

Делия скрестила руки на груди, и вскинула голову, насмешливо глядя на Луку... и только сейчас поняла, что мальчишка уже перерос её на полголовы.

— Эй, да ты стал совсем взрослым. Даже научился заботиться о других, — задумчиво сказала ведьма. — Впрочем, ты ведь весьма похож на Томаса, а он считает нужным отвечать за всех и за вся. Ладно, почему бы тебе не проводить меня до моей клиентки и обратно?

Маг, до этого спешащий домой, был пойман врасплох. Но нехорошо ведь отпускать свою будущую родственницу гулять по столь опасным местам. Да и любопытно было бы узнать о Делии немного больше.

— Ну пойдём. Надеюсь, это недалеко, — проворчал Горгенштейн.

— О нет-нет, совсем близко.

Случайная встреча с Лукрецием вызывала у Делии Лекой противоречивые чувства. С одной стороны, она сама на протяжении нескольких недель пыталась найти возможность и повод, чтобы вытащить его к Белой. Но чаще всего не могла даже с ним поговорить. Юноша слова вода ускользал из её рук, вечно где-то пропадая. И вот теперь, когда времени почти не осталось, и тайное противостояние с енохианцами за наследников тёмной силы вот-вот грозило закончиться поражением... этот мальчишка появляется словно бы из ниоткуда, и сила его, до этого тщательно скрытая, плескается в нём так, что это чувствует не только она, а даже обычные смертные. Это ли не провидение, знак того, что Богиня из Тьмы им

благоволит?

Идти было и правду недалеко. Двухэтажный, покрашенный в невзрачный серый цвет дом выглядел по сравнению с другими достаточно ухоженно. На окнах дома виднеются цветы в кадках, стёкла сияют чистотой, да и крылечко на удивление чистое и аккуратное. Будто бы и не в квартале цветущих вишен они, а где-то в пригороде. Делия, явно нервничая и волнуясь, несколько раз ударила в дверной молоток, и дверь почти тут же открылась.

— Дели, ты весьма вовремя. Надеюсь, ты не забыла принести то, что обещала? — донеслось из глубины дома. Голос казался достаточно молодым и сильным, хотя маг уже представлял хозяйку дома как даму пожилую и немощную.

— Я не одна. Меня любезно проводил друг моего племянника... я встретила его *случайно* по пути. Позвольте представить вам — Лукреций Горгенштейн.

Делия чуть отодвинулась в сторону, позволив Луке наконец увидеть хозяйку дома. Странная женщина, и какая-то неприятная, хотя на вид действительно кажется вполне себе леди. Смотрит, не отрываясь, на него своими тёмными глазами, и хмурится, как будто-то увиденное ей не нравится. Может, с его внешностью что-то не так? Или, вероятнее, она просто испугалась мага.

— Я подожду вас у крыльца, фрау Лекой, — напуская на себя равнодушный вид, сказал Лукреций. Будет он ещё напрашиваться! Но женщина наконец отмирает.

— Нет, ни в коем случае. Я не собираюсь держать столь долгожданного гостя на пороге. «Долгожданного?» Видимо, недоумение всё-таки появляется на его лице, потому что хозяйка улыбается, по-женски коварно и загадочно.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Я всё объясню. Проходи в дом, Лукреций.

Проходя по узкому коридору вслед за хозяйкой, Лукреций склоняется к уху задумавшейся Делии:

— Как мне называть эту фрау?

— Как она сама представится, — бросает странный ответ Делия.

— Что-то она не спешит это делать.

Присаживаясь на кушетку в гостиной, Лукреций с любопытством оглядывается, пытаясь понять, кем действительно является хозяйка этого дома. Ничего лишнего: ни кружевных салфеточек, ни пасторальных картин на стенах, даже мебель лишь самая необходимая. Всё слишком безлико, что говорит либо о том, что живущая здесь женщина либо редко пользуется этой комнатой, либо имеет очень много секретов.

— Дели, сходи, приготовь нам с господином Горгенштейном чай, — седовласая фрау садиться в кресло напротив юноши, дружелюбно ему улыбаясь. — У тебя есть вопросы, Лука?

«Откуда у меня такое странное чувство, будто меня втягивают в неведомую мне игру, правил которой я не знаю?». Лукреций с деланным равнодушием пожимает плечами, решив для себя, что совсем не хочет разгадывать чужие тайны, которые ему так настойчиво суют под нос.

— Я лишь сопровождаю фрау Лекой. И хотя я благодарен за ваше гостеприимство, но мне бы хотелось как можно скорее вернуться к своим делам.

По лицу хозяйки пробегают неудовольствие, но голос остаётся таким же ровным.

— Юность вечно куда-то спешит, не понимая, что самое важное обычно оказывается здесь и сейчас — протяни руку и возьми. Я слышала, ты спрашивал у Дели, как меня зовут.

Местные обычно называют меня Белой гадалкой, но мне было бы приятно, если бы ты звал меня Медеей.

— Это языческое имя, не удивительно, что вы не хотите, чтобы его знали. Едва ли Церковь благосклонно бы к этому отнеслась, как впрочем, и к вашей профессии.

Осторожность в Луке борется с любопытством, и явно проигрывает. С гадалками ему дело ещё не приходилось иметь, а предсказания в Орхане не преподавали как лживую науку. Ведь известно, что всё в руках господ, и человеку не дано узнать будущее, а значит, эта Медеея — шарлатанка, дурящая простых горожан.

— Ты прав, Церковь к нам не очень снисходительна. Спасибо, дорогая, — Медеея благосклонно кивает Делии, поставившей перед ней и Лукой поднос с бисквитами, чашками и чайничком. — Как, впрочем, должно быть и к тебе.

Лукреций опустил взгляд, делая вид, что его интересует плавающая чайника в чашке.

— Магов не слишком любят, вы правы, но даже папа признаёт нашу полезность.

— А уж сколь снисходителен епископ Бромель! — в тон подхватывает гадалка. — Он весьма покровительствует тебе, насколько я знаю.

— Я должен поверить, что вам это сказали карты?

Горгенштейн хмурит тёмные брови и отодвигается от сидящей рядом Делии. То, что та сплетничала о нём с какой-то шарлатанкой, задело его больше, чем должно было бы.

— Лукреций, я сказала госпоже об этом лишь потому, что она может тебе помочь. Мы обе понимаем что ты не стал бы сотрудничать с Бромелем ни в чём, — мягко говорит девушка. — Он принуждает тебя... к чему-то очень плохому, да?

Тут до Лукреция начинает доходить, о чём толкуют две эти сумасшедшие, и жаркая волна стыда опалает его щёки. Он слышал порой от своих одноклассников о неподобающем поведении некоторых священников, но неужто они могли подумать, что он... и епископ... Да ни в жизнь!

Горгенштейн вскакивает, нервно расстёгивая верхние пуговицы у рубашки.

— Я ухожу. Не намерен слушать ваши непристойности!

Делия и Медеея недоумённо переглядываются.

— Ну... Наверное, это не очень приятно, но едва ли это может порочить тебя, Лука, — мягко говорит Делия, пытаясь взять его за руку. — В конце концов, от тебя не многое зависело...

Лука взрывается:

— Хватит!

Едва не опрокинув стол, парень рванул к приоткрытой двери. До неё оставался шаг, когда она с грохотом перед ним захлопнулась, а замок сам защёлкнулся.

Но что ещё более интересно, он почувствовал магию... весьма узнаваемую магию. Медеея умела колдовать, и кажется, использовала в своих заклятиях и тьму.

Горгенштейн оборачивается, неверяще глядя на вставшую вслед за ним гадалку:

— Вы... волшебница?

На красивом лице гадалки появляется не слишком приятная улыбка, холодная и презрительная.

— Ведьма. В Орхане я никогда не училась. Впрочем, как и Делия. Что не мешает нам колдовать не хуже ваших лучших выпускников.

От вороха мыслей и предположений голова Луки начинает болеть.

— Ты тоже, Дели? Томас знает? А Жерар? — бормочет он едва слышно, но Делия,

кажется, его отлично слышит.

— Нет, Томас не знает, — смущённо отвечает фрау Лекой, но сейчас молодой маг не верит ни этому смущению, ни самой Делии. Впрочем, бедный Томас наверное и на самом деле ничего не знает о коварстве своей невесты. — И мой племянник тоже. В нашем роду тёмный дар передаётся только по женской линии.

Значит, Делия тоже тёмная ведьма. И она знала, давно, возможно с самого начала, кем был Лука. И поэтому и была столь дружелюбна с ним. Зато стало понятно, что он совсем не верно растолковал намёки про епископа. Медея не имела в виду ничего дурного, но говорила... о ритуале очищения?

— Сядь, — мягко, но непреклонно говорит Медея. — Мы должны поговорить.

Лукреций упрямо мотает головой, сдвинувшись лишь к окну. Решётки на первом этаже нет, а значит вполне можно, создав дымную завесу, ускользнуть через окно. Впрочем, пока эти две не пытаются его зачаровать, можно было утолить собственное любопытство.

— О чём поговорить?

— О твоей силе, о твоих проблемах с церковью и о том, как из них лучше выпутаться.

— Проблемах?

— Разве то, что Бромель собирается взять тебя с собой в паломничество, не проблема?

— О-о-о, вы даже не представляете себе, какая!

— Вполне представляю, — сухо говорит Медея. — Доминик Бромель — енохианец, а эти святые братья виновны в смерти многих наследников тёмной силы. Не только настоящих чернокнижников, но и даже тех, в ком были лишь зачатки тьмы. Стоило кому-то из нас привлечь внимание ордена, как он тут же пропадал... Ты, впрочем, несмотря на долгое знакомство с Бромелем, всё ещё жив и на свободе. Очевидно, енохианцы решили подождать, пока ты войдёшь в полную силу, чтобы использовать с большей эффективностью. Небольшой маленький эксперимент, который, надеюсь, обойдётся им боком.

Вот тут Луке становится на самом деле интересно:

— Вы знаете про енохианцев? И про... ритуал, в котором они используют тёмных?

— Ты про отъём силы или про жертвоприношение? Мы знаем кое-что, — спокойно кивает Медея, не отводя от юноши прекрасных тёмных глаз. — Впрочем, не так много, как хотелось бы. Ты, судя по всему, тоже успел набрать информации о наших давних врагах, так что мы могли бы обменяться ею и помочь друг другу. В конце концов, мы на одной стороне.

Гогенштейн нервно фыркает:

— Бромель вначале тоже говорил о помощи. И чем всё это для меня обернулось? Впрочем, я бы даже наверное обрадовался существованию таких же, как я... братьев... нет, сестёр по силе. Если бы вы честно открылись передо мной с самого начала, а не подсылали свою шпионку. Поверить не могу, Дели! Ты собираешься окольцевать моего брата лишь только для того, чтобы заручиться моей поддержкой в вашем противостоянии с енохианцами!

— Нашим противостоянием, Лука. Тебя оно тоже коснулось. И я с Томасом не только из-за тебя! — возмущается, правда несколько фальшиво на взгляд Луки, Делия.

Лукреций, грохоча башмаками, возвращается обратно, и скрестив руки на груди, садится.

— Ну, — несколько высокомерно говорит он. — Рассказываете всё что знаете, и без утайки, если хотите, чтобы я вам помогал.

Медея тяжело вздыхает, и тоже усаживается в кресло, промакивая мокрое пятно от чая,

разлившееся на столе от резкого движения Луки.

— Вот так, моя девочка, — обращается она к Делии, — и ведут себя *настоящие* тёмные маги. Высокомерно, презрительно, и совершенно безрассудно. Неудивительно, что в отличие от нас, ведьм, наследники тёмной силы были уничтожены. Не считая тебя, Лукреций. Ты знаешь, к какому роду Тьмы ты принадлежишь, Горгенштейн?

Лукреций нервно облизывает пересохшие губы.

— Нет. А а вы?

Женщины переглядываются, и наконец Медея пожимает плечами:

— Есть некоторые догадки. Выбор не так уж велик. Всего учеников... первых тёмных магов, положивших начало семьям, где сила передавалась только через сыновей, было трое. Рейт Дуан, Махран Фарух... третье имя не будет названо, так как среди нас он получил иное прозвание — Предатель.

— Не хотелось бы мне оказаться связанным кровными узами с кем-то, кто получил такое прозвище, — скривил узкие губы Лукреций. — А вот второй... Махран, да? Я слышал его имя. Вот только от кого, не помню.

Ведьмы вновь обменялись взглядами.

— Что ж, возможно, ты вспомнишь больше. Как бы то ни было, все эти три рода до недавнего времени считались вымершими. Предатель... у него не было потомков. Говорят, он был проклят бесплодием. О роде Фарух я тоже давно же ничего не слышала. Впрочем, он был всегда достаточно малочисленен, и держался особняком. В последний раз, когда я слышала что-то о Фарухах, речь шла о маге из Виарди... как там его звали, Дели?

— Палеос Фарок. Так его звали местные, — подсказала Лекой.

— Да, точно... уроженец юга, решивший, что сможет скрыться в Виарди. Имело смысл, с учётом того, что тёмных магов в этой стране не преследовали. Он был правой рукой местного князька, пока не помер от его же рук. Стал жертвой чужого наговора. Оказалось, что виардцы тоже не слишком доверяли тёмным. Это был последний тёмный маг, о котором я слышала. Это произошло... да, лет семьдесят назад.

— Вы неплохо выглядите для своих лет, фрау, — удивлённо покачал головой Лукас. Неужели эта Медея, так же, как и Эльгерент, сумела обмануть свою смерть? Сколько ей? Сотня, две... может быть тысяча лет?

— Благодарю, — с достоинством ответила Медея. — Я продолжу. Рейт Дуан был гораздо более плодовит. У него было семеро сыновей, каждый из которых был рождён магом и смог унаследовать тёмный дар. Один из них, кстати, и убил самого Рейта. Говорят, это был младший из сыновей, решивший пойти против отца, чтобы избавиться от его власти над собой.

— Как я его понимаю, — пробормотал себе под нос Лука, вспомнив свои ссоры с отцом. Поймав косой взгляд Делии, он поспешно поправился: — Понимаю, но не одобряю.

— Да уж, отцеубийство не пошло ему на пользу, — сухо сказала Медея. — Остальные братья отомстили за отца... с той жестокостью, на которую только способны тёмные. Как бы то ни было, род Дуанов был славен и велик... но потомки Рейта, как и он, были излишне самодовольны и горды. Слишком... яростны, и поэтому они, вместо того, чтобы вести тайную борьбу с Церковью, пытались в открытую ей противостоять. Жиль Одноглазый, Роккан Сейд, Итран Доан, Золг Враг... я уверен, ты слышал все эти имена.

— Враги Церкви, дьявольские отродья, нечестивцы и еретики, будь прокляты их имена, — как будто он был на уроках Шварца, отбарабанил Лука.

— Да. Хотя они и были убиты церковниками, слава их жива и поныне, — как-то горько усмехнулась гадалка. — Все они были Дуаны, так или иначе. И многие ещё, чьи имена помним только мы и енохианцы. Скорее всего, ты тоже дальний потомок Рейта.

— В моей семье нет никаких упоминаний о знаменитых предках. Мой дед был офицером, а его дед... Хорхеншгарн, так звучало имя моего рода тогда, был родом с дальних западных земель — княжества Сильве. И никаких упоминаний о том, что кто-то из моих предков был магом, тем более тёмным.

— Такие вещи, знаешь ли, скрывают, — пояснила Делия, задумчиво терзая в руках последний бисквит. Лукреций жадно взглянул на него, но ничего не сказал. — Тем более скрывают от тех, кто этим даром не обладает. Возможно, тёмный дар вашей семьи прервался на слишком большое время, чтобы его можно было передать из рук в руки или другим способом. Так что ни удивительно, что ты ничего об этом не знаешь. Есть шанс... что ты последний тёмный маг на этой потерянной земле.

Ну, последним Луке было не привыкать быть. Интересовало его сейчас другое.

— Говорите, что тёмный дар передавался от сына к сыну? А кто же тогда тёмные ведьмы?

— Мы — наследницы дара по женской линии. Наши сыновья растут обычными людьми, или реже становятся магами, но тёмный дар могут наследовать лишь дочери. Всего кланов ведьм было шесть, но сейчас осталось только четыре семьи. В Улькире нас всего лишь — Делия, наследница крови Сайо, и я, Медея Орфа. Во всей Гортензе я знаю, есть ещё семь ведьм, две из которых, как и Дели, Сайо.

— Дальние кузины, — кивнула Делия. — Также ведьмы есть и Виарди, и в Сильве, откуда родом твои предки, Лука. Мы стараемся поддерживать связь, но это не так просто.

Медея тяжело вздохнула.

— Одну из нас схватили несколько лет тому назад. К нашей удаче, она досталась не енохианцам, а другим, менее... просвещённым братьям. Так что они её просто сожгли.

— Вот свезло так свезло, — скривился Лука.

— Н, если бы она попалась бы к енохианцам, смерть бы её была не менее мучительна, а вреда бы нам принесла гораздо больше. Так что да, свезло, — пожалала плечами Делия.

— А Маргарита Ульке, — внезапно спросил Горгенштейн, вспомнив о подруге Гохра, — кем была она?

— Маргарита... — с неожиданной тоской произнесла Медея, устало потирая лицо ладонями. — Она была моей дочерью. Очень давно. Один... один из святых братьев ордена Еноха, Эльгерент, добрался до неё. Но откуда ты слышал имя мой дочери, мальчик?

Лукреций прижал пальцы к губам, опасаясь выдать правду. Не стоит, наверное, упоминать о Тобиасе Гохре той, чья дочь когда-то погибла из-за этого трусливого мага. Но объяснение то какое-то дать надо.

— Эльгерент. Он вспоминал её.

Тёмные глаза гадалки впились в его лицо. Впервые Медея обнажила свою растерянность... и даже страх.

— Эльгерент... ты видел его?

— Да. Довольно давно. И ещё там был второй, но он был бесплотен. Один лишь голос.

— Каким он был, этот голос?

— Ну, не знаю... — задумчиво сказал Лука, пытаясь что-то вспомнить. — Неприятным, это точно. Не слишком низким и не слишком высоким, и пожалуй всё. Хотя... у него был

акцент уроженца севера. Немного смешной выговор, на мой взгляд, как будто листья на ветру шелестят.

Лицо гадалки застыло, лишь бледные губы шевелились, произнося слова молитвы на языке, который Лука совсем не понимал.

— Госпожа, вы знаете, о ком говорит Лукреций? — встревоженно спросила Делия.

— Не уверена, но... Я знаю лишь одного бессмертного северянина. Еноха из Хемеля.

— Того самого святого, основателя дурацкого ордена? — присвистнул Лука. — Вот сам лично, значит, за меня взялся. Ха! Видимо, я дорогого стою! *Последний Тёмный*... Звучит, конечно, грустно, но весьма лестно.

— Тебе смешно? — несколько неодобрительно посмотрела на него Медея, выйдя из своего ступора, вызванного прозвучавшим именем Эльгерента.

— Просто до смерти. Скажите, этих как бы «бессмертных» можно убить?

— Ну, Эльгерента я как-то убила, ещё в Шелгоре — сухо сказала Медея. — А затем он ожил и добрался до моей дочери.

— В Шелгоре? — заинтересованно спросил Лука. «Значит, эта седовласая женщина с молодым лицом настолько стара...». — Тот сожжённый город недалеко от столицы? Это ведь там сейчас болото, и там же проводится обряд, в котором гибнут тёмные маги и ведьмы?

— Да, да, и снова да, — ответила гадалка, удивлённая столь необычной осведомлённостью юноши. — Откуда ты всё это знаешь, мальчик?

Тот отмахнулся.

— Это лишь мои гениальные догадки. Но вот вам ещё вопрос.

— Я вся во внимании, юный мастер, — ядовито произнесла Медея, а Делия закатила глаза. Вот же юный наглец, даже не пытавшийся скрыть, что не собирается отвечать собственной откровенностью!

— Раз вы знаете, где находится тот храм, почему вы не пытались уничтожить его? Точнее, не само здание, я знаю, что это не слишком поможет... но хотя бы то проклятое существо, что поселилось в нём, и питается чужой тьмой?

— Мы не можем сделать этого, Лукреций. Нам это не по силам. Тот, кто обитает там, слишком силён, даже будучи развоплощённым.

Лука, казалось, должен был расстроиться, услышав о бесплодности своих идей о разрушении ритуала. Но сияющее лицо его говорило об обратном. Он был... в восторге. На такой подарок, как имя того, кто был скован в проклятом храме, он и не надеялся. А ведь зная имя проклятого, которого енохианцы на протяжении многих лет пытались пробудить, он упростит себе задачу по созданию собственного заклинания в два, нет в три раза!

— И кто же это? Ну, как его зовут?

Лука едва ли не подпрыгивал на месте, не в силах скрыть своё нетерпение.

— Имя Предателя не прозвучит в стенах этого дома! — резко ответила Белая гадалка.

Лука замер, пытаясь сопоставить два простых факта. Предатель... ведь так называют одного из первых тёмных, так? И что получается, енохианцы служат ему? Хотят пробудить... **Его?** Тёмного мага, наверняка не только более знающего и опытного, чем Лука, но и более сильного, как маг. *Настоящего* тёмного мага, а не такого недоучку, как он.

— Значит... енохианцы фактически — это тёмный орден внутри самой Церкви. Как такое может быть? — недоумённо спросил Лука, глядя отчего-то на Делию. Та пожала плечами, всё ещё дуясь на Горгенштейна за его грубость.

— Видимо, наша Церковь не так уж святая. Енохианцы... не признаны официально папой, но всё же имеют большое влияние на святой престол. Об этом говорит хотя бы то, что енохинацем является сам епископ Улькире, Доминик Бромель. Да и все эти недобитые святые... — Медея буквально выплюнула последнее слово, — существуют своей жалкой жизнью лишь благодаря тем тайнам, которые рассказал им Предатель. Фактически они являются теми, кто извратил тьму, поставил служить её выдуманному богу, на словах проклиная и называя нечестивой.

Медея резко выдохнула, заставив себя успокоиться, и с прежней безмятежной улыбкой обратилась к Делии:

— Милая, почему бы тебе не поставить ещё чаю? И принеси чего-нибудь перекусить молодому человеку. А то он же начал подбирать крошки со стола.

Лука, действительно только что подобравший обслюнявленным пальцем несколько бисквитных крошек с пустой тарелки от бисквитов, неловко покраснел и выпрямился.

— Вообще-то я спешил домой, — несколько неловко сказал он.

— И тебе не интересно узнать чуть больше о тьме, что течёт по твоим венам?

— О, я более чем в этом заинтересован! — горячо ответил Лукреций. — Но... гораздо больше меня сейчас интересует тот ритуал в храме. У меня есть некоторые наработки по нему, и я бы хотел продолжить работать над ними. А вы, как я понимаю, не собираетесь меня в этом поддерживать...

— Ни в коем случае! — жёстко сказала Медея. — Я же сказала тебе, что Предатель, даже в таком виде, в котором он сейчас, тебе не по зубам. Ты не должен совершать ошибку рода Дуана, пытаясь противостоять ордену Еноха и уж тем более ему самому и Эльгеренту!

— А что я должен тогда делать? — заинтересованно спросил Лука.

— Мы тебя скроем. Поможем покинуть страну, отправим тебя подальше отсюда. Есть тёмные сёстры, которые могут о тебе позаботиться, чему-то научить...

— Для чего? Для чего им возиться со мной? Из солидарности? Или боитесь потерять столь редкий экземпляр? — несколько презрительно отозвался Горгенштейн.

Гадалка бросила раздражённый взгляд на наглого мальчишку, и еле сдержала ругательства. Нет, наверняка он потомок Рейта! Тот же мерзкий характер, упрямство... даже бесит так же, как бывший любовник! А если приглядеться, этот Горгенштейн даже внешне похож на Рейта. У Дуана тоже были пронзительно-синие глаза, казавшиеся прекрасными ровно до того момента, пока маг не открывал рот, чтобы изречь очередную мерзость.

«А я ведь так и знала, что даже Расскажи Мы Луке всю правду, едва ли его удастся уговорить содействовать нам», — почти обречённо подумала Белая гадалка. — «Ну и что делать с этим юнцом? Схватить и держать в плену? Отпустить его творить глупости в одиночку? Или... всё же попробовать поверить в его удачу?».

— Пей чай и проваливай! — почти с отвращением произнесла Медея, так ничего и не решив. — И... приходи завтра. Я думаю, я смогу тебе кое в чём помочь. Негоже наследному тёмному магу столь мало знать о традициях нашей крови.

Лукреций самодовольно улыбнулся, решив, что ведьма решила прислушаться к его идее и поделиться знаниями. А та всё думала о том, стоит ли ей попытаться ещё раз воззвать к здравому смыслу Луки, или просто прибегнуть к старому доброму насилию, похитив мальчишку из Гортензы для того, чтобы спасти ему жизнь. Лукреций Горгенштейн. *Последний Тёмный*... мог ли он действительно остановить енохианцев? Пусть не сейчас, а позже, войдя в полную силу... В любом случае, если она пойдёт против тёмного мага сейчас,



то потеряет его расположение, хоть и сохранит жизнь. А гадалке бы этого сильно не хотелось.

Сомнению, поселившемуся в сердце Медеи, ведьмы, лично служившей Гекате, было сложно уняться. Мальчишка разбередил старые раны, и заставил по новому взглянуть на некоторые проблемы.

# Глава 8

## Круг сужается

Беспокойство и тревожное ожидание наполняли разум Лукреция Горгенштейна, и разговор с колдуньями лишь усилил эти чувства. Враги ли они ему? Нет, скорее всего нет, хотя бы потому, что он им зачем-то нужен. Союзницы? Едва ли. Не после того, как Делия столько лет водила его за нос, втираясь в доверие ему и его семье.

И они, пусть и не открыто, отказались сопроводить его в шелгорский храм. Просто не поверили, что он сможет справиться с тем заклятием. Но они не знали про Тобиаса Гохра, а даже если бы и знали, едва ли стали бы полагаться на помощь предателя. И он бы, пожалуй не стал, но зуд, появившийся в нём с первого дня, когда он узнал о разрушенном городе, не оставлял его, а становился всё сильнее. Он должен был побывать там, увидеть всё собственными глазами... И может быть даже, победить то чудовище, что поселилось в стенах храма и пожирало жизни одарённых тьмой. Теперь, когда присутствие тьмы стало чувствоваться более явственно, Горгенштейн наполнился странной уверенностью в выбранном им пути. Он найдёт храм, а потом... что ж, потом будет потом. Та Богиня, чьё имя он так и не узнал, но которую столь явственно чувствовал тогда в убежище, уберёжёт его.

Лука так и не смог нормально поесть в гостях у Медеи, и после того как он проводил Делию до её дома, зашёл в трактир неподалёку от их с Жераром квартирки. Заказал суп с клёцками, компота и сливового пирога, и удобно расположился за дощатым столом напротив окна, вытянув ноги. Краткий момент передышки, а потом снова придётся приниматься за дела. Да и к дороге следовало бы приготовиться. Завтра он вновь пойдёт к ведьмам, а вот на следующий день уже покинет столицу, отправившись к болотам. Придётся правда позаимствовать у отца его мерина, да и ещё желательно так, чтобы батюшка об этом не узнал, иначе меньше, чем поркой, и не обойдёшься. И не посмотрит Ольдвиг на то, что его сын почти уже дипломированный маг. А уж если он не вернёт коня обратно в стойло... мда, в город ему лучше будет не приезжать.

Тряхнув темноволосой головой, пытаясь избавиться от нелепых мыслей, Лукреций полез в сумку за кошельком, рассеяно думая, что нужно будет побеспокоиться и о том, чтобы запастись некоторой суммой денег, так как вполне возможно, ему нужно будет нанимать кого-то для сопровождения. Как истинный городской житель, Лука плохо представлял себе, какие опасности его могут поджидать в заброшенных землях. Если бандиты, то не так страшно, а вот диких зверей и попадания в зыбучие топи, или что там может ещё располагаться, он несколько побаивался. Ладно, или продаст что-нибудь, или позаимствует немного Жерара. Всё равно это деньги его отца в основном.

Маг расплатился и вышел на дышащую прохладой улицу, но не успел пройти и несколько метров, как замер. На лице его возникла недоуменная гримаса. Только сейчас Лука понял, что когда он открывал в сумку, она была почти пуста, тогда как когда он уходил из убежища, она едва закрывалась.

Куклы не было. Магистр Гохр просто исчез. Вот только когда это произошло? До того, как он встретил Делию, или после? Лука точно помнил, что не расставался со своей сумкой даже в доме Медеи, а влияние на себя волшебства он бы смог ощутить. «Или всё же они могли это сделать?».

До квартиры Лука почти добежал. Ворвался в лабораторию, поспешно освободил кусочек стола, чтобы разместить на ней карту города — благодаря совету Жерара Лука приобрёл несколько разных карт, как страны, так и столицы, в том числе и для того чтобы использовать их в поисковой магии. Этот раздел магического искусства хоть и имел широкий спектр применения, на практике был достаточно бесполезен. Чтобы успешно проследить за человеком, мало иметь часть его крови или волос. Нужна личная связь с тем, кого ты ищешь. Как минимум, знать его в лицо и иметь представление о его характере. А самое надёжное — быть тому, кого ищешь, родственником и побратимом. Именно это и помогло Луке в своё время отыскать Августина тогда, когда сыскари были вынуждены использовать для поиска обычные методы.

Гохр не был так уж близок к Луке, зато жизненная сила его была повязана на крови Луки. Так что не имея ни одной частички тела куклы, маг мог найти её используя свою же кровь.

Расплавив на свече воск, Лука капнул на него своей кровью, а затем, скатав воск в небольшой шарик, подвесил его на нитке с крючком над картой.

Конечно же, как только шарик начал двигаться, первым делом он указал на местоположение самого Луки. Парень продолжал ждать, стараясь даже не дышать. Когда, казалось, поднятая рука практически отсохла, восковой шар качнулся, уходя в сторону. Некоторое время покружился над домом ведьмы, почти убедив Луку в их участии в краже, и двинулся дальше. А затем расплавился, почти полностью закапав розово-белой восковой массой изображение собора.

Это был худший вариант, который Лукреций мог только представить. Магистр Гохр был в руках Доминика Бромеля. Похищен? Нет, вероятнее всего, сбежал сам, когда понял, что ему есть что предложить енохианцам. На редкость глупый шаг, если исходить из того, что жизнь Гохра полностью зависела от благосклонности Горгенштейна. Но возможно Лука ошибался. В конце концов, Гохр лучше знает, на что способны енохианцы, и насколько они могут быть благодарны, если он раскроет им тайны Луки и ведьм. Нужно было бежать, бросая всё и всех. Вот только куда? В родительском доме его найдут быстро, в убежище Гохра — ещё быстрее, хотя попасть смогут не сразу — они с Жераром знатно зачаровали проход внутрь. А ведь ещё надо предупредить Делию об опасности. Теперь, когда енохианцы вот-вот узнают о ней, если уже не знали, той едва ли удастся продолжать свою мирную жизнь. О Медее маг почти не беспокоился: она была ему чужим человеком, да и вообще казалось особой, способной о себе позаботиться. Делия другое дело. Значит, прежде всего нужно идти к Делии Лекой, и с ней же выбираться из города.

Торопливо запихивая в сумку одежду и книги, Лукреций пытался понять, сколько у него остаётся времени. Он вышел из дома Медее примерно три часа назад. За это время магистр Гохр на своих коротких ножках едва успел бы дойти до собора Восшествия, если конечно он не спрятался внутри чужой кареты — ловкости него на это бы точно хватило. Тобиас Гохр, несмотря на видимую неуклюжесть своего тела, мог быть столь же юрким и пронырливым, как и крыса. Но ведь ему ещё нужно было найти Доминика Бромеля, а в сам собор он едва ли сунется — для созданий тёмной магии нахождение в храме божьем было мучением. Значит Гохр скорее всего будет поджидать епископа в личных покоях.

В лучшем случае у Лукреция было ещё несколько часов, в худшем — у дверей его уже ждала бы стража епископа в компании с инквизиторами, специализирующимися на поимке оступившихся чародеев. Маг метнулся к окну, напряжённо высматривая признаки следы

присутствия церковников. Но на улице было привычно сонно и тихо, только в доме напротив старуха суетливо собирала развешанное на верёвках бельё. Судя по потемневшему небу и сырой влажности в воздухе, собирался дождь.

Попросив про себя прощения у Жерара, Лука выгреб его сбережения из укромного места, спрятав кошелек во внутренний карман. «Пора».

К сожалению, чёрный вход был закрыт хозяйским ключом, а времени взламывать замок не было, поэтому пришлось идти через переднюю. Приоткрыв входную дверь, Лука несколько секунд вглядывался в полумрак снаружи. Раздались раскаты грома и по крыльцу забарабанили тугие капли дождя. Что ж, можно считать это хорошей приметой... хотелось бы считать. Накинув на голову капюшон, Лукреций выскользнул наружу, привычно запирая чуть заедающий замок на ключ. Но прежде, чем он услышал щелчок, тяжёлый удар в спину бросил его на перила лестницы, выбивая воздух из лёгких. Дверь вновь распахнулась, а затем его втащили внутрь квартиры, швырнув на пол. Маг попытался подняться на ноги, когда его пнули в живот, заставляя скрутиться от боли. Самое поганое, что он не видел того, кто избивал его, а значит, не мог защититься.

— Этни геверто ниа... — зашептал маг единственное заклинание, пришедшее ему сейчас на память, но не успел договорить. Чья-то рука схватила его за волосы на затылке, рывком поднимая на колени и запрокидывая голову. Чужие пальцы сдавили горло, заставляя Луку замолчать.

— И что это ты собирался со мной, мальчик, сделать? Впрочем, не важно. На меня почти не действует магия.

Лука дёрнулся, узнав шелестящий голос. Тот невидимый спутник святого Эльгерента. Если верить Медее, сам Енох Хемельский. Безумный фанатик из тех времён, когда на костёр отправляли даже по малейшему подозрению. В профилактических целях, так сказать.

Прикосновения Еноха к коже жгли, доставляя мучительную боль, но хуже всего было осознание, что этому врагу он не может противопоставить ничего.

— Лукреций... когда Тобиас сказал мне, что ты являешься наследником древней крови, я не поверил ему. Конечно, подумал я, мальчишка силён, но это лишь тень той силы, что была когда-то у истинных тёмных магов. Тогда, когда я видел тебя в последний раз, ты был гораздо слабее. Но теперь сила плескается внутри тебя... о-о-о, ты на самом деле гораздо более ценный приз, чем может подумать Доминик Бромель.

Сухой смех оцарапал слух молодого мага, а прикосновения невидимки казалось вытягивали из Луки саму жизнь. Когда перед глазами же начало темнеть, Енох отпустил его, но желание бежать уже пропало.

Он лежит на камнях, уставившись расширенными от боли глазами в серое небо. Темнеет... нужно вернуться домой, пока мама не начала ругаться. Но встать невозможно, слишком сильна боль, слишком сильна слабость. Он упал... наверное, был неосторожен.

Томас предупреждал его, говорил ему, что он слишком неловок, чтобы играть со старшими братьями на скалах. Если бы не насмешливые, презрительные глаза Равеля, он наверное бы послушался. А вместо этого взял и ввязался в дурацкую потасовку с Рави.

Но... это было тогда, в детстве. А сейчас он может защитить себя от любых нападков братьев, да и живёт он уже не с мамой, и не должен ни перед кем отчитываться. Значит это воспоминание или сон. Слишком реалистичный, но всё же сон.

Слева доносится шорох, и Лука поворачивает голову, пытаясь не обращать внимания на

тянущую боль в шее. Взгляд его упирается в согбенную спину брата. Равель. Он помнил, что именно брат сидел рядом с ним тогда.

— Прости, я не хотел. Я не хотел, Рави...

Тот оборачивается, и только тогда Лука понимает, что с его братом что-то не так. Он должен быть младше, не старше его самого сейчас. А вместо этого на него смотрит взрослый Равель, со шрамами на лице и рано начавшими седеть волосами.

— Я собирался убить тебя, — почти ласково говорит он. — Почему ты не умер, уродец?

Этого не было! Равель так не говорил, да и смотрел тогда брат на него не с отвращением, а со страхом и потрясением.

— Потому что он должен жить. Вместо меня. За меня.

Девчачий голос, высокий и звонкий. Над Лукой склоняется ещё одна темноволосая голова. Девочка, очень похожая на Мири и Софию, но ещё больше на самого Луку. Почти точная копия его самого, только более смазливая, как и все девчонки.

— Кто ты?

— Тати.

Сестра, та, что умерла ещё в колыбели. Его близняшка, оказавшаяся более слабой, чем он. Они оба родились слишком крошечными, слишком беспомощными, но он смог выжить, а вот Тати угасла. Просто однажды не проснулась. Говорят, в ту ночь сам Лука кричал, не переставая, словно почувствовав, что та, что была с ним все девять месяцев в материнской утробе, умерла.

— Не умерла, ты убил её, выпив силу сестры ещё до вашего появления на свет. А я ведь предпочёл бы, чтобы у меня была ещё одна хорошенькая сестричка, а не такое недоразумение, как ты, — злобно говорит Равель.

— Не слушай его. Это лишь морок, голос в голове, — поспешно говорит Тати.

— Как и ты, Тати. Ты мертва. А я брежу. Наверное, болен или умираю, — растерянно шепчет Лука, не отводя от неё глаз.

Сестра невесомо касается холодной ладонью его щеки.

— Послушай... я многое бы хотела рассказать тебе и объяснить, но у тебя слишком мало времени. Ты должен открыть глаза.

— Но они уже открыты!

— Нет, *на самом деле*. Не в воспоминаниях. Прошу, приди в себя.

— Зачем? Зачем ему просыпаться? — вмешивается Равель. — Разве его там ждёт что-то хорошее? Не лучше ли умереть вот так, во сне, чем корчась от боли и беспомощности на енохианском алтаре?

Лука вспомнил. Он общался с ведьмами, а затем Магистр Гохр сбежал к святым братьям... а затем за ним самим пришёл тот чудовищный призрак. А потом... алтарь он уже не помнил. «Значит, я проиграл раньше, чем успел хоть что-то сделать?».

Тати бросает раздражённый взгляд на Равеля, но когда вновь смотрит на своего близнеца, лицо её смягчается:

— Нет, нет, с тобой всё в порядке, Лука. Хоть ты и не помнишь этого пока, но ты справился, победил Еноха. Пока, правда, только его. Его хозяин... бывший хозяин тебе всё ещё не по силам. Но теперь ты должен открыть глаза, иначе ты просто замёрзнешь. Разве ты не чувствуешь, как холодно? Открой глаза, прошу.

Как открыть глаза, когда они уже открыты? Лука беспомощно переводит взгляд с сестры на брата и обратно. Внезапно Равель как-то устало улыбается, опуская свою тяжёлую

руку на глаза юного мага.

— Так и быть, помогу тебе. Всё равно ведь сдохнешь. Я-то знаю, какой ты слабак...

Тьма опускается перед взором Луки, и теперь он действительно чувствует холод, продиравший его до самых костей. А затем ощущение чужих рук на лице исчезает и Лука распахивает уже глаза по-настоящему.

Маг лежит на обочине дороги в самой что ни на есть дорожной пыли, той, что мерзко забивается в нос и горло и насмерть въедается в кожу и волосы. Но хуже всего не это. Судя по онемению конечностей, и инею в волосах, он был весьма близок к тому, чтобы замёрзнуть насмерть. Хотя, казалось бы, начало лета, и не должно было быть так холодно. А значит, что-то не так именно с ним.

Небо уже светлеет, а значит сейчас ранее утро, а он в неизвестном месте... Но хотя бы не енохианском храме. Всё-таки Равель, точнее его дурная копия из воспоминаний Луки, его запугивал, а вот Тати на самом деле хотела помочь.

— Так, хорошо. Где я? — пробормотал Лука охрипшим голосом. Судя по всему, он уже давно не промачивал горло, так сильно оно пересохло, да и живот сводило от голода.

Вокруг лишь пшеничные поля, да лес темнеет вдалеке. Нигде нет никаких вывесок, ни опознавательных знаков, не говоря уже о признаках жилья. А значит, он может быть где угодно. Но явно не на шелгорских болотах, что уже неплохо.

— Ну и в какую сторону мне пойти? — продолжил разговаривать Лука сам с собой.

*Без разницы.*

Маг замер. Этот голос... внутри него самого? Совсем не похоже на то, что называют «диалогом самим с собой». Хотя интонации вполне знакомые. Лука потёр виски:

— Наверное, усталость.

Гнусный смешок, раздавшийся в голове, уж точно не мог принадлежать самому Лукрецию.

Если судить по всем признакам, юный маг явно сошёл с ума — это отлично объясняло чужой голос в голове, да и странное видение мёртвой сестры. Эта теория казалась Луке гораздо более привлекательной, чем другая. В которой он был *одержим*.

«Когда-то магистр Гохр уже пытался вселиться в меня, вытеснив меня из моего же тела. Тогда ему это не удалось. Но Енох... Енох бы справился».

— Но я всё ещё осознаю себя. Я всё ещё Лукреций Горгенштейн. Не Енох...

*... И не Тобиас Гохр.*

Вот теперь он узнал этот голос. Это был действительно магистр. В его голове. Мерзко и отвратительно, но не так ужасно, если бы это был Енох.

Стоило Луке об этом подумать, как перед глазами вспыхнула картинка. Худой скуластый человек с длинными светлыми волосами мечется внутри огромной клетки. Рот его дёргается, как будто он что-то говорит, точнее вопит, но из клетки не доносится не звука.

*Ты сам его туда посадил. Мои поздравления, мальчик. Хотел бы я сказать, что ученик превзошёл учителя, но ты ведь и сам понимаешь, что я мало чему тебя научил.*

Лука опустился на колени, закрывая ладонями лицо, пытаясь хоть что-то вспомнить. Он был в своей квартире, затем появилось это невидимое чудовище. А затем... затем что?

Лишь только сон, в котором Тати говорила, что он смог победить Еноха. Но он не чувствовал себя победителем. Он чувствовал себя больным и усталым, и голос магистра в его

голове, а также странные образы, всплывающие из сознания, не могли придать ему оптимизма.

Нужно вернуться домой. Наплевать на алтарь енохианцев, наплевать на Шелгор. Всё, что хотел сейчас Лукреций, это вернуться в тёплую постель. И воды. Очень хотелось пить.

Хотя слушать голос в голове было не слишком хорошей идеей, но нужного направления он действительно не знал, поэтому просто побрёл по дороге в одну из сторон.

Первая телега проехала спустя полчаса. Маг попытался было её остановить, но видимо его внешний вид не внушал доверия или уважения, и в результате его чуть не затоптали.

Когда третья повозка проехала мимо, не остановившись, Лука в достаточной степени был зол, чтобы нарушить школьные правила и применить заклинание вне Орхана, да и ещё при обычном человеке.

Под ноги следующей лошади, волокущей на себе загруженную повозку, полетела иллюзия, заставившая лошадь резко остановиться, а её хозяина завопить, исполняя отвращающий знак. Пока возничий приходил в себя, Лука уже успел подойти и вцепиться в узды лошади, не давая шанса вновь бросить его посреди дороги. Та хрипела, нервно перебирала копытами и испуганно вращала глазами, но не вырывалась, хотя Лука скорее не держал лошадь, а почти сам висел на ней.

— Тут зм-мея огр-р-ромная, — заикаясь, произнёс возничий. — В человеческий рост з-з-меюка.

— Неа, нет тут змеи. Зато есть я. Я хуже, — угрожающе ответил ему Лукреций.

Хозяин повозки наконец заметил, что странный бродяжка был одет как ученик столичной магической школы. Это его неожиданно успокоило. Орханцев в городе побаивались и не любили, но ничего дурного за ними уже давно замечено не было. А этот так и вовсе выглядел безобидным — мальчишку едва ли не шатало от слабости.

— Вы маг? — уже нормальным голосом спросил торговец. — Вы зачем лошадь пугаете, молодой господин?

— Чтобы... не проехали мимо. Где столица?

— Там, — махнул торговец рукой как раз в ту сторону, куда брёл Лука. — В сутках езды.

— Подвези, — то ли попросил, то ли приказал Лукреций. А затем, порывшись во внутреннем кармане куртки, достал серебряшку и протянул извозчику. — Вот, должно хватить. И попить бы что-нибудь.

Выпив половину кувшина кислого эля, который вёз с собой извозчик, и умяв ломоть хлеба, Лука заснул на огромных мешках с зерном, не обращая внимание на неудобство и дорожную тряску. Когда торговец его растолкал, они уже въехали в город, и стояли у рыночных складов. Вполне удачно — от квартиры было не так уж далеко. Вяло поблагодарив хозяина повозки, Лука побрёл домой. В этот момент он совсем не думал, какой приём мог ждать его там. Мелькнула мысль о том, что когда-то он хотел предупредить Делию об опасности, но тут же исчезла. Если Гохр сдал и её, то помочь ведьме он уже не в силах. Впрочем, Лука сомневался в этом.

— Эй, ты, кукла! Ты ведь здесь?

*Ты можешь говорить про себя, я отлично тебя слышу, Лука.*

«Как ты... почему я слышу тебя?»

*Потому что Енох выпил меня. Поглотил, но не успел, хм, переварить личность. А потом ты «поглотил» силу святого брата, а вместе с тем и меня. Рыбку съедает рыба, а*

*ту, в свою очередь, ещё большая рыба.*

— Меня сейчас вырвет, — вслух пробормотал Лука. — Ничего более мерзкого не слышал.

*Но ты ведь не для этого решил обратиться ко мне?*

— Нет, — говорить вслух всё-таки было легче. — Я хотел знать, рассказал ли ты о ведьмах кому-нибудь, кроме Еноха?

*Не успел. Если бы я наткнулся на Бромеля, или Эльгерента, возможно всё закончилось бы иначе. Но мне хватило глупости попасть на глаза Еноху. Кто знал, что его желание заполучить способности настоящего тёмного мага окажутся сильнее его преданности.*

Значит, никто из ордена не успел узнать о ведьмах. Хорошо. Если к судьбе Белой Гадалки Лукреций был полностью равнодушен, то мысль о Делии в руках Инквизиции, или на шелгорском алтаре сильно не нравилась молодому магу.

«Но куда он пытался привести меня? Почему я оказался за городом?»

Гохр не ответил.

Доковыляв до квартиры, Лука нашарил в глубине кармана ключ, пытаясь открыть замок. Но дверь не поддавалась. С той стороны донеслись шаги, а затем звук поднимаемого засова. «А, значит, Жерар дома. Только зачем он закрылся?».

При виде шатающегося и грязного Лукреция лицо Лекоя вытянулось, а затем он втащил его внутрь.

— Ты где был, придурок?! Ты знаешь, что тебя ищут?

— Кто ищет? — тупо спросил Горгенштейн, отстраняясь от Жерара, и поняв что оказался в спальне, снял с кровати покрывало и укутался в него. Почему всё ещё так холодно?!

— Да кто только не ищет! Томас заходил, говорил, что твоя мама беспокоится, а затем Делия... так кстати и не объяснила, что нужно было. Ещё из школы отец Йохан заглядывал... даже он волновался за тебя, дубина!

— С чего бы? Ну не было меня... сутки? — Жерар, поджав губы, покачал головой. — Двое, трое?

— Да ты ещё и не знаешь, сколько времени прошло?! Неделя, Горгенштейн, прошла неделя! Даже твой духовник припёрся, сначала в школу, а затем и прямо сюда. Небось и в дом твоего батюшки не поленился заглянуть.

— Какой духовник?

— Доминик Бромель. У меня, кстати, от него мурашки по коже. Хотя я видел его до этого, но когда он так близко... бр-р-р.

«Экзамены пропустил, раз. Поднял на уши семью, два. И наверняка разозлил своим исчезновением епископа, три. Удача явно на моей стороне». В голове мерзко захихикали.

— Заткнись, заткнись, — неожиданно яростно прошипел Лука. Перед глазами потемнело.

Очнулся он от того, что его трясли. Жерар смотрел на него испуганными глазами. Он что, о нём волнуется?

— Ты меня слышишь? — голос приятеля доносился как будто бы издалека.

— Конечно слышу.

— У тебя лицо стало таким... отстранённым. А затем ты что-то забормотал не своим голосом, и начал царапать себя, как будто пытался снять с себя кожу.

«А, так вот отчего так горит лицо».



— Я... я... нужно привести себя в порядок. У нас есть что поесть? У меня такое ощущение, что я не ел целую неделю.

«И вполне возможно, это даже не преувеличение».

— Нет, запасы кончились. Я схожу в таверну, возьму что-нибудь. Но ты не уходи никуда, понял? — встревоженно сказал Жерар. — Ты мне ещё должен объяснить, где ты был, и куда ты дел мои деньги.

Впрочем, Жерар уже начал понимать, что едва ли у Луки есть на это ответ.

Уже через десять минут после ухода друга Лукреций начал испытывать беспокойство. И хотя он знал, что тот не должен был вернуться так рано, но всё же выискивал его взглядом в окно.

Вот только увидел он там не спешащего обратно Жерара, а с полдюжины мужчин в синих сутанах.

Инквизиция. И всё по его душу.

Лукреций откинул в сторону покрывало, в которое столь уютно кутался, снял грязную пропылённую куртку и закатал рукава у бывшей когда-то белой рубашки.

«Просто так я им не сдамся»

Внутри жалобно заскулил магистр Гохр. Впрочем он не мог поколебать мертвецкое спокойствие чернокнижника.

Когда Жерар вернулся обратно, он обнаружил снесённую напроочь дверь, раскуроченный взрывом пол в прихожей, и не подлежащую восстановлению лабораторию. Выронив корзину со снедью, Лекой бродил среди осколков пробирок и склянок, пытаясь представить, что здесь произошло. Неужели Горгенштейн слетел с катушек и решил тут всё разгромить и вновь исчезнуть? Его магию он чувствовал вполне отчётливо. Но помимо этого что-то ещё. Запах... ладана?

— Кто вы такой?

Жерар резко обернулся, и увидел входа в спальню двух монахов. Нет, не просто монахов. Псов Инквизиции.

— Отвечайте, — резко спросили его вновь. — Иначе...

Инквизиторы не владели магией, но у них имелись средства, чтобы совладать с чужой магией. Весьма болезненные средства.

— Жерар, Жерар Лекой. Я тут живу, — поспешно ответил маг.

— Вы знаете Лукреция Горгенштейна?

Лекой кивнул, не осмеливаясь соврать.

— Пройдёмте с нами.

— 3-зачем? — чуть заикаясь, спросил Жерар, припоминая все свои грешки. И зачем он притрагивался к тем книгам в убежище тёмного мага?! — Я ничего не сделал...

— Мы разберёмся, — сухо произнёс один из монахов.

— Не стоит беспокоиться, братья. Этого молодого человека я забираю под свою ответственность.

Еще один служитель Иеронима, но уже вполне знакомый. Отец Йохан Шварц из Орхана.

Жерар напрягся, не зная, что ожидать от своего бывшего учителя богословия. В отличие от псов Инквизиции, отец Шварц, в своей простой тёмной сутане и стоптанных ботинках, выглядел совсем не угрожающим. Вот только инквизиторы, кажется, так не думали. Они переглянулись, и боязливо расступились, пропуская внутрь комнаты школьного священника.

Шварц встал за спиной Жерара, положив руку ему на плечо, то ли поддерживая его, то ли показывая монахам, что маг под его контролем и не опасен.

— Мы действуем по приказу Его Преосвященства Доминика, — почтительно сказал один из псов престола, плотный высокий монах с покрытым оспинами лицом.

— А я представляю волю Папы. Должен ли я говорить, что мои полномочия будут в данном моменте выше ваших? Да и с каких пор псы святого престола следуют приказам иных епископов, а не Его Преосвященства Паолоса?

Паолоса Лонгдиона никто из мирян давно не видел в лицо... точнее, не видели его верные сыны церкви. А вот те, кто заостенел в грехе или был замечен в ереси или запретной волшебке, вполне могли познакомиться с главой Инквизиции лично.

— Его Преосвященства нет в городе, — ответил щербатый монах.

— Тогда почему бы вам не отдать этого юношу мне? — мягко, но весьма убедительно спросил Шварц. — Если хотите, я оставлю расписку о том, что забрал юного мага с собой, на тот случай, если отец Паолос будет спрашивать о нём. Я даже готов лично ему объяснить своё решение, как только он прибудет в столицу.

В этот раз учитель богословия, оказавшийся неожиданно весьма влиятельным, сумел убедить псов Инквизиции и те ушли. Облегчение, нахлынувшее на Лекоя, заставило его сесть прямо на грязный пол там же, где он стоял. Шварц молчал, ожидая, пока Жерар справится с нервной дрожью в конечностях.

— Вы... спасибо.

— Не благодари.

— Но вы спасли меня! Мало кто из нашей братии, даже невиновный, раз попав в руки Инквизиции, мог выбраться оттуда невредимым.

— Нет. Не спас. Пока не спас, лишь отсрочил возможное наказание. Да и в полной безвинности я твоей сомневаюсь, Лекой.

Обогнув оцепеневшего мага, Шварц поднял с пола уцелевший стул, и сел на него, оперившись руками на деревянную спинку. Лицо священника, обычно улыбочное и живое, сейчас казалось бесстрастной маской.

— Твоего друга забрали по велению Бромеля, но, насколько я знаю, никакого обвинения ему пока не предъявили. Так, расплывчатые формулировки. Очевидно, Бромель сильно разозлился на своего духовного сына, но пока не готов привлекать к нему лишнее внимание. Ты успел застать Лукреция?

— Да. Он пришёл... менее полчасика назад. Но я не знаю, где он был. И мне кажется, даже он сам не знает. Он выглядел...

Жерар запнулся.

— Каким он выглядел, Жерар?

«Безумным. Одержимым. Не контролирующим свою магию». Но вслух Жерар сказал совсем другое:

— Испуганным и запутавшимся. Наверное, его кто-то ограбил и избил, вот он и не помнил ничего.

Шварц устало покачал головой.

— Всё пытаешься выгородить друга? Не стоит. Я уже многое знаю о юном Горгенштейне, и скажу тебе — ему уже не помочь. Даже если Бромель не избавится от Луки, как свидетеля своей связи с чернокнижием, то им займётся потом Паолос. И будет иметь на это право. И более того, я сам отдам Луку ему в руки.

— Почему? — хрипло спросил Лекой, зная ответ.

— Потому что он тёмный маг, Жерар. И ты знаешь это, — мягко сказал Шварц. — Скажешь, неправда?

— Я никогда не видел, как Лука совершает запретное колдовство!

Даже зная, что защищая Луку, он сам усугубляет своё положение, Жерар не мог промолчать.

— Может быть так и есть. Когда я заходил в прошлый раз, я проверил тебя... Ты затронут тьмой, но настолько слабо, что мне вполне ясно, что сам ты никогда не участвовал в тёмных ритуалах. Я могу поверить, что Луке хватило совести не втягивать тебя в свои дела. *Совести*, — Шварц неожиданно грустно усмехнулся, потирая лоб. — Я до сих пор верю, что у чернокнижника может быть совесть. Но Лука... ведь он мне действительно нравился. И ты мне нравишься, Жерар. Ты смыслённый, и весьма многообещающий маг. У тебя впереди карьера во дворце, я слышал. Неплохо для сына мельника, да? Я сам крестьянский сын, так что вполне могу представить, как сложно тебе пришлось. И теперь всё это насмарку. У тебя нет ни денег, ни связей, чтобы откупиться от псов Инквизиции. Они придут за тобой в следующий раз, и меня уже не будет рядом.

Шварц отдаст его инквизиторам, чтобы они добыли для него ту информацию, что он попытался сейчас скрыть. И он, конечно же, расколется. Иного и быть не может. Так не лучше ли рассказать всё Шварцу сейчас, надеясь, что этот священник окажется к нему более милостив?

И Жерар Лекой сломался.

# Глава 9

## Брат. Друг. Враг

В этот день завтрак Равеля Горгенштейна был настолько поздним, что вполне бы сошёл за ужин. И всё потому, что он встретил вчера старого приятеля в отставке, а потом до самого утра пил в его компании, пытаясь хоть как-то развеять тоску по службе. Гражданская жизнь утомляла Равеля, погружала в болото ничегонеделания. Томас было предложил ему поучаствовать в одной из своих торговых поездок, но Равелю пришлось отказаться. Он не мог позволить исчезнуть себе из столицы на долгое время, боясь, что когда руководство всё же простит его и разрешит вернуться службе, его не смогут найти.

А простить его должны. В конце концов, даже под предлогом боевых ранений они не могут слишком долго держать одного из лучших офицеров армии на гражданке. Скоро где-нибудь снова случится военный конфликт, или же поднимется бунт в одной из провинций, в котором властям Гортензы придётся действовать жёстко и бескомпромиссно. И тогда они снова вспомнят о нём, обязательно вспомнят, думал Рави.

Но пока даже беспокойные восточные провинции вели себя до отвратительности тихо, и Равелю ничего не оставалось как проводить свою жизнь как бесполезный столичный хлыщ, тратя деньги на женщин, выпивку и азартные игры. Равель, вставший на путь саморазрушения, отнёсся к своей задаче совершенно серьёзно. Вот только домашним это продемонстрировать не хотелось. Молодого воина раздражало беспокойство матери, нотации отца, неодобрение Томаса и Лавеля, хотя, на самом деле, он давно стал чужаком в этой семье. Даже Лука, странный, диковатый мальчишка, который ещё меньше, чем Равель, был способен на привязанность и любовь, даже он был более важен для семьи, чем их блудный сын Рави. Этот несносный ребёнок, Лукреций, пропал куда-то неделю назад, и этого хватило, чтобы матушка слегла с нервической болезнью, а Томас, отложив все свои дела, остался в столице дожидаться вестей о младшем.

А ему... ему должно было быть наплевать. Он ведь терпеть не может эту маленькую крысу. Вот только почему он раз за разом возвращается к мыслям о младшем брате, было совершенно непонятно. И сегодня... сегодня тревога была особенно велика. Ощущение, что с Лукой случилось что-то плохое, навязчиво не покидало Равеля, усиливаясь с каждым часом.

Сидя у грязного окошка какой-то захудалой таверны, на втором этаже которой он сегодня отсыпался, Равель вяло пытался доесть безвкусную чечевичную похлёбку, и размышлял о том, какие причины могли заставить Луку вот так вот сбежать, никого не предупредив. Проблем в школе у него не было, в долги он не влезал. Впрочем, о чём-то странном намекал Ави, когда они с ним случайно встретились при весьма необычных обстоятельствах.

— Я не уверен, что то, чем увлекается Лука, допустимо даже по меркам магов. Скорее всего и в Орхане о нём многое не знают. Возможно, наш младший ещё более паршивая овца, чем я или ты, Равель.

— Хуже, чем убийца или мошенник, приручивший демона-лисицу? Это не так-то просто.

Тогда они посмеялись над этим, два отщепенца своего рода. В конце концов, сколь бы ни был странным их младший брат, он в гораздо меньшей степени был склонен попадать в неприятности, чем тот же Ави. Но это было до того, как Лука пропал.

Пару дней назад, до своего очередного загула, Равель вызнал у Томаса адрес, по которому Лукреций проживал у своего друга. Стоило бы зайти, поговорить с этим школьным приятелем. Наверняка он знал больше, чем говорил. Можно было сделать это даже сейчас, благо что квартирка находилась совсем недалеко. В этот момент Равель решил, что он лично найдёт Лукреция и выбьет из него всё дерьмо.

Вот только, кажется, его кто-то опередил. Булыжник у дома щедро осыпало стеклом из выбитых окон, а дверь держалась на одной петле, и вот-вот грозилась рухнуть. Осторожно её приоткрыв, Равель тихо шмыгнул внутрь и почти тут же услышал голоса. Двое, судя по всему, молодой парень, тот самый приятель, что был на помолвке Августы, и какой-то мужчина. И они как раз обсуждали исчезновение Луки.

Остановившись в прихожей, Равель попытался прислушаться к диалогу, что было не так уж просто, так как говорили тихо, да и Рави всё время отвлекался. Ему казалось, что в воздухе постоянно что-то мельтешит, а на стенах вспучивались и даже шевелились обои, живя своей таинственной жизнью. «Магия», — с отвращением подумал Равель, пытаясь ничего не задеть. — «Интересно, так и должно быть или это последствия неудачного колдовства?». Он прикрыл глаза, пытаясь отвлечься от происходящего, и сконцентрироваться на незнакомом голосе.

«Чернокнижник». Когда это слово прозвучало, воин не сразу понял, что оно о его младшем брате. Равель поддался вперёд, желая слышать большее, и под ногой его что-то хрустнуло. Голоса тут же смолкли, и Равелю ничего не оставалось, как показаться.

Так и есть, это был тот неуклюжий мальчишка, устроивший незабываемый фейерверк, а с ним рядом священник. На вид, самый простой, но у Равеля вполне хватало опыта чтобы заметить за внешней простотой ту уверенность в себе, которой отличались люди, наделённые властью.

— Кто вы? — недовольно спросил священник.

— Это Равель Горгенштейн, брат Луки, — поспешно ответил паренёк.

— О-о-о, как не вовремя вы зашли. Или вовремя, это как посмотреть, — с едва заметной насмешкой сказал святой отец, внимательно глядя на Рави. — Простите, а вы не маг?

— Нет, я офицер регулярной армии, — хмуро ответил Горгенштейн, изучая бардак в комнате. Пахло кровью, мочой, и чем-то ещё, неестественно резким и приторным. Мда, тут явно происходила драка, но судя по всем не совсем простая. Впрочем, как и всегда, когда в дело оказываются втянуты маги. И опять эти странные магические штученции, наполнившие комнату.

— Хм, а мне показалось... хотя неважно. Меня зовут Йохан Шварц, я преподаю богословие у Жерара и Лукреция. Вот, решил зайти поинтересоваться жизнью своих учеников, а тут такое.

— Что здесь произошло?

Жерар замялся, поглядывая на священника, но тот не проявлял никакого желания ответить на вопрос, продолжая всё так же назойливо изучать Равеля.

— Лука объявился, — вздохнув, наконец ответил студент Орхана. — И за ним пришли псы Паолоса.

— Псы Паолоса?

— Служители ордена святого огня, — пояснил Шварц. — Хотя чаще всего вы называете их инквизиторами. Они пришли за Лукой и забрали его.

— Значит, я не ослышался. Вы действительно сказали, что Лука — чернокнижник. Это

серьёзное обвинение. У вас есть доказательства?

— У нас? О, нет, я не отношусь к инквизиции.

— Только не говорите мне, что вы простой школьный учитель, — поморщился Равель.

— Если не хотите, не буду, — покладисто ответил Шварц. — Что вы теперь намерены делать? Вы выглядите решительным человеком, офицер, но едва ли даже ваша решительность поможет вам перед орденом святого огня.

«Он подумал, что я собираюсь во что бы то ни стало спасти Луку. Я выгляжу таким хорошим человеком? Преданный брат, защищающий младшего... но я никогда таким не был».

— Проблемы Луки не мои проблемы, — наконец хмуро ответил Равель. — Этот мальчишка сам вырыл себе яму и свалился в неё. Но мне придётся сообщить о случившемся семье, и мои родители скорее всего будут задавать мне вопросы. Так что не могли бы вы мне подробнее ответить, почему Луку обвиняют в чернокнижии?

— Ну хотя бы потому, что когда за ним пришли святые псы, он отбивался от них явно не с помощью простых заклинаний. Вы обычный человек, а не служитель господ, обученный видеть последствия тёмной магии, поэтому вы и не замечаете, сколь запачкан этот дом скверной.

Но Шварц ошибался. Равель видел. Для него та тёмная магия, что затронула стены этого дома, походила на огромные, шевелящиеся пятна лишая, густо усеявшая всю поверхность. И сейчас эти пятна медленно, почти незаметно глаз передвигались к Равелю, как будто желая его поглотить. И Шварц это тоже явно заметил, вот почему он спросил, не является ли этот Горгенштейн тоже магом.

— Я вижу только беспорядок, — пожал плечами Равель, сохраняя невозмутимость, когда одно из пятен, похожее на кусок красного мха, наконец доползло до его ботинка, и сейчас пыталось забраться по ноге. *Если я дёрнусь, Шварц поймёт, что я ему соврал. Не почему я могу видеть последствия тёмной магии, если по словам священника, не должен?* — Значит, они отвезли его в Дольхен?

Дольхеном называлась обитель инквизиции, место, овеянное самой дурной славой.

— Именно туда, хотя уверен, что Доминик скоро перевезёт мальчика к себе.

— Доминик? О ком это вы?

Священник покачал головой, как будто даже неодобрительно:

— А вы действительно не очень интересуетесь делами семьи, — Шварц вытащил карманные часы и нахмурился: — Думаю, нам всем пора идти. Скоро здесь появиться служба очистки. Тебе, Жерар, тоже лучше не попадаться людям Паолоса на глаза, пока я не улажу вопрос с твоим статусом. Может быть, тебе пока переночевать в Орхане?

— Нет нет, — поспешно ответил маг. — Я остановлюсь у тётки.

— Тогда оставишь адрес. Хотя давай я лучше провожу тебя. Офицер Горгенштейн... пожалуйста, будьте осторожны с той информацией, что вы получили от меня. Вы же понимаете, что если то, что Лукреция связывают с тёмной магией, станет известно слишком многим, это нанесёт пятно на вашу репутацию. Пострадает ваша карьера, как и дела вашего отца. И не предпринимайте никаких необдуманных поступков ради Лукреция.

Йохан Шварц не пытался угрожать, кажется, его предупреждение было вполне искренним.

— Ни в коем случае, — вежливо улыбнулся Равель. — Как я и сказал, я не собираюсь решать чужие проблемы, тем более связанные с дурным колдовством. Я верный сын Церкви.

Священник ушёл, предусмотрительно забрав с собой мага, и Рави так и не смог поговорить с Жераром. Что ж... нужно сказать Томасу о произошедшем, а тот уже сообщит отцу и матери. Для семьи это будет настоящая трагедия, так как из Дольхена почти никто не возвращался живым, тем более маги.

*«Лучше бы ты действительно умер от моей руки, Лука. По крайней мере, это было бы не так мучительно, как попасть к инквизиторам...».*

Присев на корточки, Рави приподнял тварюшку, пытавшуюся на него забраться. Та обвилась вокруг его ладони, и, кажется, едва ли не замурлыкала. На ощупь этот кусочек мха был тёплым и слегка влажным, но совсем не противным.

— Значит, магическая скверна? — задумчиво сказал воин вслух. — Ты не кажешься чем-то ужасным. Возьму-ка я тебя с собой, пока до тебя не добрались святоши. В конце концов, даже Августин завёл себе зверюшку, так чем же я хуже?

В Орхане ещё с первого курса пугали орденом святого огня. Говорили, что инквизиторы могут остановить мага силой своих молитв, и что даже магистры беспомощны против святых братьев. Говорили, что святая вера братьев может сжечь нечестивых колдунов, что ним могут творить чудеса, против которых магия бессильна. Много ходило об инквизиторах мрачных слухов, но Лука сомневался в их правдивости. Разве заклинаниям может противостоять какая-то вера бритоголовых монахов, целыми днями распеваящие псалмы?

Так он думал до того, как псы ордена пришли за ним. Они знали его заклинания, они могли отбивать их, при этом сами не будучи магами. Лишь силой веры и молитвами, от которых в голове становилось дурно, как будто он был на мессе. Впрочем, оружие они тоже имели. Но не мечи или арбалеты, а какие-то странные короткие копья с наконечниками, пылающими белым огнём. Огонь слетал с копий, и всякий раз, попав в Луку, они причинял чудовищную боль, хотя на коже и одежде не оставалось и следа. Именно тогда маг понял, сколь правдивы были слухи: монахи действительно могли бы сжечь его заживо, если бы не хотели пленить. Но он нужен был им живым.

Ещё у них были плети, укусы которых выпивали магию и лишали силы, и против которых было так сложно увернуться в узкой комнатке квартиры Жерара. Сколько раз они его ударили, прежде чем он потерял возможность ходить? Раза четыре, не менее.

Но даже когда Лука совсем ослабел, он сопротивлялся. Одного из святых псов он окатил тейго — веществом, разъедающим плоть до костей. Если бы Жерар узнал, что Лука хранит что-то подобное в его квартире, он бы его просто выгнал. Но сейчас тейго весьма пригодился. Крики монаха ещё долго звучали в его голове. Другой попался в ловушку, когда словил руками кинутую магом побрякушку. Инквизитор глядел на шерстяной комок в своих руках, и не мог понять, какую угрозу тот несёт, пока нити не зашевелились, впиваясь в кожу и проникая внутрь тела. Правда, ему успели отрубить руку с подарком Луки, пока тот не добрался до человеческого сердца, так что этот пёс остался жив, хотя и не боеспособен. После этого братья стали действовать осторожнее. Но это не спасло одного из монашков, неосторожно приблизившегося к Луке на расстоянии вытянутой руки. Всего лишь прикосновения хватило, чтобы заразить его Белым мором — проклятием, сгущающим кровь, и превращающим его в белый прах. Инквизитор всё ещё корчился от боли, когда обездвиженного мага начали вязать верёвками, лишаящими его магических способностей. В тот момент Лукреций всё ещё был в сознании. Правда, не долго. Ярость монахов, потерявших своих братьев, была так велика, что они едва удержались, чтобы не убить мага.

Били так, чтобы не сломать ничего важного, и чтобы не оставалось следов на лице, но и этого хватило, чтобы вырубить и так истощённого мага.

Очнулся Горгенштейн уже в казематах. С него сняли ботинки, а из карманов вытрясли всю мелочь, но зато он не был связан. Правда, попытки колдовать чуть опять не отправили Луку в обморок — тюрьма была неплохо защищена от таких вот самонадеянных колдунов.

— Вот и выпался, — мрачно сказал Лука. — Поесть бы ещё.

*А чего на тебя еду переводить?*

— О, Гохр, — неожиданно обрадовался Лука голосу в голове. — И ты тут?

*Не говори вслух, дурак. И уж тем более не произноси моё имя.*

— А то что, подумают, что я одержим или спятил? — фыркнул Лука, с подозрением разглядывая подстилку, на которой он очнулся. Кажется, его несколько раз кто-то укусил. — Так пусть думают. Хуже уже не будет. Кстати, ты не в курсе, сколько мне тут ещё дожидаться, пока со мной не захотят поговорить?

*Зря ты этого ждёшь, ох зря. Наслаждался бы последними часами спокойствия. Ну и повезло же мне связаться с таким неудачником, как ты...*

— Сам неудачник! — огрызнулся Лука, впрочем, совсем беззлобно. Сейчас его даже радовало присутствие магистра. — Кстати, раз у нас есть немного свободного времени, то может быть расскажешь мне о том, как я провёл последнюю неделю? А то у меня провал в памяти.

*Неудивительно. Удивительно, что ты всё ещё ты, учитывая, что именно Енох собирался с тобой сделать.*

«И что же?»

*Енох хотел вернуться к жизни, обрести полноценную плоть и стать могущественнее. Конечно, он не был в столь же жалком положении, чем я, но всё же несколько сотен лет провести в бестелесном состоянии то ещё удовольствие. Именно это подточило его преданность к ордену, им же созданному. Поэтому, когда он понял, кто ты есть, то не удержался от желания воспользоваться, хм, тобой единолично, а не для ритуала возрождения своего господина.*

«Кто я есть?»

*Да. Не просто чернокнижник, а потомственный тёмный. Наследник одного из тёмных родов. Это значит, что тьма не только в твоей воле и душе, но и в твоей крови. Конечно, Енох захотел завладеть таким телом.*

— Звучит как ужасное извращение, — пробормотал Лука. — Может быть попробовать использовать другие слова? И почему ему нужен был именно я?

«Он мог попытаться завладеть сознанием любого смертного или мага», — подумал Горгенштейн. — «Да и не думаю, что я так уж ему подходил. Чёрт возьми, он святой, а я тёмный маг. Да я даже в его присутствии дышать нормально не могу».

*Одержимые такими могущественными созданиями, как Енох, действительно долго не живут. А ты, из-за несовместимости ваших сил, тем более был должен умереть спустя несколько часов, как только он вселился в тебя. Но этого не произошло. Я не знаю почему. Единственное, что мне приходит в голову, что на самом деле по своей сути тьма не столь уж и противоположна святой силе Церкви Иеронима.*

«Но мне же было плохо в храме. И молитвы инквизиторов едва не отправили меня на тот свет».



*А ты не думал, что такой эффект был создан специально, чтобы держать тёмных магов подальше от секретов Церкви? Притом тем, кто знал о тьме не понаслышке, и скорее всего даже владел тёмной магией. Возможно, связи между тёмным искусством и Церковью Иеронима не исчерпываются только попытками ордена Еноха использовать тьму себе во благо. Как бы то ни было, Енох смог на какое-то время вселиться в тебя, но не сумел полностью подчинить, для того чтобы съест. Собственно, он меня ещё не переварил...*

— Фу, — скривился Лука.

*Ну да, приятного мало. Но сознание слишком сложно, чтобы исчезнуть просто так, чтобы его поглотить требуется время и желание. У тебя его, этого желания, кстати, нет, иначе бы я с тобой уже не разговаривал.*

«У меня нет никакого желания поглощать кого-то столь мерзкого, как ты, предатель!».

*Ну, не злись, все выживают, как могут. И тем более, одним поселенцем в твоей голове больше, одним меньше...*

— Хочешь сказать, что он ещё тут?! — Лука вскочил, заметавшись по камере.

*Ага, сидит в созданной тобой клетке внутри твоей же черепушки. Не советую выпускать. То, что ты победил Еноха один раз, не означает, что сможешь сделать это ещё раз. Сейчас он будет более осторожен, а тогда Енох торопился, и как только обрёл контроль над телом, тут же рванул в Шелгор.*

«Но ты же сказал, что он не собирался совершать пробуждение своего господина?».

*Нет, конечно же нет. Ему в голову пришла совсем другая мысль. Твоё тело хоть и неплохо выдерживало его, но всё равно хоть и медленно, но умирало. Нужна была подпитка, да и защита от других членов ордена. И Енох решил получить всё это в храме. Знаешь, сколько тьмы там скопилось за последние несколько сотен лет? Впрочем, я полагаю, знаешь. Тебя ведь тоже тянуло туда. Он собирался выпить всю тьму в храме, а затем, возможно, сразиться с тем созданием, что там спало и получить всю его власть и силу.*

*И Енох действительно добрался до храма, и даже начал приводить первую часть плана в исполнение. Вот только святой не учёл, что несмотря на всё своё могущество, до этого проводить манипуляции с тьмой ему не приходилось, в отличие от тебя. Когда тьма в достаточной степени пропитало ваше тело, она пробудила тебя и... очевидно, была на твоей стороне. Знаешь, я наблюдал это противостояние со стороны, и готов поспорить, что она сознательно выбрала именно тебя. Была на твоей стороне. Как будто бы имела собственную волю! И это весьма странно, так как теория магии гласит, что маги оперируют только сырой силой без собственной инерции, и направление и заряд ей придают именно маги. Но с тьмой всё было совсем по-другому.*

Лука довольно улыбнулся, почувствовав растерянность Гохра. «Ты удивляешься? Но так оно и должно было быть. Богиня выбрала меня».

*Хотя я всё ещё не понимаю, о ком ты говоришь, но наверное, только влиянием некоего сверхъестественного существа это и можно объяснить. Богиня, да? Я читал о древних богах-покровителях, но... не думал, что после смерти стану язычником.*

«И как я выбрался?»

*Никак. Дорога до храма, а затем битва в нём полностью исчерпала твои силы, и ты вырубился прямо там. Два дня лежал в самом неприглядном виде, и всё никак не хотел приходить в себя. И это было очень, очень плохо, так как ваши манипуляции с тьмой*

*потревожили того, кто спал в храме.*

Лука замер, невидяще глядя в каменную стену.

— И что произошло?

«Он проснулся?»

*Не знаю. Мы сбежали оттуда раньше, чем случилось что-то на самом деле плохое.*

«Мы?»

*Ну хорошо, хорошо. Я. Енох был уже не у дел, ты — слишком истощён битвой... и мне пришлось взять контроль над телом. Знаешь, как это было тяжело?! Я ведь чуть не исчез, потратив все свои силы на то, чтобы отойти как можно дальше от того проклятого храма! Пешком, по опасным территориям... в чужом теле, которое к тому же было не в лучшем состоянии!*

«Вот так вот всегда», — насмешливо подумал Лука. — «Стоило только хозяину выйти за порог, как кое-кто тут же попытался занять его место. Неудивительно, что я чувствую себя как загнанный конь. Кстати, о коне. В моей памяти всплывают кое-какие образы. Скажи, я добирался до Шелгора на отцовском мерине?»

*Именно на нём. Вот только ты, точнее Енох, его где-то утопил в подступах к храму.*

— Дьявол! Отец меня убьёт!

Впрочем, это было бы гораздо лучшей перспективой, чем умереть от рук приспешников Доминика Бромеля.

Голова кружилась от голода, да и пить хотелось, а к нему всё так же никто не шёл. В какой-то момент Лука просто отключился, впал в забытье, из которого его выдернул шум открывающейся двери.

Двое монаха крепкого сложения выволокли его в коридор, связали руки за спиной и потащили его за собой куда-то вверх по лестнице. «Хороший признак, — подумал Горгенштейн. — Всё лучше, чем сырой подвал. Глядишь, и накормят».

Несвойственный Луке оптимизм можно было объяснить пожалуй лишь помутнением рассудка, или тлетворным влиянием Гохра, потому что ничего хорошего его конечно не ждало.

В пыточной, где никто уже и не пытался отмыть застарелые пятна крови, несчастных посетителей явно не кормили.

— Пытки? Как банально, — пробормотал Лука, стараясь не давать волю воображению, уже рисуя мрачные картины будущих мучений.

Радовало лишь то, что в таком состоянии он едва ли долго сможет радовать своих мучителей. Перед глазами всё плыло, а от слабости он то и дело норовил сверзиться с железного стула, к которому его привязывали.

— И стоило его доводить до такого состояния? — проворчал один из монахов, добродушного вида толстяк, затягивая кожаные ремни на запястьях. — Его Преосвященство Доминик наверняка будет недоволен. Я слышал, этот парень был под его покровительством. Колдун, опекаемый одним из иерархов церкви — и говорят, Папа, узнав об этом, одобрил инициативу Бромеля. Дескать, возвращение заблудших душ в лоно Церкви — лучшее деяние пред глазами Иеронима.

— И чем всё это закончилось? — флегматично ответил другой, точивший перья для письма за секретером, поставленным у стены. — Чёрного кобеля не отмоешь добела, а мага не научишь добродетели.

— Что верно то верно, — хмыкнул инквизитор, и схватив пятернёй за волосы Луки,

запрокинул его голову вверх:

— Эй, ты!

Пара оплеух заставила мага сконцентрироваться на чужом лице.

— Ты знаешь, где ты находишься? Ты в Дольхене, колдун. Ты понимаешь, что для тебя это значит? Как ты думаешь, для чего ты здесь?

— А вы любите задавать вопросы, — пробормотал Лука. — Наверняка, вы весьма радовались, когда вам предложили работу по типу этой. Общение с людьми, всегда новыми...

Болезненный удар по губам заставил его замолчать.

— Ха ха, — кисло сказал нависший над Лукой монах. — Думаешь, ты смешной? Ты просто глупый, самонадеянный мальчишка.

— А ты толстый. Так и будем говорить очевидные вещи?

Инквизитор тяжело вздохнул и красноречиво покосился на стол с пыточными инструментами.

*И ради чего ты его злишь? Будь паинькой, и тогда останешься при целых конечностях,* — посоветовал Тобиас Гохр.

— Ой, не говори так, будто ты знаешь, как вести себя на допросе, — вслух возмутился Горгенштейн.

*Вообще-то знаю! Я почти неделю провёл в застенках Инквизиции. И передо мной они так не распинались, как перед тобой! Сначала было вразумление, а уже потом вопросы...*

— Хорошо что мы живём в более гуманную эпоху, — с достоинством ответил Лука. — Кстати, я уверен, что ты выболтал свои секреты уже в первый день. Я конечно тоже не рассчитываю долго продержаться, но по крайней мере не собираюсь никому лизать тут задницы. И раз уж ты такой опытный в этих делах, может подменишь меня на посту? А я пока поразмышляю о том, о сём...

— Замолчи! — приказал ему монах. — Скажи, с кем ты разговариваешь?

— Какие противоречивые вопросы... — протянул Лука, но затем взглянув на взявшегося за щипцы монаха, решил всё-таки ответить: — Я разговариваю с могущественным злым духом, который вселился в меня.

«Мда, это прозвучало гораздо глупее, чем мне казалось».

— Значит, ты признаёшь себя одержимым? — удивлённо спросил секретарь, подняв голову от своих записей.

— Конечно. И я очень прошу провести вас обряд экзорцизма. Этот дух мне весьма мешает. Он то и виноват во всём том зле, что я творил последнее время.

*Эй, но это уже явная ложь!*

«Не ложь, а немного преувеличенная правда».

В конце концов, решил Лука, если священникам и на самом деле удастся избавиться от Гохра, ему самом это пойдёт на пользу. А может, они и от Еноха сумеют освободить. Ну или святой избавит его от инквизиторов, что тоже весьма неплохо.

— Кхм! — вернул к себе внимание дородный монах. — Расскажи поподробнее про этого духа.

— Ну... Вы знаете, он весьма надоедлив. И глуп. Явно извращенец. А ещё трус и подонок. Но я наверное лучшего духа не заслуживаю. Подобное к подобному, как говорится. Эх, прав был мой исповедник, когда говорил, что честная исповедь облегчает душу. Давно хотел пожаловаться на этого гада, да вот возможность как-то не было.

— Какую власть дух над тобой имеет? — нахмурился инквизитор, останавливая сумбурную речь мага.

*Да никакую. Иначе бы ты у меня тут языком не трепал, мелкий засранец. Ну раз ты так со мной, то и оставайся один.*

Лука почти услышал, как Гохр обиженно хлопнул за собой дверь. Оставив его одного перед пытками.

— О, он явно пытается сбить мою душу с пути благочестия. Нашёптывает скверные мысли, толкает на нечестивые деяния.

Инквизитор тут же подобрался, подобно псу, учуявшему кость:

— И на какие деяния он уже успел тебя толкнуть, маг?

— Э-э-э... да так, ничего серьёзного.

Вот как раз о своих «деяниях» Луке совсем не хотелось говорить. А инквизитор, почувствовав, что затронул что-то важное, явно не собирался отвлекаться дальше на пустой трёп.

— Ничего серьёзного, говоришь? А тёмным чарам тоже он тебя научил?

Лука промолчал. Сейчас внимание его было сконцентрировано на руках монаха, перебиравшего на столе свой инструментарий. «Вот только не эту штуку с шипами. И иголки лучше не надо... Ох, а вот это вообще для чего?! Нет, не надо об этом думать».

Когда рука инквизитора остановилась над сосудом с прозрачной жидкостью, Горгенштейн почти испытал облегчение. Святая вода? Скорее всего, ничего приятного, но едва ли слишком болезненно.

Монах окунул указательный палец в глиняный сосуд, и размашисто начертил что-то на лбу мага. Несколько капель стекли вниз, и Лука почти машинально слизнул влагу. И правда, вода. Правда чуть жжётся, но это тоже вполне ожидаемо. Терпеть можно.

Сконцентрировавшись на ощущениях, Лука совсем не успел уловить смысл нараспев прочитанной инквизитором молитвы. Впрочем, едва ли маг её знал бы — в молитвенники он не заглядывал, да и литургией не интересовался. «Хотя бы стоило заглянуть в конспекты Лавеля, хотя знал бы, как себя вести».

Но, чего бы ни добивался монах, на Лукреция это явно не подействовало. Молодой маг так и сидел с немного растерянным и нервным выражением лица, но никакого дискомфорта он, судя по всему, не испытывал.

— Следовало бы ожидать, что мальчишка врёт. Он скорее похож на юродивого, чем одержимого, — фыркнул секретарь, внося что-то себе в записи. — Хорошо, протокол соблюден. На добровольное сотрудничество чернокнижник не идёт. Можешь приступать.

— Но я...

Лука не успел договорить, подавившись кляпом, буквально вбитым ему между зубов.

— Ты уже достаточно соврал. Придётся платить. Начнём с пальцев рук.

Инквизитор разжал сведённую в кулак левую ладонь Лукреция и восхищённо поцокал языком.

— Пальцы как у аристократов — изящные, тоненькие. Такие и калечить грех. Так что, пожалуй, повременим с тисками и пилами.

Он взял узкий, острый клин и приложил к ногтю среднего пальца, примериваясь.

— Я думаю, легко войдёт и без молоточка.

Инквизитор вводил клин в нежную плоть под ногтём медленно, совсем не торопясь, изредка поглядывая на сведённое мукой лицо мага. Монаху не доставляло удовольствие

видеть чужую боль, даже если он и знал, что в дальнейшем она поможет грешнику раскаяться и прийти к Богу, но к работе он подходил усердно.

Когда железо дошло до основания ногтя, потемневшего от крови, монах приступил к другому пальцу. То и дело юнец пытался потерять сознание, но почти тут же приходил в себя. Правда, он почти перестал дёргаться, только мелкая дрожь да гримаса на лице говорили о том, что маг чувствует боль всё также остро.

Из-за слёз, непрерывно текущих из глаз, у Луки заложило в носу, и вскоре он начал задыхаться. Правда, умереть от собственных соплей ему не дали — монах предусмотрительно вытирал нос магу пахнувшей кровью тряпкой, заботясь о нём как о беспомощном младенце. А потом вновь продолжал вгонять острое железо в сведённые судорогой пальцы.

Всего пять клиньев. По одному на каждый палец левой руки. Сколько времени это заняло? Полчаса, меньше, больше? Лука знал лишь только, что ни одна тайна, которую он хранил, не стоило той боли, что досталась ему только что.

«Проклятье. Снимите кляп. Дайте сказать! Признаться. Хоть в чём-нибудь...».

Но ничего не закончилось. С неприятным чавкающим хлопом монах выдернул один из клиньев, оставив остальные, подобно странному украшению, торчать из кончиков пальцев.

— Хочешь поговорить? — внимательно посмотрев на чернокнижника, спросил инквизитор. Но когда тот кивнул, с сожалением покачал головой. — Если бы я думал, что ты усвоил урок, я незамедлительно так бы и сделал. Только я знаю таких юнцов как ты — самонадеянных, высокомерных, до последнего надеющихся на свою ложь. Нет, правды от тебя сейчас явно не дождёшься, лишь ладно скроенную ложь. И что мне тогда делать? По-настоящему искалечить? Лучше я предпочту скорее завершить начатое, а уж потом выслушать то, что ты вздумаешь мне сказать. У тебя есть ещё время, чтобы подобрать верные слова для описания своих злодеяний.

На правой руке он начал с мизинца, втыкая на этот раз железо резко и под таким углом, что ноготь на пальце почти вышел из своего ложа, а острие клина торчало с другой стороны.

Боль смешалась с отчаянием и яростью. Только сейчас Лука понял, что всё это время он ждал, что его спасут — может быть, Лавель, сумевший объяснить Инквизиции, что маг перед ними не так уж и виновен. Разве не отнесли бы к Луке в ордене святого огня чуть мягче, знай они, что его старший брат посвятил себя Богу, как и они? Или его мог спасти кто-нибудь из Совета. Не могут же маги так просто позволить мучить одного из своих, ни в чём предварительно не разобравшись? Или даже Доминик Бромель. Разве не должен епископ беспокоиться о том, что сможет разболтать его подопечный на допросе?!

Но никто не шёл. Горгенштейн был совершенно беспомощен, даже магия оставила его.

Впрочем, было кое-что древнее и гораздо могущественнее, чем магия. Тьма, что всегда оберегала его, что всегда была с ним. Лука так привык к её присутствию, что воспринимал его как что-то естественное.

Как же он мог не заметить, что его покровительница всё ещё с ним?

**Я так долго звала тебя, но ты услышал меня только сейчас.**

Только шёпот, на самом краю сознания. На самом ли деле звучал этот голос, или он только почудился обессилевшему подростку?

Нежные руки коснулись напряжённых плеч, забирая боль и усталость, губы, прохладные, щедрые, коснулись покрытого испариной лба.

**ПОЗВОЛЬ МНЕ ВОПЛОТИТЬСЯ.**

Как мог он отказать кому-то столь желанному? Но даже так, слыша свою Госпожу, ощущая её прикосновения, Лука всё ещё не мог её увидеть.

«Должно быть, облик моей Богини слишком прекрасен, чтобы его лицезреть», — скользнула в сознании Луки мысль прежде, чем он погрузился в беспамятство.

Лампы, освещавшие комнату для допросов, внезапно зашипели и потухли, оставив монахов во мраке. Когда свет удалось зажечь спустя пару минут, оказалось, что защитные знаки, выложенные мозаикой на стенах, и которые должны были полностью блокировать магию, потрескались и начали разрушаться. Это был единственный ущерб, значительный, но не приведший ни к каким дурным последствиям. Пленник всё ещё был прикован к стулу, а инквизиторы находились в полном здравии. Какое бы зло, какой бы демон или дух не пытался сейчас воплотиться в Дольхене, ему это не удалось.

— Святость нашей обители защитила нас, — осенил себя жестом, отгоняющим зло, произнёс секретарь. — Тебе не кажется, брат Най, что нам стоит на время остановиться?

— Я думаю да. Тем более что колдун оказался даже более хлипким, чем выглядит. Едва дышит, а я ведь только приступил.

Инквизитор окатил мага холодной водой, похлопал по щёкам, но тот так и не захотел прийти в себя, так что страже ордена пришлось тащить колдуна на себе.

На вечерней мессе брата Андроника, исполнявшего на допросе колдуна роль секретаря, хватил приступ. Брата Найа, которому нездоровилось ещё ранее, от мессы освободили, поэтому о смерти своего напарника он так и не узнал. Когда на следующее утро он не появился на молитве, о нём забеспокоились. Обнаружили его в келье, мёртвого, в разодранной одежде и кожей, щедро украшенной царапинами и ссадинами, которые он явно нанёс сам себе. Все следы говорили о том, что лучший дознаватель ордена задохнулся от собственного распухшего языка. Впрочем, никаких иных признаков отравления не нашли.

И хотя предварительно было решено, что смерть двух инквизиторов, допрашивающих до этого Лукреция Горгенштейна, была лишь совпадением, мальчишку решили пока не трогать. «Паолос разберётся». Впрочем, до приезда главы ордена оставалась неделя, а молодой чернокнижник вторые сутки не приходил в себя. Казалось, жизнь истекала из него с каждым часом, и чем больше таял колдун, тем более странные и страшные вещи происходили в Дольхене. В орденском храме треснул алтарь, на кухне обнаружили с полсотнидохлых крыс, успевших перед смертью испортить почти все продукты. Мощи святого Келоса, недавно с большим трудом привезённые в орден, начали издавать столь сильное зловоние, что пришлось убрать их в дальний угол, а юродивый брат Филаре спрыгнул с колокольни, обрезав перед смертью почти все верёвки. Кто-то считал, что со смертью колдуна, оказавшегося неожиданно могущественным, и сумевшего преодолеть защиту Дольхена, всё прекратится. Но большинство думали, что умерев в стенах ордена, чернокнижник принесёт ещё больше проблем, столь злобной и страшной была его магия.

Зло проникло в Дольхен вместе с колдуном, и только с ним оно могло уйти.

В какой-то степени Равелю повезло. Когда он сообщил дурную весть о Луке, дома был и отец, и Томас, так что ему не пришлось в одиночку выносить отчаянные рыдания матери. Впрочем, матушка достаточно быстро взяла себя в руки, и прежде чем Равель успел смыться, тут же нашла ему дело, отправив его за Лавелем. Вполне разумно, учитывая, что молодой священник лучше всего представлял, как будет действовать орден святого огня.

Найти молодого священника удалось в приходской школе, где Лавель занимался с

детишками, обучая их грамоте. Сказать, что он удивился, увидев Равеля, было ничего не сказать. Хотя братья в детстве достаточно часто проводили время в одной компании, дружны они не были. Слишком уж разные были они по темпераменту, да и по взглядам на жизнь. Лишь только что-то весьма важное могло заставить Равеля его искать.

— Что случилось? Что-то дома?

Лавель разобрался в сути проблемы достаточно быстро, и на взгляд воина, удивился гораздо меньше, чем должен был. Подробности он выяснил уже в кэбе, везущим их домой.

— Бромель как-то с этим связан?

— Кто?

— Доминик Бромель. Епископ, который присматривал за Лукой, — раздражённо сказал Лавель.

— Хм, тот учитель действительно упоминал некоего Доминика. Сказал, что он должен забрать мальчишку из Дольхена.

— Когда? — напряжённо уточнил Лавель. Рави лишь равнодушно пожал плечами, и кажется, впервые за долгое время разозлил своего долготерпящего брата.

Стоило им только переступить порог дома, как к Лавелю кинулась госпожа Горгенштейн. Глаза её лихорадочно горели.

— Ты знал? Ты знал?

— Знал что? — мягко спросил священник, беря ладони матери в свои. Но его мать едва ли было так его успокоить.

— Что Лукреций связан с чернокнижием, — госпожа Горгенштейн порывисто вздохнула. — Помнишь, ещё до того, как Лука поступил в Орхан, я просила тебя разобраться с его странностями? В то время он днями пропадал на кладбище, вёл себя совсем замкнуто и отстранённо. Тогда ты сказал, что это была лишь детская игра. Скажи, это действительно было так?

Священник заколебался. Та история... Ведь косвенно это он виноват в том, что случилось с Лукрецием. Он первый узнал, что у Луки магический дар, он был причиной того, что Бромель узнал о юном чернокнижнике и поспособствовал его поступлению в Орхан. И они вместе с епископом скрывали «особенности»

Лукреция. Ещё тогда стоило удивиться столь миролюбивой позиции отца Доминика. Он скрывал Луку от остальных, и, как подозревал Лавель, даже подстрекал юного мага в его грехе.

Тогда у Лавеля не было выбора, по крайней так казалось, но кто знает, как всё сложилось бы, если бы он их случайно не познакомил? Или бы жёстче отнёсся к Лукрецию. Ведь он так молод, неудивительно, что он отступился.

Видимо, молчание Лавеля было достаточно красноречивым. Щеку его обожгла пощёчина.

— Ты умолчал о проблемах Луки! Если бы мы с твоим отцом знали ещё тогда...

— То всё равно были бы беспомощны. Не нам влезать в дела магов и священников, — успокаивающе обнял жену Ольдвиг. — Нам стоит хотя бы быть благодарным, что он не рассказал о Луке ордену святого огня ещё тогда.

— И вы так уверены, что это не он сейчас отдал Лукреция инквизиторам? — цинично спросил Равель. — Как говорится, исправил ошибку прошлого.

Теперь уже оплеуха прилетела и ему. Пожалуй, в таком состоянии матушку было лучше не злить.

Впрочем, Равель и так понимал, что был не прав. В роду Горгенштейнов было принято крепко держаться за своих и хранить семейные тайны до последнего. Вот только этих тайн оказалось больше, чем можно было рассчитывать. Его, Равеля, страсть к убийствам, демоническая зверюшка Ави, а теперь ещё и связь Луки с запретным колдовством. И кто знает, что ещё? Наверняка, и у правильного Томаса есть свои грешки, да и сестрички те ещё лисицы.

— Что мы будем делать? — спросил воин, не заметив, как легко слетело с его губ слово «мы». — Этот... Доминик, епископ, на нашей стороне?

— Хотелось бы мне знать, — хмуро сказал Лавель. — Но в любом случае, нужно будет добиться с ним встречи. Любой иной поступок с моей стороны вызвал бы подозрение.

Только сейчас Равель начал понимать, сколь серьёзной проблемой для его братца-святоши может оказаться то, что он ради защиты Луки закрыл глаза на его тёмный дар. Святая Церковь Иеронима не прощала предательства. В лучшем случае его сошлют в глухую провинцию, дав бедный приход или просто снимут сан. В худшем посчитают отступником и еретиком. И тогда его будет ждать судьба Лукреция.

Равель мало ценил свою жизнь, чужие — ещё меньше. Но мысль, что Лавелю может грозить смерть, наполняло его сердце беспокойством. Лавель не такой, как они все. У него нет проницательности Августина, или крепости духа Марка и Карла. Лавель мягкий, слабый человек, но именно он сейчас подвергал себя наибольшей опасности.

— Поосторожнее там, — неловко похлопал воин молодого священника.

— Конечно.

В этот день Равель не стал уходить из дома, хотя обстановка оставляла желать лучшего. И ладно он мог чем-то помочь. Но он оказался совершенно бесполезен и всё, что ему оставалось, это скучать в своей комнате, ожидая хоть каких-либо новостей от Лавеля.

Вернулся Лавель расстроенным — добиться встречи с епископом ему так и не удалось, да и привечали его не слишком-то гостеприимно, намекнув, что молодому священнику стоит знать своё место и не лезть куда не надо.

В гостиной за поздним ужином Ольдвиг собрал своих старших сыновей — Равеля, Томаса и Лавеля для того, чтобы решить, что дальше делать. Никого иного на это собрание они не пустили — женские сантименты были бы сейчас совершенно излишними.

— Это не конец, — сжимал кулаки Лавель. — Завтра я отправлюсь в Дольхен. Они обязаны со мной говорить!

Ольдвиг устало потёр лоб и откинулся на кресле назад.

— Нет, это слишком рискованно. Не торопись. Я попытаюсь выяснить о судьбе Лукреция по своим каналам. Если нужно, отправлюсь в Дольхен сам — в конце концов, я не последний человек в столице. А ты возвращайся в свой храм и не высывайся оттуда. Чем меньше ты привлекаешь внимание, тем лучше. Том?

Томас встрепенулся:

— Да? Что я должен сделать?

— Ты ведь должен был на днях отправиться в торговую экспедицию на острова?

Молодой мужчина кивнул.

— Завтра, но я отменил всё. Сейчас не до этого.

— Нет, тебе нужно ехать. Оповести свою команду и отправляйся. И не слишком торопись. — Ольдвиг повернулся к своему среднему сыну: — Рави, я знаю, что ты давно хочешь вернуться к службе. Сделай это сейчас. Я попрошу моего друга-генерала замолвить



за тебя словечко, чтобы ничего не мешало тебе вернуться в свою часть.

— Но почему?! — воскликнул Томас. — Сейчас, когда всё так сложно, ты отсылаешь нас из столицы. Мы не так бесполезны.

— Беспольны, — жёстко ответил Ольдвиг. — Инквизиция это не бандиты, с которыми можно справиться силой, и не торговые конкуренты, которых можно перехитрить. Я бы, пожалуй, и Лавеля отправил бы прочь, но боюсь, что для этого не найдётся повода. Ваши мать и сестра тоже отправятся поправить своё здоровье на юг. Чем дальше вы все от столицы, тем мне спокойнее. Мне хватает беспокойства за моего младшего сына.

— Я не согласен, — вскочил Томас. — Я никуда не уеду. Ты просто переоцениваешь угрозу, отец. Даже если у них есть причины удерживать у себя Луку, нам они ничего сделать не могут. Мы не глупые крестьяне, которых можно запугивать. Мы можем и должны постоять за себя и за Лукреция! Разве не этому ты нас учил?!

— Я так же учил вас верно оценивать ситуацию и помнить уроки прошлого. Впрочем, в последнем случае это уже моя вина, — вздохнул Ольдвиг.

Лавель посмотрел на Равеля, а затем на Томаса, но те, похоже, тоже не понимали, о чём говорит отец.

— Что ты имеешь в виду? Что за уроки прошлого?

Ольдвиг сцепил руки перед лицом, устремив пустой взгляд вдаль. Голос его сейчас звучал глухо и бесцветно:

— Мой дед — ваш прадед, Цери Хорхеншгарн, переселился в Гортензу из княжества Сильве ещё будучи ребёнком, Ему тогда было двенадцать или тринадцать лет. Достаточно, чтобы хорошо понимать, почему именно ему пришлось бежать со своей родины вместе в одиночку. Всю остальную семью — отца, и двоих братьев Цери, казнили по обвинению в использовании тёмной магии, хотя ни сам Цери, ни его братья не унаследовали магического дара отца. Просто... просто кто-то счёл, что заразу нужно уничтожить на корню. Убить не только самого колдуна, но и его потомков. Лишь удача помогла моему деду спастись от части остальных своих родных — его в тот момент просто не было с семьёй.

— Прадед... тоже был магом? — спросил Лавель.

— Нет, он был обычным человеком. Сын Цери тоже не был магом, как и я, как и мои дети... все, кроме Луки. Кто знал, что угасший дар передастся ему спустя несколько поколений? Но даже когда обнаружилось, что у Лукреция есть магические способности, я нисколько не взволновался, — Ольдвиг отчаянно посмотрел на молчащих сыновей, как будто прося их прощения. — Я даже почувствовал радость. У меня ведь было столько планов на моего собственного мага. Интересно, что бы сказал Лука, узнай он, что я продумал его будущее на годы вперёд?

Равель фыркнул:

— Ничего бы не сказал, просто по-тихому слинял бы, как крыса.

— Ну да, к торговле его душа явно не лежала, — бледно улыбнулся Томас. — Но неужели ты бы действительно использовал тёмного мага...

— Нет! — воскликнул Ольдвиг, ударив кулаком о стол и лишь чудом не уронив стоявший рядом бокал. — Нет, ты не понимаешь, Том. Лукреций не может быть тёмным магом, чернокнижником. Это не то, кем можно родиться. Для этого нужно учиться тёмным искусствам. У отца Цери эти знания были, по крайней мере, так говорил сам дед. Вот только вот передать эти знания колдуну было некому, так что линия прервалась. Луке просто неоткуда было научиться тёмному искусству. Ведь так? Скажите, он говорил вам что-то?

Томас переглянулся с Равелем.

— Я ведь был с Лукой не очень близок. Младший никогда не делился со мной секретами.

— Как и со мной, — кивнул Рави, не став говорить вслух, что просто терпеть не мог маленького крысёныша, и едва ли сам стал бы того слушать.

Лавель же заколебался.

— Я тоже не был ему другом, как и вы. Лукреций всегда был замкнут и держался в стороне. Пожалуй, одна лишь Августа могла его расшевелить его. То, что именно я первым узнал о его магическом даре, было случайностью. Я пытался ему помочь, и случайно выдал его секрет епископу Бромелю. Но я думал, что отец Доминик будет сдерживать его способности к плохой магии, но никак не развивать их! Я не мог представить, что всё так обернётся. Простите, я не смог беречь Луку...

— Перестань распускать нюни, — поморщился Равель. — Судя по всему, этому Бромелю нельзя доверять. Вполне возможно, именно он и стоял за арестом Лукреция. А тот учитель богословия, которого я застал в квартире, он тоже работает на епископа?

— Нет, — покачал головой Лавель. — Он точно не может быть на его стороне. Бромель сильно недолгобливает Швара, считая его, не без основания, ушами и глазами Папы. И то, что Йохан Шварц вмешался, лишь усугубляет ситуацию. Если Папа не доверяет Бромелю, то епископ, если хочет остаться чистым, должен будет избавиться от Луки как можно скорее. По идее, Бромель вообще не должен был привлекать к Луке внимание, и уж тем более вмешивать орден святого огня. Видимо, что-то его вынудило на столь решительный шаг. Но что бы ни собирался предпринять дальше епископ, он не позволит Луке долго находиться в Дольхене, так как это может раскрыть и вина самого епископа.

— Ага, тот священник, Шварц, тоже так решил. Ну, в смысле, что Доминик Бромель заберёт Луку из Дольхена к себе. Если уже этого не сделал, — спокойно согласился Равель, теперь лучше понимая поведение того учителя. Пока Доминик охотится за Лукой, за ним самим пристально следит другой хищник... И это на самом деле даёт Лукрецию большой шанс вырваться из ловушки живым. Пока пёс и кот будут драться, у мышки будет шанс сбежать. — Шварц сказал мне не вмешиваться.

— Да, — кивнул Ольдвиг Горгенштейн. — И я с ним соглашусь. Ты, как и Томас, должны уехать, чтобы давняя история нашей семьи не повторилась. И тебя, Лавель, я попрошу держаться в стороне и от Бромеля, и от этого Шварца. Я и так уже благодарен тебе за то, что ты прояснил мне ситуацию.

— Мы должны уехать, чтобы ты мог сам помочь Лукрецию, не будучи связанным заботой о нас? — понимающе спросил молодой священник.

— Да, — согласился господин Горгенштейн, отведя в сторону взгляд.

Лавель был слишком наивен, как впрочем и Томас, чтобы они могли заметить неискренность отца. Но Равель видел её и понял, что за этим стоит.

Ольдвиг Горгенштейн решил пожертвовать своим младшим сыном ради остальных своих детей. Выиграть для них время, дать уехать подальше из столицы, на время или навсегда. Самому остаться лишь для того, чтобы не вызвать подозрения у возможных преследователей. Возможно, пожертвовать собой тоже. Наверняка, он чувствовал вину перед младшим сыном, и поэтому был готов разделить с ним его участь.

Правда была в том, что на самом деле Ольдвиг не верил в то, что Лукреция можно спасти. Только не тогда, когда на тёмном маге сосредоточились интересы и

могущественного епископа, и ищейки Папы. Но отец ни за что не скажет об этом ни ему, ни Томасу, ни кому другому из своих детей. Потому что господин Горгенштейн всегда учил их, что нельзя бросать своих. Разве он может теперь разрушить их веру в это?

Равель, всю жизнь бывший одиночкой, не признававший своей привязанности к кому-бы то ни было, сейчас чувствовал острое сожаление. Даже если все, кроме Лукреция, останутся живы, их семья всё равно разрушится. Ничего не будет как прежде.

«Но мне ведь не должно быть до этого никакого дела, — рассеянно думал Рави, меряя шагами свою комнату. Они уже час как разошлись, взбудораженные своими мыслями и надеждами. Не мог найти себе покоя и Равель. — Я всё равно собирался идти своей дорогой. Я почти оставил их всех позади».

Равель понимал отца лучше остальных, и был с ним согласен. Так почему же, почему он всё ещё придумывает план, как можно было бы вытащить Луку из Дольхена, оставив всех этих святош с носом?

С этими беспокойными мыслями воин лёг в кровать, и они же, очевидно, сыграли с ним злую шутку. Иначе чем объяснишь, что проснулся он уже не в отчем доме, а стоя босым и в одной пижаме на улице, почти носом упираясь в стены Дольхена? Небо было ещё тёмным, но судя по появлению утренней звезды, скоро должно было начать светать. Но пока Равелю повезло, и никто не был свидетелем его позора.

— Никогда не ходил во сне, — мрачно пробормотал Рави, пытаясь в полутьме разглядеть свои грязные и холодные ступни на предмет повреждений. Кажется, на что-то уже успел наступить. — Так с чего начал-то?

— Очевидно, ты просто почувствовал тьму, что распространяется сейчас от Дольхена. Кто же знал, что эта обитель благочестия так легко падёт перед твоим братом, — раздался чарующий женский голос за его спиной.

Равель резко обернулся. Женщина, стоявшая за его спиной, была ему незнакома, хотя и явно знала его. Белые пряди её волос казалось светились в темноте, делая красивое худое лицо немного пугающим.

— Кто вы?

— Зови меня Медеей. Я думаю, тебе можно, — мягко улыбнулась незнакомка.

Она протянула ему руку, и он отчего-то принял её, сжимая её ладонь в своей как самое большое сокровище.

— Пойдём со мной, Равель, если хочешь помочь Лукрецию.

Хотел ли Рави на самом деле помочь брату? Он не знал это даже сейчас. В этот момент воин даже не думал о маге, попавшемся инквизиции. Всё, что Рави понимал сейчас, то что он готов пойти за этой женщиной и в адское пекло.

Потому что в глубине глаз Медеи таилось то, что всегда влекло Равеля, но что он никогда не мог найти в других женщинах. Они были слабы, Медея же... Медея была наполнена яростью и ненавистью столь чистой, что казалась воплощением самой смерти. Женщина, ради которой стоит убивать, потому что только она сможет оценить жизни, что он принесёт ей в жертву, кинет к её прекрасным ногам.

Августин уже почти как месяц покинул Улькере, остановившись в городке к югу от столицы — Вельге. Он даже успел найти работу, нанявшись секретарём одному торговцу. Работа не весь какая интересная, но для того, чтобы поднакопить денег для дальнейшего путешествия вполне хватало. Или для того, чтобы вернуться обратно. Он не такая уж важная

птица, чтобы о нём слишком долго помнили, в конце то концов. Конечно, придётся сменить имя, выправить себе новые документы, ну и пожалуй поработать над внешностью — слишком уж в столице её хорошо знали. Но если всё получится, он сможет вновь прогуляться по лицам Улькере, и может быть даже, выпить с кем-нибудь из братьев. Им можно верить. Даже праведный Лавель и зануда-Томас будут на его стороне. Как и он сам был на стороне Равеля, даже зная, что тот совершил и кем являлся.

Ави верил, что от него могли отвернуться все, но только не его братья и сёстры. Может быть, когда-нибудь, когда у него появится жена и дети, эта кровная связь ослабеет, но едва ли когда-нибудь разорвётся. «Отец всегда говорил, что если хочешь выжить — нужно быть преданным своей семье. Так было, так и есть».

Единственное, что он не мог предполагать, что его преданность подвергнется проверке так скоро.

Всё началось с Лейлы. Большую часть времени дух огня оставался в облике лисицы, свернувшись клубком на подушке, и просыпаясь лишь для того, чтобы поесть. Ави настолько привык к виду мирного, дрыхнувшего зверька, что когда однажды придя в свою квартиру он обнаружил одетого лишь в его рубашу ребёнка, он несколько растерялся.

— Лейла, м-м-м... Как дела? — ляпнул он, не зная, как себя вести. — Что-то хочешь?

— Ты ужасно глупый, — было заявлено ему Лейлой. — Ты разве не знаешь? Мы должны быть сегодня к восьми в большом городе.

— В большой город? Столицу что ли?

Лейла кивнула. Августин почесал в затылке, не зная, насколько дух может его понять:

— У нас в любом случае не получится. Даже если мы выедем сегодня с почтовым дилижансом, мы окажемся в Улькере не раньше следующего вечера. К чему такая срочность, Лейла?

— Нас с тобой ждут. Ведьма позвала. Лейла могла бы не идти, но ведьма сказала, что у тебя перед ней большой долг. «Пора вернуть», — сказала она, — с равнодушным видом произнесла девочка. А затем решительно блеснула глазами. — Но Лейла одного тебя не отпустит. Ты глупый, ты умрёшь. Кто тогда будет обо мне заботиться, и кто будет меня любить?

— Ну ради такого мне действительно нужно будет поберечь свою жизнь, — растерянно согласился Ави. — Значит, нас позвала твоя прежняя хозяйка, Белая Гадалка. И как она предполагает, мы доберёмся до столицы к этому времени?

— Лейла поможет. Проведёт через огонь.

Августин уже перестал чему-то удивляться, но не спросить не смог:

— Ты и так можешь? А чего тогда не говорила?

— Ты не спрашивал.

— Ну действительно. С чего бы тебе говорить о таких вещах, если я не спросил? — вздохнул мошенник, присаживаясь. И тут же встрепенулся: — Послушай, а ты умеешь менять людям внешность? Ну, чтобы никто не смог узнать человека?

Огненный дух покачала головой.

— Попытка не пытка. Скажи, ты знаешь, что Белая от нас хочет?

Лейла повела плечами, то ли не желая отвечать, то ли просто не зная.

— Что ж. У меня есть какие-то догадки. Наверняка, она опять пытается цепляться к Луке. И что ей сдался младшенький?

Хотя Ави не ждал ответа на этот вопрос, лисица неожиданно на него отреагировала.

Подойдя к мошеннику, она обвила его тощими руками, уткнувшись носом куда-то ему в бок.

— Вонючка.

— Что? — растерялся Ави, густо покраснев. Конечно, он не успел ещё умыться после работы, но так он и не кирпичи таскал...

— Тот маг. Вонючий и невкусный. Похожий на моего ада-Махран. Ты же его назвал младшим?

— Да, он мой брат. А вы ведь действительно знакомы, — задумчиво произнёс мошенник. — Почему ты о нём заговорила?

— Потому что ему плохо. Ему больно и одиноко. Его все бросили, — Лейла подняла глаза, и впервые за всё это время Ави увидел на лице девчушки слёзы. — Я хотела к нему прийти. Сжечь всех, кто причиняет ему боль. Потому что когда больно ему, мне тоже неприятно. Как будто всё чешется. А ещё становится очень грустно. Глупый маг-вонючка не умеет страдать так, чтобы Лейлу это не касалось, поэтому Лейла хочет помочь ему. Но дурацкие знаки не пускают меня туда.

— Куда?

Сердце Ави билось быстро-быстро, а от внезапно появившегося страха во рту стало сухо.

— В место, где находится вонючка, — нахмурилась девочка, недовольная тупостью своего слуги. — Белая сказала, что это место, где полно псов. Я не люблю псов. У них острые зубы и громкий лай.

Ладонь Ави опустилась на встрёпанную макушку Лейлы, неловко поглаживая.

— Ну да, ты же лисица, тебе положено не любить псов, — рассеяно сказал он. Псы? Лука что, на псарне где-то застрял?

Внезапно его озарило. Псы. Конечно же, Лейла приняла всё буквально, но скорее всего гадалка имела в виду кое-что совсем другое.

— Псы папского престола. Инквизиторы, — прошептал Августин, бледнея.

Кто иначе мог причинить такую боль молодому магу? Луку пытали, и Лейла каким-то образом могла это почувствовать.

Мошенник подхватил девочку за подмышки, поднимая её до уровня своего лица.

— Сделай это, — решительно сказал Августин. — Проведи меня сквозь огонь. Если Белая хочет спасти Луку, то я готов помочь ей, чем смогу.

# Глава 10

## Союзники и противники

После грязной вонючей соломы проснуться на чистых простынях было истинным удовольствием. Впрочем, помимо свежего белья и мягкого тюфяка под спиной, остальное мало радовало. Лукреций находился в узкой, полутёмной комнатке с грубоватыми изображениями надменных святых на стенах и защитными знаками на потолке и полу, а единственным, кто бдел около его постели, был святой Эльгерент. Лысый и бородатый старичок, так похожий на добродушного дядюшку, любящего вино и долгие разговоры. Старичок, испугавший в своё время Луку не меньше чем Енох.

Эльгерент сидел на шатком кресле, закинув ноги на кровать и листая книгу в потрёпанной обложке.

— Странную же память я оставил после себя, — негромко сказал иеронимец, не поднимая глаза. — Я лично обратил в веру сотни людей, я ниспровергал ереси везде, где только видел. Я был вхож в императорские дворцы и любим чернью. А меня запомнили как придурковатого бродягу, сочетавшего браком двух не слишком везучих возлюбленных.

— Конечно, вы этого не делали, — хриплым от слабости голосом ответил маг.

Наконец святой поднял глаза и задумчиво улыбнулся:

— Нет, это действительно было. Те двое... любили друг друга, столь искренне и самозабвенно, что я захотел помочь им, несмотря на то, что этот поступок вверг меня тогда в опалу. Но зато когда тот юноша стал правителем, он сторицей возблагодарил меня.

— Значит, вы сделали это ради выгоды?

— Ты всё ждёшь от меня подвоха? Но, мальчик, никто из людей не может знать будущего, знать, как обернётся тот или иной его поступок. А я, чтобы ты не думал, всего лишь человек. Как и ты, хотя, признаюсь, ты едва ли не убедил братьев святого огня в обратном.

Лукреций с трудом сел, опираясь на дрожащие руки. Его пальцы... что ж, глупо было ждать, что они так быстро восстановятся. Сейчас пальцы были обмотаны бинтами, и тягучая, на грани терпимого боль говорила о том, что бинты пока лучше не снимать. Святой проследил за взглядом юноши.

— Прости, одного ногтя ты всё-таки лишился. Но они, я слышал, со временем вырастают вновь. Как ты себя чувствуешь, мальчик?

— Я всё ещё в Дольхене? — спросил Лука, проигнорировав вопрос Эльгерента.

— Да. Доминик как раз в это время договаривается о твоей передаче, дружелюбно улыбаясь, ответил святой.

Маг нахмурился:

— Зачем вам вообще нужно было привлекать Инквизицию? Вы хотели запугать меня? Наказать за исчезновение. Но в этом не было моей вины! Ваш... ваш союзник заставил меня! Взгляд Эльгерента тут же утратил добродушие, став пронзительным.

— О ком ты?

— Вы знаете. О Енохе. Вы... неужели вы не в курсе этого?

Эльгерент промолчал, но даже это молчание многое сказало Луке.

— Он... он предал вас. Действовал за вашей спиной, — поражённо произнёс юноша.

Эльгерент же был напротив, подчёркнута сдержан, ничем не выдавая обуревавших его

эмоций.

— Что с ним теперь?

— Не знаю, — соврал маг.

Едва ли Эльгерент поверил ему, но допрашивать дальше Лукреция не стал. Магу даже показалось, что святой держится с ним гораздо более осторожнее, чем раньше.

— Поговорим позже. Скажи, почему ты решил, что именно Доминик стоял за твоим арестом?

— Те монахи, что пришли за мной, так мне сказали!

Эльгерент нахмурился, но снова ничего не сказал.

Так как монахи были рады избавиться от проблемного заключённого, Доминик Бромель достаточно быстро смог получить Лукреция обратно. Правда, едва ли то, каким образом его отвезли в резиденцию епископа, могло магу понравиться. В то время, пока Его Преосвященство со своим спутником, так оставшимся для инквизиторов неизвестным, с комфортом передвигались по городу в удобной карете, Лука был заперт в тесном саркофаге, который, судя по тому, как трясло и кидало Луку, был просто закинут в повозку, и то и дело ударялся о её борта. Маг, не знавший о беде, постигший по его вине Дольхен, воспринимал своё помещение в каменный ящик как издевательство и персональную месть со стороны епископа Пожалуй, не будь способности чернокнижника заперты, здоровье, а то и жизнь Бромеля, сейчас была бы под грозой.

Пока Лукреций набивал новые синяки, Эльгерент и Доминик имели более чем интересный разговор.

— Тёмный сказал мне, что это именно ты натравил на него псов престола, — прямо сказал Эльгерент, как только они остались с Домиником наедине. — Ты от меня что-то скрывал или он врал?

— Скорее, ошибался. Впрочем, как и братья ордена огня, — мрачно ответил Бромель, нервно перебирая в руках чётки с серебряными и изумрудными бусинками. — Они, представь себе, тоже считали, что это я рассказал им об одержимом маге, и даже сказал, где его можно найти. Лично пришёл к заместителю Паолоса с просьбой, в которой он мне не мог отказать. Правда, помимо брата Колина, меня никто не видел, и обратился я с просьбой к нему в то время и в том месте, где меня просто не могло быть.

— Ты хочешь сказать..?

— Я не такой дурак, чтобы привлекать внимание инквизиторов к нашему подопечному, — огрызнулся Бромель, сведя тонкие брови на переносице. — Те чётки, что ты мне дал, они реагировали на те ужасные миазмы, что поглотили Дольхен, но рядом с Колином они просто прожигали мне руки. Могли ли быть такое, что на помощника Паолоса могли повлиять тьмой? Существуют ли такие заклинания, которые позволяют выдать одного человека за другого, притом сделать это так ловко, что на это поведётся даже инквизитор?

Эльгерент в задумчивости пригладил бороду.

— Некоторые маги, из магистров, так могут. Правда, одурачить их поделкой можно только простолудинов, а тут сработал гораздо более искусный мастер. Да и чётки реагируют не на простую магию, а лишь на ту, что была испорчена тьмой. А среди тёмных, способных на подобные трюки, я не знаю никого. Хотя... постой. Я помню, Енох рассказывал мне, как в руки братства попадала одна молодая колдунья, способная принимать чужие обличия. Но она давно мертва. Как же её звали? Как же... О, я вспомнил! Маргарита Ульке, дочь Медеи Орфы. Но она не одно столетие мертва.

— Значит, кто-то из её рода. Может быть, даже сама Медея, — мрачно предположил Доминик.

— Возможно. Я так и не смог найти старую ведьму, — задумчиво ответил Эльгерент.

Доминик Бромель как будто собирался что-то сказать, даже открыл рот, но святой остановил его:

— Потом. Если в дело действительно замешан ведьмовской ковен, то нам стоит быть осторожнее.

Епископ возмущённо выпрямился.

— Это моя вотчина — едва ли ведьм хватило бы наглости разместиться у меня под носом!

— Поверь, у Медеи хватило бы, — усмехнулся святой. — Эта женщина не только одержима тьмой, но ещё и безумна.

Когда Луку наконец извлекли из саркофага, он был настолько вымотан, что даже не мог говорить. Но вот на злость его силы хватало. Жаль только, что его источник, епископ Бергель, благоразумно избегал юного чернокнижника. Об этом заблаговременно позаботился Эльгерент, гораздо лучше представлявшего, какую опасность сейчас представляет Лукреций.

— Видишь ли, с его точки зрения, это ты обрёл на не самое приятное времяпровождение в Дольхене. Поэтом именно ты являешься сейчас главным источником раздражения.

— И что, так ли уж нужно бояться мальчишки? Он с самого начала терпеть меня не может, но пока я вполне жив и здоров!

— Тогда он не вошёл в полную силу, — возразил Эльгерент. — Нежели ты своими глазами не видел, во что превратился Дольхен?

Оба енохианца находились в малом зале храма, куда не пускали простых прихожан, но где священники могли сами в молитвах обратиться к Богу. Впрочем, сейчас в зале, кроме Доминика и Эльгерента, никого не было, и они могли свободно говорить о той проблеме, что их мучила больше всего.

— Я не столь разбираюсь в тёмном искусстве, как вы с Енохом, но разве колдуны... разве обычные тёмные маги могут обладать такой силой? Даже инквизиторы, которым регулярно приходится иметь дело с тёмным отродьем и демонопоклонниками, даже они оказались в затруднении. И Енох... ты говоришь, что Учитель возможно исчез из-за мальчишки. Но не можешь же ты искренне верить, что он мог его убить!

— Убить? Едва ли. Не так-то просто убить того, у кого нет плоти. Но Лукреций явно знает больше о судьбе Еноха, чем мы.

— Тогда почему бы тебе не выбить это из него?

Эльгерент, до этого стоявший спиной к епископу, и изучавший старинную фреску с изображением Иеронима Защитника, наконец повернулся к Бромелю. В неровном свете свечей лицо святого, обычно добродушно-весёлое, выглядело непривычно задумчивым.

— Потому что если я прав по поводу источника силы мальчика, то лучше бы нам не выводить его из состояния равновесия. Насколько я понял, он пока не может полноценно управлять доставшимися по наследству способностями.

— Способностями?

Деревянная дверь скрипнула, и в проходе возник молодой служка, уткнувшийся глазами



в книгу идущий практически на ощупь.

— Вон! — рывкнул Бромель.

Служка поднял голову, побледнел, и пятясь, исчез в дверном проёме.

В глазах Эльгерента мелькнула насмешка. Доминик Бромель стремился производить впечатление великодушного и мягкого человека, но в подобные моменты всегда проявлялась его истинный характер, вспыльчивый и раздражительный, как у мальчишки. Он был нетерпелив, поэтому порой епископом было не просто управлять, но острый безжалостный ум компенсировал некоторую неуправляемость. Наверное, стоило рассказать Бромелю то, что стало понятно Эльгеренту некоторое время назад, и посмотреть, как тот отреагирует.

— Всё это время, — негромко начал святой, — ты думал, что имеешь дело с заурядным тёмным магом. Немудрено было ошибиться — в отличие от меня или Еноха ты гораздо реже сталкивался с магами. Но ещё при первой встрече с мальчиком я понял, что его возможности выходят за рамки тех, что доступны обычным магам. Безусловно, он относился к истинным наследникам тёмной силы — потомком одного из троих. Точнее, двоих из них — ведь нам было известно лишь о сыновьях Рейта Дуана и Махрана Фаруха. Наш Господин, как известно, не оставил потомства.

— Значит, Горгенштейн принадлежит к роду Дуанов и Фарух?

— Да, сыновей и возлюбленных богини. По крайней мере, таковыми они считали себя. Понять истинные отношения тёмных со своей госпожой нам, пожалуй, не дано. Как бы то ни было, благодаря связи с ней, они получили силы, которые недоступны остальным магам. А также они получили некоторые особые... способности. У каждого свои. Фарух Махран имел власть над демонами и духами. Он понимал язык зверей, и мог договориться даже с безъязыкими элементариями или злобными духами пустыни. Говорят, Махран Фарух не раз возглавлял саму Дикую Охоту.

— Но о нём давно уже не слышали. Он мёртв?

— Возможно, — пожал плечами Эльгерент. В отличие от Дуана Рейта, Махран Фарух не был склонен к конфликтам. Вполне возможно, он нашёл себе какой-то милый островок на краю мира и теперь счастливо доживает свои дни там. Он, должно быть, очень, очень стар.

— Первые последователи Тьмы не бессмертны? — вздёрнул брови епископ.

— Не те двое, о которых я тебе сейчас рассказываю. Лишь наш Господин... но о нём позже. Я расскажу о втором из них, том, чьи потомки доставили больше всего беспокойства нашей Церкви. Дуанов считают Повелителями мёртвых. Поднятие кладбищ, создание умертвий... пожалуй, если бы Рейта не убил один из его сыновей, он смог бы подчинить себе всё человечество. Или уничтожить его. Нам повезло, что его дети, хоть и унаследовали способность к некромантии, были не столь сильны. О способностях нашего Господина ты знаешь сам. У него не было детей, но его талант и мудрость были столь велики, что он не только встал на сторону людей, пойдя против лживой богини, но и смог одарить нас, своих последователей.

Глаза епископа горели восхищением и благоговением.

— Дар бессмертия.

То, ради чего все они, и Енох, Эльгерент, Доминик и многие другие пошли столь скольким путём, отойдя от официального учения Церкви. Учение Еноха о тьме, способной стать в руках праведников оружием, давно было отринуто Церковью Иеронима, хоть и не было объявлено официально еретическим.

— Бессмертие? Не совсем. Мне несколько сотен лет, Еноху и того больше. Наш Господин живёт несколько тысячелетий. Но... сколь многим нам пришлось пожертвовать для этого? И сколькими?

Эльгерент устало сел, глядя на свои руки — по-крестьянски крепкими и мозолистыми.

— Мне повезло, что я смог сохранить своё тело. Наш Господин впал в беспробудный сон, запертый в храме, а Енох лишился тела. Столько времени он провёл в виде бесплотного духа? Разве это то бессмертие, к которому мы все стремимся? Неудивительно, что в конце концов его верность нашим идеям была подточена.

— Разве? — поражённо выдохнул Доминик.

— Я достаточно знал его, чтобы понимать, что глава ордена больше не стремиться к пробуждению Господина. Возможно... Я думаю, что он, догадавшись, как и я, о силе мальчишке, решил с помощью него вернуть своё тело, забыв о нашем долге перед Господином.

Епископ сердито мерил шагами зал.

— Я всё ещё не понимаю! Какой толк Еноху был в Горгенштейне?

— Прости, я отвлёкся. Как я сказал, дар нашего Господина — не бессмертие, хотя благодаря его истинному дару мы можем отсрочить нашу смерть настолько далеко, насколько это возможно. Господин... Тёмные называли его Предателем за то, что он отвернулся от их богини. Но у него было и другое имя. Дуан — Повелитель мёртвых, Фарух Махран — Вызывающий. Наш Господин же был известен как Владыка душ. Он умел, и научил нас тому, как может существовать душа вне тела. И как поглощать чужие души для того, чтобы продлевать свою жизнь. Должно быть, для тебя, мой друг, это звучит шокирующе, — грустно сказал святой. — Знать, благодаря чему я всё ещё топчу эту землю.

Епископ, бледный как мел, растерянно глядел на свои руки. Бессмертие... такой ценой? Несмотря на все авантюры, на которые Бромель шёл ради ордена, он всё же верил в идеалы Церкви. Разве не ради спасения душ существует святая Церковь? Ради не для их спасения старались они все? Будь он бессмертным, он мог бы служить во благо Господина и Церкви столько, сколько нужно. Вечно стоять на защите людского рода, спасти невинные души, защищая их от зла. Но если ради собственного бессмертия ему придётся уничтожить бессмертные души других... то и он тогда становится злом.

— Я не хочу губить невинных, — отведя глаза, сказал Епископ. — Это того не стоит. Вся моя власть того не стоит.

— Ах, ты всё такой же идеалист, как и тогда, когда мы впервые познакомились, мой милый друг, — отечески улыбнулся Эльгерент, ободряюще сжав плечо Доминика. — То, что нам приходится порой делать, нельзя назвать безусловно хорошими поступками, это так. Но всё это для благих целей, ты должен это знать! К тому же нам нет нужды убивать верных сынов и дочерей Церкви. Наш орден использовал тьму как оружие, это так, но мы всегда обращали это оружие против зла. Мы приносим на алтарь Господина лишь тёмных магов — потому что ему не нужны чистые духом. И пока наша цель блага, мы будем побеждать. Верь мне, как верил всегда! То, что Енох погиб, лишь говорит о том, что он сошёл с верного пути.

— Что он сделал не так? — хрипло спросил Бромель. — Ты думал, Доминик, что Лукреций Горгенштейн один из многих заблудших чернокнижников, следовавших за лживой богиней. Мы с Енохом сочли его потомком Рейта Дуана. Истинным Тёмным, но всё ещё проклятым и достойным смерти. Енох хотел поглотить душу Лукреция Горгенштейна ради себя, я же хотел отдать жизнь мальчика нашему Господину. Но мы оба ошибались,

правда, Енох из-за своего безрассудства узнал это лишь ценой своей жизни. Мальчик... мальчик поглотил его душу. Так легко и просто, как неспособен никто из нас. Так мог, пожалуй, лишь наш Господин. Ты понимаешь, что это означает?

Доминик поражённо вздохнул:

— Он не потомок Рейта. Он наследник Господина.

— Да.

— Мы ошибались.

Теперь епископ совсем запутался. Тёмные маги были слугами зла. Все они, даже не зная об этом, служили лживой богине. Из них всех лишь их Господин, тот, кто спал беспробудным сном в храме, смог отказаться от зла, и встать на путь истины. Отвернувшись от своей ужасающей покровительницы, этот тёмный отдал в руки людей оружие против тьмы и своих бывших собратьев, из-за чего и получил от них своё прозвище — Предатель. Лишь с помощью его знаний орден святого огня и последователи Еноха сумели обуздать бесчинства магов, вознести учение Церкви над всеми людьми. Безусловно, Господин был свят! Но Лукреций Горгенштейн всё так же оставался испорченным злобным мальчишкой. Всего лишь средством для их цели. Чернокнижником, достойным смерти.

— Мы всё же должны убить его ради нашего Господина, — неуверенно сказал епископ.

— И что тот скажет, когда он узнает, что мы убили его потомка?

«Ну, я бы на его месте не сильно расстроился, в конце концов у этого Горгенштейна ещё есть шесть братьев и пятеро сестёр», — подумал Доминик, но вслух это не сказал.

— Так что нам тогда делать? Отпустить? Разве не вы сказали, что он лучше всего годиться для того, чтобы пробудить Господина? Или у нас теперь будет новый Господин? — ехидно спросил Бромель, понемногу приходя в себя.

— О нет, нам нужно лишь перетянуть мальчика на свою сторону и тогда он добровольно поможет нам.

— Убьёт сам себя ради далёкого предка? Если бы это могло помочь, я бы сам лёг на алтарь Господина, но моя жизнь будет для него лишь каплей. Но этот мальчишка никогда не согласится на подобное.

— О, ему вовсе не нужно жертвовать своей жизнью, чтобы пробудить Господина. Достаточно лишь захотеть. Силы Луки вполне достаточно для того, чтобы суметь вернуть Господина.

— Нам получится заставить его?

— Если ты не хочешь кончить, как Енох, я бы не советовал, — предупредил Эльгерент. — Как я и говорил до этого, мальчика лучше не злить, тем более после того как он поглотил душу Еноха и плохо себя контролирует. Думай о нём, наконец, как о нашем лучшем оружии, а не о враге, а о том, чтобы заполучить его верность, буду думать уже я. Верь мне, и мы достигнем всех наших целей. Уже к концу этого года ты станешь новым Папой.

Впрочем, Эльгерент не сказал одно. Зачем нужен Папа, наместник Бога на земле, если Бог жив и сам может править своей паствой?

Владыка душ и Предатель для тёмных магов. Господин и Защитник для верных сынов Церкви. У Иеронима, создавшего собственную религию, было много имён и прозвищ.

В то время как Доминик Бромель привыкал к мысли, что наглый мальчишка теперь станет их союзником, Медея Орха, Белая Гадалка, была вынуждена пересмотреть свои

старые цели. Ей нужно было лишь один раз взглянуть на Дольхен, чтобы, как и Эльгерент, понять, как сильно она ошибалась насчёт Лукреция. Нет, он не был Дуаном. В нём текла кровь Предателя. Только он умел так управлять энергиями, как это делал Лука. «Должно быть, молодой Горгенштейн поглотил чью-то жизнь, раз перестал контролировать себя. Не справился с увеличивающимися силами. Ним был таким же. Всегда... приносил много хлопот».

Медее было пятнадцать лет, когда Геката, тёмная Богиня, избрала девушку. Орха стала первой её служанкой и ученицей. И эта роль полностью удовлетворяла девушку, но ровно до тех пор, пока она не познакомилась с тремя избранными ею мужчинами. Не слугами и учениками. Возлюбленными. Сколь велики были ревность и разочарование Медеи, когда она поняла, что для Богиня гораздо более благоволила Рейту, Махрану и Иерониму, нежели ей! Но она бы смирилась с этим, если бы видела, что они достойны этого. Но... эта тройца не была достойна своей богини. Никто из них.

Махран Фарух. Темноволосый, смуглолицый, он всегда держался в стороне. Не вступал в споры, не пытался ничего добиться. Равнодушный и ленивый, он даже о Богине говорил без должного восхищения, относясь к своему статусу как к должному. Единственное, что его радовало, это его зверьки. Любимицей конечно была Лейла, огненная лисица. Удивительно, что когда он в один прекрасный день он пропал, он не забрал Лейлу с собой, а отдал её Медее. Было ли это признанием того, что он ценил юную ведьму и заботился о ней? Кто знает. Никто не мог догадаться, что было на душе Махрана.

Рейт Дуан был полной противоположностью южанина, как внешне, так и характером. Владыка мёртвых был на удивление жизнерадостным, хоть и вспыльчивым человеком. В него постоянно влюблялись женщины, и Медее не избежала этой судьбы, но поняв, что она никогда не станет для Дуана особенной, она первой бросила его. Впрочем, об их ребёнке он заботился, как и о многочисленных других своих детях. Он был плохим мужем, но отличным отцом. Ирония судьбы, что именно один из его детей и погубил Рейта Дуана.

Иероноим Тимей казался наиболее достойным человеком из трёх тёмных магов. Он был благороден, умён и искренен в своей любви к Богине. Даже более, чем это требовалось. Иероним даже не глядел на смертных женщин, хотя Богиня и не требовала от своих сынов и возлюбленных подобной верности.

Вот только Иероним Тимей не хотел делить свою Богиню с другими мужчинами. Он совершил ошибку, увидев в ней обычную женщину, забыв, что она была лишь воплощением Тьмы, силы, не способной на обычную человеческую любовь. Но поняв, что Геката никогда не будет только его, возненавидел своё служение и отказался от Богини. Обманутый мужчина. Предатель, использующий тьму против своих братьев и сестёр. Человек, создавший организацию, в чьих силах было уничтожить всех тёмных.

Все они потеряли Богиню из-за Иеронима. Медее Орхе было за что ненавидеть и бояться Предателя. Ведь если он вернётся, то это станет концом для немногих выживших тёмных родов.

Лукреций Горгенштейн, возможно последний истинный тёмный, мог быть их спасителем. А мог быть и угрозой, подобно своему предку, Иерониму Тимею. В любом случае, стоило бы подумать, как верно использовать то, что она узнала о Луке. Изначально Медее предполагала привлечь мальчишку на свою сторону. Но тёмные маги высокомерны и эгоистичны, их сложно контролировать. Нужна была веская причина для того, что Лукреций не только встал на сторону ведьм, но и выступил против церковников. И Медее решила дать

эту причину. Мальчишка на собственной шкуре был должен почувствовать, сколь жестоки и беспощадны их враги. И тогда, только тогда, напившись яростью и жаждой мести, он смог бы стать тем, кто заставил бы жалких смертных вспомнить о могуществе последователей тёмной Богини.

«Лишь немного подтолкнуть Лукреция Горгенштейна, и он уничтожит в своей ненависти этот город. Всех этих глупых и жестоких людишек. А вместе с ними и Эльгерента, убийцу моей Маргариты. О-о-о, искушение слишком велико».

Задумчивая улыбка бродила по полным губам Белой, делая её почти красивой.

— Равель, — негромко сказала она мужчине, сжимавшему ведьму в объятиях так, как будто он боялся её потерять. — Растопи камин.

— Летом? Если вам холодно, я мог бы согреть вас иначе, госпожа, — жарко прошептал ей на ухо воин.

Медея ловко вывернулась из рук воина и одарила его ещё одной улыбкой. Взгляд её оценивающе заскользил по сильному поджарому телу мужчины. Ещё один потомок Иеронима Тимея. К сожалению, в отличие от Луки, не маг. Но это не означало, что его нельзя использовать.

— Пожалуй, мне нравится твоя идея, но давай осуществим её позже? К нам скоро присоединится гость.

— Лукреций?

— Нет, другой твой брат. Августин обещал помочь мне.

Равель не смог скрыть своей ревности от внимательных тёмных глаз ведьмы.

Равелю Горгенштейну было не привыкать находиться в ожидании. На воинской службе ты либо учишься отдыхать где угодно и когда придётся, не теряя при этом концентрации, или же просто подышаешь.

Так и сейчас. Рави развёл огонь в камине, обошёл дом, чтобы проверить, не ведётся ли за ведьмами слежка, а затем вернулся в небольшую гостиную и усевшись прямо на пол, задремал, игнорируя находящихся здесь же людей. Впрочем, если не замечать Делию ещё хоть как-то удавалось, то Августин, тетешкавшийся со своей лисицей, раздражал неимоверно.

Все они встретились в доме Медеи прошлой ночью, и нельзя сказать, что эта встреча была такой уж радостной.

*Два события произошли одновременно. В дверь постучали, а в камине вспыхнул синий яростный огонь. Медея неспешно поднялась с дивана, оставив в сторону чашку с чаем, и успокаивающе улыбнулась насторожившемуся Равелю.*

*— Я открою дверь, а ты проследи, чтобы гости ничего случайно не спалили. Лейла бывает иногда неосторожной.*

*Как только ведьма исчезла в прихожей, из камина выпрыгнула мелкая ушастая лисица, встряхнулась, разбрызгивая вокруг себя синие искры, а затем начала вылизываться. Следом за ней вывалился Августин, стукнулся головой о каменный верх, неаккуратно зацепился ногой за каминную решётку, и неуклюже рухнул на пол.*

*— Хо хо хо, — мрачно сказал мошенник, принимая вертикальное положение и потирая шишку на макушке. — Ну, кому тут подарков отвалить?*

*— Не то время года, чтобы изображать из себя святого Николаса, — тут же получил Августин недовольный ответ.*

Только теперь Ави сумел заметить Равеля, благоразумно отошедшего чуть подальше. Останься он на том же месте, где и был, и синие искры, рассыпавшиеся по комнате, прожгли бы не только пол и мебель, но и наделали дырок в шкуре офицера. А вот Августину, судя по всему, ни огонь, ни искры ущерба не приносили.

Меньше всего молодой мошенник был готов встретить здесь Равеля.

— Рави?! Ты... ты тут какими судьбами? — ошеломлённо спросил он, принимая протянутую руку брата и поднимаясь на ноги.

— Да вот, познакомился с Медеей, — невозмутимо ответил воин, искоса поглядывая на лисицу. Но та, кажется, вела себя вполне мирно, и интересовалась больше состоянием собственной шкуры, чем происходящим.

— С Медеей? — глуповато переспросил Августин.

— Белой Гадалкой.

— А-а-а, — неуверенно протянул Ави, и наклонившись, шёпотом спросил: — а где она?

Равель кивнул головой в сторону прихожей, откуда доносились голоса — низкий и спокойный Медеи, и другой, более высокий, нервный, и кажется, даже знакомый.

— А кто там ещё? — всё так же негромко поинтересовался Августин, уши которого едва ли не шевелились от любопытства.

Равель фыркнул. Не то, что ему не было любопытна гостья Медеи, но тревоги он не испытывал. Ещё ни к одной женщине он не испытывал столь полного и безоговорочного доверия, которого испытывал к ведьме. Это должно было бы испугать и насторожить, но инстинкты Равеля говорили о том, что всё идёт правильно. Это его женщина, и он должен быть на её стороне, пусть даже знает он Медею всего ничего.

— Сходи посмотри, — с подчёркнутым равнодушием сказал Рави, и вновь уселся на пол, прислонившись спиной к дивану.

Конечно же, Августин не смог сдержать своего безграничного любопытства. В конце концов, его пригласили в этот дом. Может же он желать познакомиться с другими гостями?

Женщина, с которой говорила Белая, стояла спиной к гостиной. Невысокая, тонкая в талии, но с округлыми бёдрами и плечами, собеседница Медеи казалось весьма женственной, и наверняка была хорошенькой. По спине спускалась ничем не сдерживаемая тёмная грива волос, что говорило о весьма свободном нраве женщины. Приличная фрау из дома явно в таком виде не выйдет. Клиентка гадалки? Всё же та работала в квартале цветущих вишен, и к ней наверняка обращались дамочки лёгкого поведения.

— Я не хотела приходить! Позволь мне уйти! — в голосе гостьи слышалось отчаяние и злость.

— Твои страхи глупы и бессмысленны, и мешают нашему делу, милая. Ты так давно со мной, а теперь, в самый важный момент, решила всё бросить ради сохранения пустячной тайны?

— Ты не понимаешь. Том... если он узнает, то никогда не простит меня! А они ему непременно скажут!

Том? На свете существовало тысячи людей с таким именем, вот только отчего-то Августин сразу понял, что речь шла о его брате Томасе. Момент узнавания был, пожалуй, ещё более болезненным, чем когда он увидел Равеля.

— Делия? Делия Лекой?

Гостья резко обернулась. И это действительно была она. Та травница, у которой

*братья Горгенштейн спрятались после поджога дома Куско. Сестра друга Луки... и невеста Томаса.*

*— Ты знаешь Белую? — мысли Ави метались с огромной скоростью. — Притом, я готов поклясться, очень хорошо! Ты с ней заодно?*

*— Я... нет...*

*Глаза травницы панически метнулись к Белой. Та презрительно поджала губы.*

*— Я не узнаю тебя, Дели.*

*— Дели?*

*Равель тоже не удержался, решив посмотреть, что так взволновало Августина. И конечно, он тоже узнал девицу Лекой.*

*Двое мужчин застыли, пристально изучая молодую женщину. Изучая, анализируя... и явно не одобряя. Впрочем, Равель явно относился к происходящему с гораздо большим терпением, чем молодой мошенник.*

*— Томас знает? — наконец спросил Августин, обращаясь уже к Белой.*

*— Нет.*

*— Может быть, ты решила заручиться помощью ещё кого-нибудь нашего окружения? Кого-нибудь из сестричек, поварихи, или даже слуг?*

*— Никого, кроме вас двоих.*

*— И невесты Томаса? — ядовито произнёс Ави. — Хотя, судя по разговору, вы знакомы с Делией Лекой гораздо дольше, чем мы. Рави, ты знал о ней?*

*Тот покачал головой.*

*— Я ничего не знаю о Медее и об её окружении. Но я верю ей.*

*— И тебя не смущает, что твоя Медея подслала к нашей семье шпионку?! Чёрт возьми, мало того, что эта ведьма взяла в оборот меня, каким-то образом задурила мозги тебе, так и ещё Томасу подсунули какую-то шлюху!*

*Августин был зол. Притом на Равеля он позволить злиться себе не мог, считая его такой же жертвой, как он сам, поэтому вся его ярость пала на Делию.*

*— Рави, мы уходим! — заявил он. Офицер немедленно отреагировал:*

*— Я никуда не пойду. И тебе бы не следовало. Разве ты не хочешь помочь Луке?*

*— О, я думаю, гораздо больше, чем ты, если вспомнить твою «любовь» к нашему младшенькому! — сердито ответил мошенник. — Я не верю, что эти женщины как-то могут помочь Луке. И я не доверяю им, не знаю, кто они такие на самом деле.*

*— О, тут всё просто, — вмешалась Медея. — И я, и Дели ведьмы. Тёмные ведьмы. И одно это делает нас союзниками вашего брата. И вы оба тоже не чужды Тьме, иначе бы не стояли сейчас здесь.*

*— Чушь!*

*— Разве? — улыбнулась Медея, и столько очарования было в её улыбке, что сердце Ави на мгновение пропустило удар. И как он не видел раньше, как хороша Белая гадалка?*

*К счастью, помутнение тут же прошло, сменившись уже знакомой злостью. Впрочем, стало понятно, что никуда Ави не уйдёт. И не только из-за упрямого Равеля, но и потому, что ему было просто до жути любопытно узнать, что же всё-таки тут твориться.*

*«Тёмные ведьмы... экая невидаль! — попытался он подбодрить себя. — Я вот, оказывается, тёмному магу в детстве вихры драл... и ничего, выжил!»*

*К тому же, как догадывался Ави Горгенштейн, ведьмам была более нужна Лейла, чем он сам. А с них стасось бы и отобрать лисицу. И кто её тогда будет защищать, а точнее,*

*удерживать от глупостей? Незаметно для себя Августин привязался к пустынному зверьку, и терять Лейлу не хотел.*

Проведённое вместе время отнюдь не улучшило отношение братьев. Притом если Августин дулся на всех, за исключением Равеля, то Равель напротив, огрызнулся только на своего младшего брата, считая его ненужной помехой. Делия сидела ниже травы, то и дело кидая виноватые взгляды на Горгенштейнов, а Медея и вовсе пропала. Когда уже Ави дошёл до точки кипения, собираясь, хлопнув дверью, уйти, Медея наконец вернулась, уставшая, и не слишком довольная, и собрала всех на кухне. Даже лисица, мало интересующаяся делами людей, и почти всё это время безвылазно сидевшая в камине, вылезла, и по-хозяйски развалившись на коленках Ави, внимательно смотрела на Белую гадалку.

— Ну, и когда мы уже займёмся делом? — нетерпеливо спросил у ведьмы Августин. — Пока ты тут где-то ходишь, инквизиторы распиливают Луку на кусочки! Он вообще, жив ещё?!

— Пока да. Но он уже не в Дольхене. Его забрал епископ Бромель.

Равель, встрепенувшийся при виде Медеи, задумчиво нахмурился.

— Ну, так это же хорошо. Забрать Луку от епископа будет проще, чем из обители инквизиторов. Тем более если мы можем использовать колдовство.

Дели покачала головой.

— Нам даже в обычный храм сложно заходить, что же говорить про место, которое облюбовали себе енохианцы.

Про енохианцев Делия рассказала братьям ещё вчера, весьма впечатлив Ави, не слишком воцерковлённого, но в глубине души искренне верующего иеронимца. Равеля же, человека гораздо более циничного, существование некоего заговора внутри церкви совсем не удивило. Правда, сейчас казалось, что что-то ускользает от его внимания.

— Почему инквизиторы так легко отдали Лукреция епископу? Если Бромель енохианец...

— Об этом мало кто знает. Даже у меня были лишь догадки, и не было доказательств, — покачала головой Медея. — Но даже если бы были — неужели я просто могла бы пойти и заявить об этом вслух? Как бы недолюбливали иерархи орден Еноха, отказываясь его признавать или делая вид, что его не существуют, но всё же мало кто бы отказался от того могущества, что енохианцы могут предложить.

— Вечная жизнь, — поморщился Равель. — Все эти святоши лишь трусы, боящиеся смерти. Так значит, Паолос сотрудничает с енохианцами?

— Возможно, — уклончиво сказала Медея. — Впрочем, Паолоса пока нет в городе, и я думаю, что его псы просто воспользовались возможностью избавиться от беспокойного арестанта. Ваш брат... что ж, признаюсь, даже я не ожидала от него такой силы. Стены Дольхена не смогли бы его удержать.

Равель едва заметно поджал губы, не слишком довольный тем, как восхищённо ведьма отзывается о Луке.

— Так чего нам тогда вмешиваться? Раз он так силён, возможно ему и эти енохианцы нипочём.

— Боюсь, что нет. Орден хорошо знает, как справляться с тёмными. Хорошо знает нас. Теперь, когда они фактически раскрыли карты, им не остаётся ничего иного, как поспешить и избавиться от Лукреция, убив его. Принеся в жертву, как и многих из нас, ради собственного могущества.



— Ну так чего мы тут сидим? — взвился Августин. Обычно он вполне мог держать себя в руках, но напряжение последних месяцев истощило его запасы самообладания. — Послушайте, я всё понял. Вы, милые дамы, не способны приблизиться к резиденции Бромеля, да и не хотите себя выдавать. Поэтому сами за Лукой не пойдёте. Для этого вам и понадобились мы с Равелем. Так почему бы вам просто не одарить нас волшебными побрякушками?

— А что, тебе твоего ручного демона не хватает? — совершенно по-мальчишески скорчил рожу Равель.

— Я никуда Лейлу не отпущу!

Мошенник прижал лисицу к себе, заставив её недовольно заворчать. Впрочем, боялся ли он за лисицу или больше за то, что она причинит кучу неприятностей, Ави пожалуй не мог сказать даже себе.

— Это и не поможет. Я проверяла то место, где сейчас держат Луку. Помимо самого епископа там находится ещё кто-то из енохианцев, возможно даже не один. Та защита, которую он поставил, просто не пустит внутрь создание наподобие Лейлы. Всё, что нам остаётся делать, это ждать, когда же Бромель решит вывезти Луку из своей резиденции. Это должно произойти очень, очень скоро. Вот тут и можно будет попробовать напасть. Самое главное, не выпускать их из города — иначе может быть слишком поздно.

— Почему? — непонимающе спросил Августин. — Если мы знаем, куда енохианцы направятся, почему бы просто не попробовать перехватить их по пути? По крайней мере, так у нас не будет лишних зрителей. Да и как бы жандармерия и маги из Коллегии и Орхана не вмешались.

— Не успеют. Подумай вот о чём — в пределах городских стен енохианцы тоже вынуждены будут себя сдерживать, и не смогут использовать многое из своего арсенала. Да и эффект неожиданности может сработать.

Делия, слушая Медею, хмурилась всё больше и больше.

— Я не против, — негромко сказал Равель. — Но меня беспокоит один вопрос. Наши лица с Августиним весьма узнаваемы. Мои шрамы и его глаз, не говоря же о семейном сходстве... многие смогут признать в нас сыновей Ольдвиги Горгенштейна. За свою судьбу я не волнуюсь, Ави, я полагаю, тоже сможет выкрутиться. Но если мы засветимся, то пострадать могут и наши родные.

Медея таинственно улыбнулась, и прикоснувшись пальцами к собственному лицу, повела рукой. Под её ладонью черты лица начали плавиться, меняясь, и вот на ошеломлённых мужчин смотрела конопатая и круглолицая девушка с широким ртом и честными голубыми глазами. У Августина непроизвольно вырвался вздох.

— Ого! А мне говорили, что с помощью магии изменить внешность невозможно.

— Не для меня. Это мой дар, который я получила от Тьмы. Ваш облик я тоже сменю. И ещё, если уж говорить о волшебных вещах...

Гадалка вышла, и через пару минут уже вернулась с мечом в простых кожаных ножнах. Протянув оружие Равелю, она тихо сказала:

— Этот меч достался мне от давнего друга. Когда-то он просил спрятать его, а потом так и не смог за ним вернуться... Я надеюсь, он пригодится тебе больше, чем ему.

— У этого меча есть имя? — небрежно спросил Равель, обнажая лезвие. На вид, меч был самым простым, хотя остро наточенным и без следов ржавчины. Но всё же, что-то было не так. Сам металл был пожалуй слишком холодным, и таким тусклым, что казалось просто

впитывал в себя свет.

— Да. Рейт... бывший хозяин, называл его Смерть.

Равель поморщился.

— Слишком пафосно.

Белая пожала плечами.

— Таким был Рейт. Но название, поверь мне, этому оружию подходит.

Руны на рукояти были совершенно не знакомы воину. Впрочем, он не был волшебником, чтобы разбираться во всей этой чуши.

— Что тут написано?

— Заклинания. Хозяином меча был сильный тёмный маг. Он сам его выковал и сам усовершенствовал потом, напитав магией смерти. Чтобы убить человека, тебе хватит даже лёгкой царапины этим мечом. Но эффективным это оружие будет только в твоих руках — простого человека меч просто подчинит себе, вытянув из него жизнь.

Августин, тянущий руки к мечу в руках Равеля, тут же убрал их за спину. В своей собственной «тёмности» он всё ещё сомневался. Но и остаться ни чем ему не хотелось.

— А мне что-нибудь достанется? Ну, кроме фальшивой внешности. Хочу быть, кстати, похожим на Короля. Вот будет умора, если Король окажется замешан в чём-то противоправном...

— У тебя есть Лейла, — подала голос Делия, с лёгкой симпатией наблюдая за Августиним. Этот живой, совсем незлобивый человек ей нравился, напоминая её Томаса. Вот только Ави, кажется, эти чувства совсем не разделял. Исполдволь кинув на Дели взгляд, он едва ли не повернулся к девушке спиной.

— Это не она у меня есть, а я у неё, — буркнул мошенник.

— Прости, Августин, но у меня нет ничего для тебя, — сочувственно сказала Медея. — Но я всецело полагаюсь на тебя, а точнее, на твои таланты. Мало одной личины, чтобы обмануть енохианцев, тем более некоторые из них легко раскусывают иллюзии. Но ты, я думаю, сможешь легко помочь избежать нам проблем. А Лейла тебя защитит. Наша маленькая лисичка очень к тебе привязана.

— Я не падок на лесть, — сухо сказал Августин. — Но... хорошо, я подумаю, что можно сделать.

Позднее, когда все разошлись, Делия постучала в комнату к Медеи, и дождавшись приглашения, вошла. Старшая ведьма сидела на кровати, с совершенно пустым лицом глядя на пол.

— Что-то случилось, Госпожа? Вы выглядите расстроенной.

— Просто я слишком устала. Ситуация за последнее время весьма сильно осложнилась. Зачем ты здесь? — холодно спросила Белая.

Делия замаялась, опасаясь злить старшую ведьму ещё больше, но всё же выдавила из себя:

— Я беспокоюсь о том, к чему могут привести наши действия. В отличие от вас, я никогда не имела дела с енохианцами, и не знаю их силы. Но от своей бабушки я слышала о том, на что способны истинные потомки тёмных родов. Вы действительно думаете, что стоит так рисковать безопасностью людей Улькира? Если Лукреций не сможет себя сдержать, то...

— Тебя действительно волнует судьба каких-то смертных? — резко оборвала девушку Медея. — Эти люди не пожалели бы нас, узнай они, кто мы есть на самом деле.

— В этом нет их вины. Сотни лет им твердили, что Тьма — это зло, — мягко сказала Делия. — И что мы явим им теперь? Если Тьма проявится во всей своей силе, столь долго сдерживаемой и скрытой, то это лишь напугает смертных. Будет много ненужных смертей. Давайте позволим церковникам вывезти Луку за пределы городских стен. У нас будет множество шансов, чтобы с ними схватиться, ещё до того, пока они достигнут Шелгора. Я могла бы устроить ловушку на дороге в нескольких милях от Улькира...

— Это лишнее. Всё произойдёт здесь. Лукреций... слишком важен, чтобы терять его из виду.

Делия всегда верила Медее, и прежде у ведьмы Лекой и мысли бы не возникло усомниться в мотивах действия своей Госпожи. Вот только отчего Делии казалось, что у ведьмы изменилось отношение к её обожаемому Лукрецию Горгенштейну? Если раньше Медея видела в Лукреции едва ли не единственного спасителя для всех тёмных, то теперь всякий раз, когда из уст Белой звучало имя мальчишки, на её лице нет нет, да проскальзывало презрение.

«Не удивлюсь, если смерть Луки вполне входит в ваши планы, моя Госпожа. Вот только говорить вы это мне не будете, опасаясь потерять мою преданность». Но хотя Делия неплохо относилась к Лукрецию, его смерть она могла бы принять, была бы такая необходимость. Как и смерть несчастных горожан Улькира. Но только почему при мысли о том, что и Томас может пострадать, так сильно сжимается сердце? Была ли это забота о себе, своём будущем, которое она связывала со старшем сыне Горгенштейнов, или ей действительно был дорог этот торговец-авантюрист?

Памятуя о насмешках Медее по поводу глупой привязанности Делии к смертному мужчине, молодая ведьма решила спросить о другом важном для себя человеке.

— Мой племянник. Я боюсь, что он может пострадать.

— Разве он ещё не в Орхане? Поверь, в эти дни магическая школа одно из самых безопасных мест в округе. Да и ты говорила как-то, что твой Жерар вполне может о себе позаботиться.

— Но... — попыталась возразить Делия, но была остановлена жёстким взглядом Медее Орхи.

— Хватит, девочка. Твоё беспокойство не уместно, и даже более того, досадно. Потому что ты сомневаешься не только во мне, но и в своей Богине. Это подтачивает твою решимость и силу, делает тебя слабой. Остановись, если не хочешь, чтобы Тьма отвернулась от тебя.

Белая протянула бледную руку, и Делия послушно поцеловала её. Голос Медее смягчился.

— Иди, не отвлекай меня. Мне нужно следить за резиденцией Бромеля, чтобы знать, когда наконец церковные крысы выползут из своей норы. Будь готова в любой момент действовать.

У одного древнего народа существовало своеобразное проклятие: «Чтобы вам жить в интересные времена». В жизни Жерара Лекой это выражение несколько поменяло свою формулировку. Интересные времена? Пф-ф-ф. Даже в интересные времена можно жить скучной жизнью. Гораздо страшнее и опаснее было встретить на своём пути интересных людей. Таких, к примеру, как Лукреций Горгенштейн.

Жерар должен был радоваться, что этот хорёк Лука исчез из его жизни, да и с их

дружбой вроде бы было покончено. Теперь он мог вновь вернуться к обычной жизни. Остался последний экзамен, а затем успешная карьера при дворе, женитьба на симпатичной фрау с хорошим приданным, и дом, в котором никто не будет знать нужды. А Лука... Лука останется лишь бледным воспоминанием о студенческих годах, так никогда и не выросшим мальчишкой, которому он не смог помочь.

Так всё просто и понятно. Но тогда почему он сейчас, сдав итоговый экзамен лучше всех в своём классе, не чувствует не то что счастья, а даже удовлетворения? Почему сидит в закутке за школьной лестницей, тогда как его одноклассники шумно празднуют свой выпуск в столовой под снисходительные взгляды преподавателей?

— Почему его нет здесь? Он этого заслуживает больше, чем я.

Жерар вздрогнул, когда его мысли прозвучали вслух. Точнее, их озвучили. Рядом, привалившись к стене, стояла Клара, необычайно бледная и грустная. Как и Лекой, она заканчивала своё обучение — как и большинство девушек, фрау Клара покидала Орхан после четырёх лет учёбы, и не претендовала на получение магистра.

— Ты про Луку? — осторожно спросил Жерар. — Ну, ты же знаешь, у него были некоторые проблемы со здоровьем. Когда ему станет лучше, он обязательно сдаст все экзамены, хотя возможно придётся потерять год.

Ложь легко сорвалась с уст Лекоя. Он придумал её ещё тогда, когда Лука пропал на неделю, а после беседы со Шварцем это стало практически официальной версией. Конечно, правда рано или поздно выплывет, но по крайней мере не вызовет такого скандала, узнай о ней сейчас. Один из лучших учеников Орхана — и чернокнижник...

Клара неожиданно уселась на ступеньку рядом с Жераром и горестно всхлипнула. Кажется, ей не просто давалось отсутствие Луки. Клара всегда была увлечена своим мрачным одноклассником, да и он был к ней снисходителен больше, чем к другим девушкам. Впрочем, дальше не заходило, по крайней мере, со стороны Лукреция. Видимо, юный маг был из тех, кто достаточно поздно начинает увлекаться противоположным полом. Но почему-то подобное равнодушие к девичьим прелестям не только не отталкивало Клару, но привлекало её ещё больше.

— Мой отец недавно засылал сваху в дом Горгенштейнов, — неожиданно сказала девушка.

Глаза Жерара, и без того круглые, ещё больше округлились.

— Что-о-о?

— А что в этом такого?! — несколько обиженно произнесла Клара, от волнения вцепившись в кончик золотистой косы. — Мой отец уважаемый человек, он поставляет товары самому Королю! И Горгенштейны весьма почтенная семья с хорошими связями. Лука не какой-то там крестьянский сын... ой, прости, Жерар!

Клара смутилась настолько искренне, что Лекой не стал на неё злиться. Лишь уточнил устало:

— Я сын мельника, если что, так что извинения несколько излишни. Хотя для вас, богачей, что крестьянин, что мельник — всё одно. Ну и что ответил господин Ольдвиг?

— Он сказал, что был бы рад, если бы наши семьи породнились. Что Лука был бы счастлив, если бы я стала его женой... — Тут маг едва сдержал свою усмешку. Лука то, может, и был бы счастлив, превратив свою жену в лаборантку, моющую за ним пробирки и отдающую свою силу ради его экспериментов — а иначе, чем как удобное приложение к работе Лука бы жену-волшебницу едва ли стал бы воспринимать. Вот только вряд ли Кларе

был бы по душе подобный брак.

— Но Ольдвиг ответил отказом, да?

— Да. Сказал, что было бы не честно заключать договора с нашей семьёй, когда возможно Горгенштейнов ждут нелёгкие времена. Вот только вот знаешь, что странно? Он и словом не упомянул о болезни Лукреция. Сказал, что его младший сын просто уехал по семейным обстоятельствам.

— Может, просто не хотел афишировать проблемы со здоровьем у Луки перед его предполагаемой невестой? — осторожно сказал Лекой.

Клара повернулась к нему, и голубые глаза её, обычно глуповато-распахнутые, сейчас смотрели на мага с явным недоверием.

— Не надо обманывать меня, прошу, — тихо сказала Клара. — Я всё равно рано или поздно узнаю. — Скажи только, он... он выберется?

Нужно было подбодрить её, снова солгать, старясь сделать это как можно более убедительней. Вот только Лекой уже устал врать.

— Нет, он не выберется, — неожиданно хрипло ответил Жерар. — Не из этой истории. Он... его...

— А, Лекой, я повсюду тебя ищу! — раздался громкий голос.

Шварц появился весьма не вовремя. Или напротив, вовремя — это смотря с чьей стороны посмотреть. Ясно было только, что откровения Жерара он явно не одобрит.

— Помнишь, я обещал познакомить с одним влиятельным человеком? Собирайся, нас ждут.

Успев ободряюще обнять ошеломлённую Клару, Лекой с неохотой поплёлся за священником. То, что встреча с этим влиятельным человеком не сулит ему ничего хорошего, было ясно хотя бы по сосредоточенному лицу их учителя богословия.

У ворот школы их уже ждала карета. Пропустив вперёд Жерара, отец Йохан забрался следом, наглухо зашторил окошки, и карета тронулась.

— А что... — начал было маг, но был более чем грубым образом прерван.

— Цыц.

— Но я лишь...

Священник смерил его более чем неодобрительным взглядом и приложил палец к губам. Лекой немного недоумённо кивнул, не понимая излишней и явно глупой предосторожности отца Йохана.

По шуму снаружи Лекой понял, что они въехали в город, а вскоре карета остановилась у смутно знакомого храма, невысокого, но весьма нарядного.

— Где мы? — спросил маг, вертя головой.

— Это храм святой Терезы.

Наконец-то Жерар вспомнил. Вот почему он сразу не узнал это место! Ведь был он здесь более года назад, да и то ночью. Тогда они похитили брата Луки, Лавеля, хранившуюся у того косточку Гохра. Можно сказать, с этого момента все неприятности и начались. Вот только что они тут делают?

Сердце Жерара на мгновение йокнуло. «Неужели Лука здесь? Может, церковники хотят, чтобы я поучаствовал в каком-то ритуале против Тьмы?» Заметив, как побледнел маг, Шварц крепко положил руку на плечо Лекою и почти потащил его за собой.

В храме было светло и пусто. Ну, почти пусто. На скамейках у самого алтаря сидели двое, тихо переговариваясь. В одном из говоривших Лавель легко узнал Лекою

Горгенштейна, более взрослую, добродушную и пухлощёкую версию Лукреция (по мнению Лекоя, почти все братья Горгенштейны были на одно лицо). А второго он со страху сначала принял за Доминика Бромеля, но потом понял, что этот епископ был гораздо старше и явно ему незнаком.

— Ваше Святейшество, позвольте представить вам Жерара Лекоя, ныне почти дипломированного мага Орхана, — представил юношу Шварц. — Жерар, тебе была оказана великая честь иметь личную беседу с Его Святейшеством Вараввой, архиепископом Линдока.

Старик протянул ладонь и Жерар, почтительно склонившись, поцеловал массивный перстень на его руке. Глаза Вараввы насмешливо блеснули:

— Сколь почтительный молодой человек. Даже и не скажешь, что маг. Жерар, вы знакомы с братом Лавелем?

Жерар искоса взглянул на молодого священника. Тот выглядел уставшим и не очень-то счастливо, а на Жерара смотрел с явным недовольством.

— Да, знакомы, — чуть замешкавшись, ответил Жерар, и Лавель сухо кивнул, подтверждая слова мага.

— Отлично, тогда не придётся тратить время на лишние объяснения. Брат Йохан, не будете ли вы так добры обрисовать ситуацию нашему молодому волшебнику? Он явно не понимает, что мы тут делаем.

Шварц вскинул брови.

— Как вы и просили, я сохранял конфиденциальность.

— Но ты сказал, что этот юноша вполне здравомыслящ и ему можно доверять.

— Да, — чуть запнувшись, сказал Шварц, но кроме Жерара этого, кажется, никто и не заметил. — Ну что ж, ты наверное не знаешь, что...

— Вы тут из-за Луки? — не удержавшись, выпалил Жерар. Лавель поморщился, архиепископ улыбнулся, а Шварц предпочёл сделать вид, что только и ждал подобного вопроса от мага.

— В некоторой степени. На самом деле, моей целью никогда не был поиск чернокнижников в Орхане. В теории всех затронутых тёмной магией студентов должны были отсеивать ещё при отборе в Орхан. Но как ты видишь, в ситуации с Лукрецием Горгенштейном эта практика дала сбой, но сбой давно ожидаемый. Иначе и быть не могло в месте, курируемом епископом Домиником Бромелем. Видишь ли, этот человек, имеющий столь большое влияние не только в Улькире, но и во всей Гортензе, является членом некоего тайного братства, не запрещённого лишь потому, что Святейший Престол не хочет привлекать к столь мерзейшей ереси внимание. Да и... к сожалению, стоит сказать о внутренних проблемах Церкви Иеронима. Не только Бромель поддерживает это братство, но и некоторые другие иерархи церкви. Зараз глубоко проникла в самые верха, поэтому действовать против этого ордена без доказательств их вины было бы глупо.

— Значит, вы копали под Бромеля? — задумчиво спросил Лекой. Шварц сухо кивнул. — А что за орден? Или его имя нельзя называть?

— Он известен как енохианский орден, хотя Енох Хельмский безусловно не был первым членом этого ордена. Есть все признаки, что орден существует ещё со времён земной жизни Иеронима, то есть со времён основания нашей веры.

— О, я слышал про этот орден и Еноха! Лука как-то упоминал его... искал, что с ним связано.

— И нашёл. Точнее, его нашли. Енохианцы с Бромелем. Скажи, что именно рассказывал о енохианцах Лукреций?

Жерар пожал плечами.

— Да ничего. Он сам мало что про него знал, по крайней мере, в начале. А если потом что и узнал, то просто не успел мне рассказать. Или не захотел...

— Что ж, я думаю, тебе стоит знать, с кем мы имеем дело. Енохианцы это орден, к моему глубокому стыду, иеронимский орден, использующий и превозносящий тёмные искусства — по большей части некромантию и манипуляцию с энергиями душ.

Жерар недоумённо почесал облупленный нос.

— Так это что, тёмномагический орден?

— Нет нет. Колдунов они ненавидят — пожалуй, енохианцы ещё более суровы в истреблении тёмных магов, чем святые псы Инквизиции. Это то и мешало нам просто объявить енохианцев отступниками от веры — их эффективность против тёмных бесспорна. То, что знают инквизиторы о колдунах и способах борьбы с ними — лишь крохи того, что знают об этом енохианцы. Вопрос лишь в том, как они получили это знание. Убийство тёмных для ордена — не средство защиты простых сынов и дочерей Церкви, а лишь способ получить личную власть и бессмертие.

— Серьёзно? — воскликнул Жерар.

— Более чем, — кивнул Варавва. — Я сам был свидетель того, как верны слухи об енохианцах. Когда-то, будучи ещё послушником, я увидел настоятеля моего монастыря, разговаривающего с незнакомцем. Тот был закутан в плащ, но я смог увидеть часть лица. Его кожа была покрыта струпиями и кровоточащими язвами, а сам незнакомец двигался так, как будто он был глубоким стариком. В те дни в нашем монастыре находился пойманный в соседней деревне чернокнижник. Этот чужак пришёл за ним. Но не наставить его на путь истинный и не излечить от скверны. Когда мы сжигали тело чернокнижника, умершего в следующую ночь после посещения гостя, оно, прежде здоровое, оказалось обезображено той же болезнью, что была и у незнакомца. Зато гость покидал монастырь полным сил, и кажется, даже излеченным. Спустя несколько лет, когда настоятель монастыря умирал, я спросил, не сама ли смерть приходила за тем нечестивым магом. Я был юнцом с большим воображением, стоит сказать. Но отец Паскаль лишь рассмеялся, сказав, что мы удостоены были чести лицезреть самого святого Эльгерента. Канонизированного святого, мученика, который якобы давно умер, сгорев с городом, который он пытался спасти. Этот Эльгерент был одним из енохианцев, возможно, не менее важная и значимая фигура, чем сам Енох.

— Енох жив?! — с ужасом спросил Жерар, вспоминая, что приписывали Еноху Хемельскому. Выкалывание глаз из всего этого было одним из самых невинных деяний.

— Возможно. Как и то, что он сейчас в Улькире. По крайней мере, Эльгерента здесь видели. Что уже говорит, что то, что творится сейчас, очень и очень важно для ордена. Ведь енохианцы столько сделали, чтобы их орден считали давным-давно исчезнувшим, а теперь действуют почти открыто и ничего не боясь. Даже Доминик Бромель, хитрая крыса, идёт на риск лишиться не только сана, но и головы. Слишком многие уже знают о покровительстве Бромеля тёмном магу. В этот раз Папе ничего не оставалось, как поверить мне, — на лице Вараввы расплылась неприятная улыбка. — Я имею приказ доставить Доминика Бромеля к Святому Престолу и взять все его дела на себя. С тёмным же магом, которого Бромель привечает, я имею право поступить так, как считаю нужным.

Жерар искоса посмотрел на хмурого Лавеля, ища у того поддержки, потом на Шварца,

старательно отводившего глаза, но и тот не спешил к нему на помощь.

— И что теперь... Вы пойдёте, и просто предъявите всё это Бромелю?

— Конечно же нет, — спокойно ответил архиепископ. — Всё зашло слишком далеко, и надеяться, что Бромель просто отдаст нам чернокнижника, не стоит. Скорее всего, он попытается увезти его из города, чтобы успеть закончить то, ради чего всё и затевалось. Полагаю, речь идёт о каком-то тёмном ритуале за пределами Улькира — в последнее время епископ часто покидает столицу под разнообразными предлогами, обычно на несколько дней.

— И наша задача — помешать Бромелю?

— Наша задача, молодой человек, дать енохианцам увезти твоего бывшего друга как можно дальше от столицы, и лишь только тогда попытаться уничтожить наших врагов, — громогласно произнёс мужчина, непонятно каким образом оказавшийся на скамье позади Жерара. Маг был готов поклясться, что минутой назад того не было! — Именно уничтожить, так как я совершенно не верю, что нам удастся схватить кого-то из енохианцев живьём, не заплатив за это слишком многими жизнями. Нет, этих гадюк нужно будет выжечь сразу!

Вышитого на тёмной сутане силуэта пса хватило Жерару, чтобы узнать в появившемся человеке инквизитора. Он был тоже не молод, как архиепископ, но если Варавва выглядел обычным немощным стариком, пусть и не лишённым благородства и величия, то инквизитор производил гораздо более гнетущее впечатление. Властный, жёсткий, с цепкими и холодными глазами, неожиданно молодыми на этом морщинистом лице. И то, как эти глаза на него смотрели, Жерару совсем не нравилось. В горле у Лекоя пересохло, а кожу покрыла холодная испарина. «Только не говорите что это... это...»

— Паолос, — спокойно кивнул Варавва. — Хорошо что присоединился.

Глава ордена святых псов Гортензы поморщился.

— Простите за опоздание. Как понимаете, в моей обители сейчас полный кавардак. Этот ваш Горгенштейн мало того, что сгубил двоих моих братьев, так и ещё осквернил Дольхен настолько, что легче отстроить новое здание, чем очистить это.

— Разве один тёмный маг может быть настолько силён? — тихо спросил Лавель.

Паолос тяжело вздохнул, достал из мешочка на поясе самокрутку, и закурил, проигнорировав недовольный взгляд Вараввы.

— Слышал когда-нибудь о Шелгоре?

— Нет.

— И не должен. Это то, о чём помнит лишь королевский род да иерархи Церкви. Шелгор когда-то давно был столицей Гортензы. Великий древний город, завораживающий своими храмами и дворцами. Но за его блеском и славой скрывалось столько пороков, что он просто стонал под ними. Потому что там, где грехи, обязательно появляется и Тьма, а вместе с ней страдания и хаос. Всё было настолько плохо, что Папа приказал привезти в Шелгор самую великую святыню нашей Церкви — мощи самого Иеронима, поместив их в прекраснейший храм Гортензы. Мощи привёз простой, но почитаемый народом священник — Эльгерент. Папа лично дал ему такое поручения, зная благочестивость и набожность этого монаха, которого уже при жизни многие называли святым. Я не знаю, был ли Эльгерент уже тогда енохианцем, или он всё ещё оставался верным сыном Церкви, сойдя с верного пути уже после случившегося но... он объявил, что у несчастного города есть лишь один способ, чтобы выжить. Изгнать Тьму из Шелгора навсегда. Эльгерент сказал, что Иеронимом ему было явлено, что у той Тьмы был источник — чернокнижник, тайно



проживавший в столице. Эльгерент решил, что ему хватит сил найти и уничтожить тёмного. И... он действительно нашёл его. Вот только смерть чернокнижника слишком дорого стоила Шелгору. Загнанный в угол, терзаемый отчаянием и злобой, тёмный колдун проклял город и жителей, что его населяли. Можно подумать — что мог сделать один единственный маг? Ну разве что заставить скиснуть молоко по всему городу, хотя большинство колдунов и ведьм и на это неспособны. Вот только этот маг... ему хватило силы призвать злобных духов, населяющих когда-то эту землю. Духов, заживо терзающих людей, пьющих кровь младенцев и губящих их, вселяющихся во взрослых мужчин и женщин и заставляя их бросаться друг на друга, терзая и поедая плоть своих соседей и домочадцев...

Жерар обвил свои плечи руками, пытаясь подавить дрожь в теле. Хорошее воображение всегда было его сильным местом, и теперь он об этом жалел.

— И что сделал Эльгерент? — ровно спросил Лавель.

— Ему ничего не оставалось, как сжечь город до тла, — глубоко вздохнув табачный дым, ответил Паолос. — Но ты ведь до этого интересовался совсем не этим. Ты спрашивал, как мог один тёмный маг всего лишь за пару ночей так легко и просто осквернить Дольхен. Так вот, поверь мне — твой брат способен и на гораздо более худшее. Он силён, сильнее, чем я когда-либо видел. Мне хватило и взгляда на то место, где его держали, чтобы понять это. И если мы попробуем схватить и уничтожить Лукреция в Улькире, это может плохо закончиться для города. А потери ещё одной столицы наша страна не выдержит. Всё, на что нам стоит надеяться, что Доминик действительно попытается в ближайшее время вывезти колдуна за пределы Улькире. И вот тогда мы сделаем свой ход.

— Но зачем вам я? — робко спросил Жерар. — И Лавель?

— Помощь хорошего мага никогда не будет лишней, к тому же вы оба хорошо знаете чернокнижника. Знаете, на что он способен, и в чём его человеческие слабости. Вы можете помочь его удержать, отвлечь, воззвав к его человечности.

— А вы верите, что она у него ещё есть? — со странным блеском в глазах спросил Лавель.

— Да, — спокойно кивнул уже Варавва. — Или ты бы хотел услышать, что твоего младшего брата давно уже нет, а вместо него живёт какое-то чудовище? Это не так, по крайней мере, пока. Но спасти его душу можно только одним образом. Убив его, уничтожив заражённое тьмой тело. Так что, Лавель Горгенштейн, ты должен решать, готов ли ты идти с нами?

Лавель твёрдо кивнул:

— Я знаю свой долг перед небом.

— Я рад это слышать. А ты, Жерар? Я знаю, что ты собирался строить свою карьеру при дворе, но из-за своего происхождения тебе едва ли удастся стать когда-нибудь главным придворным магом. Тебе вечно придётся быть в тени менее талантливых, но более знатных собратьев по ремеслу. Но... ты можешь выбрать иной путь. Хотя Церковь Иеронима всегда считали гонительницей магов, сейчас времена изменились. Даже при Папском Престоле не чураются пользоваться помощью магов. Ты мог бы достигнуть больших высот, если сумеешь добиться нашего доверия. Шварц весьма лестно о тебе отзывался. Ну как, Жерар Лекой. Ты с нами?

— Д-да, — чуть не уверенно ответил Жерар, но заметив на себе острый и недобрый взгляд Паолоса, кивнул с гораздо большим жаром. — Я помогу вам.

Спустя два часа Лекою наконец разрешили удалиться, перед этим буквально вытрясся

из него душу своими расспросами о Луке, а потом ещё и заставив пройти крайне томительный ритуал очищения. Лавель вызвался проводить юношу до отведённой ему комнаты. За весь путь священник не проронил ни слова, и так бы наверное и покинул Жерара, если бы тот не вцепился в рук Горгенштейна то есть силы.

— Постой, Лавель.

— Что? — сухо спросил тот.

— Как ты... как ты связался со всеми этими... Кхм! Как ты познакомился со столь значимыми особами?

Тот поколебался, а потом, тяжело вздохнув и понизив голос, объяснил:

— Видишь ли, я думал, что Лукреций в Дольхене. Вот и обивал пороги ордена святых псов. Первые два дня меня просто туда не пускали, а потом внезапно пригласили на аудиенцию к самому Паолосу. Тут он мне и сказал, что Луки в Дольхене уже нет, и что он у Бромеля. Объяснил мне всё происходящее, как тебе теперь, и предложил сотрудничество. Я согласился.

— То есть... ты на самом деле готов поспособствовать убийству Лукреция?

— А ты? — со странной интонацией спросил священник. — Ты сам на это действительно готов?

— Я... я не знаю, что делать. Но мне хотелось бы помочь Луке. На самом деле помочь, а не так, как говорил архиепископ.

Сейчас Жерар был серьёзен, как никогда.

— Тогда я скажу правду. Я бы мог пойти против архиепископа и Паолоса, или просто закрыть глаза на всё происходящее. Уйти, бросить служение, как уговаривал меня мой отец. Но так я смогу спасти только себя, а не Луку. Чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию, я должен быть де-то рядом со своим братом. Чтоб в нужный момент поддержать Луку, и может быть, отвести от него беду.

Жерар расплылся в улыбке, почувствовав неуместную сейчас радость.

— Уф-ф-ф, а я ведь даже поверил в то, что ты на самом деле на стороне этих жутких стариков! Ты молодец! А ведь Лука говорил, что ты совершенно не умеешь врать, и на лице у тебя всё написано. Но ты смог обмануть всех.

— Не обольщайся, что архиепископ не догадывается о наших мотивах, — сухо сказал священник. — Он, а точнее, его человек, Шварц, будет следить за нами. Ваш учитель весьма и весьма непрост, и ему не стоит доверять. Стоит Шварцу хоть сколько-нибудь усомниться в нашей лояльности, и наша игра будет кончена. Паолос же, насколько я о нём слышал, и вовсе предубеждён против магов, так что не стоит давать ему повода отправить тебя на дыбу.

Лекой громко сглотнул слюну.

— Тогда... зачем я им вообще нужен?

— Ты маг, и если верить Лукрецию, один из лучших. А мой братец не склонен перехваливать других людей, ты же знаешь. Если разгорится битва с енохианцами, ещё один маг не будет лишним.

— Ещё один?

— Да, помимо псов Паолоса, в захвате еохианцев будут участвовать маг, привезённый Вараввой. Я видел его лишь мельком. Неприятный тип, впрочем, как и большая часть вашей братии.

— Эй, брат Луки, да у тебя у самого предубеждения против магов! — хмыкнул Жерар, устало взъерошив каштановую шевелюру. — А енохианцы имеют свою магическую

поддержку?

— Скорее всего. У Бромеля неплохие связи в Коллегии магии. Да и Лука...

Лекой встрепенулся:

— Что Лука? Мой друг терпеть не мог этого вашего Бромеля, и не будет ему помогать!

— А если под угрозой будет его собственная жизнь? Тут и самого чёрта можно взять в союзники. К тому же, если верить Варавве, среди енохианцев есть весьма опасные и могущественные личности. Кто-то вроде этого Эльгерента вполне может быть способен убедить Луку действовать так, как енохианцам нужно. Остаётся только надеяться на упрямство Лукреция.

Жерар позволил себе слабую улыбку.

— Упрямство Луки — самая незыблемая вещь на этом свете! Остаётся только пожалеть этого вашего Эльгерента. Кстати, имя какое-то знакомое...

Эльгеренту за свою долгую жизнь не раз приходилось иметь дело с тёмными магами. И хотя в народе чернокнижникам приписывали самую ужасную внешность и весьма поганый характер, святой хорошо знал, насколько один тёмный может отличаться от другого. Встречались среди них храбрецы, не проронившие во время допроса ни слова, и трусы, готовые сдать всех своих соратников из одного лишь страха. Идеалисты, идущие путём Тьмы лишь из любопытства и желания принести в мир новое знание, и властолюбцы, ищущие только власть и могущество.

Мужчины и женщины, молодые и старые, потомки тёмных родов и их последователи... Скольких повидал святой брат на своём веку, и скольких убил — сам, или чужими руками. И кто же знал, что теперь он будет сидеть напротив одного из колдунов, и пытаться наладить с ним диалог. И что этот колдун будет более чем соответствовать тем страшилкам о чернокнижниках, которыми пугали чернь иеронимцы.

Спутанные чёрные волосы, бледная кожа, мрачный взгляд, оттеняемый глубокими синяками под глазами. Ну и совершенно невыносимый характер, непонятно откуда взявшийся у юноши из хорошей семьи. И не то, что мальчишка был испорчен или груб. Нет, он хоть разговаривал и без должной почтительности, всё же не переходил грань приличия. Никаких изрыганий проклятий или поношения религиозных святынь. Вот только этой вежливости грош была цена, учитывая то, что хотя Лука и не спорил с Эльгерентом, но все слова енохианца с явной насмешкой. «Ну-ну, какие вы мне ещё сказочки расскажете?» — казалось, говорил он всем своим видом. Пожалуй, с большей эффективностью Эльгеренту бы удалось поговорить со стеной.

— Послушай, — тяжело вздохнув, Эльгерент решил предпринять ещё одну попытку расположить к себе мальчишку, — я понимаю, что наши прошлые действия могли вызвать у тебя неприятное впечатление о енохианцах. Но мы не враги тебе.

— Конечно не враги. Как ни как Его Святейшество мой духовник, и желает мне только добра. Вот, даже украшения подарил, — с фальшивой улыбкой ответил Лука, натягивая цепь, соединяющую браслеты на руках.

— Я уже говорил, это для твоей же пользы. Ты сейчас не очень себя контролируешь, и можешь нанести окружающим вред. Несколько человек уже пострадало.

— Ой, какая жалость, — улыбка на лице мага стала ещё шире. — Помню, скорблю. Если бы вы меня отпустили, я бы с удовольствием вновь навестил братьев из Дольхена и лично принёс бы им мои извинения.

Эльгерент покачал головой:

— Неужели ты действительно такой? Человек, готовый из мести убивать и разрушать всё вокруг? Ненавидящий всех и никому не доверяющий. Умеющий лишь причинять боль. Такую жизнь, полную страха и ненависти, ты себе хотел?

— Я хотел, чтобы меня лишь оставили в покое, — глухо сказал Лука.

Эльгерент тут же попытался уцепиться за его слова.

— Я понимаю. Ты устал от необходимости прятаться и скрываться, жить в страхе за свою жизнь. Но подумай, насколько хуже могла бы быть твоя жизнь, если бы Доминик Бромель не покровительствовал бы тебе!

— И делал он это, конечно, из искренней заботы обо мне, — скривился Лука, уставший держать на лице маску доверчивого дурачка.

Но Эльгерент тоже решил говорить абсолютно честно.

— Нет, у него, да и у меня, в этом деле свои интересы. Ты же был для наших целей лишь удобным средством. Но теперь всё изменилось.

— Очевидно, да, — с каким-то новым интересом посмотрел на святого Лука. — Раньше меня пытались лишь запугать и заставить, но никак не переубедить. Очевидно, моя ценность в ваших глазах весьма значительно увеличилась.

— Как много ты успел узнать о енохианцах? — прямо спросил святой.

— Первый раз слышу, — нагло ответил Лука. — Это как-то связано с вашим другом Енохом? Довольно претенциозно с его стороны назвать ваш орден своим именем. Вот вас к примеру это не обижает?

— И про Шелгор тоже ничего не знаешь?

— А что это? Какое-то блюдо?

— Брось, — поморщился Эльгерент. — Зная твоё неуёмное любопытство, я знаю, что ты проводил своё собственное расследование. Вопрос в том, сколь много ты успел узнать. Хорошо, раз ты упрямишься, я расскажу тебе одну легенду. О первых тёмных магах. Их было трое. Трое мужчин, получивших могущественную силу и власть, о которой не мог мечтать никто из великих королей.

Лукреций уже слышал эту историю от Медеи, но всё же к версии енохианцев прислушивался с интересом, тем более что она несколько отличалась от версии ведьм. Ни слова о богине — о Тьме Эльгерент говорил как об опасной, но не имеющей собственной воли и цели силы. Многого Эльгерент рассказал и о тех временах, когда жили первые колдуны и ведьмы.

— Тьма существовала всегда, но до появления первых тёмных никто не мог овладеть её мощью. Это рождало множество проблем. Одержимые, демоны, моровые эпидемии, появлявшиеся ниоткуда, и таким же непонятным образом исезавшие.

— Тьма — это зло, — усмехнулся Лука, скрестив руки на груди.

— Нет, совсем нет. Но это сила, совершенно чуждая нашему миру, людям, и от того вредная для нас. Теорий о причинах столь пагубного влияния Тьмы на нашу реальность много, но... признаюсь, конечный ответ так и не был найден. Как бы то ни было, всегда, когда Тьма проявлялась в нашем мире, появлялись проблемы. Многие маги пытались найти способ совладать с тьмой, но удалось лишь троим.

Лука удивлённо приподнял брови:

— Вы признаёте, что маги оказались полезны? Я думал, Церковь нас недолюбливает.

— На это есть причины, — спокойно ответил Эльгерент. — Потому что из тех троих

лишь один попытался использовать полученные возможности для помощи людям. Другие два колдуна, а так же ведьмы, что последовали за ними, были совращены Тьмой и погублены. Но один... ты знаешь, в тот момент он действительно смог остановить надвигающийся катаклизм. В одиночку, брошенный и преданный своими братьями. Они назвали его Предателем, но предан был именно он.

«И никакой романтической истории о влюблённости во богиню», — кисло подумал Лука.

— Ну а церковники тут каким боком? Это внутренние дела магов. Верили бы в своего Иеронима и верили. Чего на тёмных магов-то ополчаться? — вслух спросил он.

— Потому что Святая Церковь была создана тем магом, который не отвратился от изначальной цели помочь людям и защитить их от Тьмы.

— Защитить их от... — саркастично повторил Лука, но тут глаза его округлились. — Стоп! Церковь создана магом?! А как же Иероним Защитник?!

Эльгерент красноречиво посмотрел на Луку, который всё ещё пытался уложить в голове то, на что ему намекал святой.

— Иероним... Да не может быть! Что, и это его вы хотите пробудить? Офигеть!

Вот теперь Лукреций действительно стал похожий на обычного подростка, которому сказали, что скучный учитель в школе когда-то был крутым охотником за приключениями.

— А ещё кто-то знает? — отбросив привычную невозмутимость, тут же спросил Лука.

— Обычные люди — нет. Среди церковных иерархов... тексты, где есть намёки на то, что Иероним владел магией, считаются апокрифическими и запретны. Но как ты думаешь, откуда именно Святой Престол и псы инквизиции знают о том, как совладать с магами? Это те силы и знания, которые были подарены нашим Господином своим последователям. Потому что Иероним хорошо понимал, что простым людям нужна защита от тех, кем овладела Тьма, для тех, кто совращён ею.

Энтузиазм Луки постепенно угасал. Ну да, Церковь оказалась проектом одного из магов, только то это меняет — тёмные маги и ведьмы как умирали от рук клириков, так и умирают. Иероним Защитник может быть и защищал людей — вот только ценой жизни магов. Ну и к чему тогда способствовать его возвращению?

— Так значит, по вашему мнению, я тоже совращён Тьмой?

Лука ждал, что святой будет это отрицать, но тот его удивил.

— Да. Ты молод, не обучен, и к сожалению, ведом низменными страстями. Это опасно для окружающих и губит тебя самого. Но если Иероним вернётся, он сможет научить тебя контролировать свой дар.

— Как? Убив меня? — устало спросил Лукреций. — Хотя подождите. Я ведь к тому времени буду уже мёртв. Стану ещё одной жертвой, умершей ради его возвращения.

Эльгерент поднялся с кресла, в котором он сидел напротив Луки, и обойдя стол, остановился рядом с магом. Ледяная ладонь его легла на макушку юноши, заставив того поёжиться.

— А говорил, то ничего не знаешь о Шелгоре, — с укоризной произнёс святой.

— Что это вы делаете? — встревоженно спросил Лука.

— Пытаюсь понять, насколько возрос твой уровень, после того, как ты поглотил душ Еноха.

«Он знает», — сердце Луки застучало быстрее.

— Что? — хрипло спросил он. — Разве... разве вы маг?

— Я? Нет, среди енохианцев нет магов. Но те из нас, что получили благословения

нашего Господина, могут чувствовать тьму в чужих сердцах. Ну и ещё кое-что немного, по мелочи. Так, к примеру, я могу понять, что недавно ты получил огромное количество силы, разрушающей тебя сейчас. Получить ты её мог только одним способом — забрав у кого-то другого. А если учитывать что Енох пропал примерно в то же время что и ты... Слышишь ли ты ещё отголоски его памяти? Слышишь ли ты его голос?

— Я... я запер его.

Когда Лука закрывал глаза, когда пытался заснуть — почти всегда он чувствовал, как его волю пытаются сломить, отнять власть над телом, но попытки эти были с каждым разом всё слабее и слабее. Там, куда Лука поместил Еноха, тот был беспомощен и нем.

— Умница. Енох совершил глупость, напав на тебя. Более того, он совершил святотатство. Ты драгоценный потомок нашего Господина. Тот, кто пробудит его.

— Отойдите! — отчаянно произнёс Лука. — Разве вы не боитесь меня теперь? Если я совершил подобное с вашим приятелем, то я могу забрать и вашу жизнь тоже!

Эльгерент убрал ладонь, и Лука наконец смог вернуть себе хотя бы видимость спокойствия.

— Может быть, когда-нибудь и сможешь, но сейчас ты с трудом можешь совладать даже с одной полученной душой. Впрочем, она и сейчас губит тебя — точнее, Тьма, что получила к тебе доступ благодаря моему неосторожному другу. Тебе нужно избавиться от лишней силы, для того, чтобы не сойти с ума. Ты принесёшь эту силу на алтарь нашего Господина, и пробудишь его.

Уверенность в голосе святого брата почти гипнотизировала Луку, но всё же он упрямо покачал головой.

— Я же сказал, что не хочу умирать!

— Тебе и не нужно. Только позови его — это всё, о чём мы просим. На твой зов Господин обязательно отзовется.

— С чего бы это? — с подозрением зыркнул маг на Эльгерента, как ни в чём не бывало вернувшегося на своё место. Прочем, увлечённый своими мыслями и переживаниями, Лука не заметил, как неловко прячет енохианец ладонь, которой он касался молодого чернокнижника. — Я с вашим Иеронимом чай не гонял, чтобы вы не думали. Найдите другого дурака.

— Не можем. Ты единственный известный нам потомок Иеронима. Точнее, единственный, обладающий даром наследник, — поправился Эльгерент, и тут же как бы невзначай заметил. — Впрочем, у тебя же есть братья. Хотя они не маги, но... возможно, кто-нибудь из них подойдёт. Хотя, в отличии от тебя, едва ли они смогут сохранить свою жизнь.

— Так значит, я потомок не Рейта Дуана, а потомок Предателя... Вы уверены в этом?

— Более чем. И не называй Господина так, — поморщился Эльгерент. Руку его нещадно жгло, а ведь он не собирался причинять тому вреда, лишь хотел попробовать повлиять на него немного. — Так что, нам искать помощи у твоих братьев?

Горгенштейн выпрямился, пытаясь вернуть себе утраченное достоинство.

— Ох, только не начинайте свой шантаж снова. Я на это не поведусь. Скажите лучше, что будет, когда Иероним вернётся?

— Он вновь подчинит себе Тьму, и у нас больше не будет необходимости убивать вышедших из под контроля магов. А ты сможешь обрести учителя, о котором и не мечтал.

— Больно надо, — фыркнул Лука. — Лучше оставьте меня в покое. И мою семью.

— Если ты так хочешь, — спокойно ответил монах. — Хорошо. Тогда после того, что ты выполнишь для нас, мы о тебе забудем.

Конечно, словам енохианца Лукреций не слишком то верил, но... выбора то особо не было. Эти чудесные ребята со своей идеей пробудить какого-то древнего тёмного были на редкость настойчивы, и способа от них избавиться Лука не знал. К тому же, кто знает, что произойдёт в храме Шелгора. Им, судя по всему, нужно его согласие и добрая воля, иначе с ним бы разговаривали сейчас совсем по-другому, и если в храме он поймёт, что что-то пошло не так, он просто откажется дальше действовать.

Тем более кое в чём Эльгерент был точно прав. Контролировать себя Луке было сложно. Даже лунные камни, которые Луке дал Бромель, просто на просто плавилась в его руках, не в силах выдержать эманации тьмы.

— Ну хорошо, допустим я готов сотрудничать. И когда мы едем будить вашего Преда... ну, Господина то есть?

— Мы выезжаем сегодня.

Лука удивился.

— Но уже вечер. К чему так спешить? Тем более добираться туда двое суток. Наверное, вам нужно подготовиться к дороге.

— Всё уже готово.

«И что вас так подгоняет, интересно? Нежели боитесь, что кто-то помешает вашим планам?».

Что ж, к чему бы это ни привело, Лука сделал свой выбор. Но это не означало, что идея енохианцев ему нравилась. Как и сами енохианцы. Представься Луке шанс улизнуть от ордена, он обязательно бы это сделал, оставив их с носом. И Эльгерент тоже знал об этом. А значит, он будет как коршун следить за Лукрецием.

Когда Эльгерент вышел, Лукреций притянул к себе колени, обхватив их руками и почти сжавшись в комочек в кресле. «Я устал. И хочу, чтобы всё поскорее закончилось. Так или иначе».

Компания для путешествия, по мнению Луки, была наипоганейшая. Мало того, что к храму его сопровождал Эльгерент, от которого у Луки были мурашки по коже и Бромель, наводивший тоску и уныние одним своим видом. Так ещё для полного счастья к ним присоединился Ортега Литран, алхимик Коллегии, так и не изменивший своей привычки пёстро одеваться.

Впрочем, магистр Литран был тоже не слишком счастлив, узнав, что ему придётся ехать с Лукой в одной карете.

— Раньше ведь всё по-другому делалось, — недовольно шипел он на ухо Бромелю. — А что, если мальчишка догадается, куда мы его везём? Начнёт ныть и сопротивляться?

— Он знает, — спокойно ответил ему епископ. — Тебе стоит воспринимать Луку не как оступившегося мага, а как нашего союзника.

В этот момент мимо возмущённого Литрана как раз прошёл Лукреций, насмешливо тому поклонившись. Заметив украшения на руках Горгенштейна, Литран ещё более нахмурился.

— Что-то кандалы-то вы с вашего союзника не сняли!

— Ну, не самого *надёжного* союзника. Всё же за ним нужно будет приглядывать. Вот для этого вы нам и нужны, магистр.

На самом деле, Доминик и сам с удовольствием поместил бы опасного тёмного в

саркофаг, служивший защитой от тёмной магии вот только увидев этот каменный гроб, Лука тут же встал в позу, заявив что «вертеть на... я буду этот ваш... ритуал, если вы снова засунете меня в эту коробку». К тому же Эльгерент заявил, что его присутствие сдержит рвущуюся силу колдуна, и того, что произошло в Дольхене, повториться не должно. Но Бромель всё равно не собирался расставаться со своими чётками, освящённые в своё время самим Енохом.

Забравшись в просторную карету, обитую изнутри чёрным бархатом, Лукреций с любопытством спросил у нервничающего Бромеля, сидевшего напротив:

— А что, больше к нам никто не присоединится? Другие члены ордена?

— Они будут ждать нас уже на месте. Не стоит привлекать лишнего внимания, — неохотно объяснил епископ.

Старчески кряхтя, в карету забрался последний пассажир, Ортега Литран, сев рядом с епископом и сделав вид, что не замечает наглого мальчишку, пялившегося на него с сиденья напротив.

— Значит только мы? А Эльгерент?

— Он исполняет роль возницы.

— О-о-о, какая честь! — хмыкнул Лукреций, правда прозвучало это немножечко нервно. — Значит, я, магистр Ортега, вы, брат Эльгерент и больше никого?

Настырность юного мага на редкость раздражала и алхимика, и Доминика Бромеля, но Эльгерент достаточно жёстко объяснил своим союзникам, что с Горгенштейном лучше держаться как можно более дружелюбно.

— Обычно мы приурочиваем поездку в Шелгор к святому паломничеству. В ближайшем к шелгорским топям городке есть одна святыня, которую мы навещаем. Там я удаляюсь на моление, и за это время как раз успеваю побывать в храме. Но путешествие со свитой сейчас бы заняло слишком много времени.

— А вы спешите, — задумчиво сказал Лука.

Несмотря на хорошие рессоры, булыжник в городе был не самый ровный, поэтому карету потрясывало, и Луку привычно начало укачивать. Он закрыл глаза, пытаясь немного подремать. Маг ни разу не спал после того, как покинул Дольхен, и хотя чувствовал себя просто ужасно, расслабиться всё же не мог.

*Эй, Гохр, вы здесь? Всё ещё обижаетесь? Ну, магистр... Я хотел вас кое-что спросить!*

Но тот всё так же продолжал молчать. И Луке, хоть неохотно, но всё же пришлось себе признаться, что Тобиаса Гохра больше нет. Тогда, в Дольхене, терзаемый болью и не в силах воспользоваться своей магией, Лукреций «проглотил» то, что осталось от личности Тобиаса Гохра, пусть и не хотел этого.

И пусть Гохр был совершенно отвратительным учителем, предавшим его, но всё же за столько лет он привык к вредному магу.

*Теперь я один, да? Не считая этого чёртового Еноха, но я всё ещё не настолько спятил, чтобы желать с ним поговорить.*

Стало тоскливо так, что захотелось совершенно по-детски прижаться к маминому мягкому боку, как он делал когда-то очень-очень давно. Странно, что сейчас, совершив так много ошибок, запятив свою душу убийствами, связавшись с очень скверными людьми, он думал именно о матушке, жалея, что так давно её не навещал.

«Она не останется одна. С ней рядом будет отец, братья и сёстры. А потом я вернусь,



и...»

Карету резко трянуло, и Лука, сидевшего спиной к движению, повалило прямо на Ортегу Литрана. Вполне удачно, так как тот в отличие от худого епископа был более удобной подушкой для приземления.

— Да что там такое! Не успели ещё выехать из города, а уже какие-то проблемы! — в сердцах воскликнул Литран, отпихивая мальчишку. Снаружи слышался чей-то голос, громкий и пронзительный. — Наехали что ли на кого-нибудь?

— Выйди, посмотри, — предложил Бромель.

Маг хотел вежливо отказаться, но поняв, что если епископ выйдет сам, то тогда самому Литрану придётся остаться один на один с нервировавшим его тёмным. *И когда этот волчонок успел превратиться в опасного хищника?*

Неохотно выбравшись из кареты наружу, магистр подслеповато прищурился, пытаясь понять, что за фигуры загораживали проезд. Сумерки уже спустились на город, а свет фонарей был слишком тусклым, чтобы близорукий маг мог понять, кто именно там стоял.

— Что случилось? — недовольно повысил голос он.

Оказалось, что прямо под копыта лошади бросилась какая-то девочка, и чуть не была раздавлена. А теперь её мать, вцепившись в ребёнка, не выглядевшего таким уж перепуганным, так и замерла на середине дороги, почти под самыми копытами взбудораженных лошадей. Эльгерент, исполнявший роль возницы, сидел на козлах совершенно спокойно, так и не сняв капюшона, скрывающего лицо, и на вопли оголтелой тётки отвечал лишь молчанием. Впрочем, было в его молчании что-то угрожающее и недоброе.

Пошарив в карманах, Ортега нащупал серебряную монетку, и кинул её перед глупой бабой.

— Всё в порядке с твоим ребёнком. Уйди с дороги! Видишь, спешим.

— Спасибо вам, добрый господин, — неожиданно хриплым и низким голосом ответила женщина, подняв лицо. Обычное, ничем не примечательное, и всё же вызывавшее странное беспокойство. — Ноги не держат. Помогите встать несчастной женщине...

Ортега неохотно протянул руку, сильно удивившись, сколь тяжёлой оказалась хрупкая на вид женщина. И уж совершенно не был готов, когда гарота перехлестнула его горло, заставив испуганно замереть.

— Доминик Бромель, не так ли? — промурлыкали ему в ухо с совершенно другими интонациями.

— Н-н-нет, — прохрипел маг. — Он... в карете.

— А Лукреций?

Ответить Ортега, впрочем, не успел.

— Так значит вы за ним? Так я и думал.

Эльгерент, до этого сидевший совершенно спокойно, спрыгнул вниз одним лёгким скользящим движением, совсем не вязавшимся с его грузным телом. Капюшон слетел вниз, и теперь Августин и сопровождавшая его Лейла могли видеть лицо святого.

— Вы-то ещё кто? — с интересом спросил Августин, не догадываясь даже, какую опасность представляет этот человек с добродушным и смутно знакомым лицом.

Собственно, задачей мошенника было лишь выяснить, со сколькими противниками им придётся иметь дело. Если бы у кареты было сопровождение, то Августин в облиии женщины просто бы отвлёк одного из противников, в то время как Лейла бы прикрыла его

от угрозы, дальше бы дело было за Равелем и ведьмами. Но пухлый старикашка в пёстрых тряпках так легко ему подставился, что Августин просто не мог не воспользоваться моментом. Возничий, сейчас с совершенно спокойным лицом наблюдающий за слабыми трепыханиями жертвы Ави, тоже не выглядел представляющим угрозы.

*«Не думал, что будет так просто»*, — с облегчением, в котором была некоторая примесь разочарования, подумал мошенник.

— Мне только нужен Лука. Как только вы его освободите, я так и быть, отпущу этого вашего *не-Бромеля*.

— Смело, юноша, но глупо, — несколько недовольно ответил ему возничий, поднимая вверх правую руку.

*«Юноша? Как он увидел? Неужели Медея схалтурила?»*

Но додумать не успел. Лейла с совершенно не детской силой толкнула его за свою спину, а перед ней, закрывая их от возничего, вспыхнуло синее пламя.

Потеряв равновесие, Ави ослабил свою хватку, и толстячок ловко вывернулся из его рук, пребольно при этом пихнув.

— Лейла, что ты... — начал было говорить Ави, но тут же заткнулся, увидев, как лисье пламя гаснет, судя по напряжённому и отчаянному выражению Лейлы, против её воли.

Теперь против него был не один, а два противника, так как тот толстячок, что только что находился в его власти, сосредоточенно бормотал себе что-то под нос, колдуя, а чрезвычайно зловеще выглядевший сейчас возничий находился уже в паре шагов.

Августин панически огляделся, не понимая, почему никто не приходит ему на помощь.

# Глава 11

## Спасти Тёмного. Убить Тёмного

То, что всё пошло не по плану, Лавель понял ещё тогда, когда в его комнату ворвался один из инквизиторов, сообщив, что Доминик Бромель, по сообщению их соглядатая, покинул свою резиденцию. А ведь Лавель уже совсем приготовился ко сну...

К тому времени, когда он собрался, все уже были наготове. Шварц, пятёрка инквизиторов, возглавляемая самим Паолосом, Жерар Лекой и ещё один незнакомый маг, одетый в пыльную сутану зелёного цвета. Собственно то, что это именно маг, а не ещё один священник, Лавель понял лишь по тому, как Жерар называет того магистром.

— Будем следовать за ними в некотором отдалении, — сказал Йохан Шварц, обращаясь к остальным. — Сейчас они как раз должны достигнуть ворот. Как только это произойдёт, наш человек даст знак, и мы отправимся за ними в некотором отдалении. Магистр Тройгар скроет наше присутствие, чтобы мы не были замечены раньше времени.

Тут Лекой и магистр Тройгар, негромко обсуждавшие что-то друг с другом, синхронно вздрогнули и посмотрели на восток. Лавель, проследивший за их взглядом, ничего особенного не увидел.

— Что? — напряжённо спросил Шварц у старшего мага, но ответил ему Лекой.

— Не получится. Не получится просто следить, выжидая, пока енохианцы покинут город. Судя по всему, кто-то затеял драку с применением магии. Чертовски мощной магии. И что-то ещё... я не могу понять. Я с таким не сталкивался.

Но как бы то ни было, то, что остаться в стороне не удастся, понимали все. Как и то, что мощное колдовство было связано как-то с енохианцами. Разве что только Лавель продолжал непонимающе крутить головой.

— По коням!

Лавель поднял глаза к небу, вознося краткую молитву своему святому покровителю. В верховой езде он был не слишком силен.

От первой атаки пёстрога мага Августин увернуться сумел, неуклюже путаясь в совершенно неудобных юбках. А там, где он только что стоял, булыжник покрылся зелёной, тошнотворной на вид слизью. Маг тут же отправил вслед ещё одно заклинание, самым злорадным образом улыбаясь. Оба понимали, что в этот раз мошеннику скорее всего не повезёт. Дорога была достаточно широкой, и до ближайших домов, у которых можно было укрыться, нужно было ещё добежать. Впереди всё ещё маячил лысый возникчий, а справа и сзади догорал лисий огонь, через который Ави сейчас бы не рискнул перепрыгивать.

Августин отчаянно ломанулся влево, буквально чувствуя, как в его спину впечатывается заклинание, превращая мошенника во что-то весьма отвратительное. Но ничего не произошло. Августин резко повернулся. Дорогу между ним и магом закрывала дрожащая, полупрозрачная плёнка.

— Чего пялишься?! — крикнула ему Делия, появившаяся откуда-то из-за спины. — Я не смогу долго его держать! Уйди!

Пригнувшись и отбежав, чтобы не попасть под случайное заклинание той или иной стороны, Августин оглянулся, оценивая силы противников. Так, все случайные зрители уже разбежались, стража ещё не подросла. Лысый мужик, почти уже подобранный к Лейле,

явно ей не по зубам. Помочь? Пока, вроде бы, не надо. Это пусть Медея разбирается, тем более что противник её уже заметил, каким-то образом отбив атаку ведьмы (в воздухе что-то мерцало и крутило, но Ави старался даже не смотреть в ту сторону, чем-то слишком жутким оттуда веяло), и дав передышку лисичке.

У Делии с магом была своя битва, и сюда тоже вмешиваться не хотелось. А значит, самое время было заглянуть в карету, и посмотреть, кто же там спрятался.

Стоило Ави об этом подумать, как он заметил Равеля, возившегося рядом с лошадьми. «*Что это он делает?*».

Лошади, понявшие, что их уже ничего не держит в упряжке, и понукаемые грубыми шлепками Равеля, испуганно ринулись прочь. Августин почувствовал досаду. О том, что следует позаботиться, как бы добыча не ушла из-под носа, он как-то позабыл.

Рядом что-то глухо бухнуло, болезненно вскрикнула Дели, и Ави отвлёкся от своих размышлений. Глупая девчонка валялась на мостовой с залитым кровью лицом, а её противник уже приготовился к следующему удару.

*«Я плохой боец, но... я должен действовать».*

Ортеге Литрану никогда ещё не приходилось сражаться с ведьмами, но эта малышка, что вышла против него, хоть и имела несколько неприятных сюрпризов в рукаве, явно уступала магистру Коллегию в классе. Ему понадобилось не так уж много времени, чтобы загнать её в угол.

«Алхимики, детка, весьма неприятные соперники», — самодовольно подумал Ортега, заноса над головой склянку с собственноручно составленным им взрыв-зельем. Но резкая боль в спине заставила его руку дрогнуть, и склянка взорвалась о землю гораздо ближе к магу, чем он думал, едва не задев его самого.

Литран, преодолевая боль, повернул голову, и заметил рукоятку кинжала, торчащую из его плеча.

— Ха, съел, да, колдунишка?

Тот, кто это произнёс, был невероятно доволен собой. Ортега забормотал заклинание, которое должно было хоть как-то успокоить адскую боль, мешающую думать, в то время как его руки, дрожащие и несколько утратившие свою былую ловкость, пытались нащупать на поясе что-нибудь, что бы он мог кинуть в обладателя на редкость противного своей жизнерадостностью голоса.

Когда снаружи начали колдовать, Лука, почти не думая, сразу же рванул к дверце кареты, но не успел даже коснуться ручки, когда был перехвачен епископом.

— Куда это вы так скоро, молодой человек?

— Я... возможно магистру Литрану нужна помощь.

— И чем вы сможете помочь, будучи скованным?

— Так освободите меня!

— И не подумаю, — поджав губы, ответил Бромель. Епископ был бледен, но довольно спокоен. — Тем более что ключ от твоих браслетов не у меня, а у брата Эльгерента.

— Кто мог на нас напасть? — вслух спросил Лука, и тут же ответил на свой же вопрос: — Ведьмы. Я чувствую присутствие тёмной магии.

— Что ж, я полагаю, Эльгерент быстро с ними разберётся.

В голосе Доминика Бромеля было столько уверенности, что Луке на мгновение стало жалко ведьм, хотя до этого он не испытывал к ним особого сочувствия. «*Но ведь они*

пытаются спасти меня. Должен ли я что-то предпринять, чтобы им помочь?». Лука скосил глаза, оценивая Доминика Бромеля. Тот был уже не молод, но и до старческой слабости епископу было далеко. К тому же слишком насторожен сейчас был епископ, чтобы попытка нападения Луки осталась незамеченной. И всё же, ловкость и молодость была на стороне Горгенштейна, и даже без магии у него были неплохие шансы оглушить епископа. Наверное, так бы Лука и застрял в своих мыслях и сомнениях, если бы не весьма знакомый голос, донёсшийся совсем рядом.

— *Пошли, пошли, ну!*

«*Равель?! Мне послышалось?!*». Брань, раздавшаяся следом, развеяла все сомнения Лукреция.

Дождавшись, когда епископ на мгновение отвлёкся от него, привлечённый каким-то взрывом на улице, Лука резко сделал выпад ногой, метя в пах Бромеля, но тот успел увернуться в последний момент, кинул что-то в лицо магу.

«*Чётки?*» — растерянно подумал Лукреций, прежде чем боль накрыла его с головой.

Потирая жутко нывшее от удара бедро, Бромель поднял упавшие на пол кареты чётки, радуясь, что сумел не промахнуться. Глупый колдун корчился от боли, и кажется, совсем ничего не соображал. Что ж, как и думалось, с ним нужно было держать остро.

На улице вновь что-то глухо ударило, а затем пол мелко задрожал.

— Нужно выбираться отсюда, — пробормотал епископ, понимая, что он находится фактически в ловушке.

До строптивного тёмного дотрагиваться не хотелось, но выбора особого не было. Тот был ещё нужен Бромелю, пусть даже как заложник. Поэтому стараясь не думать о судьбе несчастно Еноха, Бромель схватил Луку за волосы, приподнимая голову, и быстро надел магу на шею свои изумрудные чётки. Маг задрожал ещё сильнее, жалобно застонав, когда бусинки коснулись оголённой кожи.

Используя чётки как поводок, и надеясь, что те не порвутся, Доминик распахнул дверцу кареты и выволок мага наружу. Притом выбрались они весьма удачно. С той стороны, где их не мог никто особо заметить. Кроме высокого, потрёпанного на вид мужчины с мечом в руках, который тут же с агрессивным видом двинулся в их сторону.

— Не советую делать ещё один шаг, если не хочешь видеть, как у мага кишки вываливаются наружу, — быстро предупредил того Бромель.

Одной рукой придерживая Лукреция за шею, и прижимая к ней чётки, другой рукой Бромель держал длинный кинжал, утыкаясь им в бок почти потерявшего сознание подростка.

— Не получится, — неприятно усмехнувшись, произнёс противник, но всё же остановился.

— Что не получится?

— Выпустить кишки. Неудобно будет живот вспарывать, по крайней мере, из твоего положения. А вот печень ты повредить скорее всего сможешь.

— Ну, меня это вполне устроит.

— Разве так должны вести себя священники? — глумливо спросил Доминика обладатель меча и сделал ещё один шаг.

— Стой! Я убью его!

— Тогда я убью тебя. Вот в чём проблема, когда дело касается захвата заложников, —

притворно вздохнув, произнёс Равель.

«Всего лишь один удар, всего лишь одно касание. Даже лёгкая царапинка моим мечом отправит святошу на небеса» — хищно подумал воин. Только вот незадача — кинжал епископ держал вполне уверенно, да и по глазам его было видно, что он ударит Луку не задумываясь. Перед Равелем явно стоял человек, умеющий убивать. Как будто поняв мысли воина, Бромель насмешливо фыркнул:

— Прежде чем я пришёл к служению Господу нашему Иерониму, я успел немного послужить и нашему Королю.

— Гвардия? — вскинул брови Равель. — О нет, я думаю, что-то более грязное. Служба Безопасности?

— Она самая.

Что ж, когда Рави думал, что ему достался самый слабый противник из всех, он, возможно, ошибался. Будь перед ним обычный священник, пусть даже высокопоставленный, он смог бы его запугать. Если бы это был бывший военный, то можно было бы вынудить его принять схватку. Но этот человек, с сухим, жёстким лицом, не поддастся на провокацию, так как хорошо знает, что в силе и ловкости он точно проиграет Равелю. Так что будет держаться за Луку до тех пор, пока он будет ему полезен.

Равель опустил свой меч, показывая, что не собирается в атаку.

— Что ж, я пока постою, посмотрю, чем всё закончится. Но даже не думай, что я дам тебе хотя бы шаг ступить отсюда.

— Да кто ты вообще такой?

— Равель Горгенштейн, брат Луки, — почти дружелюбно сказал воин. Называть своё настоящее имя он не боялся, зная, что с этого поля битвы уйдёт в живых только один из них.

— Не слишком-то похож, — скептически ответил епископ, рассматривая мужчину средних лет напротив себя. — Да и староват.

— А, это ведьмовская маскировка. Правда, неплохо?

Отвлекая епископа разговорами, Равель старался не смотреть на Лукреция. Бромель, кажется, совсем не замечал, что с Лукой происходило что-то странное. Кожа мага пока тускло, но всё же светилась, а открытые глаза, когда-то синие, сейчас заполнились чернотой, поглотившей даже белки.

*«Это совсем не к добру».*

Взгляд Луки, до этого пустой, ничего не видящий перед собой, внезапно остановился на Равеле, и воин почувствовал, как все его мысли и расчёты сменяются жаждой чужой смерти.

*Когда-то они уже встречались. Она стояла тогда напротив него, в разорванном и запачканном кровью платье, с растрёпанными волосами, с лицом, перекошенным ненавистью и злобой. Некрасивая в своём гневе, и всё же, желанная как ни одна другая женщина, которую Эльгерент встречал на своём пути.*

*Беловолосая ведьма по имени Медея. Союзница и ученица Иеронима Тимея, первая предавшая его. Возлюбленная некроманта, уничтожившего Шелгор. И мать Маргариты Ульке, юной ведьмы, которую когда-то Эльгерент обрёл на мучительную смерть.*

*Их там много связывало друг с другом, древнюю тёмную ведьму и енохианца, верного служителя своего Господа, что было совсем не удивительно, что они встретились вновь.*

Вокруг Эльгерента закручивался вихрь ведьмовской силы, но казалось, он не в силах был коснуться и причинить ему вред. По лицу Медеи стекал пот от усилий, прилагаемых,

чтобы прорвать его щит. «Силён, я даже не ожидала, что он будет так силён». Но и енохианец не в силах сделать шаг, прорваться сквозь чужую магию. Впрочем, он и не пытался, терпеливо ожидая, когда её силы иссякнут.

— Почему ты не скрываешь своё истинное лицо, как остальные? Почему не бежишь и не прячешься, трусливо поджав хвост, как всегда? Неужели мальчишка Горгенштейн так тебе дорог?

Сквозь шум она не должна была слышать его голос, но она всё же слышала. А может быть, просто угадывала, что говорил Эльгерент.

— Потому что я более чем готова к этой битве. Это место станет могилой для тебя.

— Так дело не в нём, а в мести?

Медея не ответила, пытаясь сохранить контроль над своим заклинанием и краем глаза выискивая Лейлу. «Глупый демон», — с досадой подумала ведьма. Огненная лисица была наиболее опасным противником для енохианцев, и не будь она так зациклена на защите Августина, то давно бы уже могла преодолеть противоестественную силу Эльгерента. Вместо этого Лейла всё время отвлекалась на то, чтобы помочь мошеннику, даже если он сам неплохо справлялся со своими проблемами.

Нужно было как-то нарушить сложившийся баланс. Белая возвала к Тьме, почти не ожидая услышать отклик, но вместо нескольких скупых глотков силы буквально была накрыта её волной. Смерч, что кружил вокруг енохианца, яростно взвыл, впитывая полученную энергию и увеличиваясь в размерах. Не только сминая защиту Эльгерента, но и творя хаос вокруг. Стёкла в фонарях и окнах ближайших домов полопались, а воздух потемнел от поднятой пыли и мусора.

Эльгерент вскрикнул от боли и неожиданности, когда его сбilo с ног, прокатив по земле, и отбросило к стене дома. Медея успела одарить енохианца последней, исполненной торжества и злорадства улыбки, когда того окончательно поглотила стихия, вызванная тьмой. Не просто ветер — нет, само дыхание ночи, удушающее, лишаящее воли, и, в конечном счёте, выпивающее жизнь.

Упав на колени, ведьма раскинула руки, впитывая Тьму всем своим телом, и тут же возвращая её обратно, только наполненную собственной яростью и злобой. Город должен был пасть, поглощённый вырвавшейся на свободу Тьмой, и хотя эту силу освободила не она, а глупый мальчишка, именно она даст этой энергии цель.

Ави плащмя рухнул на камни. И ладно бы и-за заклятия мага, нет — просто пятился назад, и обо что-то запнулся. Или точнее — о кого-то. Встретившись с круглыми тёмными глазами, мошенник подавил рвущуюся из груди брань.

Лисица, а это именно она не вовремя попала под ноги Августина, недовольно твякнув, резко подпрыгнула, чтобы затем опуститься всеми четырьмя лапами на грудь юноши. Мазнув по лицу растерянного мошенника пушистым хвостом, Лейла повернулась к магу, предупреждая оскалив пасть. **Отойди, это моё!**

— Ты ещё что такое? — недовольно произнёс Ортега, формируя в руках огнешар. Молодая ведьма, с которой он сражался до этого, валялась сейчас у ног мага, почти потеряв сознание от боли.

Делия была сильной ведьмой, но ей никогда не приходилось выступать против мага, прошедшего академическую школу, тем более, такого опытного, как магистр Ортега Литран. Даже раненный и потративший все свои зелья и эликсиры маг алхимик был смертельно

опасен. Ведьма даже не смогла распознать то заклинание, что он использовал против неё, чтобы лишить её силы. И маг бы, пожалуй, добил бы её, если бы не Августин, вовремя отвлекший на себя внимание. Но что мог сделать один смертный, пусть даже весьма ловкий, против мага Коллегии?

Хорошо, что у этого смертного была Лейла.

Лисица рванула в сторону Ортеги в тот же момент, когда он выпустил огнешар в Ави. Поравнявшись с огненным клубком, Лейла резво подскочила в воздух, широко разинув узкую пасть, словно пытаясь проглотить огнешар. Пожалуй, лишь один Августин не удивился, когда шипящий клуб огня, размером раза в два превосходящий голову лисицы, на самом деле исчез в пасти Лейлы.

Зато Ортегу Литрана случившееся повергло в ступор. Он даже замолк на середине следующего заклинания, в изумлении наблюдая, как зверь, только что проглотивший пылающий огнешар, начал издавать странные звуки и делать характерные движения телом. Ну точно кошка, пытающаяся избавиться от комка шерсти в желудке.

Вот только это была совсем не шерсть. Лисица плевалась синими и красными искрами, которые сливались, и образуя тонкие струйки пламени, двигались в сторону мага. Тот попятился назад, но поняв, что сейчас лучшей защитой ему будет лежащее на пути огня тело ведьмы, остановился.

— Лейла, осторожнее! Там Делия!

Пламя остановилось буквально в полуметре от девушки, и яростно затрещало, то взмывая вверх, то снова опадая, но всё же не двигаясь вперёд.

Получив временную передышку, Ортега наконец смог посмотреть по сторонам, оценивая ситуацию. Увиденное ему не понравилось. Бромель зачем-то вытащил на улицу мальчишку, и теперь оказался в ловушке между деревянной изгородью и каретой, в то время как путь к побегу ему перекрывал незнакомец с мечом. А там, где минут назад стоял Эльгерент, в землю яростно вгрызался смерч, увеличивающийся в размерах с каждой секундой. Ведьма же, живая и целёхонькая, неподвижно стояла на коленях, не обращая внимания на творившееся вокруг, и методично раскачивалась, бубня себе что-то под нос.

— Я на такое не подписывался, — пробормотал Литран, и неожиданно ловко для своей комплекции и возраста развернулся, побежав прочь.

Остановился он только завернув на какую-то улочку, и прислонившись к стене, утомлённо закрыл глаза. Плечо болело адски, и больше всего маг сейчас жалел, что не успел добить ту, что кинула в него нож. Или того, если верить Эльгеренту.

В темноте мелькнул тусклый огонёк, заставивший мага насторожиться и вспомнить о возможной погоне. И правда, не успел Ортега и шагу сделать, как перед ним, вынырнула вполне знакомая лисица, по белой шкурке которой зловеще пробегали синие искорки. Маг встретился взглядом черных глаз-бусинок, и побледнел.

— Нет, нет, нет, — взмолил он, чувствуя, как жар заполняет его тело.

Синее пламя резко взмыло вверх, и опало, не оставив на камнях ни пепла, ни следов гари.

Лейла довольно чихнула, встряхнулась, и потрусила обратно. Её слуга явно не был способен самостоятельно за себя постоять.

Августин не стал останавливать сбегающего мага, краем глаза заметив, что за ним ринулась Лейла, и вместо этого кинулся к Делии. Ведьма уже приходила в себя, но встать не



могла. Вся правая сторона лица её опухла, а из носа не переставая лилась кровь. Она попыталась что-то сказать, но из-за шума поднявшегося ветра мошенник её не расслышал.

— Что?! Тебе плохо?! — громко переспросил он.

Ведьма скривилась, привлекая Ави себе ближе.

— Уходи, — наконец прохрипела она ему в ухо. — Сейчас же, беги.

— Почему? Мы уже близки к цели.

— Разве ты не чувствуешь? Этот ветер... он убьёт тебя. Убьёт всех. Отравлен... смердит смертью...

Августин прижал к своей груди ведьму, и вскинув голову, недоуменно принялся. Пахло сыростью, кровью, тухлой водой... и гнилью. В голове закружилось, а в тело проникла слабость.

*Умри. Сдайся. Ты не справился. Ты слаб. Умри, умри* — шептал юноше ветер, и он, разжав объятия, лёг на камни. Слёзы не останавливаясь, текли по лицу, а губы страдальчески скривились, как будто бы маг пытался закричать, но не мог. Дыхание юноши, рваное, резкое, становилось всё слабее и слабее.

— Ави, Ави! Не закрывай глаза, глупец! Сопrotивляйся магии! — отчаянно умоляла Делия, прижавшись к Августину, но тот уже не отвечал.

Усилием воли Делия заставила себя встать, и шатаясь, побрела к своей наставнице.

Рухнув рядом с Медеей, она протянула к ней руки, но не осмелилась коснуться.

— Прощу, прекрати!

Белая гадалка открыла глаза, ни на секунду не останавливая мерного движения своего тела.

— В чём дело, милая?

— Разве ты не видишь? Умирают не только наши враги, но и союзники! Ави, Равель...

— О-о-о, меня не очень волнует их судьба, — страшно улыбнувшись, ответила ведьма. — Но дорогая, разве ты не чувствуешь, как много силы вокруг? Когда этот город наполнится отчаянием, этой силы станет ещё больше. Почему бы тебе тоже не присоединиться к развлечению?

Чем ближе они подъезжали к своей цели, тем страшнее становилось Лавелю. Больше всего хотелось развернуть лошадь, и умчаться другую сторону. *«Я не готов сражаться. Я не могу. Я трус. Я всем помешаю».*

— Стойте!

— Остановитесь!

Жерар и Паолос крикнули почти одновременно.

Шварц осадил своего коня. Лицо его было необычно встревожено и бледно, но голос был всё так же твёрд:

— Что случилось?

— Пусть скажет сначала маг, — произнёс инквизитор, мрачно оглядывая своих подчинённых. Не только Лавелю было не по себе. Инквизиторы, да и Шварц тоже, выглядели не слишком хорошо. Пожалуй, только Жерар Лекой смог не поддаться всеобщему упадку духа.

— Там... нам нельзя туда! — покраснев от всеобщего внимания, произнёс маг. — Разве вы не чувствуете?

— Что именно? — хмуро уточнил священник.

— Порывы ветра, они... в них тёмная магия.

Паолос мрачно кивнул. Слова мага подтвердили его ощущения.

— Ветер отравлен. Пока ещё концентрация зла не так высока, чтобы это было заметно всем, но вскоре магия начнёт на нас действовать. Высасывать силы, убивать и сводить с ума.

Лицо Лавеля посерело. Он приложил рукав к своему носу, стараясь дышать как можно реже. Впрочем, так сделал не он один. Даже опытные инквизиторы забеспокоились.

— Жители ближайших домов! Их надо предупредить! — глухо произнёс Лавель.

— Нет времени! Даже если мы попросим помощи у стражей, те просто не успеют. Нужно остановить заклинающего, — хладнокровно ответил Паолос, спешиваясь.

— Но как? Мы же просто умрём!

Кто-то из инквизиторов истерично всхлипнул.

— В тебе недостаточно веры, мальчик. Гелир, Годер, начинайте.

Два монаха послушно кивнули, и в полголоса забормотали слова, смутно знакомые Лавелю. Молитва... разве она может помочь сейчас?

И всё же, отчего-то тут же стало легче дышать, да и глухое отчаяние, навалившееся на маленький отряд, постепенно начало рассасываться.

*«Магия. Всего лишь тёмная и злая магия. Я не трус»*, — Лавель нашарил на своей груди подвешенное на цепочки серебряное перо, символ веры в Защитника, и тут же почувствовал облегчение. *«Пусть моя вера в Иеронима и не так крепка, но всё же Защитник достаточно милостив, чтобы не оставить меня без своей помощи. Я больше не должен сомневаться»*.

Когда Лука пришёл в себя, первое, что он обнаружил, что на ком-то лежит, а в бок ему упирается что-то чрезвычайно острое. Осторожно отодвинувшись, маг с неудовольствием заметил, что подушкой ему служил епископ, даже в полубессознательном состоянии не прекращавший тыкать в Луку кинжалом. Лука осторожно забрал из рук Бромеля кинжал, а вот чётки, которые тот трогательно прижимал к себе другой рукой, трогать не стал.

«Хотелось бы верить, что состояние епископа именно моих рук дело, но... что-то не так», — встревоженно подумал Лука, поднимаясь.

От мыслей его отвлекло движение где-то справа. Повинуясь внезапно вспыхнувшему ощущению опасности, Лука отскочил в сторону. И как раз вовремя. Опоздай бы он на секунду, и уже валялся бы на камнях, заливая их кровью.

Мужик, который напал на Лукреция, был тому явно не знаком. «Стражник? Нет. Что-то с ним не так, и оружие у него странное».

Отступив на безопасное состояние, Лукреций поднял вперёд руки, намереваясь прочесть наглеца, но тут же с отчаянием понял, что на нём всё ещё были антимагические браслеты.

С сумасшедшей улыбкой на губах мужик сделал ещё одну попытку на него напасть. Двигался он быстро, вот только движения были какие-то дёрганые и механические, как будто бы он не совсем справлялся со своим телом. Еле увернувшись, Лука отбежал назад.

— Хочешь поиграть в догонялки, братик? — знакомым голосом произнёс незнакомец. Глаза Луки удивлённо расширились.

— Равель?

Тот же рост, примерно та же комплектация, но на вид старше, да и рожа другая.

— Интересно, если я вновь убью тебя, это будет считаться как ещё одно убийство или мой счёт несколько не увеличится? Интересно, интересно, — неприятно хихикнув, сказал

противник Луки. — Но в любом случае, в этот раз мне придётся раскромсать тебя на кусочки, чтобы убедиться, что ты больше не оживёшь.

— Ну да, всё-таки мой братец, только в этот раз ещё более спятивший, чем обычно, — процедил сквозь зубы тёмный, кидая быстрый взгляд в сторону. Он как раз встал напротив распахнутой кареты, и когда Равель вновь набросился на него, рванул к ней, захлопнув дверцу в самый последний момент. Впрочем, Лука не слишком надеялся на хлипкую щеколду, поэтому тут же выскочил с другой стороны, в панике пытаясь понять, куда бежать.

«Чёрт, мне нужен Эльгерент! У него ключи от наручников!»

Отбежав на другую сторону улицы, Лука скрючился в тени дома, стараясь, чтобы Равель, зовущий его на редкость жизнерадостным голосом, не мог его заметить. К сожалению, несмотря на то, что фонари не работали, а небо заволкло тучами, тусклого света в одном из окон, выходящих на улицу, было достаточно, чтобы спятивший воин мог заметить попытку сбежать. У Равеля всегда было отвратительно хорошее зрение.

— Эй, догонялки меня привлекают гораздо больше, чем прятки. Лука, не заставляй меня злиться!

Не отводя взгляда от брата, и пытаясь почти слиться со стеной, Лука почти не глядел под ноги, продвигаясь вперёд, поэтому когда его резко схватили за щиколотку, не смог удержаться от позорного вскрика.

— Я тебя слышу! — радостно сообщил Равель. — Ну же, дождись меня!

Лука нервно попытался высвободиться, но его держали весьма крепко.

— Дай... дай мне... — захрипел кто-то внизу.

— Да ты ещё кто?! — панически пробормотал Лука, и не удержав равновесия из-за скованных рук, всё же рухнул на землю, оказавшись лицом к лицу с тем, кого даже при полутьме сложно было принять за живого. У Эльгерента, а это именно он схватил Луку за ногу, шея была вывернута под самым странным углом, а голова смялась и потрескалась, как будто бы не очень свежее яйцо. Впрочем, это совсем не мешало святому крепко держать Луку, не давая вырваться.

Страх и отвращение не помешало вспомнить Луке, что он искал Эльгерента, чтобы забрать у того ключи, так что он почти не сопротивлялся, когда святой подтащил его к себе. «Что-то не везёт мне этой ночью на старикашек. Уже второй обниматься лезет», — с мрачной весёлостью подумал Лука. Но узнать, что именно хотел от него монах, так и не успел.

— А, вот ты где! — раздалось сверху.

Голову Эльгерента в буквальном смысле снесло с плеч, а затем его тело было поднято в воздух и отброшено, будто бы вовсе ничего не весило. Лукреций, успевший ловко стянувший у монаха нужные ему ключи, с ужасом смотрел на нависшего над ним Равеля. Ни снять наручники, ни сбежать времени уже не было. Равель, всё так же безумно улыбаясь, занёс над ним меч, а потом как-то странно дёрнулся, и завалился набок.

За спиной убийцы стояла весьма помятая Делия, держащая в руках камень.

— Что тут происходит? — вылупив глаза, спросил Лука.

— Ты в порядке? Умереть не хочешь? Или убить кого-то?

Вопросы ставили в тупик, но, кажется, Горгентштейн уже начал свыкаться с тем, что ничего не понимает.

— Хочу. Равеля — если это конечно он. Но ты и сама неплохо с этим справляешься.

— Он оклемается. А вот Августин уже возможно нет. Вставай.

Приняв руку Делии, Лукреций со стоном поднялся, и позволил ей снять с него наручники. Склонился над Равелем, проверяя, дышит ли он, но меч трогать не стал — что-то в этом оружии было не то.

Впрочем, посмотреть, что там не так с Ави, ему не удалось — вокруг того уже мерно пылало синее пламя, а демон огня, Лейла, сосредоточенно вылизывала ему лицо. Судя по доносившимся из огненного круга ругательствам, Августину, же пришедшему в себя, это не то что слишком нравилось.

— Так что нужно делать? — ухмыляясь, спросил младший Горгенштейн. — Уж прости, но в эту почти семейную сцену мне влезать не хочется.

Молодая ведьма облегчённо вздохнула, потирая лоб:

— Уже ничего. Лейла отлично с этим справилась. Магии духа пустыни оказалась достаточно сильна, чтобы выжечь последствия заклятия Медеи.

— Так твоя наставница попыталась причинить вред Августину? — тут же помрачнел Лука. — А Рави... тоже её рук дело?

— Возможно. Но... — чуть поколебавшись, Делия продолжила. — Этот воин почти так же близок ко Тьме, как и ты, так что возможно, что твоя потеря контроля над Тьмой, что дала так много сил в руки Медеи, также повлияла и на Равеля.

— Так, так... дай подумать... Вы прибыли за мной, самой странной компанией, что можно придумать. Потом, наверное, была драка, и, судя по тому, что алхимика я не вижу, а Эльгерент едва ли был похож на живого, выиграли вы. Я в это время находился в отключке — спасибо за это епископу. И пока я был в таком состоянии, то, как ты говоришь, потерял контроль над Тьмой внутри себя. Так?

— Э-э-э, ну как-то так.

— И это, возможно, окончательно свело Равеля с ума, а Медею позволило сотворить колдовство, из-за которого чуть не умер Августин, — продолжил перечислять события Лука.

— Не только он. Угроза лежит на всём городе, — тихо сказала Делия.

Лука задумчиво потёр переносицу. Город ему было не жалко. Но вот только могли пострадать и родные. Родители, братья, сёстры, племянники. Вся их чертовски большая семья включая дядюшек в третьем колене, и двоюродных кузин и кузенов, которых он вынужден был лицезреть на очередной свадьбе кого-то из семьи. Нет, так просто оставлять это было нельзя, тем более предчувствия у Луки были самыми погаными.

— И на фига ей это делать?

Делия вздохнула, разведя руки в стороны. Конечно, она кое-что подозревала о мотивах Медеи, но показывать свою близость к Белой ей сейчас перед Лукой не хотелось.

— Тогда ещё два вопроса. Где эта спятившая старуха?

— Она была здесь, но... когда я увидела, как ты сражаешься с Равелем, я поспешила к тебе. А теперь она исчезла.

— Плохо, но ожидаемо, — Лука задумчиво закусил губу, размышляя, что делать дальше.

— А второй вопрос?

— Ах, да, почему Августин лежит в женском платье?

Делия устало улыбнулась.

— А ведь и правда. Медея навесила на твоих братьев магическую маскировку. Очевидно, Лейла случайно очистила Ави и от этой магии, а вот одежда была вполне реальной, поэтому и осталась на Августине.

— А снять опасное заклинание с Улькира Лейла она не может? — напряжённо спросил

Горгенштейн.

— Если только сожжёт весь город, — вздохнула Делия. — Но, возможно, это сможешь ты. Только действовать нужно как можно скорее, если не хочешь опоздать. Лиши заклинание силы и возьми под контроль Тьму.

— Если бы я знал, как это делать, — поморщился Лука. — Этот запах гнили — от заклинания?

— Да.

— В некоторых местах он становится сильнее.

— Медея читала его здесь, — Делия махнула рукой, указывая в середину пустой пока улицы.

Лука, немного прихрамывая, встал на указанное место и тут же замер.

— Возможно... я что-то смогу сделать. Очевидно, Медея торопилась, и поэтому не стёрла следы заклинания. Можно пойти по ниточкам силы, и...

Он снова замолчал, усевшись на корточки, и вода вокруг себя руками, как будто что-то пытаюсь нащупать.

— Лука!

— М-м-м?

— У нас на это нет времени, — внезапно севшим голосом произнесла Делия Лекой. — Святые псы... я чувствую, они совсем близко.

Впрочем, предупреждение ведьмы было слишком поздним. Лука и сам мог слышать грохот конских копыт и глухие голоса, нараспев читающие молитвы. К запаху разлагающейся мертвечины присоединился и запах ладана, казавшийся чернокнижнику, впрочем, не менее мерзким.

Улица акаций, как и квартал цветущих вишен, когда-то была названа так дедом нынешнего Короля — большого любителя флористики. Одна из наиболее широких улиц в городе, и наиболее удобных. Хорошая брусчатка, ночное освещение, регулярные патрули стражников.

Жерару Лекою нравилось здесь ходить. Вот только ночью здесь оказалось жутко. Впрочем, как подозревал Жера, дело было вовсе не во времени суток, а в обстоятельствах.

Чтобы добраться до места событий, Шварцу понадобилось пятнадцать минут — но это оказалось достаточно, чтобы они опоздали. Карета, на которой епископ должен был перевозить чернокнижника, была сиротливо брошена посреди улицы, а половины участников произошедшего, а то и больше, уже не было.

Так что тем, кто остался, и был замечен святыми псами, внимания инквизиторов хватило с лихвой.

Двое монахов и маг церковников деловито окружила круг из синего пламени, в середине которого находился Августин Горгенштейн, одетый в женское платье и растерянно прижимающий к себе пушистого зверька. Лекой даже протёр себе глаза, не веря тому, что он видит. Один из инквизиторов взмахнул плетью, но коснувшееся границы из огня оружие из огня просто разрушилось. Больше святые псы грубой силой не пользовались.

Все остальные окружили Лукреция Горгенштейна, застывшего и неожиданно растерянного, и женщину, обнимающую чернокнижника за плечи. Узнать её не составило для Жерара Лекой труда.

Делия Лекой, любимая и единственная тётка Жерара, и невеста Томаса Горгенштейна.

Удивление, страх и растерянность смешались в душе молодого Лекоя, парализуя его. *«Дели, Дели... я знал, что у тебя есть тайны. Но не такие же!»*

— Колдуна взять живым! — негромко, но отчётливо приказал Паолос.

С ведьмой никто церемониться не собирался. Лука пробежал яростным взглядом по тем, кто стоял вокруг него, лишь на секунду задержавшись на Жераре и Лавеле, и слегка поморщившись при виде Йохана Шварца.

— Стойте.

Голос Лукреция Горгенштейна был так же негромок, и не менее убедителен, чем у Паолоса. И, как ни странно, святые псы на самом деле несколько замешкались.

Паолос поднял руку, давая знак своим людям помедлить.

— Говори, маг.

— Я уверен, что вы в курсе, что город сейчас погружается в смертельные чары, — медленно начал Лукреций. — То, что вы смогли добраться в сам эпицентр и выжили, говорит о том, что вы неплохо подготовились.

— Нас защищает вера, — несколько пафосно ответил глава ордена святого огня.

Лукреций, не удержавшись, нервно хихикнул, но увидев, как напряглись псы инквизиции, посчитавшие, что колдун глумиться над их верой, тут же принял серьёзное выражение.

— Да. А ещё с вами два мага, один из которых точно неплох, — небольшой, ироничный кивок в сторону Жерара. — Раз он с вами, то наверняка, вы достаточно доверяете ему. Полагаю, он тот, кто сможет подтвердить или опровергнуть мои слова.

— Так говори же, не тяни времени. Тебе это не поможет. О проклятии, которое ты обрушил на город, мы уже знаем, — рявкнул Паолос. — Мы займёмся им после того, как решим проблему с тобой. Возможно, лишив тебя силы, мы сможем уничтожить и твоё проклятие.

— Дело в том, добрый господин, что это проклятие совсем не моё, — осторожно произнёс Лукреций, глядя прямо в глаза Паолоса. — Его составила ведьма. Медея Орфа. Вы слышали это имя, господа?

— Я слышал, — ответил Шварц. — Точнее, читал. Старейшая ведьма Гортензы. Многоликая Змея, так прозвали её. Так ты находишься с ней в сотрудничестве?

— Мы просто знакомы, — обтекаемо ответил Лукреций. — Но... после того, что произошло сегодня, мы с ней явно никогда не станем друзьями.

— Разве не она пыталась освободить тебя?

— Не ради меня самого, поверьте. Насколько я понимаю, она заранее планировала обрушить на этот город все беды мира. Мне жаль, что я не смог остановить её. Но я могу попытаться исправить тот вред, что она нанесла городу... и ещё нанесёт. Гниль... проклятие, только начало распространяться по городу. Но через полчаса-час оно достигнет нужной концентрации, и тогда люди начнут умирать. Выживут единицы — в основном маги — колдовской братии легче справиться с насылаемым внушением, чем остальным. Ну и может быть несколько искренне верующих — ваш бог на самом деле вас защищает... Все остальные погибнут в муках и отчаянии. Но могу вам помочь. Остановить распространение гнили здесь и сейчас, пока не стало слишком поздно.

— И за это ты попросишь свободу себе и ведьме? — презрительно спросил Паолос.

Лукреций переглянулся с Делией.

— Нет, — наконец сказал он. — Вы всё равно не отпустите меня. Нет. Я попрошу

только немного времени для снятия проклятия. И... пока я буду над ним работать, вы позволите моей спутнице уйти, и не будете её преследовать её. Только фору прошу я для неё, и ничего больше.

— Тройгар?

Маг в зелёной сутане, до этого мрачно бродивший вокруг, и бормотавший что-то себе под нос, встрепенулся.

— Я не так уж хорошо разбираюсь в подобных заклинаниях, но в одном чернокнижник прав. Заклинание самоподдерживающееся — схватим мы чернокнижника или нет, но оно продолжит работать. И как его снимать, я не в курсе.

— В нашей вере — спасение, — пробормотал один из инквизиторов, нервно сжимающий руках копьё.

— Вы знаете, я кое-что выяснил про природу ваших... способностей. Вы, конечно, может неплохо противостоять тёмной магии, но... тут вы уже опоздали. Зараза уже расплзлась, и вам не успеть её остановить, — пугающе уверенно проговорил Лукреций.

— Ты же не врешь, да? — дрогнувшим голосом спросил Лавель.

— К сожалению, нет... брат.

Те, кто не был в курсе родства Лавеля с чернокнижником, опасливо отодвинулись от молодого священника.

— Можете считать меня необъективным, — пробормотал Лавель Горгенштейн, — но я чертовски уверен, что он вполне честен.

— Ругаться служителю бога — как не хорошо, — едва заметно усмехнулся тёмный маг. — Решайте. Время уходит.

Паолос обернулся к задумавшемуся Жерару.

— Лекой? Ты, как и я, почувствовал, что воздух отравлен. Даже сейчас этот яд пытается отравить наш разум и сердца, возможно, влияя на наши поступки и рассуждения. Скажи, что ты видишь сейчас?

— Мне тоже неизвестно то заклинание, что было использовано. Я знаю только, что это не Лука... — он чуть запнулся, поняв, как странно сейчас смотрится панибратство. — ... Лукреций. Я видел, как тот учился магии, я знаю стиль его колдовства. Это не мог быть он. Не его след. Тот, кто творил подобную гнусную магию, скорее всего даже не обучался классическому стилю волшебства.

— Согласен, коллега, — неожиданно уважительно отозвался Тройгар.

Неожиданно вмешался Шварц.

— Я думаю, нам нужно согласиться на условие молодого человека. Он попытается снять проклятие, мы же в замен позволим той ведьме, что находится с ним, покинуть это место. Но не более.

Жерар Лекой замер, не отрываясь глядя на Паолоса — того, кто будет принимать решения. Он уже понял, как тот ненавидит магов, и не верил, что тот пойдёт на сделку. Но Паолом не спешил.

— Скажи, колдун, зачем ты хочешь помочь нам? Ради чего и кого? Мне сложно поверить, что тебе есть дело до жителей этого города.

Лукреций презрительно и зло ухмыльнулся.

— Поверьте, последние приступы человеколюбия у меня выбили ещё в вашем Дольхане. И ваши мерзкие рожи лишь только усугубляют моё желание ускорить ваше путешествие в ад. Но...

— Но?

Тёмный маг мазнул взглядом по Лавелю и тут же отвёл глаза. «Нет, нельзя здесь показывать свою слабость. Ведь есть и другая причина, не менее значимая».

— Мне отвратительны иеронимцы, скрывающие своё невежество и жестокость за маской добродетели. Мне претят енохианцы, погрязшие в самодовольстве и оправдывающие свой эгоизм верой. Но больше всего меня бесит Медея. Эта сука врала мне в лицо, а потом, вслед за остальными, использовала. Она осмелилась украсть мою силу! — Лука почти выплюнул эти слова. — Я не хочу, чтобы это сошло ей с рук. Пусть её план провалится. Я хочу своими руками принести ей поражение! Так что, вы согласны принять помощь от такого исчадия зла, как я, а, святоша?

— Да будет так.

Полученный ответ удивил пожалуй всех.

Едва ли кто-нибудь из присутствующих на самом деле мог понять решение Паолоса Доргарсона. Ведь не было секретом, что он ненавидел магов до глубины своей души. Слишком часто ему приходилось видеть, как из-за неосторожности или глупости магов умирали невинные люди. По мнению инквизитора, власть, которую давала человеку магия, была иллюзорна. Не маг владел силой, а она им. От того магам нельзя было доверять, и тем более — полагаться на них хоть в чём-то. Да и жалеть их было бессмысленно. Только уничтожать. И пусть официальная позиция Церкви была кардинально другой, Паолоса многие поддерживали, открыто или втайне.

Для Паолоса и ему подобных чернокнижник был опасной ядовитой змеей, и следовало уничтожить не только его, но и весь его род, всю порченную кровь. Вот только сейчас инквизитор был вынужден заключить временный союз с Лукрецием Горгенштейном. Не доверяя его словам, не полагаясь на его силу. И всё же — идя на уступку собственным принципам. Нельзя, нельзя было повторять ошибок прошлого.

Не только Йохан Шварц слышал о Медее Орхе. Паолос, в силу своей должности и специфики ремесла тоже знал о старейшей ведьме Гортензы. Вот только если Йохан располагал только слухами и легендами, то инквизитор в своё время читал письменные и наиболее достоверные источники, которыми только обладала Церковь. Один из этих документов был единственной, не имеющей копию записью расследования произошедшего в Шелгоре. О спятившем некроманте, о Эльгеренте, пытавшемся его остановить. И совсем вскользь упоминалась в тех бумагах ведьма Медея, которую сочли пособницей тёмного колдуна. Вот только колдун то был — не то что Лука, тёмная лошадка с неизвестными способностями. Того колдуна выслеживали не один месяц, и знали о нём многое. И всё говорило о том, что некромант был не так уж силён, и уж тем более, не так хорошо обучен, чтобы наслать на город древнее проклятие. А значит, скорее всего, колдун был лишь ширмой, за которым стояла Многоликая Змея, ведьма Медея.

Вот только если ей удалось сделать столь мощное орудие из малосильного колдуна, на что ведьма могла быть способной, попадись ей в руки кто-то столь талантливый, как Лукреций Горгенштейн? По словам Йохана Шварца, внимательно следившего за учениками Орхана, этот юноша пятнадцати лет являлся вторым по способностям и знаниям учеником магической школы. Первый же стоял сейчас рядом с инквизиторами. Жерар Лекой, маг с большим будущим, и к сожалению, с сомнительными знакомствами. Паолос едва ли доверял ему намного больше, чем Горгенштейну, но Варавва явно показал главе инквизиторов, что



заинтересован в Жераре Лекое.

Впрочем, у Паолоса были некоторые подозрения, что Лукреция Горгенштейна было приказано схватить живым не только из-за опасения за судьбу города...

— Что делать со вторым колдуном? — отвлѣк Паолоса от мрачных размышлений один из его подчинѣнных. — Мы не можем к нему подобраться. Синее пламя мешает.

«Ах да, точно, второй...».

— Йохан, займись.

Отвлекать внимание от Лукреция Горгенштейна, о чём-то тихо переговаривающегося с ведьмой, не хотелось.

«Я делаю это не ради того, чтобы спасти неблагодарную ведьму. Я просто не хочу, чтобы она мешалась у меня под ногами», — пытался убедить себя Лука, споря с Делией.

— ... ну уж нет, я не настолько тебе доверяю, чтобы принять твою помощь.

— Ты хочешь, чтобы я бросила тебя здесь одного?

— А ты хочешь поближе познакомиться с инквизиторами? Я не ребёнок, справлюсь. А вот вам, *тѣтушка Дели*, лучше не привлекать к себе лишнее внимание.

Делия бросила быстрый взгляд в сторону Жерара и тут же отвернулась, опасаясь встретиться с племянником глазами. Если она переживѣт эту ночь, то ей придѣтся многое объяснить.

— Почему ты просил только за меня? Ави...

— За ним присмотрит Лейла, к тому же он ещё может мне пригодиться. А вот глупым женщинам нечего делать в такой компании. Беги как можно дальше. И учти, что если я ещё встречу тебя в компании с Медеей, то не пожалею.

— Спасибо. И... я позабочусь о твоей семье, обещаю. Не бойся за них, сражайся за свою судьбу.

Лука удивлѣнно смотрел в спину уходящей ведьмы, спокойно идущей между расступившимися псами Церкви. Что ж, таких слов от Делии Лекоей он не ожидал, как и невесомого, прохладного поцелуя в щѣку, почти усмирившего бушующий внутри юноши гнев. Впрочем, Лука хоть и не был склонен к всепрощению, никогда не умел злиться долго.

— Жерар, — негромко окликнул тѣмный маг зябко кутающегося Лекоея. Тот встрепенулся и наконец взглянул на Луку.

— А?

— Мне нужна твоя помощь.

Жерар неуверенно покосился на Паолоса. Тот поморщился, но кивнул.

— Так что нужно? — уточнил Жерар.

— Базовый инвентарь. Кисть и белая краска. Также нужен хороший источник света. Придѣтся много чертить, не хотелось бы в темноте ошибиться.

— Я думал, такие как ты должны хорошо видеть в темноте, — пробормотал Лекоей, выискивая в сумке бутылѣк с краской, но всё время натѣкаясь на что-то другое. Зная, что возможно придѣтся использовать магию, выпускник Орхана притащил из дома много лишнего. Лавель почти насильно заставил его оставить вторую сумку в церкви.

— Ага, а ещё у меня должны быть нетопыриные крылья за спиной и глаза красным светятся, — устало ответил Горгенштейн. Жерар обиженно засопел.

— Это всё, что от меня нужно? — немного резко спросил он.

— Нет. Помнись, ты всегда был хорош в стихийной магии. Скажи, ты сможешь

вызвать сейчас дождь?

Жерар задумчиво взгляделся в тёмное небо, глубоко вздохнул ртом, как будто пробуя на вкус воздух, и уверенно кивнул.

— Конечно. Какой интенсивности?

— Чем сильнее, тем лучше. Гниль хоть имеет магическое происхождение, но разносится с помощью ветра. Если мы прибьём её к земле ливнем, то это поможет остановить дальнейшему распространению проклятия. И дальше будет проще.

— Хорошо. Постараюсь изо всех сил.

Теперь, найдя себе дело, не связанное с убийством или поимкой друга, Лекой успокоился и настроился на работу. Чтобы не мешать начавшему чертить руны Вальдо чернокнижнику, Лекой отошёл подальше, и закрыв глаза, воздел руки к небу, сосредоточенно шевеля губами. Тройгар, сухопарый церковный маг в сутане, следил за его действиями с таким напряжённым вниманием, что привлёк внимание Паолоса.

— Жерар делает что-то не так?

— Не могу сказать, — негромко ответил Тройгар. — Вязь заклинаний я узнаю, и могу подтвердить, что тёмные искусства он не использует, но... Вы знаете, что среди всех магов Гортензы только двое магистров могут призвать дождь?

— Это так сложно?

— Скорее, требует очень специфических знаний и умений. Хотя, судя по тому, как Лекой легко управляет магическими потоками, то он явно превосходит этих магистров. Но всё равно, требуется много времени для подготовки подобного заклинания, а у нас его совсем нет...

Над городом громыхнуло, а затем небо разрежала вспышка молнии. Ещё один раскат грома, совсем близко.

— Требуется время, а? — поджав губы, переспросил Паолос.

«А этот Жерар действительно заслуживает самого пристального внимания.»

Пока Жерар и Лукреций готовились к снятию проклятия, Августин лихорадочно пытался найти выход из сложившейся ситуации. Пока круг из лисьего огня защищал его, но инквизиторы не оставляли своей попытки ослабить «демонскую магию». От унылых песнопений монахов у мошенника уже разболелась головой. Поэтому до самого простого решения он смог додуматься отнюдь не сразу.

— Милая моя, — ласково зашептал он напряжённо сжавшейся у него в руках лисичке. — Скажи, а ты не можешь вытащить нас отсюда с помощью своего пламени? Ну как тогда, с камином?

Та недовольно завозилась в руках, и вскинув голову, с таким упрёком взглянула своими чёрными пуговичными глазами, что Ави стало стыдно.

— Устала, да? Ты так много тратишь сил, защищая меня. А я, неблагодарный... Может бросишь меня? Вон, даже Делия ушла.

Лисица предсказуемо не ответила. Решив хоть чем-то отвлечься, Ави решил понаблюдать за тем, что затеял Лука, но тут его отвлекли.

— Простите, мы знакомы? — излишне вежливо для столь странной ситуации спросили у Ави.

Августин с сомнением взглянул на высокого рыжеволосого священника с весьма располагающим и открытым лицом. «Из таких вот, кстати, получают лучшие мошенники»

— рассеянно подумал Горгенштейн, и покачал головой:

— Не думаю. Я бы вас запомнил. Как и вы меня, полагаю.

— Да уж, парня с глазами разного цвета я бы запомнил. Тем более рядящегося в женские одежды, — добродушно усмехнулся священник, и представился: — Йохан Шварц.

— Поверьте, я в таком виде обычно по улицам не разгуливаю, — сухо ответил Августин, отнюдь не горя желанием представляться.

«Странный тип. И совсем меня не боится. Вон, как близко встал. Того и гляди на него огонь перекинется».

— И всё же, вы на удивление кажетесь мне знакомым. Лавель, вы... — Шварц обернулся к своему молодому коллеге, намереваясь у него что-то спросить, но так и не договорил. Замерев, он внимательно изучал Лавеля, как будто увидев его впервые. Затем его взгляд рванул в сторону Лукреция, говорившего о чём-то с Жераром, и лишь только потом вновь вернулся к Августину.

— Да не может быть, — поражённо выдохнул Йохан. — Ещё один?! И тоже маг?!

— С последним, я боюсь, вы ошибаетесь, — с достоинством ответил Ави, обречённо размышляя о том, сколь много хлопот всегда ему приносило семейное сходство. Вот же Августине повезло — по ней никто не скажет, что она Горгенштейн!

— Но... вы ведь хозяин этого демона?

Ави вздохнул.

— Скорее, она моя хозяйка.

— Одержимость?

Взгляд Шварца вспыхнул интересом, а вот Лавель наоборот скривился.

— Нет-нет, ничего подобного. Но в какой-то степени я тоже заложник обстоятельств, — поспешно объяснил мошенник. — Господа, может вы отпустите меня? Тут, я гляжу, и без меня проблем хватает.

— Не раньше, чем вы объясните причину своего присутствия здесь, и связь с демоном, замешанном в недавних пожарах.

Лавель легко коснулся рукава Шварца, обращая на себя внимание старшего коллеги.

— Брат Йохан, я вижу, вы поняли, кто перед вами, — негромко сказал он, так, чтобы его не слышали отошедшие в сторону святые псы. — У меня, если честно, нет объяснений, что мой... что этот человек делает здесь. Но он действительно не маг. Полагаю, он просто хотел помочь Лукрецию, а это... это создание решило вмешаться. Насколько я понимаю, демон весьма опасен, и братья ордена не знают, как его усмирить. Так не лучше ли, во избежание новых жертв позволить им уйти?

— Думаю, вы, Лавель, не очень объективны сейчас, — вежливо ответил церковный следователь, аккуратно отцепляя от себя чужую ладонь, и стараясь не глядеть во взволнованное и огорчённое лицо Лавеля.

Глухо загрохотал гром, а в воздухе ощутимо потянуло сыростью. Шварц посмотрел в сторону волхвовавшего Жерара.

— Тем более, что наш Лекой скоро решит проблему с лисьим огнём, — продолжил Йохан задумчиво.

— Что вы имеете в виду?

С небес хлынул ливень, заливая всё вокруг кроме небольшого сухого пятка, на котором Лукреций Горгенштейн сосредоточенно что-то чертил. Синее пламя, до этого поднимавшееся почти в человеческий рост, зашипело, начав съёживаться.

У Йохана Шварца не было ни грамма магического таланта, но теория магии и её возможности его интересовали хотя бы по долгу службы. Поэтому когда около года назад начали происходить странные события, связанные с синим пламенем, Шварц, как и Петер Зингер когда-то, обратился за разъяснениями к магистру Гидеону. И вот наконец-то это знание пригодилось Шварцу.

То, что пламя, являясь по сути лишь иллюзией, не подчинялось физическим законам, Йохан знал, поэтому совсем не ждал, что ливень сможет его затушить. Но знал он и то, что у ариевейского духа огня, которым на самом деле являлась лисица, есть свои слабости. Дитя пустыни, питаясь теплом и огнём, плохо выносило высокую влажность и слабело от воды. Дождь должен был истощить её силы, а значит, скоро этот юноша с разноцветными глазами и совершенно горгенштейновским лицом, останется без защиты. И тогда разговор с ним будет же совсем другой...

«Вот только бы побороть эту дурацкую дурноту». Несмотря на то, что молитвы инквизиторов защищали иеронимцев от «гнили», полностью избавиться от её влияния было сложно. Некоторые из инквизиторов уже почти шатались, да и трагичные, полные неизбывной муки лица говорили о том, что мысли в их голове бродили не самые счастливые. Впрочем, как и у Шварца, хотя он не уставал себе напоминать, что это только результат тёмного проклятья, а не его истинные чувства.

Шварц подставил дождю лицо, почти чувствуя, как смывается с его кожи неприятная липкая плёнка, а дышать становится легче. В голове постепенно прояснялось.

А между тем вокруг чернокнижника постепенно собирались водяные потоки мутной воды, отсекая мага от окружающих его людей. Так это видели большинство инквизиооров. И лишь Паолос, Шварц и маги могли наблюдать то, что происходило на другом плане — как от ручейков воды отделяются тёмные, скользящие тени и устремляются к ногам Лукреция Горгенштейна. Тьма возвращалась к своему источнику, вот только обратно Лука получал гораздо больше, чем когда-то невольно отдал. Тьма напилалась людскими страхом, ненавистью и отчаянием, наполнилась пороками и похотью города, и где-то там, под всем этим, всё ещё таилась злобная воля Медеи Орхи, многоликой ведьмы...

По знакомой улочке Делия Лекой спешила к дому Горгенштейнов, опасаясь, что кто-нибудь из членов семьи Томаса не успел уехать из города. А ведь особняк Горгенштейнов стоял достаточно близко, чтобы они могли подпасть под медленно, но неотвратно расползающееся проклятие. По крайней мере, улочка, по которой она сейчас шла, была на удивление тиха, а те, на кого она наткнулась, едва ли были живы...

Поэтому внезапно метнувшийся к ней силуэт, плохо различимый из-за сплошной пелены дождя, застал её совершенно врасплох. Ведьма лишь успела испуганно взвизгнуть, прежде чем чья-то рука зажала ей рот.

— Тихо, Дели, не трону...

«Уф-ф-ф, не инквизитор», — было первая мысль ведьмы, но стоило ей осознать, кто именно сейчас волок её в подворотню, как она забилась в чужих руках ещё сильнее.

Грубо толкнув Делию к стене, Равель с раздражением взглянул на девушку, прижимая к себе укушенную ладонь.

— Ты чего, дурная что-ли?

Небо осветила ещё одна вспышка молнии, позволив ведьме лучше разглядеть лицо Рави, с которого уже сошёл ведьмовской морок. На удивление спокойное и вменяемое лицо, не

считая печати досады. Впрочем, для человека, которого сначала ударили по голове, а потом укусили, он выглядел вполне мирно.

— Ты... пришёл в себя.

— Во всех смыслах. Даже не хихикаю, — на редкость сдержанно для своей вспыльчивой природы ответил воин. Он казался усталым, хотя где-то на дне синих глаз ещё горела искорка ярости. — Где Медея?

Равель стоял слишком близко к Делии, почти прижимая своим телом к стене. Ей даже казалось, что она может слышать ровное биение его сердца. *«Медея поймала дикого зверя, вот только не смогла, или не захотела, его контролировать».*

— Я не знаю. Она исчезла, после того, как наложила проклятье.

— Проклятье?

— Да. Не знаю, планировала она это заранее, или решила воспользоваться моментом, но город она прокляла знатно.

— Что она сделала?

— Долго объяснять, — нервно ответила Дели. — Коротко говоря... все умрут. Если Лука, конечно, не сможет это остановить. Послушай, может дашь пройти?

— Хочешь сбежать? — презрительно спросил воин, даже не думая освободить путь.

— Нет, хочу спасти хотя бы кого-то! Томас сказал, что не все ваши домашние успели уехать. Конечно, ты можешь мне не верить, но...

— Я не буду тебя останавливать. Иди.

К счастью, Делия оказалось слишком мелкой и незначительной добычей для дикого зверя. Сейчас Рави отслеживал совсем другую ведьму, вздумавшую оставить его с носом.

*«Но перед этим...»*

Равель вернулся к тому мест, где он оставил свой трофей.

— Ох, вы уже очнулись, Ваше Святейшество. Полагаю, будет уместно представиться ещё раз. Меня зовут Равель Горгенштейн... Надеюсь, ваши верёвки не сильно трут?

Это была не слишком удачная ночь для Равеля. Но для Доминика Бромеля всё складывалось гораздо хуже.

Дождь иссяк так же резко и неожиданно, как и начался. Жерар тяжело осел, растерянно посмотрел на свои дрожащие руки, потом на небо, как будто не веря, что у него всё же получилось, и наконец-то вырубился.

Почти в тот же самый момент всполохи синего пламени вокруг Августина растаяли, оставив его без защиты. Сжимая в руках лисичку, мошенник рванул, пытаясь избежать удара инквизиторов, но не успел. Вокруг щиколотки обвился кнут, заставив Ави потерять равновесие и упасть. Стараясь не раздавить Лейлу, Ави развернулся в воздухе, упав не на живот, а на плечо, тут же хрустнувшее.

Сверху его накрыла металлическая цепь, неприятно обжёгшая кожу юноши холодом, но Лейле, кажется, пришлось гораздо хуже. Лисица в объятиях Августина панически заскулила — освящённое серебро могло ей повредить. Августин сжался в клубок, прикрывая подругу:

— Тихо, тихо...

Заметив перед собой небольшой просвет, он рывком передвинулся, выталкивая Лейлу наружу.

— Беги!

Сверху на него обрушился удар, ещё один, и ещё... А потом всё потонуло в синем

пламене, не обжигаящем, а напротив, дающем успокоение и избавляющем от боли.

Синяя вспышка неподалёку едва не стоило Лукрецию потери концентрации.

*«Если я не справлюсь, мы все погибнем. Нельзя отвлекаться».* Стиснув зубы, тёмный маг вернулся к своему заклинанию. По щиколотку в грязной воде, он пытался впитать как можно больше силы, не обращая внимания на шёпот в своей голове, становившейся всё громче и громче.

**ВПУСТИ МЕНЯ. ОТКРОЙ МНЕ ДВЕРИ. ВПУСТИ.**

Он должен был трансформировать во что-нибудь Тьму, пока она окончательно не поглотила его. Но... на самом ли деле маг боялся этого, или желал? Чем больше вливалась в него сила, тем сложнее ему было избежать соблазна. Поддаться своей богине, стать полностью её...

*«Нет, я не должен терять ясность сознания. Не здесь».*

Внезапно что-то резко смяло структуру тёмного заклинания, а вокруг опустилась гнетущая тишина. Как будто все звуки вокруг просто отключили. Святые псы возились вокруг, но он не слышал их голоса. Впрочем, понять, что они сделали, было не сложно.

— Шелудивые собаки, — процедил Лукреций, — решили заблокировать меня?

Паолос высокомерно улыбнулся, и развёл руками: «неужели ты действительно решил, мальчик, что мы позволим творить тебе то, что ты хочешь?»

— Думаете, сможете удержать меня?

Маг вытянул руку, и с кончиков пальцев его протянулась тень, коснулась невидимой преграды, и отёрнулась обратно. *«А барьер действительно хорош, — отстранённо подумал Лука. — Возможно, он и впрямь сможет защитить вас от Тьмы. Вот только меня, запертого внутри, вот вот может разорвать в клочья. Но ведь тебя это едва ли расстроит, Инквизитор?»*

Жгуты Тьмы вокруг мага хаотично шевелились, пытаясь найти выход из ловушки. Они окутали тело мага, придавая ему демонический, пугающий вид, но ещё больше пугала мрачная решительность, появившаяся в глазах мага.

*«Вы не оставили мне выбора».*

Лукреций закрыл глаза и раскинул руки.

**«Я весь твой».**

В тот же самый момент мага окружила, скрывая его от чужих взглядов, непроницаемая сфера из сомкнувшейся Тьмы. Паолос отступил назад, нервно сжимая серебряное перо на своей груди. «Что это? Я никогда подобного не видел! Колдун пытается прорваться?» — лихорадочно размышлял глава ордена.

— Что нам делать? — встревоженно спросил один из инквизиторов.

— Укрепить защиту! К сфере не прикасаться и не атаковать!

Но отвердевший матово-чёрный кокон вокруг колдуна пошёл трещинами, и начал осыпаться без всякого вмешательства со стороны монахов. То, что было скрыто от людских глаз, стало явным.

Паолос ожидал увидеть что угодно. Демона, крылатого змея, даже сам воплощённую богиню тьмы, в которую он, конечно же, не верил. Но там был всё тот же Лукреций Горгенштейн.

А затем за спиной мальчишки распахнулись крылья. Два огромных палево-чёрных крыла, на фоне которых тёмный маг казался совсем хрупким. Не будь Паолос так испуган, он наверное подумал бы, что это красиво.

Один из инквизиторов рухнул на колени:

— Иероним Защитник!

«А ведь и правда, похож» — отстранённо подумал глава ордена. Именно так часто изображали Иеронима скульпторы и художники — чернокрылый человек со сложенными на груди руками и пронзительным взглядом, как будто бы видевшим всё, что творится в душах людей, в страхе смотрящих на него. Вот только Паолос всю жизнь думал, что крылья Защитника это не более чем символ, точно такой же, как и перо на груди иеронимцев.

— Не богохульствуй! — Шварц резко дёрнул излишне впечатлительного монаха вверх, а затем вырвал копьё из рук другого, пытавшегося поразить святым огнём чернокнижника.

Паолосу бы разозлиться, что выкормыш Вараввы командует его людьми, но иррациональный ужас, который рождал в душе инквизитора один лишь вид крылатого существа, парализовал его волю и язык.

Лукреций взмахнул крыльями, раз, другой, а затем поднялся над землёй. Он медленно поднимался вверх, тяжело махая воронными крыльями. Наконец Паолос отмер:

— Нельзя дать уйти тёмному отродью! Атакуйте! — хрипло приказал он.

Монахи вскинули копья, осветив небо яркими вспышками белого огня. Большинство залпов взорвалось, так и не задев мага, но один из выстрелов всё же смог прорвать защиту чернокнижника. Тот, пытаясь сохранить равновесие, яростно захлопал крыльями, роняя вниз обгагрённые кровью перья.

Одно перо, крупное — такое вроде бы называют маховыми, спланировало под самые ноги Паолоса. Тот машинально нагнулся и хотел было поднять его, но стоило ему коснуться пера, как невыносимая боль пронзила тело инквизитора. Паолос Доргарсон рухнул, так и не успев издать ни звука и уже едва ли будучи живым.

Лукреций Горгенштейн был влюблён в Тьму, и она, кажется, отвечала ему взаимностью. Так, по крайней мере, он думал всегда. Чувствуя себя единственным, чувствуя себя избранным. Это чувство единения, близости с нечто большим, чем он сам, было самым большим сокровищем в жизни мальчика, оправдывая все жизненные неурядицы. Лука готов был на всё ради Тьмы, в конечном счёте, даже отказаться от себя.

Но сейчас, позволив *Тьме проявиться*, юноша чувствовал себя разочарованным. **Преданным и обманутым.** Потому что для своей богини он был одним лишь из многих человечков, глупых и нелепых. Он не был её возлюбленным, он даже не был её слугой. Лишь орудием, средством для достижения собственных целей. Здесь не было любви и заботы, он всё это выдумал, желая стать кем-то особенным для богини. Как **Иероним** когда-то. Но у того хотя бы осталась собственная воля, чтобы отвернуться от лживой богини. А у Луки не было даже этого.

*«Я не хочу. Не хочу! Отпусти меня!»*

Вот даже если Тьма и слышала мольбы человечка, едва ли она собиралась к ним прислушивалась. У Тьмы были свои планы, в которые отнюдь не входило уничтожение этого города.

Глазами Луки, воспарившего в небе, смотрела Тьма на столицу внизу. Город, полный людей, считающими себя заслуживающими спасения. Ищущих благодати, но всё больше погрязающих во лжи. Гнавших и уничтожавших её посланников.

Но Тьме не нужна была месть. Она просто не знала она подобных человеческих слабостей. Ей нужно было лишь восстановить баланс, вернуть человечеству утраченное им

знание. Тьма искала души, в которых пока только разгоралась искорка магии, юные сердца, способные принять её дар.

И когда Тьма нашла их всех — ждущих своего рождения в материнских утробах, спящих в колыбелях и родительских кроватях, ей нужно было лишь вложить в их сердца **искру**, семя, которое взойдёт спустя годы. Но что десятилетия для той, что ждала своего триумфального возвращения веками? Мир изменился за одно лишь мгновение, пусть пока и не знал об этом.



*Брат мой, брат  
Огонь поднебесный,  
Мне ответь — где ты отныне?  
Молний ряд  
Был тебе тесным,  
А теперь — не тесно в камине?  
Я ушел, и теперь не жди,  
Отсвет молнии впереди  
Это все, что тебе дадим;  
Ты теперь один...*

«Холодно. Почему так холодно?»

Августин с трудом разлепил глаза, пытаясь понять, где он. Потёртые обои в пошлый цветочек, трескающаяся побелка на потолке, застоявшийся запах плесени. Он дома. Не в поместье Горгенштейнов, а в том доме, где он жил последний месяц с лисичкой Лейлой. Одежда всё ещё была мокрой, а влага не высохла с лица, значит, прошло не так уж много времени с тех пор, как он покинул Улькире. Видимо, Лейла последним усилием перенесла его обратно.

Ави уселся, потирая раскалывающийся затылок. «Неслабо же меня приложили...» Придерживаясь стеночки, Горгенштейн встал.

— Лейла? — негромко позвал он. — Милая, ты где?

Тишина угнетала. В бесплодных попытках Августин заглянул под ветхую кровать, в платяной шкаф, поворошил холодные угли в камине. Он не хотел, не мог признать, что огненный дух покинул его, или же вовсе погиб, истратив все свои силы на глупого слугу...

— Пламя! Нужен огонь, иначе она не захочет вернуться! — лихорадочно воскликнул Августин.

Мошенник всегда держал в своей квартирке с нерационально большим камином запас дров, на тот случай, если нужно было развести огонь. Лейла не любила холод, и мёрзла даже летними ночами, да и Августин уже привык к постоянной жаре от натопленного камина.

Чиркнув спичкой, Августин осторожно раздул огонь, аккуратно подкладывая сухие и ломкие веточки в камин. Спустя несколько минут жёлтое пламя уже весело полыхало, ярко освещая комнату. Вот только Лейлы всё так и не было.

Августин пустым взглядом смотря на пламя и не знал, что ему делать дальше. Мокрое платье на нём постепенно начало сохнуть, источая весьма неприятное амбре. И как бы не был Августину плохо в этот момент, позволить остаться себе в грязных тряпках он не мог. Медленно, стараясь не потревожить ссадины и синяки, он развязал шнуровку на груди, и начал стаскивать его через голову. И хотел уже отбросить в сторону, но заметил, что к линялому тёмному воротнику платья пристал клочок белой лисьей шерсти. Аккуратно отцепив от воротника шерстинки, Августин задумчиво поднёс их к лицу. «Последнее, что от неё осталось...»

Ведомый то ли глупой надеждой, то ли наитием, он подкинул клочок в огонь. Тот вспыхнул, и... ничего не произошло.

— Идиот, — невесело улыбнулся собственной глупости Ави, опускаясь на пол и утомлённо закрыв глаза. Он так и заснул сидя перед камином. А между тем среди красных и жёлтых языков пламени всё больше и больше проскальзывали синие искры.

Брат мой, брат,  
Душа водопада,  
Мне ответь — где твоя радость?  
Как же так  
Наполнилось ядом  
То, что пело, то что смеялось?  
Я ушел, и теперь не жди;  
След размоют весной дожди  
Средь воды и звенящих льдин  
Ты теперь один.

Лавель потерянно стоял рядом со Шварцем Йоханом, совершенно не зная, что ему делать. Августин исчез в синем пламени лисицы, уничтожившей перед этим двух монахов, кинувших сеть. Лукреций превратился в непонятно что и в прямом смысле воспарил в небеса. Паолос был мёртв, а Жерар всё ещё был без сознания.

— И что теперь? — задал вертящийся на языке Лавеля вопрос Тройгар.

— Да ничего, — устало вздохнул Йохан. — Отправляемся обратно. Соорудите носилки, нам нужно будет забрать все тела с собой. Тройгар, ты можешь послать весть, что чернокнижник сбежал? Пусть Варавва отправит своих людей на его поиски. И нужно будет организовать помощь тем, кто пострадал от ведьмовской гнили.

Тройгар кивнул, а следователь повернулся к Лавелю.

— Ну и что ты думаешь?

— Что? — растерянно переспросил Лавель.

— Куда, ты считаешь, твой брат пойдёт... точнее, полетит, и что он будет делать?

Лавель Горгенштейн с прохладцей взглянул на своего старшего коллегу:

— Не вы ли говорили, что я не слишком объективен в том, что касается родственников? Простите, но... едва ли окажусь для вас полезен. Хотя вы и так лишь видели во мне лишь заложника, надеясь, что моё присутствие заставит Лукреция сдерживать свои силы.

— Но ведь так и получилось? — вскинул брови Шварц. — Нежели вы не рады, что большинство из нас остались живы? Да и проклятье удалось предотвратить.

— Надеюсь, это окажется достаточным, для того, чтобы ваше начальство осталось вами довольны, — сухо сказал молодой священник.

— Не беспокойтесь. Я отмечу вашу с Леком лояльность.

Лавель скривился как от зубной боли.

— Простите, если я вам не нужен, могу ли я пойти домой? Я беспокоюсь о домашних.

— Разве ваша семья не собиралась покинуть город? — проявил удивительную осведомлённость Шварц.

— Я должен сам в этом убедиться.

— Что ж, вы можете идти. До встречи, — Йохан пожал Горгенштейну руку, и тут же и отвернулся, заговорив с Тройгаром.

На полпути к дому Лавеля догнал Жерар.

— Ты уже очнулся! — Лавель вполне искренне обрадовался магу. — И вполне себе живчик! Как ты?

— Мог бы и подождать, — проворчал Лекой. — Нормально. Магичить я конечно ещё несколько дней нормально не смогу, да и простуду, кажется, подцепил, но в остальном всё в порядке.

— Тебе стоит пойти домой, — мягко сказал Лавель.

Маг упрямо тряхнул спутанными каштановыми волосами.

— Не хочу. Всё равно... всё равно там никого нет.

— Думаешь, твоя тётка...

— Она не такая идиотка, чтобы возвращаться туда, где её могут найти. Тем более что Шварц узнал её.

— Возможно, он не выдаст Делию, — задумчиво предположил священник. — Тем более что тут столько всего произошло, что всем будет просто не до неё. Столько людей погибло...

— Я слышал про Луку, хотя это и невероятно... Но, он всегда умел меня удивлять, — хмыкнул Жерар Лекой. — А Августин? Когда я очнулся, его нигде не было.

Лавель помрачнел.

— Он просто исчез в пламени. Раз — и его же нет.

В задумчивом и тревожном молчании они дошли до особняка Горгенштейнов. Дверь дома, к удивлению и тревоге Лавеля, была не заперта. Он переглянулся с Жераром, и они, стараясь не шуметь, зашли внутрь.

В доме было пусто и темно, лишь где-то на втором этаже тускло горел свет. Не сговариваясь, Горгенштейн и Лекой поспешили наверх.

Свет горел в комнате Августины. Сама хозяйка комнаты лежала на застеленной кровати, и в свете свечи лицо её казалось бесстрашной, выточенной из мрамора маской.

— Сестра! — в ужасе вздохнул Лавель, бросаясь к кровати. Он коснулся девушки, и с ужасом понял, что кожа её неестественно холодна. — Нет, нет...

— Да жива она, жива.

Отстранив плечом опешившего Жерара, загородившего проход, в комнату вошла Делия, держа в руках поднос с дымящейся кружкой.

— Вот, когда очнётся, дадите ей выпить отвара. И обязательно сводите к лекарю.

— Что с ней? И что ты тут делаешь? — хмуро спросил Лекой свою тётку, невозмутимо усевшуюся в кресло рядом с кроватью.

— Августину отравило проклятие Медеи. Но если вы сделаете, как я сказала, последствий не будет, — проигнорировав последний вопрос, ответила Делия. — Кстати, почему она здесь одна? Это немного странно.

— Поверь мне, как только она очнётся, это первое, о чём я её спрошу, — хмуро заверил Лавель, не отпуская бледную ладонь сестры. — Полагаю, это из-за её дурацкого упрямства. Наверняка отказалась уехать, когда отец приказал. Хорошо хоть, Анна оказалась не настолько дурна и забрала с собой детей.

— А что с Лукрецием и Августином? Они...

Вздыхнув, Лавель коротко пересказал то, чему он был свидетелем.

— Есть хоть какие-нибудь предложения, куда он мог подеваться? — поинтересовалась Делия.

— Шварц меня о том же спросил, и я ответил ему то же, что и вам — не знаю, —

мрачно сказал Лавель, потирая лоб.

Делия перевела внимательный взгляд на Жерара, но злить вопросами явно рассерженного на неё племянника не стала.

— Ладно, — вздохнула ведьма, легко поднимаясь с кресла и расправляя юбки. — Я пойду, пока ваши дружки-церковники не надумали заглянуть в гости.

— Пойдёшь? — спокойно переспросил Лавель. — А что же Томас?

Делия как можно более равнодушно пожала плечами, впрочем, это едва ли могло обмануть Лавеля.

— Как я уже говорил Жерару, возможно Йохан Шварц не будет распространяться о том, что он знает, кто ты такая. Так что возможно о тебе просто забудут.

Делия негромко рассмеялась:

— Это предложение стать членом вашей семьи, милый? Посмотрим, как всё сложится и для меня, и для вас. Кстати, если уж говорить о твоих беспокойных родственниках... не думаю, что вам стоит ждать, что Равель вернётся. Я его видела, и похоже, что события этой ночи изменили Равеля больше, чем кого-либо из нас.

Ведьма ушла, оставив задумчивых мужчин у кровати Августины.

— Если я всё-таки найду Луку, и он будет... в порядке, то вы сможете помочь ему покинуть Гортензу? — неожиданно нарушил тишину маг.

Лавель встрепенулся.

— Это в моих интересах, — осторожно ответил он. — А ты знаешь, где он?

— Есть некоторые предположения, — туманно ответил Жерар. — Будь на связи, и попроси Томаса всё приготовить.

Когда Жерар покинул дом Горгенштейнов, Лавель, убедившись, что Августина мирно спит, наконец смог добраться до своей бывшей комнаты и привести себя в порядок. Стянув с себя мокрую сугану и отсыревшие ботинки в ванной, он умыл лицо и руки. А затем, немного поколебавших, снял с шеи цепочку с висящим на ней серебряным пером. Взглянул на себя в тусклое зеркало и грустно подмигнул своему отражению:

— Вот и настиг тебя кризис веры, а, брат Лавель?

Брат мой, брат  
Молчание камня,  
Мне ответь, где твоя сила?  
Горных врат  
Нет больше, а мне  
Лишь остались скорбь да могила!  
Я ушел, и теперь не жди;  
Камнем сердце стучит в груди  
Скорбной памяти господин  
Ты теперь один!

Равель Горгенштейн сорвал с окровавленной шеи епископа изумрудные чётки, и не обращая внимание на неприятное жжение от прикосновения к бусинкам, положил их в карман куртки. Оружие, столь эффективное против колдунов, и, возможно, ведьм, ему ещё пригодится.

Хотя одно оружие у него уже было. Меч, пожирающий чужие жизни. Сегодня он впервые за долгое время испил крови — да ещё какой!

Впрочем, перед тем, как обезглавить Бромеля, Равель успел узнать у него весьма занимательные вещи. И больше всего из сказанного его заинтересовала история о покинутом храме.

— Место, столь тщательно охраняемое енохианцами, и столь сильно ненавидимое Медеей... наверное, стоило заглянуть туда!

Над городом поднимался рассвет, а по его улицам, фальшиво насвистывая, шёл дикий зверь в человеческом обликии.

Брат мой, брат  
Холодное сердце,  
Что мне скажешь вместо ответа?  
Как мешал боль с медом и перцем,  
Как устал лететь против ветра?  
Я ушел, и теперь не жди  
Перья крыльев моих найди;  
В облаках и среди вершин  
Ты теперь один!

В носу неприятно свербело от пыли. Лука чихнул раз, другой, а затем всё же открыл глаза.

И с удивлением понял, что он находится не где-нибудь на нижних кругах ада, как следовало бы ожидать, учитывая всё случившееся, а в тайном убежище Гохра. Живой, хоть, кажется, и не вполне здоровый, но зато явно полностью в своём уме. Более того, он был здесь не один. Прислонившись к книжным полкам, его пробуждения терпеливо ждал Жерар Лекой.

— Это ты притащил меня сюда? — хрипло спросил тёмный маг, поднимаясь с ледяного пола.

— Нет. Я уже обнаружил тебя здесь утречком.

Лука недовольно поморщился, щупая свой явно горячий лоб. «Ну вот, заболел» — с досадой подумал он, хотя недавно даже не верил, что сможет просто остаться живым. Но ведь не радоваться же теперь простуде!

— А положить на сундуки ты меня не мог?

— Извини, приятель, но что-то мне не очень хотелось к тебе прикасаться. Паолос, вот, я слышал, твоё пёрышко потрогал и тут же откинулся, — спокойно ответил Лекой, с некоторым недоверием глядя на Горгенштейна.

«Точно, крылья!» Лука, не обращая внимания на тянущую боль в шее, попытался повернуть голову.

— Да нет там у тебя ничего. Ходить тебе, как и всем смертным, ножками по земле, а не в небесах летать как птице чудесной, — фыркнул Жерар.

— Издеваешься? — холодно поинтересовался Лука.

Жерар вздохнул:

— Если бы. Скажи лучше, ты... это ты?

— Иначе стал бы я терпеть твои подколки.

— Ты помнишь, что произошло этой ночью?

Лукрецию больше всего на свете хотелось соврать в этот момент, но Жерар этого явно не заслуживал.

— Да. Большую часть. Правда, как я добрался до этого места, не представляю. Видимо искал безопасное место, — тут его внезапно осенила неприятная мысль. Ведь Жерар был тогда с инквизиторами... — Ты ведь никому не рассказывал об убежище Гохра?

— Никому. А ты?

— Не успел. Хотя в Дольхане меня спрашивали так, что будь у них больше времени, то они узнали бы и об этом, — криво улыбнулся маг.

— Значит, мы в безопасности, пусть и на короткое время.

Больше Жерар ничего не спрашивал у своего друга, как и тот у него. Утолив жажду и голод запасами, припрятанными на чёрный день в убежище, Лукреций снова лёг, провалившись в глубокий сон. Проснувшись, он обнаружил, что Жерар ушёл, оставив записку, обещавшую, что он скоро вернётся, уладив некоторые вопросы.

— Скоро — это несколько часов или несколько дней? — поинтересовался Лука у пустоты и тоскливо вздохнул.

Ожидая в одиночестве своего друга, маг не раз и не два порывался уйти. Останавливала его лишь мысль, что идти ему просто некуда. Да и чувствовал он себя так плохо, что он не мог даже читать книги, не говоря ж о каких-либо решительных действиях.

«Ничего ведь плохого не случилось, — уговаривал Лука себя. — Я остался собой, а Тьма, выполнив, что хотела, просто ушла, не причинив ни моему телу, ни моем дару никакого вреда». Он всё ещё оставался тёмным магом. И пусть почти вся его сила была потрачена той ночью, Лука чувствовал, что она постепенно восстанавливается. Возможно, он станет даже сильнее.

Но от сказанных себе слов ощущение предательства и одиночества не становилось слабее.

Лекой вернулся, принеся с собой одежду, плащ и всякие мелочи, которые могли пригодиться в дороге. Всё незнакомое, чужое.

— Я не рискнул ничего тащить из дома, — коротко объяснил Жерар. — За мной уже пытались установить магическую слежку, но у Тройгара кишка тонка со мной тягаться.

— У кого? — автоматически переспросил Лука, натягивая явно великоватую рубашку на худые плечи.

— Да у мага Вараввы. Не бери в голову, — махнул рукой Жерар.

— Надеюсь, у тебя нет серьёзных проблем из-за меня, — неловко сказал чернокнижник. Что твориться в городе?

— Плачь и похороны, — внимательно следя за реакцией Горгенштейна, коротко сказал Лекой.

Лука замер, невидяще уставившись в стену.

— Сколько?

— Несколько сотен. В основном, погибли те, кто жил в ближайших кварталах.

— А моя семья? — задал вопрос Лука, на который больше всего боялся получить ответ.

— В доме была только Августина. Она болела, но теперь в порядке. Равель и Августин же просто исчезли, хотя Делия утверждает, что Равель жив.

— Вот уж о ком я не беспокоился, — бледно улыбнулся Лукреций, испытывая огромное

облегчение. — Ави, я думаю, тоже жив. Иначе бы город пылал бы уже в синем пламени. Духи огня весьма мстительны, знаешь ли.

Мысли о том, что сама Лейла может быть мертва, Лукреций старательно гнал от себя.

Маг набросил на плечи плащ, предусмотрительно снабжённый глубоким капюшоном, и подхватил сумку.

— Мы же вроде спешили? — с фальшивой легкомысленностью спросил он у Жерара.

— Да, нам уже пора. Ответь только на один вопрос. Что ты сделал тогда, Лука? Ты проглотил так много силы... а теперь ты абсолютно пуст.

— Если я скажу, что всё ушло на нейтрализацию заклинания Медеи, ты мне поверишь?

— Нет.

— Тогда мне нечего сказать.

*«Прости, мой друг, но не стоит тебе знать о том, что сделала Тьма... что сделал я».*

Лука знал, что Жерар догадается обо всём сам, пусть и не сейчас, но когда придёт время. И уж кто-кто, а он сможет выжить, и даже преуспеть в мире, где Тьма станет не просто страшной легендой из прошлого, а неотъемлемой частью реальности.

Единственный друг Лукреция простился с ним на той же поляне, на которой они когда-то впервые колдовали вместе. Луку уже ждал его старший брат, Томас. Встретил Том его, правда, весьма неласково.

Поднявшись с земли, Лука, кривясь, потёр ноющую скулу.

— А тебе никто не говорил, что бить тёмных магов опасно?

— Старшим братьям можно. Особенно когда младшенькие зарываются, — ласково ответил Томас. — Садись в седло. Нам с тобой ещё надо добраться до берега так, чтобы нас не заметили.

— Ты берёшь меня с собой в путешествие? — с интересом спросил Лукреций, не слишком ловко забираясь на нервно перебирающую копытами лошадь, которую держал за узды Томас.

— Нет, дела требуют остаться в городе, — коротко сказал Томас. Не объяснять же глупому подростку о своих проблемах с пропавшей невестой? — Но плыть ты будешь на моём корабле.

Спустя несколько часов утомительной конной поездки, они оказались на речном берегу в нескольких милях от города. На волнах у галечного пляжа терпеливо ждала лодка, надпись на которой гласила, что она была частью «Святой Мари». Конечно же, не обошлось без занудных наставлений от старшего брата:

— ... у меня есть хорошие знакомые в Виарди, они примут тебя. Я дам тебе определённую сумму денег с собой, но ты должен тратить деньги с умом. Не смей баловаться с магией, виардцы хоть и язычники, но...

Лука послушно кивал, не слишком-то вникая в нотации Томаса. Вполне возможно, он просто не доберётся до Виарди, а даже если окажется там, едва ли задержится надолго.

Лукрецию Горгенштейну было пятнадцать, уже не ребёнок, но ещё и не взрослый, когда он окончательно понял, что всё, что происходит в его жизни, его совершенно не устраивает. Жизнь была полна разочарований, он знал это ещё с ранних лет, вот только надеялся, что когда вырастет и станет более самостоятельным, ситуация исправится.

Но только став по-настоящему несчастным, узнав вкус предательства и бремя одиночества, вынужденный покинуть свою семью и страну, Лука понял — ничего не исправится. По крайней мере, само по себе.

*«Но разве я не тёмный маг, пока ещё последний и единственный в своём роде? Тёмный, а не добыча и не жертва для алчущих силу и власть. Так зачем же мне продолжать притворяться послушным ягнёнком на закланье?». Губы мага расплылись в такой предвкушающей и зловещей улыбке, что проходящий мимо матрос схватился за висящий на груди оберег, забормотав молитву.*

— ... и не смей пугать моих людей, Лука! Хватит так мерзко скалиться! — возмущённое шипение старшего братца едва ли могло испортить настроение Лукреция, полностью погружённого в построение планов на ближайшие годы.

Новые земли и новые знания для тёмного мага, решившего перестать играть по чужим правилам. Что ж, это обещало быть интересным.

Ты смешал на углях горелых  
Явь со снами,  
Веру с любовью;  
Ты не черный — ты и не белый,  
Ты не с нами. Мы — не с тобою.

**Конец.**

P.S. В эпилоге использована песня Канцлер Ги — «Брат мой, брат»

P.P.S. Продолжение истории Последнего Тёмного вполне возможно, но во многом зависит от интереса к книге читателей. И лучший способ его выразить — это оставить комментарий к тексту.

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)